

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУССКИЙ
ФОЛЬКЛОР

МАТЕРИАЛЫ
и
ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

РУССКИЙ
ФОЛЬКЛОР

МАТЕРИАЛЫ
и
ИССЛЕДОВАНИЯ

I

Tapu
Cotton

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

≡ ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) ≡

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

*МАТЕРИАЛЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ*

I

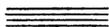
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

≡ МОСКВА · 1956 · ЛЕНИНГРАД ≡

Редколлегия:

А. М. Астахова, В. Г. Базанов,
М. О. Скрипиль (ответственный редактор)

СТАТЬИ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Ф. БАБУШКИН

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ В СОЧИНЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

(ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, КРЫЛАТЫЕ СЛОВА)

Афористические жанры русского народнопоэтического творчества изучены менее обстоятельно, чем, например, такие жанры, как сказки, былины или песни. Мы до сих пор не имеем даже сколько-нибудь удовлетворительных современных сборников пословиц, поговорок и крылатых слов, хотя в печати не раз поднимался этот вопрос.

Между тем использование пословиц и поговорок в сочинениях классиков русской литературы и многих советских писателей, В. И. Ленина, в выступлениях деятелей Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства свидетельствует о том, что афористические жанры народнопоэтического творчества являются неотъемлемой частью тех богатств, которыми пользуется русский литературный язык.

Старинные пословицы и поговорки в каждом новом случае их употребления применяются к живым фактам, явлениям, лицам, событиям. Часто из бытовой сферы, как общенравоучительные, они переходят в конкретный художественный, политический или научно-теоретический контекст, и тогда их семантические границы значительно расширяются.

В последние годы в ряде языковедческих работ ясно обозначилось совершенно определенное стремление к тому, чтобы вообще все пословицы и поговорки вывести из компетенции науки о фольклоре и оставить их в рамках только проблем фразеологии того или иного языка. Эту явно ошибочную точку зрения наиболее категорически высказал И. А. Оссоветацкий в своей в целом интересной статье «Об изучении языка русского фольклора». «Пословицу, а особенно поговорку, — говорит он, — можно рассматривать как фразеологизмы, свойственные языку вообще, а не только языку художественного произведения. И по условиям своего бытования в языке пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не „исполняются“, а существуют в языке и функционируют в нем так же, как и другие фразеологические обороты. Думается, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом».¹

И. А. Оссоветацкий безусловно прав в том, что пословицы и поговорки никогда не «исполняются», но, как известно, этот признак не является единственным при определении принадлежности тех или иных произведе-

¹ «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 98.

ний к народнопоэтическому творчеству. Одним из важнейших признаков этого фольклорного жанра является коллективность создания и коллективность хранения. Если даже поговорка или поговорка, меткое изречение или лозунг-призыв созданы отдельным лицом (писателем, политическим деятелем), то и они, принятые народными массами, становятся поговорками, изречениями самих этих масс, народ в данном случае становится коллективным носителем и хранителем этих созданий. Вряд ли, таким образом, можно вместить в лингвистические рамки все вопросы исследования той социально-исторической среды, того коллектива, который породил или который хранит те или иные поговорки, лозунги, крылатые изречения и слова.

Пословицы, поговорки и крылатые слова нередко являются источниками исследований в области социально-экономических наук. При исследованиях вопросов истории труда, быта, морали и психологии, религии и атеизма, философии и логики, политики и права очень часто привлекаются произведения этого народнопоэтического жанра. Таким образом, ни одна частная наука не может претендовать на монопольное изучение этой фразеологии, порожденной самими народными массами на протяжении их многовековой истории. Народнопоэтическая фразеология в целом выступает поистине поэтическим образцом общенародного языка и выражением народной мудрости, демократических идей и высоких моральных правил, хотя иногда знакомая народнопоэтическая форма и использовалась в антидемократических целях.

В поговорке или поговорке мы находим отражение определенных условий труда, быта и морали конкретной социальной среды, определенную идею, мысль, образность, особый ритм, а иногда рифму или ассонанс, аллитерацию, что в целом образует не простое изречение, афоризм. в обычной логической форме, а особый поэтический жанр, трудно дающийся даже большим художникам слова. (Вспомним известные слова А. С. Пушкина о поговорках: «Что за золото! А не дается в руки, нет!»).

Умение использовать поговорки и поговорки, создавать по их типу новые фразеологические образования, мыслить афористически, владеть искусством «экономии слова, речевой сжатости и образности» (М. Горький), — все это является показателем высокой культуры языка и мышления.

В сочинениях В. И. Ленина, являющихся образцами русской языковой культуры, отразились огромные богатства лексики и художественных особенностей русского языка. Использование различных фразеологических образований в сочинениях В. И. Ленина уже привлекало внимание исследователей, и советская наука по этому вопросу собрала довольно обширный материал.²

² Укажем некоторые работы, в которых рассматривается вопрос об использовании В. И. Лениным русской и иностранной фразеологии и, в частности, поговорок и крылатых слов: Александр Цейтлин. Литературные цитаты Ленина. М.—Л., 1934; М. В. Нечкина. Гоголь у Ленина. Изд. Академии Наук СССР. М.—Л., 1936; Е. М. Рыт. Ленин о языке и язык Ленина. М., 1936; Ленин и «Горе от ума». Сообщение А. Цейтлина. «Литературное наследство», 47—48; А. С. Грибоедов, Изд. Академии Наук СССР, М., 1946, стр. 265—276; Б. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы. М., 1947; Н. Ф. Бабушкин. Русский народный эпос в сочинениях В. И. Ленина. «Труды Томского Гос. университета им. В. В. Куйбышева», Томск, 1948. т. С, стр. 3—19; Н. Ф. Бабушкин. Народные гимны и песни в сочинениях В. И. Ленина. «Томск», альманах, 1948, № 3, стр. 66—80; В. Вамперский и Н. Толстой. Классики марксизма-ленинизма о народном творчестве. «Вестник Московского университета», 1949, № 12, стр. 190—191; А. Ефимов. О языке пропа-

Афористические жанры народнопоэтического творчества и примыкающие к ним книжные образования, получившие в общенародном языке повсеместное хождение, использованы В. И. Лениным во всех его работах, начиная от крупнейших философских и экономических трудов и кончая небольшими заметками и письмами. Таким образом, это использование является постоянной чертой его литературного стиля. Некоторые труды В. И. Ленина особенно характерны в этом отношении: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (10, 175—250), «Русский радикал задним умом крепок!» (11, 209—212), «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)» (32, 308—343) и др.³ Показательно в этом отношении письмо В. И. Ленина В. А. Носкову от 4 августа 1902 года, в котором использованы следующие образцы народнопоэтической фразеологии и просторечия: «летят к чорту», «как ему бог на душу положит», «„приходится“ биться как рыбе о лед», «перебродит — и хорошее вино будет», «в нос тычут», «взяли в свои руки хозяйство „Искры“», «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», «беречь же их пуше зеницы ока», «откладывают наше дело „на потом“», «до чортиков ревнив», «взяться за дело «цепко, руками и зубами», «знающий ее подноготную», «это было бы началом конца», «дикий („wild“) чересчур» (более 15 раз на 4 страницах печатного текста, 34, 89—92).

В. И. Ленин очень часто в качестве заглавий статей употреблял пословицы, поговорки и крылатые слова или же стилистически строил заглавия по типу этих афористических жанров. В этом проявлялась в какой-то мере традиция русской классической литературы и публицистики: у А. Н. Островского не менее 20 пьес в качестве заглавий имеют пословицы, поговорки и крылатые слова, нередко такие же заглавия у А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого и других русских писателей.

В работах В. И. Ленина встречаются следующие заглавия: «В трех соснах заблудились» (23, 77); «Журавль в небе или синица в руки» (25, 50); «За деревьями не видят леса» (25, 230); «Каша в головах» (24, 396); «Коль война, так по-военному» (30, 322); «Кукушка хвалит петуха...» (12, 276); «Les beaux esprits se rencontrent (по-русски примерно: свой своему поневоле брат)» (6, 393); «„Либеральные“ земцы уже идут на пятый?» (9, 183); «Ложка дегтя в бочке меда» (33, 331); «Лучше меньше, да лучше» (33, 445); «Лучше поздно, чем никогда» (18, 439); «Мягко стелют, да жестко спать» (12, 264); «О г. Горском и об одной латинской пословице» (имеется в виду «хорошая латинская пословица, которая гласит: „ошибаться свойственно всякому человеку, но настаивать на ошибке свойственно только глупцу“ — 19, 500); «Под чужим флагом» (21, 115); «Поспешишь — людей насмешишь» (20, 298); «Русский радикал задним умом крепок!» (11, 209); «С больной головы на здоровую» (8, 277); «Бей, но не до смерти» (заглавие первого раздела «Случайных заметок» — 4, 363); «Соловья баснями не кормят» (8, 40); «Соломинка в чужом глазу» (24, 524); «Тысяча первая ложь капиталистов» (25, 32); «Услужливый либерал» (в эпиграфе: «Услужливый Струве опаснее

гандиста. Изд. «Московский рабочий», 1951; А. И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. Изд. Московского университета, 1953; Русское народное поэтическое творчество. Том I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953, Введение, стр. 11—140.

³ Здесь и далее ссылки на работы В. И. Ленина даются по 4-му изданию «Сочинений» В. И. Ленина. Курсивом обозначен том, прямым шрифтом — страницы.

врага!» — 7, 451; ср.: «Услужливый Троцкий опаснее врага!» — 20, 417); «Что делаешь, делай скорее!» (11, 22); «Люди с того света» (26, 392) и др.

Укажем на некоторые другие примеры связи заглавия работ В. И. Ленина с народной фразеологией. Известно, что день 9 января 1905 года в народе назвали кровавым воскресеньем. По ассоциации с этим названием В. И. Ленин образует заглавия: «Канун кровавого воскресенья» (заглавие раздела статьи «Революционные дни», напечатанной 31 (18) января 1905 года — 8, 98), «Кровавые дни в Москве» (9, 308). По ассоциации с просторечной идиомой «плестись в хвосте» у В. И. Ленина дано начало заглавия: «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?» (9, 189). С явной аллюзией на традиционные образы народнопоэтического творчества и образы баснописцев дано заглавие «О лисе и курятнике» (18, 322). Использовал В. И. Ленин для заглавий с большой разоблачающей силой и диалектальную фразеологию, например: «Купецкие расчеты» (19, 39). Поучителен другой пример сатирического использования жаргона азартных игроков из числа российской знати: «Карты на стол» («Язык княжества Монако есть язык, хорошо знакомый нашей знати, господам министрам, членам Гос. совета и т. д.» — 17, 460). Ряд заглавий статей у В. И. Ленина ассоциируется с литературными крылатыми изречениями и словами: «Перед бурей» (аллюзия на «Песню о буревестнике» М. Горького — 11, 113), «Социал-демократическая душечка» (9, 384), «„Услышишь суд глупца“...» (11, 416).

В. И. Ленин, избирая в качестве заглавий афоризмы народнопоэтической речи, часто делал их лейтмотивом всей статьи и как бы тем стилистически-логическим стержнем, на основе которого раскрывалась та или иная политическая или общетеоретическая тема (ср.: «Услужливый Струве опаснее врага», «За деревьями не видят леса», «Карты на стол», «Каша в головах» и т. д.).

В. И. Ленин указывал на глубокий социальный смысл метких афористических выражений. Об этом он вполне определенно сказал в своем политическом фельетоне «Соседи по имению» (1914): «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (20, 261). В. И. Ленин также постоянно подчеркивал значимость многих пословиц и поговорок, называл их часто мудрыми, справедливыми и т. п.

Переходя к рассмотрению самого фактического материала народных афористических жанров, использованных В. И. Лениным, считаем необходимым оговориться, что в наш обзор не попадает иностранная фразеология, образцы которой если иногда и привлекаются, то лишь в связи с анализом русских пословиц и крылатых слов.⁴

Народнопоэтическая фразеология, отмеченная нами в сочинениях В. И. Ленина, для удобства рассмотрения классифицируется в следующем порядке: фразеология, которая непосредственно отражает и порицает социальную несправедливость, обнажает эксплуататорскую сущность общественного строя России; фразеология, которая в привычной традиционной народнопоэтической форме несет в себе чуждые, антинародные идеи, враждебную мораль и отражает собственническую психологию; такие случаи, в которых В. И. Ленин переключает народные афоризмы из области

⁴ См.: Н. Ф. Бабушкин. Иностранные афористические жанры народнопоэтического творчества в сочинениях В. И. Ленина. «Ученые записки Томского Гос. университета им. В. В. Куйбышева», № 24. Вопросы литературоведения, 1955, стр. 9—36.

личной морали в сферу идейно-политической борьбы; народнопоэтическая фразеология, выступающая в плане личной морали, личных качеств того или иного человека; и, наконец, рассматриваются случаи использования В. И. Лениным народных изречений в чисто служебных, литературно-стилистических целях.

Пословиц и поговорок, которые непосредственно отражают социальную несправедливость, царящую в эксплуататорском обществе, и направленных против нее, в сочинениях В. И. Ленина сравнительно немного. Эти пословицы и поговорки не требуют каких-либо разъяснений или дополнительных толкований, так как их социальная, классовая направленность четко обозначена и конкретизирована. Например, пословица «Били дубьем, а теперь рублем» исключительно просто, но убедительно передает мысль о том, что при капитализме порядки по сравнению с феодализмом изменились, но попрежнему сохранилась эксплуатация трудящихся масс.

Указанную пословицу В. И. Ленин использовал в своей работе «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», написанной в популярной форме и рассчитанной на массового рабочего читателя. Здесь Ленин, характеризуя положение рабочего, работающего на капиталистов, говорит: «Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем» (2, 20). В этой же работе В. И. Ленин сам формулирует по типу пословицы изречение: «... закон-то разрешает, да рабочие не позволяют» (2, 35), подчеркивая этим самым, что протест рабочих способен положить предел произволу фабрикантов в вопросе о штрафах.

Другая пословица, отражающая крайнюю степень бесправия трудящихся при царизме, использована В. И. Лениным для критики произвола и бесчинств «нижней полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко» (5, 267). В. И. Ленин здесь сосредоточивает внимание именно на практической стороне данной пословицы, хотя в своем содержании она отражает те наивные иллюзии, которые иногда проявлялись в народных массах по отношению к «справедливости» божественной и царской власти. Идея протеста против произвола и насилия властей утвердилась в данной пословице, и не случайно, что именно эту пословицу ввел В. И. Ленин в свою работу, рассчитанную прежде всего на рабочего читателя.

В другой своей работе, также рассчитанной на массового читателя, — «К деревенской бедноте» — В. И. Ленин в остром социальном значении перефразировал известную поговорку: «На чужой спине в рай пробраться (пролезть)». В ленинском тексте классовый смысл этого изречения четко обозначен заменой слова «рай». Здесь В. И. Ленин, характеризуя средних крестьян, говорит, что среди них «очень мало таких, которые даже и батраков или поденщиков нанимают, сами стараются на чужом труде нажитья, на чужой спине пролезть в богатей» (6, 352).

По типу народной пословицы В. И. Ленин строит свою пословицу, критикуя народнические воззрения в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». «Он, народник, заботится о народе, — иронически пишет В. И. Ленин, — он не хочет обезземелить крестьянство, он хочет, чтобы ему земли было больше (продано). Он — честный лавочник. Правда, он умалчивает о том, что земли не даром дают ся, а продают ся, — но разве в лавках говорят о том, что за товары надо платить деньги? Это всякий и так знает» (1, 347—348, разрядка наша, — Н. Б.). Так, в речи В. И. Ленина появляется словесное

выражение, подобное пословице, с сохранением свойственной многим пословицам внутренней рифмы.

В русском языке давно и широко бытует пословица «Сытый голодного не разумеет», отражающая разницу психологии богатого и бедного, собственника и труженика, раскрывающая непроходимую пропасть между имущими слоями и трудящейся массой населения. Эту пословицу В. И. Ленин привлек для разоблачения пустословия российских либеральных кругов и либеральной печати, их показной филантропии и благотворительности, не идущей дальше благих пожеланий «разобрать вопрос», «возбудить ходатайство», «просить об обследовании» и т. д. «В каждом большом городе, в любом деревенском захолустье, — иронизировал В. И. Ленин, — нет-нет да и „откроют“ ужасную, отвратительную, недостойную человека грязь, нищету, запущенность. „Откроют“, оповестят публику через „большие“ газеты, поговорят денек-другой и забудут. Сытый голодного не разумеет...» (18, 510).

В другой раз, уже в советское время, В. И. Ленин привлек эту же пословицу для показа коренного социального различия между спекулянтами и честными советскими тружениками. Перефразируя знакомую пословицу, он говорил на IX съезде РКП(б): «Мы говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулянт — трудящемуся» (30, 425—426). Здесь нет буквального повторения пословицы, но зато в словах о сытом и голодном дан ясный намек на широко известную пословицу.

Старинную патриотическую пословицу «Поднявший меч от меча и погибнет» В. И. Ленин применил против предательской раскольнической политики меньшевиков на V съезде РСДРП. Он их сурово предупреждал: «... не жалуйтесь потом на то, что поднявшие отравленный меч от отравленного меча и погибают!» (12, 386).

Хорошо уловимую социальную направленность имеют такие пословицы и поговорки, как «Не до жиру, быть бы живу», «С миру по нитке — голому рубашка», «Голод не тетка», «Волк в овечьей шкуре», «Не боги горшки обжигают», «Забегать с заднего крыльца», «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Некоторые из этих пословиц употребляются иногда без конкретной социальной окраски. В ленинских текстах им придается острое социальное значение в связи с конкретными вопросами политической и теоретической борьбы.

Широко использован В. И. Лениным аллегорический образ «волка в овечьей шкуре». В работе «О стачках» он привлечен для разоблачения либеральных басен о «добрых» фабрикантах — «благодетелях». «Очень часто бывает, что фабрикант старается всеми силами обмануть рабочих, выставить себя их благодетелем, прикрыть свою эксплуатацию рабочих какой-нибудь пустой подачкой, какими-нибудь лживыми обещаниями. Всякая стачка всегда одним ударом разрушает весь этот обман, показывая рабочим, что их „благодетель“ есть волк в овечьей шкуре» (4, 292). В работе «К деревенской бедноте» В. И. Ленин снова использует этот образ при разоблачении «сладкоречивых людей», говорящих о «выгодности», «доходности» мелкого хозяйства. «И многие наивные люди, — говорит В. И. Ленин, — не узнают волка в овечьей шкуре и повторяют буржуазный обман, думая принести пользу мелкому и среднему крестьянину» (6, 356).

И после Октябрьской революции В. И. Ленин, разоблачая обман меньшевиков и эсеров, вновь привлекает эту пословицу. Обращаясь к крестьянам, он говорит: «Крестьяне! Срывайте личину с тех волков в овечьей шкуре, которые поют сладенькие песни о „свободе“, „равенстве“, „единстве трудовой демократии“, а на деле защищают этим „свободу“ помещика

угнетать крестьян, „равенство“ богача-капиталиста с рабочими или с полуголодным крестьянином, „равенство“ сытого человека, прячущего излишек хлеба, с рабочим, которого мучит голод и безработица из-за разорения страны войной. Такие волки в овечьей шкуре — худшие враги трудящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эсерами или беспартийными, друзья капиталистов» (29, 348).

В упомянутой выше работе «К деревенской бедноте» В. И. Ленин, критикуя земские разговоры о «дешевой» покупке сельскохозяйственных орудий для помощи «всему крестьянству», иронически замечал: «Ей (крестьянской бедноте, — Н. Б.) не до плугов и не до жаток, а быть бы только живу» (6, 348). Можно с уверенностью сказать, что эта формулировка В. И. Ленина сложилась под влиянием русской пословицы: «Не до жиру, быть бы живу», которой деревенская беднота обычно характеризовала свой «достаток».⁵

Поговорка «Забегать с заднего крыльца», раскрывающая унижительное подхалимство, прислужничество перед сильными мира сего, перед богатыми, использована В. И. Лениным для разоблачения двурушничества, предательской тактики кадетов в Государственной думе, которые фразерствовали о народной свободе, «забегая с заднего крыльца» к махровому реакционеру, черносотенцу Трепову и ему подобным (15, 49).

Пословицу «С миру по нитке — голому рубашка», как и летописный афоризм,⁶ превратившийся в пословицу, «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», В. И. Ленин использовал в 1902 году в связи с вопросом о лучшей организации работы редакции «Искры» (34, 91; 6, 69—70).

Народную поговорку «Не боги горшки обжигают»⁷ В. И. Ленин использовал в статье «Как организовать соревнование?». Говоря о руководящей роли практиков-организаторов из рабочих и трудящихся крестьян, В. И. Ленин призывал их осознать свою руководящую роль: «„Не боги горшки обжигают“ — эту истину должны крепче всего зарубить у себя рабочие и крестьяне» (26, 373). В другом случае эта же поговорка использована В. И. Лениным в деловой переписке (35, 187).

В. И. Ленин, как К. Маркс и Ф. Энгельс, сформулировал или перевел с других языков множество крылатых слов, изречений, лозунгов и афоризмов, которые вошли в общенародный язык и получили широкое распространение. Так, через его сочинения вошли в народную речь в качестве лозунгов-пословиц, лозунгов-поговорок, отражающих принципы нашей социалистической морали, такие изречения, как «Религия — опиум для народа», «Кто не работает, тот не ест», «Мертвый хватает живого» и т. п., взятые им из сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Пропагандируя и широко используя народные изречения как источник народной мудрости, смекалки, остроумия, В. И. Ленин одновременно разоблачал чуждые, антинародные идеи, враждебную мораль, которые проникали в народное творчество в виде пословиц, поговорок и крылатых слов.

В. И. Ленин на II Всероссийском съезде профессиональных союзов, призывая к борьбе против старых мелкособственнических привычек и навыков, говорил: «... еще имеет место старый лозунг: „каждый за себя, один бог за всех“. Этого было слишком достаточно в каждом профессио-

⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, 1938, стр. 209.

⁶ Ср.: М. Михельсон. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896, стр. 126.

⁷ Ср. пословицу: «Не черти горшки обжигают, а те ж люди» (Собрание 4291 древних Российских пословиц, М., 1787).

нальном союзе, на каждой фабрике, которая думала сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство» (28, 403). Буквально через несколько дней В. И. Ленин писал в «Правде»: «Еще и еще раз поднимемся возможно более широкой массой для нанесения нового удара проклятому правилу старого, капиталистического общества, тому правилу, которое мы унаследовали от этого общества, тому правилу, которым каждый из нас, в большей или меньшей степени, заражен и развращен, правилу: „каждый за себя, один бог за всех“». Разоблачая меньшевиков и эсеров, спекулировавших на слове «свобода», пытавшихся уже в советское время повернуть крестьян на старый путь, к старине, В. И. Ленин говорил: «Только при капитализме так рассуждали: „Я торгую, я наживаюсь, каждый за себя, а бог за всех“» (29, 61).

Эту поговорку, унаследованную от старого общества, В. И. Ленин называл «проклятым правилом» (31, 103), «проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, кроме как к Колчаку и к старой буржуазной реставрации, не ведет» (29, 309).

В противовес этому частнособственническому принципу, «проклятому лозунгу», В. И. Ленин выдвигал новый принцип, новый лозунг, соответствующий новым, социалистическим отношениям, утверждавшимся в советском обществе, отношениям трудового коллектива, солидарности, товарищеского соревнования и дружеской взаимопомощи. Этим новым общественным отношениям, указывал В. И. Ленин, соответствует и новая мораль, и новая психология, и новые лозунги-поговорки:

«Прежде говорили: „Каждый за себя, а бог за всех“, и сколько горя из этого вышло.

«Мы скажем: „Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся“. И мы будем бороться за братский союз рабочих и крестьян...» (30, 280—281).

В другом месте, в связи с вопросом о массовых субботниках как показателях нового отношения к труду, В. И. Ленин писал: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“, чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“, правило: „каждый по своим способностям, каждому по его потребностям“, чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд» (31, 103). Так, это новое правило противопоставлено В. И. Лениным старому частнособственническому девизу.

Еще до революции, в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, говоря о разрозненных мелких производителях, кустарях, указал именно на эту среду как на источник, породивший поговорку «Каждый за себя, бог за всех»: «На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: „каждый за себя, а за всех бог“, т. е. анархия рыночных колебаний» (1, 159). Приведенные высказывания В. И. Ленина имеют особое значение: они определяют ту конкретную социально-экономическую почву, которая породила данную поговорку. Далее В. И. Ленин анализирует отношения людей в крупном капиталистическом производстве, «при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда». «Ясное дело, — говорит В. И. Ленин, — что поговорка „каждый за себя“ — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже

каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного „золотого тельца“). Характер режима совершенно меняется» (1, 159).

Частнособственническую психологию, мораль торгашей, капиталистов отражает другая поговорка, приведенная В. И. Лениным: «Не обманешь — не продашь». Разоблачая английский либерализм, лакействующий перед капиталом, в статье «В Англии» (1912), В. И. Ленин писал: «Не обманешь — не продашь, таков лозунг капитализма в торговле. Не обманешь — не получишь мандатов в парламент, таков лозунг капиталистической политики в свободных странах» (18, 246). В другом случае эту поговорку В. И. Ленин применил против меньшевиков, совершающих нечестные поступки и продающих интересы рабочего класса: «Не обманешь — не продашь, вот их девиз» (17, 327).

Для раскрытия мелкособственнической психологии, морали обывателя-индивидуалиста В. И. Ленин привлекал еще несколько пословиц и поговорок, порожденных мелкобуржуазной стихией, анархией и пошлостью мещанских собственнических кругов: «Я не я, и лошадь не моя», «Моя хата с краю», «Над нами не каплет», «После нас хоть потоп», «Хоть трава не расти».

В работе «Очередные задачи советской власти» в марте—апреле 1918 года В. И. Ленин сурово предупреждал: «Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распущенности и анархизма, мелкособственнического: „моя хата с краю“, в виде будничных, мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить, и мы ее победим» (27, 241—242).

В. И. Ленин отмечал, что еще «держится прочно мелкособственнический взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти» (27, 237). В одной из речей в Московском Совете Ленин также пользуется этой пословицей: «Враг, о котором я говорил, это стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: „урвал что можно, а там — хоть трава не расти“, — этот враг сильнее всех Корниловых, Дутовых и Калединых. Взятых вместе» (27, 205).

Для характеристики настроений определенной части крестьянства в период гражданской войны он снова применяет эту же пословицу: «Крестьяне делали все, чтобы спастись от набора, спрятаться в лесу и попасть в зеленые банды, а там — хоть трава не расти» (29, 426).

Указанные выше пословицы и поговорки В. И. Ленин широко использовал в освещении вопросов партийной борьбы; они помогали ему в борьбе против национализма, шовинизма, в борьбе за подлинные интернационалистические позиции в международной борьбе пролетариата. Разоблачая претензии бундовцев на партийную обособленность, В. И. Ленин говорил: «Проще и легче, конечно, идти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: „моя хата с краю“, как хочет теперь устроиться и Бунд» (6, 420).

Осуждая стремления «экономистов» из «Рабочего Дела» замазать вопрос об экономизме в России, В. И. Ленин иронизировал: «Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не экономисты, „Раб. Мысль“ не экономизм, в России нет вообще экономизма» (5, 407). Поговоркой «Над нами не каплет» В. И. Ленин определяет позицию кадетов (10, 194).

Поговорку «После нас хоть потоп» Ленин применяет для критики тех товарищей по партии, которые из-за отдельных вопросов текущего момента иногда переставали видеть общие и коренные вопросы борьбы партии в целом (см. письмо Центральному комитету от 30 XII 03; 34, 182).

Для характеристики мелкобуржуазных демократов из среды меньшевиков и эсеров, не веривших в пробуждение бедняцких масс крестьянства, В. И. Ленин приводил обывательскую, оппортунистическую поговорку: «На наш век хватит» (25, 286). «Увертливые фразы» Булгакова о классовом мире в деревне среди крестьянства метко разоблачаются афоризмом: «Не любо — не слушай, а...» (6, 181), причем используется только первая часть, а вторая невольно приходит на память и особенно подчеркивает критическое отношение слушателя — «врать не мешай». Для характеристики оппортунизма эсеров, боящихся вынести на суд трудящихся свои оппортунистические партийные отношения, В. И. Ленин привлекал поговорку «Сора из избы не выносить». «„Сора из избы не выносить“, это гг. эсеры умеют. Но его и нельзя им вынести, — иронизировал В. И. Ленин, — ибо кроме сора ничего нет!» (13, 139). Эту же поговорку брал В. И. Ленин и для характеристики царского правительства: «Как водится, правительство у нас и в переселенческом деле, подобно всем остальным „делам“ и „отраслям управления“, изо всех сил скрывает правду и боится вынесения „сора из избы“» (19, 161).

Не рассматривая в данной работе во всей полноте иностранные пословицы, поговорки и крылатые слова, употребленные В. И. Лениным в своих работах и письмах, мы не можем пройти мимо тех случаев, когда иностранные афоризмы достаточно обрусели, твердо вошли в русский язык и выступают в одной из традиционных форм народного творчества — в виде пословицы, поговорки или крылатого слова. Остановимся особо на широко развернутом истолковании В. И. Лениным немецкого крылатого изречения: «Peitsche und Zuckerbrot» («плеть и пряник»), разоблачающего демагогические приемы и мероприятия антинародных правительств. В работе «Проект программы нашей партии» (1899) Ленин, разоблачая абсолютизм в России, использовал и развернуто расшифровал это крылатое изречение, вошедшее в русскую фразеологию: «Пряник = подачки тем, кто из-за частичных и отдельных улучшений материального положения отказывается от своих политических требований и остается покорным рабом полицейского произвола... Плеть = усиленные преследования тех, кто, несмотря на эти подачки, остается борцом за политическую свободу... Пряник — для приманки слабых, подкупа и развращения их; плетя — для устрашения и „обезврежения“ честных и сознательных борцов за рабочее и за народное дело» (4, 216). Эта поговорка «Плетя и пряник» («политика кнута и пряника») превратилась в общенародную, она вошла в устный и письменный обиход русского языка. Свою мысль о правильной оценке политических деятелей В. И. Ленин подкрепляет латино-греческим изречением: «Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть» (16, 290).⁸

⁸ Эта пословица в вольном переводе на латинский передает греческое изречение Хилона («умершего не порицать»), упомянутое Диогеном Лаэртским.

Большой разоблачающей силы достигают в работах Ленина такие изречения-пословицы, как: «Разделяй и властвуй», «Где хорошо, там и отечество», «Кому преступление выгодно, тот совершил его» и т. п.

При помощи известного латинского изречения: «*divide et impera*» («разделяй и властвуй») ⁹ Ленин разоблачает циничную практику политики самодержавного правительства, которая основывается, с одной стороны, на мелких подачках, а с другой — на жестоких репрессиях. Разоблачая вредные теории о «смирении» самодержавия, Ленин писал: «В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконный полицейский прием: *divide et impera*, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой» (5, 56).

Для разоблачения буржуазных правительств Европы и всех шовинистов, кричавших о патриотизме, родине, о мире и т. п. в период лихорадочной подготовки к войне, Ленин использовал латинское изречение: «Кому преступление выгодно, тот совершил его», ¹⁰ а для заглавия статьи взял из него начальные слова «Кому выгодно?» (1913). «Есть такое латинское изречение, — начинает он, — «*cuī prodest*» (куи продѣст), — „кому выгодно?“. Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: „Кому выгодно?“».

«... в политике не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, кому *выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры.

«Например, „Европа“, государства, именующие себя „цивилизированными“, ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе, — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на „дредноуты“ (броненосцы новейшего типа) и т. п.

«Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз „патреотов“. Не верьте фразам, посмотрите лучше, кому *выгодно!*» (19, 33).

В. И. Ленин обогащал русскую фразеологию, вводил в широкое употребление новые или мало известные пословицы и поговорки других языков, используя их в целях политической пропаганды.

В ряде случаев народнопоэтическую фразеологию В. И. Ленин из области личной морали переключает в сферу идейно-политической борьбы. Примеров такого рода в сочинениях В. И. Ленина особенно много. В. И. Ленин владел тончайшим искусством перенесения повседневных, бытовых пословиц, содержащих мотивы личной морали, в область теории, политики и идейной борьбы. Эта черта ленинского стиля проявляется во всех его работах, как крупных трудах, так и небольших записках и письмах. Народнопоэтическая фразеология в сочинениях В. И. Ленина вносила оживление, эмоциональное усиление самого контекста (особенно в полемических выступлениях) при трактовке сложнейших вопросов теории, политики и партийно-организационной борьбы. Так, например, разоблачая

⁹ Это крылатое изречение приписывают иногда Макиавели, иногда Бисмарку, но оно исторически восходит ко времени Рима.

¹⁰ Это изречение распространилось из трагедии Сенеки «Медея» и превратилось в пословицу.

пацифизм в период первой мировой империалистической войны, отмечая, как злорадно «ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран», награвшие руки на военных прибылях, В. И. Ленин в статье «Поворот в мировой политике» иронически замечал: «На улице пацифистов нечто вроде праздника» (23, 256). В. И. Ленин часто использовал против своих идейных врагов пословицу «Утопающий за соломинку хватается», подчеркивая этим их бесполезные попытки опереться на малоубедительные доводы или факты, которые не спасают их в целом от ошибочных позиций. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» данная пословица направлена против несостоятельных аргументаций народников (1, 349, в сноске). В книге «Материализм и эмпириокритицизм», разоблачая различные ухищрения реакционеров-идеалистов, Ленин писал: «Но в высшей степени характерно, как утопающий хватается за соломинку, какими утонченными средствами пытаются представители образованной буржуазии искусственно сохранить или отыскать местечко для фидеизма, который порождается в низах народных масс невежеством, забитостью и нелепой дикостью капиталистических противоречий» (14, 294—295). В другом случае, по поводу стремления ликвидаторов «надуть русских рабочих», В. И. Ленин саркастически замечает: «Утопающий за соломинку (даже грязную и гнилую) хватается» (19, 461). На II Всероссийском съезде горнорабочих эта же пословица использована против «левых коммунистов» и «рабочей оппозиции» в связи с дискуссией о профсоюзах (32, 39). Но в другом смысле приведена эта же пословица в работе «К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства». В. И. Ленин подчеркивал при помощи ее всю безысходность и бедственность положения разоренных и обнищавших крестьян, идущих на хутора от нужды, где «они превращаются окончательно в бездомных бродяг». «Голодая и мучаясь на нищенском хозяйстве, — говорил В. И. Ленин, — они уцепились за последнюю соломинку, ради пособия на переселение, ради ссуды на устройство. Они бьются на хуторах, как рыба об лед. . .» (19, 164).

В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» пословицы привлечены для разоблачения пустых разговоров о «нормах» земли для крестьян, когда большая часть ее находится все еще в руках помещиков. «Я вообще должен предостеречь вас, господа, — писал В. И. Ленин, — от злоупотребления этими понятиями: „трудовая норма“, „потребительная норма“. . . Переносить спор на эти „нормы“, даже вообще толковать о них *теперь* значит, поистине, делить шкуру медведя, прежде чем он убит, — и притом делить эту шкуру словесно в собрании таких людей, которые, наверное, *не будут* делить шкуру на деле, когда мы убьем медведя.

«Не беспокойтесь, господа! Крестьяне сами поделят землю, когда попадет им в руки земля. . .

«Пытаются доказать, достаточно или недостаточно земли для той или иной нормы.

«К чему эти доказательства, господа? К чему эти пустые речи, эта мутная вода, в которой кое-кому легко ловить рыбу? Разве не ясно само собой, что на нет и суда нет, что крестьяне хотят земли не выдуманной, а очень хорошо им известной *соседней помещичьей земли?*» (12, 251—252).

В советское время поговорка «Ловить рыбу в мутной воде» была использована В. И. Лениным для показа «дипломатических ухищрений» врагов советской власти. «Сейчас такой момент, — писал он в мае 1918 года, —

когда в мутной воде, несмотря на сложившееся международное положение, пытались ловить рыбу и наши контрреволюционеры: кадеты, буржуазия и помещики и их первые подголоски — правые эсеры и меньшевики» (27, 330).

В другом случае эта пословица направлена у В. И. Ленина против пережитков бюрократии: «Вообще говоря, мы успели заразиться, — указывал он в 1923 году, — от западноевропейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили этим наши милые бюрократы, не без умысла, спекулируя на то, что в мутной воде подобных предрассудков им неоднократно удастся ловить рыбу; и лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась» (33, 454).

В своей полемике В. И. Ленин очень часто пользовался такими поговорками и пословицами, как: «Это еще цветочки, а ягодки впереди», «За деревьями не видят леса», «И волки сыты и овцы целы», «Чем дальше в лес, тем больше дров», «Валить с большой головы на здоровую», «Кто в лес, кто по дрова», «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет», «Ври, да знай меру», «На воре шапка горит», «Шила в мешке не утаишь», «Сесть между двух стульев», «Не в бровь, а в глаз», «Слышал звон, да не знает, откуда он», «Вертится, точно чорт перед заутреней», «Протяни палец, схватят за руку», «Пускать пыль в глаза», «Шито белыми нитками», «Рука руку моет» и т. п. Причем во всех случаях использования этих выражений В. И. Ленин усиливал иронический оттенок, имеющийся в них, переключая силу этой иронии из области быта, личной морали в область идейно-политической борьбы, часто доводя бытового юмор, безобидную житейскую иронию этой фразеологии до уровня политического сарказма. Так, например, пословица «Молодец против овец, а на молодца сам овца» у В. И. Ленина разоблачает ликвидаторов, их трусливость, боязнь масс, боязнь честно и открыто выступить перед рабочими, перед марксистами со своими лозунгами: «А перед рабочими наш ликвидатор поступает по пословице: „на молодца сам — овца“» (17, 138).

В. И. Ленин очень часто прибегает к такому именно использованию пословиц, поговорок, крылатых слов. В этом направлении, например, свыше 10 раз он использовал пословицы: «За деревьями не видят леса», «Валить с большой головы на здоровую»; около 10 раз он привел пословицы: «Вот где собака зарыта», «Это еще цветочки, а ягодки впереди», «Не в бровь, а в глаз» и т. п.

Но следует отметить, что переключение пословиц и крылатых слов с личной моралью в сферу идейно-политической борьбы у В. И. Ленина не всегда носило полемический, сатирический оттенок. Часто это переключение приводилось и с целью утверждения положительного правила поведения, а иногда и как указание, призыв (лозунг). Приведем несколько случаев и такого позитивного использования В. И. Лениным народнопоэтической фразеологии с личной моралью в вопросах политической и теоретической борьбы. В его работах, например, в качестве боевого призыва несколько раз встречается пословица «Не на жизнь, а на смерть» (старинная форма: «Не на живот, а на смерть»). Эту пословицу В. И. Ленин часто приводит в своих работах периода революционных боев 1905 года. Народная пословица, ставшая боевым революционным призывом, помогает раскрытию сущности борьбы рабочего класса с самодержавием как борьбы непримиримой, рассчитанной на полное уничтожение самодержавия, как

борьбы сил революции с силами контрреволюции. «... у нас перед глазами идет борьба двух сил, — сказано в статье „Победоносная революция“, — борьба не на живот, а на смерть... Две силы эти — революция и контрреволюция» (8, 416). Об этом же говорится и в статье В. И. Ленина «Борьба пролетариата и холопство буржуазии»: «За полную свободу, за демократическую республику, способны бороться во главе народа только рабочие, и будут бороться за нее не на жизнь, а на смерть» (8, 505). Почти буквально эти слова повторены и в другой статье в том же месяце: «Да, настоящая борьба за свободу, борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается» (8, 537). И, наконец, в том же году пословица-призыв прозвучала у В. И. Ленина в связи с историческими перспективами победы дела рабочего класса во всем мире: «Борьба идет не на жизнь, а на смерть, — борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой, народной Россией, Россией трудящихся масс...» (9, 181).

Эта же пословица использована В. И. Лениным в статье «Классовая война в Дублине» (1913) для характеристики классово непримиримых отношений между ирландским рабочим движением и ирландской буржуазией (19, 298).

К данной пословице, как боевому призыву рабочего класса и Коммунистической партии, В. И. Ленин вновь вернется в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920). «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам» (26, 372) — писал В. И. Ленин в 1918 году в своей статье «Как организовать соревнование?» Характеризуя внешнее и внутреннее положение Советской Республики в начале 1919 года, В. И. Ленин говорил: «Нас империалисты всего мира берут за горло, всеми силами военного натиска стараются победить нас, мы должны бороться, тут борьба не на живот, а на смерть» (29, 239).

В качестве призыва В. И. Ленин употребляет и многие другие народные афоризмы: «За битого двух небитых дают», «Смелость города берет», «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», «Драться до последней капли крови», «Волков бояться — в лес не ходить» и т. п. Все они зовут к смелой, самоотверженной борьбе, к терпению и выдержке, воспитывают стойкость, умение преодолевать трудности и временные поражения во имя грядущей победы. В текстах В. И. Ленина они введены в сферу идейно-политической борьбы рабочего класса и его партии против всяческих врагов марксизма, врагов революции. Такие пословицы выполняют у В. И. Ленина идейно-воспитательные функции, способствуют закалке характеров участников революционной борьбы. Большое количество пословиц, крылатых слов и изречений в сочинениях В. И. Ленина выступает в прямой своей функции — в качестве носителей определенных правил, основанных на жизненном опыте. Таковую роль играют в его сочинениях следующие пословицы, идиомы и крылатые изречения: «Без вины виноватые», «Назвался груздем, полезай в кузов», «Лучше поздно, чем никогда», «Из кулька в рогожку», «Лиха беда начало», «Насильно мил не будешь», «На ловца и зверь бежит», «Чего хочется, тому верится», «Медленно, но верно», «Не мудрствуя лукаво», «Где раки зимуют», «Первые ласточки», «Козел отпущения», «Не за страх, а за совесть», «Новая метла чище метет», «Куй железо, пока горячо» и т. п.

Последняя пословица использована В. И. Лениным в телеграмме Ливенскому исполкому, как призыв действовать без промедления, энергично,

быстро: «Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и не упуская ни минуты организовать бедноту в уезде. . .» (35, 292).

Как устоявшееся житейское правило, как вывод из практики жизни, у В. И. Ленина использована пословица «Лиха беда начало». В статье «Третий съезд» В. И. Ленин говорил о первых шагах в деле организации связи отдаленных партийных организаций с центром и отмечал: «„Лиха беда начало“, говорит пословица, а там уже видно будет, какое громадное значение имеет привычка к регулярным организационным сношениям» (8, 412). В 1905 году В. И. Ленин писал о первых успехах русской революции и вновь приводил эту же пословицу: «Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически, русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, — но „лиха беда начало“, говорит пословица» (8, 537). Интересно отметить, что сходные с данной пословицей другая русская пословица и ее французский эквивалент в текстах В. И. Ленина уже не играют роли простой иллюстрации, а имеют иронический оттенок. Разоблачая предательство кадетов, Ленин 25 июня 1906 года писал: «Только первый шаг труден, говорит французская пословица. Или по-русски: первая рюмочка колом, вторая соколом, остальные — мелкими пташечками» (11, 44). В другой статье в том же ироническом значении вместе с русским эквивалентом В. И. Ленин приводил и французский текст: «Ce n'est que le premier pas qui coûte» (11, 220).

Из приведенных примеров можно заключить, что у В. И. Ленина сходные по смыслу одни и те же пословицы выступают в разных значениях. Так, например, выражение «Лиха беда начало» выступает в функции простого, житейского, практического вывода, а выражение «Только первый шаг труден» — в ироническом значении, с переключением из области личной морали в сферу идейно-политической борьбы.

Иногда народнопоэтическая фразеология играет лишь вспомогательную роль, помогает В. И. Ленину подчеркнуть, оттенить ту или иную мысль. Очень часто в своих работах В. И. Ленин подчеркивал и выделял суть, сущность, главное в том или ином вопросе, желая отбросить второстепенное, несущественное. Это ему особенно приходилось делать в полемике с идейными врагами, которые часто пытались увильнуть, уйти от главного, затемнить коренные вопросы второстепенными, несущественными.

Очень часто В. И. Ленин использовал такие фразеологические образования, как: «Вот где соль (суть, гвоздь, корень) вопроса», «Вот где собака зарыта», «Корень зла» и т. п. Поговорку «Вот где собака зарыта» В. И. Ленин использует всегда в полемике как средство эмоционально-образного усиления текста. Полемизируя с оппортунистом ренегатом Каутским, он пишет: «Здесь зарыта собака. Все увертки, софизмы, мошеннические фальсификации для того и нужны Каутскому, чтобы отговориться от насильственной революции, чтобы прикрыть свое отречение от нее, свой переход на сторону либеральной рабочей политики, т. е. на сторону буржуазии. Здесь зарыта собака» (28, 218). В полемике с социал-шовинистами и тем же Каутским по национальному вопросу В. И. Ленин отмечал: «Здесь „зарыта собака“. Здесь гвоздь вопроса о шовинизме и разоблачении его» (22, 172). Так же использована эта поговорка в полемике с меньшевиком Мартовым в период избирательной кампании в IV Думу, когда Мартов всячески пытался выгородить продажную либеральную буржуазию: «Вот где зарыта собака! Вот в чем суть рассуждения, затемняе-

мая Мартовым» (17, 365). Из приведенных примеров видно, что в данных текстах народнопоэтическая фразеология непосредственной логической связи с излагаемыми вопросами не имеет, она привлекается в служебных целях, для эмоционально-образного усиления полемической речи.

В сочинениях В. И. Ленина есть такие случаи, когда он не берет ту или иную пословицу или поговорку в ее вполне оформленном виде, а сам создает, конструирует по ассоциации изречения, которые напоминают хорошо известные пословицы. В брошюре «К деревенской бедноте», определяя промежуточное положение среднего крестьянина между богатым и пролетарием, В. И. Ленин заключает: «Так и живет средний крестьянин: ни то рыба, ни то птица. Ни ему хозяином настоящим, заправским быть, — ни рабочим» (6, 352). Здесь мы видим перефразировку знакомой поговорки: «Ни рыба, ни мясо». Яркий пример того, как В. И. Ленин создает собственные изречения по типу известных пословиц и поговорок, мы находим в его речи по аграрному вопросу на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов (ноябрь—декабрь 1917 г.), в которой он предупреждает о необходимости постоянно помнить о защите революции, несмотря ни на какие «настроения»: «...на настроение надейся, а винтовки не забывай» (26, 289). Здесь явная ассоциация с хорошо знакомой в крестьянской среде пословицей: «На бога надейся, а сам не плошай», но ленинское изречение лишь по форме, по созвучию напоминает старинную пословицу, а по существу является боевым лозунгом в борьбе с врагами революции. Сочинения В. И. Ленина являются выдающимися образцами использования богатейших материалов эпоса, лирики, песен и афористических жанров устного народного творчества. В его сочинениях отмечено около тысячи случаев творческого употребления пословиц, поговорок, крылатых изречений и слов, идиом, созданных и хранимых народами. Как тончайший мастер, знаток русского и многих иностранных языков, он применял самые разнообразные приемы использования образно-афористической фразеологии народного творчества.

Народные афоризмы с четко выраженной социально-критической направленностью В. И. Ленин, как мы видим, делает средством агитации и пропаганды демократических идей, а сама пословица в таких случаях становится или призывом (лозунгом), или остро сатирическим средством критики социальной несправедливости, произвола властей, реакционности идей врагов марксизма. При этом В. И. Ленин часто так глубоко вскрывает смысл, содержание, которое имеет та или иная пословица, что это само по себе является богатейшим материалом для теории и истории народнопоэтического творчества.

В других случаях В. И. Ленин при помощи пословиц, порожденных чуждой народу частнособственнической идеологией, разоблачает антидемократические идеи, настроения, собственническую мораль и психологию, указывает те конкретно-исторические условия, которые породили данные пословицы. Пример с пословицей «Каждый за себя, а бог за всех» особенно показателен. В. И. Ленин писал, что на режиме «мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: „каждый за себя, а за всех бог“, т. е. анархия рыночных колебаний» (1, 159). В данном случае перед нами образец того, как следует определять социально-экономические корни происхождения тех афористических жанров народного творчества, в которых четко проявляется определенная классовая направленность. И не случайно, резко критикуя этот «проклятый лозунг» (указанную пословицу), В. И. Ленин в противовес ему выдвинул другое социалистическое правило: «Все за одного и один за всех». Это —

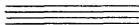
один из многих примеров того, как В. И. Ленин использует привычную образно-афористическую форму пословицы или поговорки для создания новых призывов (лозунгов). Повидимому, одним из источников афористичности ленинской речи является народное поэтическое творчество. Используя известные слова М. Горького, можно сказать, что В. И. Ленин «много учился на пословицах, — иначе: на мышлении афоризмами». В. И. Ленин часто подчеркивал мудрость, справедливость многих мыслей и правил, выраженных в народном творчестве.

В. И. Ленин не просто «цитировал» произведения фольклора, он вводил фольклорные выражения в свои тексты творчески, часто переключал их в новую сферу. Относительно этого характерного для ленинского стиля приема мы имеем крайне важное его собственное замечание. В статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» он заметил об одном крылатом изречении следующее: «Давно уже сказано, что лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели. Но это изречение относится к области личной морали. По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления» (16, 35; разрядка наша, — Н. Б.).

Выше приводилось много примеров того, как В. И. Ленин пословицы, поговорки, крылатые слова, изречения и идиомы переключал из сферы личной морали в область идейно-политической борьбы. В то же время, как мы старались показать, в сочинениях В. И. Ленина пословицы, поговорки, крылатые слова, идиомы часто выступают и в своем собственном, исконном значении. В таких случаях они вносят в текст оживление, часто придают оттенки иронии, юмора, помогая усваивать те или иные положения, замечания, критику.

В. И. Ленин также привлекал народные афоризмы как вспомогательный материал к тому или иному тексту, как материал, усиливающий экспрессивную окраску речи. При этом само по себе собственное значение афоризма не участвует в логическом изложении материала, оно лишь образно иллюстрирует текст. Эти попутные афоризмы, идиомы, крылатые слова (типа: «Гвоздь вопроса», «Здесь собака зарыта» и т. п.) помогают подчеркнуть, оттенить ту или иную мысль, но их собственно логическое значение почти игнорируется, они играют роль образно-афористического иносказательного намека, не более. Таких случаев использования афоризмов у В. И. Ленина сравнительно немного.

Изучение фактов использования В. И. Лениным различных жанров народнопоэтического творчества имеет для филологической науки вообще и для теории и истории самого народного творчества в особенности большое значение.

М. О. СКРИПИЛЬ

ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (X—XVII ВЕКОВ)¹

1

Советская фольклористика в настоящее время твердо поставлена в общий ряд исторических наук. Факты и явления народнопоэтического творчества рассматриваются ею как отражение общественной жизни народа, его мировоззрения, идеалов, оценок событий, происходящих на определенном этапе исторического развития и пр. К ней поэтому в полной мере относится основное требование, предъявляемое марксистско-ленинской методологией к наукам, изучающим общественные явления, — требование исторического подхода при изучении фактов и явлений.

Исторический подход к фактам и явлениям фольклора ставит перед советской фольклористикой во всем своем значении проблему периодизации. Периодизация должна обеспечить такое деление процесса многовекового развития народнопоэтического творчества на ряд периодов, которое дало бы возможность вскрыть характерные особенности народной поэзии в пределах каждого из этих периодов в тесной связи с историей народа и в то же время определить внутреннюю закономерность развития явлений в их специфическом своеобразии.

Одной из основных задач при построении научной периодизации развития фольклора является установление самого принципа периодизации, критерия ее. Само собой разумеется, что основной принцип периодизации народнопоэтического творчества как явления общественной жизни не может быть иным, чем тот, который кладется в основу периодизации развития человеческого общества.

Критерием периодизации истории человеческого общества как в пределах нескольких общественно-экономических формаций, так и в пределах одной формации является развитие способа производства материальных благ. Этот же критерий является основным и при периодизации истории народнопоэтического творчества. Однако, являясь основным, этот критерий периодизации не может во всех случаях считаться единственным. При изучении развития общества от одного строя к другому нельзя не учитывать различных событий политической жизни народа: образования государства, народности и нации, выдающихся этапов борьбы за независимость, народных восстаний как ярких проявлений классовой борьбы и пр. Одним сло-

¹ Доклад, прочитанный на Советании по вопросам изучения русского народного поэтического творчества (17—20 ноября 1953 года).

вом, периодизацию истории человеческого общества определенной общественно-экономической формации или ее отдельного периода нельзя ограничивать лишь указанием этапов развития базиса данной формации, не учитывая различных моментов надстройки. Ф. Энгельс в письме к Иосифу Блоху в 1890 году с исключительной ясностью раскрывает значение в историческом процессе способа производства материальных благ и различных моментов надстройки. «Согласно материалистическому пониманию истории, — писал Ф. Энгельс, — в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. . . Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является единственно определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную форму. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки. . . Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей».²

Это блестящее определение роли и значения способа производства и надстройки в историческом процессе важно, конечно, не только для периодизации истории человеческого общества в рамках определенной общественно-экономической формации или ее периода, но в аналогичном случае и для отдельных явлений надстроечного характера, в частности, — народнопоэтического творчества. Таким образом, при периодизации истории народной поэзии времени феодализма необходимо учитывать и определяющее «в конечном счете» значение феодального способа производства на каждом данном этапе и влияние на ее развитие «различных моментов надстройки».

Но народная поэзия принадлежит к сфере искусства, поэтому достигнуть правильного деления процесса многовекового развития ее на ряд этапов можно, только учитывая ее специфические особенности как коллективного и для времени с X по XVII века главным образом устного народнопоэтического искусства. При этом особенно следует иметь в виду характерное для этой области народного искусства совмещение элементов содержания и формы разных исторических периодов, далеко не равномерное развитие ее отдельных жанров, своеобразную, только ей присущую образную систему, приемы художественного обобщения и пр.

Именно исчерпывающий учет коренных причин, определяющих развитие народной поэзии, и одновременно с этим — специфических особенностей ее, как одного из явлений народного искусства, только и может привести к правильному решению вопроса ее периодизации.

Тесно связанное с определенной исторической эпохой на каждом этапе своего развития народнопоэтическое творчество выражает идеологию трудового народа этого времени. Формы, в которых находит свое выражение эта идеология, неизбежно — немедленно или с большей или меньшей задержкой — видоизменяют уже существующие жанры фольклора и вызывают образование новых жанров.

Исторически обусловленное народное сознание, находя свое отражение в фольклоре, определяет и специфические, формальные особенности его. Поэтому неправильно думать, что, исходя при определении периодов развития народной поэзии из учета ее исторического и общественно-поли-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1947, стр. 422.

тического содержания, тесно связывающего ее с тем или иным историческим периодом, исследователь тем самым отсекает себе пути к изучению ее как явления народного искусства и превращает фольклорный материал в иллюстрации к определенным историческим событиям.

Учитывая всю совокупность обстоятельств, имеющих значение при периодизации устной народной поэзии X—XVII веков, мы намечаем следующие основные периоды в ее развитии: 1) устное творчество периода древней русской народности (X — начало XIV века), воплотившее в себе те особенности, которые в последующие периоды развились в устном творчестве трех братских народностей — русской, украинской и белорусской; 2) устное творчество периода образования и развития великорусской народности (XIV — начало XVII века); 3) устное творчество времени складывания русской нации (XVII век).

Особенности каждого из указанных периодов в развитии устной народной поэзии ярче всего обнаруживаются в так называемых исторических жанрах ее — народном предании, былевом эпосе, исторической песне. Именно на них, в первую очередь, следует опираться при решении вопросов периодизации народной поэзии.

Но было бы ошибочным недоучитывать исторически обусловленных изменений в крайне обширном круге произведений обрядовой поэзии, в таких жанрах, как сказка, пословица и поговорка и пр. Во-первых, как бы ни казались некоторые из этих жанров неизменными, в действительности каждый исторический период все же кладет на них свой отпечаток. Во-вторых, любой из жанров народной поэзии занимает в ней свое определенное место, не всегда одно и то же, в зависимости от исторических условий ее развития. Не учитывая всего этого, исследователь неизбежно исказит общую конфигурацию народнопоэтического творчества определенного периода. Показать историческое развитие народной поэзии во всем его специфическом своеобразии можно только в том случае, когда учитываются все виды бытующих в устной традиции произведений. Но следует иметь в виду, что в развитии народной поэзии время от времени наступают такие моменты, когда произведения некоторых ее жанров становятся достоянием, отражают идеологию узких общественных групп, отсталых и часто враждебных народу. Тогда эти произведения выпадают из состава народных произведений и их дальнейшая судьба уже не имеет значения для истории народнопоэтического творчества. Именно такой путь в своем развитии прошел, например, духовный стих.

Периодизация исторического развития фольклора затрудняется рядом обстоятельств: и тем, что до настоящего времени еще нет литературы, посвященной разработке этого вопроса, и тем, что советская фольклористика еще только обращается к конкретному историческому изучению народнопоэтического творчества на новой методологической подлинно научной основе, и тем, что вопросы специфики фольклора еще мало уяснены. Однако было бы совершенно неправильным отказываться от постановки вопроса о периодизации на данном этапе развития советской фольклористики, даже ясно представляя себе всю условность решения его. Ведь, если правильность решения вопросов периодизации в значительной мере зависит от конкретных исследований, то в свою очередь и успех конкретных исследований определяется наличием общих представлений о периодах развития устного народного творчества. Научная разработка вопросов периодизации народнопоэтического творчества может стать мощным стимулом развития как конкретных исследований в области народной поэзии, так и фольклористики как науки в целом.

Не только теоретические предположения, но и фактический материал русской народной поэзии заставляет нас признать, что задолго до образования древней русской народности, еще в первобытно-общинный период своей истории, восточные славяне имели богатую устную народную поэзию. Первый значительный сдвиг в ее развитии был положен в период древнерусской народности. В это время (X — начало XIV века) феодализация общественных отношений неуклонно развивалась вширь и вглубь. Процесс образования классов был уже завершен, и вполне созрели условия для проявления классовой борьбы между феодальной знатью, с одной стороны, и феодально зависимыми общинниками и свободным крестьянством, с другой. Государство, опиравшееся на феодалов, было достаточно сильным, чтобы держать в узде трудящиеся массы. В интересах государства язычество, затруднявшее объединение разрозненных славянских племен в единый государственный организм, было вытеснено новой религией — христианством.

Все это (и ряд других общественных явлений классового государства) не могло пройти бесследно для тех видов устной народной поэзии, которые она унаследовала от первобытно-общинного периода, и тех, которые создавались уже в это время.

Последующая история устной народной поэзии ясно свидетельствует о том своеобразном пути, который прошли в период образования древней русской народности отдельные виды народной поэзии, унаследованные от первобытно-общинного периода. Они изменялись далеко не равномерно. Об этом можно судить по характеру изменений, происходящих в различных жанрах народной поэзии в последующие века. Так, например, большая устойчивость и консервативность обрядовой поэзии дает основания предполагать, что и через период образования древней русской народности она прошла с незначительными изменениями. Историческая же поэзия настолько сильно изменилась в это время, что мы можем только строить гипотезы о том, какой она была у восточных славян в период, предварявший образование древней русской народности. Именно историческая поэзия в устном народном творчестве древнерусского государства оказывается явлением прогрессивным, отражавшим ростки нового в сознании народных масс.

Два основных вида исторической поэзии развиваются в этот период: историческое предание и былевой эпос. «Повесть временных лет» сохранила типичные исторические народные предания, правда, в несколько измененном виде. В устной традиции до научных записей XIX—XX веков дожили многие былины, в своем содержании и, вероятно, в какой-то мере и в форме сохранившие древние черты. Все это весьма скудные источники для ознакомления с несомненно богатой народной исторической поэзией начальных веков русского феодализма.

Вследствие глубоких изменений в народном сознании, явившихся в результате медленно протекавшего процесса объединения славянских племен, старые народные предания переосмыслиются и приобретают новое значение.

Пожалуй, самой характерной особенностью большей части исторических народных преданий времени древнерусского государства является то, что они с большой последовательностью отражают идею единства русских земель.

В ряду преданий этой группы особый интерес представляет предание о троекратной мести Ольги древлянам за убийство Игоря. Оно глубоко архаично по своему содержанию и форме. Представление о межплеменной розни полян и древлян найдено в нем свое яркое выражение. И в то же время это предание не чуждо идеи единства русских земель. Конечная цель похода Ольги на древлян — это не месть, а восстановление власти киевских князей над покоренным, вновь восставшим племенем. Ольга говорит жителям Искоростеня, упорно защищавшим свой город: «Что хотите досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хотите изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». И ниже: «Уже не хошю мѣщати, но хошю дань имати». Почвой для создания предания об Ольге послужили впечатления от ее энергичной деятельности по установлению оброков и дани с покоренных племен, в частности, с древлян, впечатления от ее военных походов, благодаря которым она держала в своих руках покоренные народы.

Другая часть исторических народных преданий, бытовавших в устной традиции этого периода, была тесно связана с борьбой восточнославянских племен, а затем — русского народа с многочисленными внешними врагами. Одни из этих преданий относятся к более раннему времени, до образования древнерусского государства, другие — к княжению Святослава, Владимира Святославича и пр. Но все они в том виде, в каком мы их знаем, свидетельствуют об определенном уровне народного самосознания, хранят представления о единстве русского народа. Самый факт существования в народной памяти таких преданий, как предание о гибели обров, угнетавших племя дулебов, о борьбе полян с хозарами говорят о том, что в народном сознании Киевской Руси восточнославянские племена предстают как части единого народа и что поэтому прошлое каждого из них достойно внимания и в новых исторических условиях.

Из всей массы исторических народных преданий, обращавшихся в устной традиции в период древнерусской народности, наиболее типичными являются те, в которых речь идет о борьбе русских с печенегами, а затем — татарами. Мы имеем в виду предания об осаде печенегами Киева в отсутствие Святослава, об осаде Белгорода, об «основании» Перяслава и пр. Это самый поздний по времени создания слой исторических народных преданий, вошедших в «Повесть временных лет». В них нет уже никаких отголосков межплеменной розни, никаких упоминаний о местных событиях из жизни отдельных племен. Все они отличаются ярко выраженным патриотическим характером. Единую русскую землю, единый народ защищают их герои.

Таким образом, историческое предание в устной традиции периода древней русской народности проходит знаменательный путь своего развития. Народное предание отражает процесс образования и развития самого древнерусского государства — от племенной раздробленности к государственному единству, от первобытно-общинного строя к классовому феодальному обществу с новыми понятиями и представлениями. Идея единства русской земли, идея единства народа, его этнической общности, высокая оценка русского человека, — все это вошло в предания в период древнерусской народности.

Если народные предания этого времени претерпели значительные изменения, то это еще в большей мере относится к былевому эпосу, так что о его исконных формах, унаследованных от периода, предварявшего возникновение древнерусской народности, можно только делать предположения на основе былин более позднего времени. Но было бы неправильным

утверждать, что самое зарождение былевого эпоса относится к периоду образования древней русской народности, что эпос не имеет корней в эпической поэзии восточных славян более раннего времени, в поэзии эпохи славянского единства. В действительности он усваивал старую эпическую традицию, но путем глубокого, радикального изменения ее.

Научный анализ былевого эпоса достаточно убедительно показывает, что эта эпическая традиция была. Былевой эпос в своем содержании имеет некоторые особенности, возникновение которых трудно обнаружить в условиях древнерусского государства и необходимо отнести к более глубокой древности. Таковы, например, сюжеты русских былин о змееборце, о добывании невесты силой и пр. Сюжеты о змееборце русских былин в до-революционной фольклористике обычно рассматривались как своеобразные вариации «бродячего сюжета о змееборце», наиболее типичным образчиком которого в эпосе европейских народов считалась так называемая «георгиевская легенда». Они не изучались на широком фоне русского фольклорного и этнографического материала в связи с народными преданиями, обычаями и верованиями, в связи с общим процессом образования русской культуры. А между тем такое изучение этих сюжетов показало бы, как часто в различных областях искусства, литературы и фольклора русского средневековья встречается тот же образ огненного летающего змея, который входит в сюжет о змееборце былинного эпоса.

Само собой разумеется, что глубокое проникновение образа огненного летающего змея в различные области народного искусства нельзя считать случайным и нельзя объяснить влиянием извне. Он связан с народными представлениями, уходящими в глубокую древность. Раннее происхождение образа огненного летающего змея особенно убедительно подтверждается широким распространением его в народных песнях болгар и сербов. Поэтому можно предполагать, что русские былинные сюжеты о змееборце — это дальнейшее развитие сюжетов даже не восточнославянских эпических песен дофеодалного периода, а песен эпохи славянского единства.

Существование в раннефеодальный период народных эпических произведений о добывании невесты силой также не должно вызывать сомнения, так как влияние их ясно ощущается в таком, например, произведении, как известная «Корсунская легенда» даже в кратком изложении ее в «Повести временных лет». Наличие в эпосе сюжета о добывании невесты силой можно объяснить только ранними, сложившимися еще до образования древнерусского государства представлениями народа. Он также унаследован русским фольклором по традиции.

Число примеров, аналогичных этим, можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы утверждать, что былевой эпос периода образования древнерусской народности рос и развивался, не порывая связей с эпической традицией более раннего времени.

Но это было не прямое продолжение традиций, сложившихся в эпической поэзии восточных славян или унаследованных ею от поэзии эпохи славянского единства, а скорее — борьба с ними и в процессе этой борьбы создание новых эпических форм и образов для выражения новых идей, самое возникновение которых обуславливалось жизнью народа в иных исторических условиях.

Можно предполагать, что уже в период древнерусской народности стали складываться те особенности былевого эпоса, которые являются наиболее характерными для него и в последующие века. Так, именно в это время были заложены начала глубокого историзма русского былевого эпоса. Ко-

нечно, историзм былевого эпоса обнаруживался не в том, что былины возникали «по поводу конкретных исторических лиц и событий».³ Такой прямой историчностью рассказа былины не отличались в ранний период своей жизни, как не имели они ее и позже. Они отражали народное отношение к историческим событиям, давали народную оценку их, выражали народные чаяния и ожидания. Точно так же и деятельность конкретных исторических лиц не являлась предметом их рассказа. У них всегда был один единственный герой — сам народ, создатель своей собственной, исторической судьбы.

Былины этого периода говорят только о настоящем, они не обращаются к далекому прошлому, не помнят жизни русского народа периода до образования древнего русского государства. «Все симпатии народа, выраженные им в былинах, — говорит академик Б. Д. Греков, характеризуя былевого эпос в целом, — относятся именно к Киевскому государству, к моменту его расцвета, т. е. к княжению Владимира Святославича прежде всего... А почему это так, почему народ с явными симпатиями отнесся к этому времени, станет нам ясно, если мы дадим себе труд сопоставить условия жизни русского народа до образования Киевского государства со временем существования этого государства».⁴ Связь былины со временем Владимира, таким образом, исторически обусловлена. Эпос периода образования древней русской народности возникал и развивался как отзвук исключительных в исторической жизни народа событий, и рассказ о них в нем связывался со временем Владимира, как временем народной силы и величия. Но героем его был народ, а не князь Владимир.

Антагонистические классовые силы изображаются в эпосе в совершенно определенном соотношении. Богатыри всегда на стороне народа, а не на стороне его врагов. Они совершают подвиги, защищая общенародные интересы, а не интересы феодальной верхушки общества. В классовой борьбе периода древней русской народности эпос выражает мысли и чувства народа. Врагами народа в нем изображаются не только захватчики и насильники, ищущие военной добычи и русского полона, но и ближайшее окружение великого князя — бояре, мешающие богатырям защищать родину. Сатира, которая является характерной чертой былевого эпоса уже на этой ранней стадии его развития, направлена в нем не только против врага внешнего, но и против врага классового, не щадит она и самого князя Владимира.

Основная особенность эпоса этого времени, таким образом, состоит в решительном переходе от изображения таинственных сил природы и борьбы с ними к изображению борющихся исторических сил. Старые образы эпоса переосмысливаются, а новые создаются в этом направлении. Историзм нашел свое выражение не только в изменении содержания и идейного смысла эпоса, он глубоко потряс и изменил всю его образную систему.

Говоря о развитии религиозных и мифологических представлений народов, Ф. Энгельс указывал на постепенный переход от отражения в сознании людей в фантастических образах «внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни», к отражению сил общественных, «которые противостоят человеку и господствуют над ним, оставаясь для него вначале такими же непонятными, чуждыми и обладающими видимой естественной необходимостью, как и силы природы». И ниже Ф. Энгельс так резюмирует свою мысль: «Фантастические образы, в которых сначала от-

³ История русской литературы, т. I, Изд. Академии Наук СССР, 1941, стр. 238.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, 1949, стр. 7.

ражались только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил».⁵ Аналогичные процессы происходили и в развитии былевого эпоса времени древнерусской народности.

Широкое бытование сказок разных видов в устной традиции периода древнерусской народности не вызывает сомнений. О наличии в это время сказок можно судить как по ряду летописных повествований, в которых весьма явственно проступают следы сказочной поэтики, так и по тем сказочным элементам, которые встречаются в сюжетах и композиции былин, предположительно относимых к этому же времени.

Среди сказок этого периода была целая группа сказок, сложившихся в доклассовый период жизни восточнославянских племен. В них еще сохранились представления о производственной деятельности, семейных и общественных отношениях и верованиях людей периода первобытно-общинного строя.

Вторая группа сказок, бытовавших в устной традиции Киевской Руси, это — новые сказки, слагавшиеся в период распада первобытно-общинного строя и в феодальном обществе древнерусского государства. Эти сказки отражали новые условия трудовой жизни народа и новые общественные отношения между людьми. Было бы ошибкой пытаться точно определить те сказочные сюжеты, которые сложились в это время. Но вполне позволено указать на те виды сказки, возникновение которых можно уже отнести к периоду распада первобытно-общинного строя и зарождения феодализма, а также на характер конфликтов, которые определили собой развитие сюжетов этих новых сказок.

Можно предполагать, что на грани образования древнерусского государства и в первые века его исторической жизни возникали такие сказки, для которых характерны образы очеловеченных животных. Сказки о животных, имеющих характер человека, даже представляющих его определенные типы, сказки, раскрывающие образы животных в сложных «житейских» конфликтах и ситуациях, — это, конечно, уже явление фольклора классового общества или жизни восточных славян на грани образования государства. Их возникновение или бытование в обществе возможны только при высоком уровне развития человеческого общества.

Можно предполагать, что ко времени древнерусского государства относится возникновение и сказок новеллистических. Для них характерно отражение таких семейных и общественных конфликтов, которые могли возникнуть только в классовом обществе. Как бы ни были разнообразны фабулы этих сказок, в основе изображаемых в них конфликтов всегда находится представление об имущественном или социальном неравенстве людей.

Наряду с народными преданиями, былинами и сказками в период древнерусской народности широкое распространение имели и другие виды устной народной поэзии: пословицы, поговорки, загадки, заговоры, бытовые и календарные обрядовые песни и пр. У каждого из них была своя историческая судьба. Однако все они подчинялись тем общим тенденциям развития устной народной поэзии этого времени, которые особенно ярко сказались на жизни исторического предания, былины и сказки. Новые понятия и представления, мысли и чувства народа, возникавшие в новых исторических условиях, в которых жила в это время трудящаяся и эксплуатируемая масса, постепенно вытесняли из произведений и этих

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 322.

видов, как и из народных преданий, были и сказок, все то, что в них было связано с бытом и отношениями между людьми первобытно-общинного строя и родо-племенных объединений.

Итак, главной особенностью устной народной поэзии периода древнерусской народности, позволяющей выделить ее в особый раздел, является ее новое качество, резко отделяющее ее от фольклора первобытно-общинного строя. Период древнерусской народности был временем становления русской народной поэзии. В этот период складывались основные, характерные особенности ее. Из поэзии разрозненных или входящих в родо-племенные объединения восточно-славянских племен она становилась народной поэзией единого русского народа. В своем развитии она отражала, с одной стороны, ломку старых общественных отношений восточных славян дофеодального периода, а с другой, формирование новых отношений в условиях феодального общества. Осмысление и оценка сказителями и певцами с позиций трудового народа политических явлений новой исторической действительности, новых отношений между людьми, слагавшихся в условиях растущего феодализма и обострявшейся классовой борьбы, определяли содержание и идейный смысл народной поэзии этого периода. В ней рано прозвучали новые передовые идеи единства русских земель и этнической общности русского народа, идеи глубоко патриотические.

Именно осознание русским народом своей этнической общности обуславливало создание в народной поэзии образа эпического Киева как символа всей Русской земли и эпического киевского князя Владимира как выразителя единства Руси. Как прямое следствие осознания русским народом своей этнической общности уже в этот период в народной поэзии складывался образ богатыря-защитника всего русского народа, всей Руси, а не какого-либо обособленного феодального княжества.

Фантастические образы былевого эпоса теряли свое значение символов таинственных сил природы и становились «представителями исторических сил».

Устнопоэтическое творчество периода древнерусской народности является основой устной поэзии трех братских народов: русского, украинского и белорусского. В этом одна из причин поразительного сходства и внутреннего единства устной русской, украинской и белорусской поэзии.

Устная народная поэзия этого времени, возникая из условий жизни трудящейся и эксплуатируемой массы, выразила именно ее, а не чьи-либо иные жизненные интересы. Поэтом уже в это раннее время устная поэзия, поддерживая все новое и прогрессивное в историческом процессе, в то же время растила элементы критики эксплуататорской сущности феодального строя.

В развитии этих основных тенденций, кажущихся на первый взгляд противоречивыми, — ее история.

3

Устная народная поэзия на протяжении всего длительного периода образования и развития великорусской народности (XIV—начало XVII века) отличалась в известной мере цельностью и единством в идейном и в художественном отношении.

Положение народа, национальное бытие, круг идей, волновавших трудовой народ в долгие столетия татаро-монгольского ига и растущей феодальной эксплуатации, а затем национальный подъем, сопровождавший создание и укрепление централизованного Русского государства, — все это нашло свое отражение в устной народной поэзии этого времени. В ней

народ обнаружил свои духовные силы, национальное достоинство. Еще более ярко, чем в предшествующий период, народ выразил в фольклоре осознание своего единства, постоянную готовность к национально-освободительной борьбе, глубокий оптимизм.

Устная народная поэзия XIV—начала XVII веков была разнообразна и богата. В ней сохранялось народнопоэтическое наследие предыдущего периода, постепенно творчески перерабатываемое применительно к новым запросам народа. Она непрерывно обогащалась как за счет новых произведений ранее определившихся жанров, так и за счет произведений новых жанров, создаваемых в это время, например исторической песни, духовного стиха и пр.

Причины цельности и единства устной поэзии этого времени многообразны. Народ оставался эксплуатируемой массой и во время феодальной раздробленности страны, и во время образования и укрепления централизованного государства, и в деревне, и во вновь создаваемых городах, слободах и посадах. А наряду с этим он справедливо продолжал считать себя создателем своей истории, защитником своей родины. Свои мысли и чувства, чаяния и ожидания, общественные, исторические и политические взгляды, морально-религиозные и бытовые представления и понятия, вызываемые этим его социальным положением, он выражал в сотнях и тысячах вариаций в былинах и песнях, в преданиях и сказках, в пословицах и поговорках и т. д. В результате этого создается картина большой цельности и единства народнопоэтического творчества на протяжении всего этого длительного периода.

Это впечатление еще усиливается вследствие специфических особенностей фольклора. Фольклорные произведения в это время несут значительные общественно-бытовые функции, так как народ все еще выражает свои взгляды и представления не в литературе, а главным образом в своей устной поэзии. Народ бережно хранит ее в своей памяти. Это особенно относится к тем народнопоэтическим произведениям, которые принадлежат к ведущим «историческим» жанрам. Их народ расценивает как источники своей истории. Новые понятия и представления народа, его мысли и чувства постепенно проникают в них, изменяя их содержание, характер образов и идейный смысл их в целом. Но вследствие того, что в сознании народа эти произведения продолжают оставаться свидетельством о прошлом, процесс их обновления не доходит до конца. Старое, традиционное не всегда и не во всем снимается и существует наряду с новым.

Вследствие этой специфической особенности устная народная поэзия XIV—начала XVII веков, особенно в своих исторических жанрах, отличается известной устойчивостью, цельностью и единством, несмотря на свое постоянное обновление.

Кроме этого, были особые исторические причины, которые обусловили целостность фольклора на протяжении всего периода великорусской народности.

С XIV века уже начинается постепенное изживание феодальной раздробленности и процесс феодальной концентрации русских земель вокруг усиливающейся великокняжеской власти, что в конечном счете приводит к созданию централизованного Русского государства. Во времена феодальной раздробленности Руси местная обособленность сказалась в различных областях жизни и культуры отдельных русских княжеств — в экономике, политике, литературе, языке и пр. Однако этот период оказался не настолько длительным, чтобы русский народ забыл о своей этнической

общности и единстве русской земли. Идеи единства русского народа и единства русской земли, проникшие в фольклор еще в киевскую пору, народ бережно пронес через весь период феодальной раздробленности Руси ко времени образования Русского государства, когда эти идеи окрепли и упрочились уже на началах новой русской государственности. Данное обстоятельство подтверждает представление о большой цельности и единстве устной народной поэзии XIV—начала XVII веков.

Однако такое представление не освобождает исследователя от разделения процесса развития народной поэзии на этапы в рамках данного хронологического периода. Следует говорить, во-первых, об устной народной поэзии времени постепенного изживания феодальной раздробленности Руси и создания централизованного Русского государства (XIV—XV века) и, во-вторых, об устной народной поэзии времени укрепления централизованного Русского государства (конец XV—начало XVII веков).

Наиболее отчетливо характерные особенности народнопоэтического творчества XIV—XV веков сказались на развитии былевого эпоса, исторической песни, народной сказки. Движение этих эпических жанров в направлении возрастающей историчности и конкретности ее выражения, в направлении все более глубокого осознания классовых противоречий и поисков причин, создающих эти противоречия, все более отчетливого выражения национально-освободительных идей представляет собой основную линию развития не только этих жанров, но и всей народной поэзии XIV—XV веков в целом.

В развитии устнопоэтического творчества время образования и развития великорусской народности, постепенного изживания феодальной раздробленности и создания Русского государства — это время расцвета народного эпоса, в частности героического. Именно высокоразвитый героический эпос со всем богатством его образов и идей является характерной особенностью устной народной поэзии на данном этапе ее истории. Это особенно важно отметить потому, что по данному вопросу в дореволюционной фольклористике существовало противоположное мнение. Так, В. Миллер, исходя из ошибочной характеристики русской жизни XIII—XIV веков, данной В. О. Ключевским, писал: «Преобладание исключительно материальных интересов, отсутствие патриотических идей, падение духовных запросов в обществе и народе, ведших постоянно трудную борьбу за существование, понижение нравственных чувств в высшем классе под гнетом ордынского ига, обеднение его и одичание, — все это, вместе взятое, не могло дать почвы для героических песен».⁶ В действительности же процесс поступательного развития народного самосознания не останавливался и в эти тяжелые века татаро-монгольского ига, несмотря на то, что народ постоянно был занят трудной борьбой, в прямом смысле слова — за существование. Именно в процессе длительной героической борьбы против власти захватчиков, этой «кровавой грязи монгольского ига» (Маркс) рождались высокохудожественные произведения русского героического эпоса, которые воодушевляли народ, побуждали к борьбе, оказывали моральную поддержку при поражениях.

В героическом эпосе наряду с его основной темой — темой борьбы с татарами, — сопутствуя ей или раскрывая различные ее стороны, поставлен ряд других тем. В них художественно обобщен исторический опыт русского народа тяжелых лет татаро-монгольского ига. Былины повествуют о роли народа в борьбе с татарами, о непримиримой ненависти

⁶ В. М и л л е р, Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 67.

его к врагам, о культурном и духовном превосходстве русских людей над поработителями и пр. Обращаясь к внутренней жизни Руси, былины говорят о классовых врагах народа, сближая их с иноземными врагами, рассказывают о социальном неравенстве, отягощающем иго, и т. д. В раскрытии этих тем, собственно, и состоит идейно-художественное богатство героического эпоса этого времени.

Кроме былин военно-героического характера, в былевом эпосе XIV—XV веков известны былины на общественно-политические и семейно-бытовые темы. Их герои не имеют богатырских черт. Большие вопросы социального неравенства и классовой борьбы решаются в былинах этого вида на рядовом бытовом материале (сватовство, хвастовство женой, спор о добротности коней и т. п.), а сами конфликты, описываемые в них, вырастают из незначительных столкновений, которые иногда поднимаются до уровня классовых боев (былина о Ваське Буслаеве).

Таким образом, в былевом эпосе с исключительной ясностью отразились внешнеполитические события и классовая борьба XIV—XV веков. Именно это отражение основного, характерного в исторической жизни Руси, изумительная широта и глубина обобщений как в области исторических фактов, так и в области социальных отношений, изображение народной борьбы за национальную независимость и социальную справедливость, выражение народных «чаяний и ожиданий», народных оценок происходящего является характерной особенностью былевого эпоса на данном этапе его развития. И дальше, былевой эпос XIV—XV веков в результате более высокого уровня исторического сознания народа обнаруживает тенденцию к осмыслению повествования, в нарушение традиции, не в рамках эпического времени, а в конкретной исторической обстановке. Отсюда новые особенности в развитии эпоса — его стремление к точному хронологическому приурочению повествования и обращение к герою, лишенному богатырских черт.

Тенденцией к точному хронологическому приурочению повествования замечательны былины о бое Ильи Муромца с Добрыней Никитичем, более поздние версии былины о Василии Буслаевиче и пр. Сейчас трудно вскрыть истинный смысл зачина былины о бое Ильи с Добрыней: «Досель Рязань слободой слыла, нонече Рязань слывет городом». Намек ли это на то время, когда Рязань стала политическим центром всей Рязанско-Муромской земли, а Муром — центром удельного княжества? Или это указание на возвышение Новой Рязани после того, как Муром был razорен татарами в конце XIII века? Категорический ответ на какой-либо из этих вопросов, конечно, дать нельзя. Но это и не столь важно. Важно то, что в былине о бое Ильи Муромца с Добрыней Никитичем обнаруживается стремление поставить повествование в какие-то определенные, но нам сейчас неясные хронологические рамки. Эта же тенденция к точному хронологическому приурочению повествования уже вполне осуществляется в той версии былины о Василии Буслаевиче, которая относит время жизни старого Буслая к периоду, когда Новгород, Псков и Москва были самостоятельными и равноправными политическими центрами Руси.

Обращение к герою, лишенному богатырских черт, особенно характерно для былин на общественно-политические и семейно-бытовые темы. Чаще всего именно их герои совершают действия, вполне доступные обыкновенному человеку, и только окружающая их обстановка несколько нарушает мир обычных человеческих отношений. Эти новые особенности в развитии былевого эпоса XIV—XV веков имели особое значение. Они

свидетельствовали о новых требованиях народа к произведениям, повествовавшим об его истории. Но стремление народа к осмыслению исторического повествования не в рамках эпического времени, а в конкретной исторической обстановке имело и более широкое значение. В практике народнопоэтического творчества оно приводило к созданию произведений, во многом отступающих от поэтики былин, и в конечном счете явилось одной из причин создания нового эпического жанра — исторической песни.

В советской фольклористике долгое время было распространено ошибочное мнение о позднем возникновении исторической песни. Наиболее отчетливо оно сформулировано Ю. М. Соколовым, который в своем курсе писал: «По собранным фольклористами данным можно полагать, что историческая песня как новый отличный от былины эпический жанр возникла с середины XVI в., притом в Москве. Одна из наиболее ранних песен XVI в. — песня о взятии Иваном Грозным Казани в 1552 году».⁷ Эта точка зрения привела к такой крайности, в какую впал А. Д. Седельников, объявляя известную историческую песню о Щелкане Дуденьевиче политическим памфлетом на события из царствования Ивана Грозного.⁸ В действительности же историческая песня — явление народной поэзии XIV—XV веков, в своем возникновении обусловленное состоянием народного самосознания этого времени. Исторический факт, лежащий в ее основе, изображается в ней с большей приближенностью к реальной действительности, чем в произведении какого-либо другого фольклорного жанра этого времени. Так, например, для нее характерно иное, чем для былины, представление о категории времени, так как она является выражением иного отношения к историческим событиям. Действие в ней не переносится в эпическое время Владимира, а тесно связывается с определенными историческими датами. Ее герои — подлинные исторические лица.

Быть может генеалогическую линию исторической песни следует вести от песен славы дружинного эпоса предшествующего периода. Но дальнейшее ее развитие является одной из характернейших особенностей устной народной поэзии XIV—XV веков. В ней уже в это время обнаруживаются те жанровые черты, которые остаются характерными для нее и в более позднюю, московскую пору, пору ее расцвета.

На новом этапе развития устной народной поэзии (XIV—XV века) значительные изменения переживает русская народная сказка. Для определения характера этих изменений важны свидетельства тех произведений былевого эпоса и художественной литературы, в которые включались сказочные сюжеты. Направление, в котором шла переработка этих сказочных сюжетов, в известной мере характеризует развитие самой сказки. Проникновение сказки в былевой эпос в тот период, когда в нем усиливается прямая историчность повествования, само по себе весьма показательное: оно говорит о новом восприятии сказки, о стремлении найти точки соприкосновения ее с исторической действительностью. Включение исторических лиц в сказочные сюжеты, вошедшие в былины (былина об Идолище, былина о Глебе Володьевиче и др.), вполне объясняется именно этим новым восприятием сказки. Об этом же свидетельствует переработка сказочных сюжетов в литературных произведениях. Так, например, известная повесть о Петре и Февронии, весь сюжет которой соткан из сказочных и песенно-эпических мотивов, является ярким доказательством того, что в XIV—

⁷ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 262.

⁸ А. Д. Седельников. Песни о Щелкане и близкие к ней по происхождению. «Художественный фольклор», IV—V, М., 1929.

XV веках не только в эпосе, но и в письменности было стремление придать сказочному сюжету конкретно-исторические черты: сказочный сюжет трактуется в этой повести в связи с исторической жизнью Муромского княжества.

Само собой разумеется, что стремление изменить сказку в сторону некоторой историчности ее не могло бы без общей причины возникнуть одновременно в былевом эпосе и в письменности. Очевидно, стремление к историчности было характерно для развития сказки и в устной народно-поэтической традиции. В дальнейшем, в XVI веке, это тяготение сказки к историчности содержания и социальной тематике привело к созданию «исторических» сказок — сказок об Иване Грозном.

Из других народнопоэтических видов, развитие которых является характерным для устной народной поэзии именно этих веков, следует отметить духовный стих. Его происхождение, бесспорно, находится в связи с усилением значения церкви в XIV—XV веках как в общегосударственных делах, так и в народной жизни. Но замечательно то, что общее стремление фольклора этого времени к большей историчности содержания захватывало и этот вид народной поэзии. Религиозная тема в духовных стихах иногда развивалась в причудливом переплетении с исторической темой, например в таком духовном стихе, как стих о «Дмитрии Солунском». Именно в этих случаях, в известной мере отходя от своей традиционной тематики и порывая с религиозно-мистическими тенденциями, духовный стих приобретал черты народности, что и обеспечивало ему жизнь в устной народнопоэтической традиции. Но, как правило, духовный стих стоял вне народной жизни; он оказался мало жизнеспособным, и первые народные пародии на его героев обнаруживаются уже в XVI веке.

4

Объединение Руси в единое централизованное государство сказалось на всех явлениях народной жизни и культуры, особенно же сильно на пробуждении русской общественной мысли и на развитии народного самосознания. Сказалось оно и на развитии устной народной поэзии.

Народная поэзия этого времени отличается рядом новых особенностей, свидетельствующих о том, какие значительные изменения происходили в ней на этом этапе ее развития.

Но подобно тому, как процесс образования централизованного государства имеет свои истоки в историческом прошлом Руси, так и народная поэзия конца XV—начала XVII века в ряде случаев развивала и досказывала то, что уже созревало в народном сознании во время феодальной раздробленности Руси. Следя за общим развитием народной поэзии времени феодальной раздробленности после татарского нашествия, мы не останавливались на ряде крупнейших общественных и политических событий, таких, например, как Куликовская битва, феодальная война времен Василия Темного и пр. Однако не следует думать, — да этому противоречат и факты, — что эти события не имели влияния на устную народную поэзию. Влияние было, но сказывалось оно не сразу и не настолько ярко, чтобы образовать ощутимый рубеж в развитии народнопоэтического творчества. Поэтому события эти и не нашли места в периодизации. Но значение их нельзя недоучитывать при изучении следующего этапа истории устной поэзии, — ее развития во времена укрепления централизованного Русского государства. Становится очевидным, что многое в ней нельзя объяснить, не учитывая влияния этих событий на народное созна-

ние. Одним из таких вопросов является, например, вопрос о том, почему в эпосе XVI века так легко эпический Владимир вытесняется историческим Иваном Грозным и исторические песни о последнем, а не создание новых былин, оказываются в центре эпической поэзии этого времени. Мы не ставим своей целью раскрыть здесь весь комплекс причин, которым объясняется это явление. Но полагаем, что эпос о Грозном не был бы создан по следам его деятельности, если бы народное сознание не было заранее подготовлено к этому. Исторический опыт помог народу понять положительные стороны деятельности Ивана Грозного и открыл ему путь в эпос. В этой связи и раскрывается значение такого конкретного исторического факта, как длительная феодальная война времен Василия Темного, для понимания тех процессов, какие происходили в развитии эпоса XVI века. Народ имел свое мнение об этой войне. Народ видел, что она привела к усилению власти великого князя Московского, в победе которого он был заинтересован, так как для народа это был единственный путь избавления от разорений феодальной войны. Народ видел и то, что с ликвидацией самостоятельных княжеств феодальная эксплуатация не ослабевала, а усиливалась. Эти наблюдения не отдельных лиц, а народных масс не проходили бесследно для народного сознания. Не проходили они бесследно и для народнопоэтического творчества, но сказались в нем позже, уже на новом этапе его развития: они также усиливали царистские иллюзии народа и его сочувствие Грозному в борьбе последнего с боярской оппозицией, что нашло свое выражение и в эпосе. Грозный стал эпическим героем, и исторические песни о нем занимают центральное место в эпосе XVI века.

Но народный эпос этого времени знает и другого героя — Ермака. Песни о нем составляют второй цикл исторических песен XVI века. Содержание этих песен охватывает события последних десятилетий XVI века и косвенно отражает конфликт казачьей голытьбы с самодержавно-феодальным лагерем — конфликт, который в самой исторической жизни был частным проявлением классового антагонизма крестьянства и феодалов. Цикл исторических песен о Ермаке замечателен тем, что в нем впервые с такой силой представлено антифеодальное народное движение, дан образ героя — выразителя освободительных настроений народных масс.

Не так легко, как историческая песня, укладывается в рамки периодизации развитие других фольклорных видов этой поры — былевого эпоса, сказки, пословицы, поговорки и пр., хотя и здесь можно указать ряд прямых соответствий. Так, некоторые пословицы и поговорки бесспорно созданы еще при жизни Грозного. Например, пословица «На поле съезжаются, родством не считаются», возможно, связана с тем, что Иван IV отменил на время походов местнические счеты; пословица «Вольному воля, а ходячему путь», очевидно, сложена еще до отмены права крестьянского «выхода» и т. д. Точно так же целая группа народных сказок не только вызвана событиями времени Грозного, но, очевидно, и создана еще при нем. Это те сказки, в которых действующим лицом является сам Грозный. Отражение в них идеологии некоторых общественных классов и групп — части крестьянства, «черного» люда посада и дворянства, — сочувствовавших реформам Ивана Грозного, становившихся на его сторону в его борьбе с боярством и возлагавших на него свои надежды, составляет одну из самых характерных особенностей русской сказки XVI века.

Еще замечательнее по своей связи со временем Грозного те процессы, которые происходили в былевом эпосе. В нем возрастает удельный вес

социальной темы и резко обозначается отрицательное отношение народа к верхушке класса феодалов землевладельцев — к князьям и боярам. Можно предполагать, далее, что в эту же эпоху глубокие изменения коснулись самой замечательной, исторически сложившейся его особенности. Характерный для былевого эпоса на протяжении ряда веков процесс циклизации былин вокруг личности и времени Владимира в конце XVI века, по видимому, стоит на пороге своего завершения. Мечта о единстве русской земли и ее независимости, находившаяся в период феодальной раздробленности Руси и татаро-монгольского ига наиболее яркое свое выражение в процессе циклизации былин, теперь оказывается осуществленной. Народное самосознание, историческая мысль народа под влиянием происшедших исторических событий (образования централизованного государства) подымались на новый, высший уровень. Для полного их выражения народ развил теперь другой вид эпической поэзии — историческую песню. В ряду жанров народной поэзии XVI века былина отодвигается на второе место. Первое же место теперь по праву занимает историческая песня.

Устная народная поэзия времени централизованного Русского государства (конец XV — начало XVII века) продолжала лучшие традиции народнопоэтического творчества предшествующих периодов и в то же время являлась новым этапом его развития. Народ правильно оценил значение сильной власти в укреплении нового государства. В то же время он ярче, чем в предшествующее время, осознал нарастание и непримиримость классовых противоречий, но свой протест направил не столько против крепнущего самодержавия, сколько против боярской оппозиции, увидев в феодальных верхах главных виновников возросшей феодальной эксплуатации. В цикле исторических песен о Ермаке представлено антифеодальное народное движение, дан образ героя — выразителя освободительных настроений народных масс, т. е. уже намечена та тема, которая станет ведущей в народной поэзии XVII века. Вся эта сложность и противоречивость народной идеологии, явно прогрессивные черты народного мировоззрения и в то же время ограниченность его нашли свое отражение в народной поэзии времени централизованного Русского государства.

Народная поэзия еще теснее сблизилась с конкретной исторической действительностью. Если ранее для эпоса было характерно стремление к широкому обобщению и типизации событий, то теперь для него показательна сосредоточенность внимания на отдельных событиях, фактах и лицах. Историческая песня становится доминирующим жанром эпоса XVI века именно потому, что в ней находит выражение достигшее более высокого уровня народное историческое сознание.

Художественный метод эпических жанров, которые и в этом продолжают оставаться основными жанрами народной поэзии, претерпевает глубокие изменения. В художественном методе не только исторической песни, но и былевой поэзии и сказки обнаруживается явное стремление к большей, чем в предшествующий период, реалистичности повествования и трактовки художественных образов.

5

Ведущей темой устной народной поэзии начала XVII века, складывавшейся в обстановке борьбы с иностранной интервенцией, крестьянских войн, роста крепостничества, городских движений и пр., была тема социальной борьбы. Она являлась характерной не только для собственно исто-

рического фольклора, непосредственно отражавшего реальные события и их оценку, но и захватывала все виды устной поэзии этого времени. Протиправительственная народная сатира пронизывала все виды народной поэзии (песни, сказки, пословицы и пр.), превращая ее в оружие борьбы с феодально-крепостническим гнетом, в агитационное средство, в яркой и доходчивой форме раскрывавшее основные противоречия между феодалами и трудовым народом и звавшее на борьбу. В XVII веке основные виды устной народной поэзии уже сложились в их наиболее существенных идейно-художественных признаках. Многие из того, что было создано русским народом на протяжении его многовековой исторической жизни, уже входило в «золотой фонд» русского национального народнопоэтического искусства. Были выработаны устойчивые традиции, усваиваемые и творчески перерабатываемые как художественное наследие в дальнейшем — в народной поэзии XVIII—XX веков.

А. Н. ЛОЗАНОВА

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА¹

(ОТ XVIII ВЕКА ДО КАНУНА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ)

Проблема периодизации народного творчества непосредственно связана с вопросами о сущности и значении народной поэзии на разных этапах жизни страны и народа.

В советское время стала возможной постановка вопроса о развитии народной поэзии по историческим этапам на основе общих положений марксизма, которые определяют периодизацию истории общества, истории народов. В свете марксистско-ленинского понимания роли масс в истории и понимания искусства как действенного фактора в развитии общества во всей глубине раскрывается значение народной поэзии и ее классического наследия для каждой эпохи. В связи с этим периодизация русского народного поэтического творчества XVIII, XIX и начала XX веков должна основываться на изучении и осмыслении исторической действительности определенного времени. Вместе с тем она должна основываться также на уяснении тех процессов, которые в то время происходили и в самом поэтическом творчестве и были обусловлены всей экономической и социально-политической жизнью трудовых масс. Связь народного творчества с историей общества неоднократно подчеркивал А. М. Горький, указывая, что подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного творчества.

Материал народного поэтического творчества, относящийся к XVIII, XIX и XX векам, очень обширен. Он неизмеримо богаче того, что известно о народной поэзии более раннего времени. Начиная с последней трети XVIII века и в последующие два столетия, мы имеем большое количество записанных текстов былин, сказок, песен, пословиц, загадок и других видов народной поэзии, сведения об исполнителях, воспринявших свое искусство от отцов и дедов. Сохранилось также немало свидетельств о бытовании устной поэзии в течение этого времени в различных районах и областях, имеются свидетельства даже о целых «школах», культивировавших тот или иной вид произведений или особый характер их исполнения. В отдельных случаях можно отметить и обстоятельства возникновения той или иной песни, факты ее воздействия на коллектив и отношение к произведению самих исполнителей. Все эти данные помогают глубже установить связи фольклора с действительностью и конкретной средой определенной

¹ Доклад, прочитанный на Совещании по вопросам изучения русского народного поэтического творчества (17—20 ноября 1953 года).

эпохи. Благодаря всем этим данным, исследователь народной поэзии рассматриваемого времени получает преимущество перед исследователем более ранних эпох, материалы которых, как правило, приходится реконструировать на основании поздних по времени записей и свидетельств древнерусской литературы.

Однако это отмеченное преимущество не снимает значительных трудностей в разрешении вопроса о времени сложения произведений, о ранних и более поздних элементах в их содержании и поэтической форме, об основном первоначальном тексте произведения. Коллективное поэтическое творчество, развиваясь, объединяет, как бы сливает отражаемую в художественных образах современность с отдельными чертами недавнего и далекого прошлого. Эта особенность народного поэтического творчества проявляется и при создании новых произведений, рождающихся в данную эпоху. В еще большей мере проявляется она при воспроизведении традиционной устной поэзии, образы и формы которой передают действительность отдаленного времени, но воспринимаются сквозь призму той эпохи, в которой произведение исполняется и живет. Своеобразная особенность устного поэтического творчества и, прежде всего, традиционного заключается именно в сочетании настоящего и прошлого.

Весь исследуемый период истории русского народа — с XVIII века до 1917 года — в целом характеризуется антагонистическими взаимоотношениями общественных классов и сословий царской России. Это — отношения угнетателей и угнетенных, крепостного крестьянства и землевладельцев (помещиков, монастырей, духовенства), «рабочих людей» и заводчиков, пролетариата и буржуазии. В качестве основного общественного фактора, оказывавшего влияние на развитие народного творчества в течение всего рассматриваемого времени, выступает освободительная борьба трудовых масс против угнетения и бесправия. И народное творчество, сопутствуя истории, являясь выражением сознания угнетенного народа, его дум и чаяний, выступает как своеобразное идеологическое оружие классовой борьбы.

Таким образом, периодизация народной поэзии всего рассматриваемого времени (в течение двух с лишним веков) строится с учетом развития освободительной борьбы трудовых масс против крепостнического, а затем и капиталистического угнетения, борьбы народа за сохранение национального единства и независимости своей родины. Эти основные устремления народа пронизывали все лучшие произведения народной поэзии. Однако в каждую эпоху эти освободительные тенденции выражались в особых формах.

В развитии народного поэтического творчества от XVIII века до казуна Великого Октября можно наметить, по нашему мнению, четыре основных периода. Первый из них охватывает время от начала XVIII века и до конца его.

Периоды развития народной поэзии XIX и начала XX века намечаются в соответствии с указанными В. И. Лениным главными этапами освободительной борьбы и освободительного движения в России. В соответствии с этим можно проследить следующие периоды: 1) устное поэтическое творчество эпохи разложения феодально-крепостнического строя и развития народного освободительного движения до крестьянской реформы; 2) устное поэтическое творчество эпохи развития капитализма и нарастания революционного движения (вторая половина XIX века до середины

90-х годов); 3) устное творчество эпохи подготовки и проведения революции (1895—1917 г.). В каждом из этих периодов должны быть освещены все новые явления народной поэзии и в особенности те, в которых с наибольшей ясностью выразились освободительные стремления трудовых масс.

Основные явления народной поэзии XVIII века связаны с укреплением Русского государства.

Вспомним мероприятия этого времени по укреплению и расширению границ государства, войны за выходы к морям — Балтийскому и Черному, создание регулярной армии и усиление военной мощи страны, развитие тяжелой промышленности, строительство городов, фабрик и заводов. Все эти мероприятия и реформы приводили ко все большему нажиму на крестьянство, углубляли классовые противоречия.

Эти сложные общественные процессы определили характер народного поэтического творчества XVIII века. Рост национального самосознания создавал благоприятные условия для развития героико-патриотической народной поэзии. Возникают и развиваются новые виды этого поэтического творчества, создаются новые патриотические образы. Например, именно в это время рождается новый, собирательский образ самоотверженной солдатской массы, берущей захваченные врагом города «своей грудью». Появляется новый типичный образ героя. Этот герой — солдат, храбрый, бывалый, и полководец, близкий к солдатской массе.

В то же время увеличение непомерных тягот, налагавшихся на крепостное крестьянство, трудные условия военной службы, приписка крестьян к заводам и фабрикам вызывали развитие антикрепостнической народной поэзии и усиление в ней социальной сатиры. Слагаются песни, рассказы, поговорки, осуждающие и высмеивающие реформы царя-деспота, бар и духовенства, создающих свое благополучие за счет труда крепостных. Вся эта сложность и противоречивость общественных процессов вызывала противоречивость образа Петра I в устном творчестве и различные аспекты в характеристике военных деятелей XVIII века.

В XVIII веке обогащается содержание и форма народной поэзии. Развивается поэзия крестьянства; свой новый вклад в устное творчество вносят солдатская масса (созданная в XVIII веке регулярная армия) и «работные люди». Особенно сильное развитие получает жанр исторической песни. Мы видим здесь и военно-патриотическую песню, и походную, и лирическую солдатскую; широко создаются исторические песни, выражающие социальный протест и отражающие крестьянские восстания. Оформляется и выделяется как новое художественное явление сказовая и пословичная поэзия «работных людей» и «приписных» крестьян. Эта новая поэзия часто сливается с поэзией крестьянских восстаний.

Идея антикрепостнической борьбы является главной особенностью народной поэзии в эпоху разложения феодально-крепостнического строя. Антикрепостническое содержание раскрывается в реалистическом изображении явлений действительности, событий, героев. Народная поэзия, создающаяся и развивающаяся в это время, отличается ярким историзмом. Характерен, например, пугачевский цикл, устная поэзия Отечественной войны 1812 года, песни о восстании Семеновского полка и другие.

Освободительные стремления народа наиболее отчетливо выразились в развитии поэзии крестьянских восстаний. Создается и распространяется устная поэзия о Пугачеве, зародившаяся по следам самих событий крестьянской войны конца XVIII века; обогащается и раскрашивается легендарный образ Степана Разина, любимого народного героя; целый ряд сюжетов разинского цикла переходит в пугачевский цикл.

Устная поэзия первой половины XIX века отмечена протестом, выразившимся в реалистическом показе угнетения и бесправия народа и, особенно, солдатской массы. Широчайшее развитие получают песни протеста против тягот военной службы, а также песни, обличающие Аракчеева и других временщиков.

Антикрепостническими мотивами проникается героико-патриотическое устное творчество, особенно песни Отечественной войны 1812 года и солдатские походные песни. Антикрепостническая тематика выступает во всем многообразии различных видов песен, даже в колыбельных песнях и детских потешках, в ярком содержании бытовой сказки, в меткой поговорке и поговорке, в народной драме и игре. Совершенно ясные антикрепостнические тенденции наблюдаются и в новых вариантах традиционной героической поэзии прошлого — былинном эпосе и ранней исторической песне.

В текстах, относящихся к этой эпохе, ярко обрисованы образы героев из гущи народа: простого солдата, мужика, поражающего всех своей силой и сообразительностью, крепостного рабочего. Все они изображаются в противопоставлении князьям и вельможам, господам, попам, заводчикам.

С последних десятилетий XVIII века усиливается взаимосвязь народного поэтического творчества с литературой. Использование форм устной поэзии в литературе особенно сказалось на создании литературных песен-стихотворений, многие из которых вошли в массовый песенный репертуар, утратив имена авторов. Эта взаимосвязь устной поэзии и литературы в первой половине XIX века еще более расширяется. Передовые общественные деятели и писатели, осуждая крепостное право, отстаивая честь нации, обращаются к народному поэтическому творчеству. Некоторые из литературных произведений и особенно стихотворения-песни, соответствующие думам и чаяниям народа, входят в репертуар масс: таковы стихотворения Пушкина, поэтов-декабристов, Лермонтова, Кольцова и других.

Народнопоэтическое творчество второй половины XIX века отмечено дальнейшим расширением социальной тематики и идейного содержания. В народной поэзии нашли свое отражение новые события и явления хозяйственной и политической жизни России после крестьянской реформы: процессы «раскрестьянивания», развитие отходничества, рост политического сознания народа в обстановке сложения русской буржуазной нации. Протест народа против помещичье-чиновничьего и капиталистического гнета сказывается на содержании и образах всех жанров народной поэзии: протяжной песни, причети, на ярких образах сатирической сказки, а также в поговорках, поговорках, загадках. Более высокий уровень общественного самосознания трудовых масс пореформенного времени выразился в широком распространении частушки как особого вида песенного творчества. Частушка полна задора, протеста, веселья и силы, она выдвигается как наиболее активный жанр народной поэзии.

Большое значение для этой эпохи приобретает поэтическое творчество рабочего класса. В сравнении с творчеством «рабочих людей» крепостной России оно было разнообразнее и яснее по своему социальному содержанию. В рабочей поэзии более четко выразилась идея необходимости сплочения рабочего класса против предпринимателей и владельцев заводов. Однако эта поэзия еще не могла, в силу исторических условий, подняться до широких социально-политических обобщений.

В 60—80-е годы значительно усиливается обогащение народной поэзии литературным материалом. Вместе с процессом «раскрестьянивания» деревни и притоком трудовых масс в города, вместе с ростом строительства фабрик и заводов, с широким развитием отходничества растет тяга народа к книге, к печатному слову. В крестьянскую и особенно в рабочую среду начинает проникать классическая литература, главным образом в виде стихотворений и песен. Эти стихотворения разучиваются, переписываются и передаются из уст в уста. Фольклор этого времени, особенно устное творчество рабочих, отмечены воздействием поэзии революционно-демократической интеллигенции. Это способствовало выработке новой формы поэтических произведений, более близкой к литературной и более насыщенной идейным содержанием.

Взаимное влияние и обогащение поэтического творчества рабочих и крестьянства создает условия для развития всей поэзии трудовых масс в целом как более высокой ступени поэтической культуры. Крестьянская поэзия обогащает поэзию рабочих своими формами, ритмами, образами. Традиционные устные произведения — сказки, песни, пословицы, поговорки, бытующие в рабочей среде, насыщаются мотивами, отражающими новые условия жизни и промышленного труда. С другой стороны, и крестьянское устное творчество проникается более четким идейно-политическим содержанием вместе с ростом общественного сознания крестьянства и под воздействием поэзии рабочих.

В рабочую и крестьянскую среду через революционно-демократическую интеллигенцию начинают проникать стихи и песни из прогрессивных газет и журналов, а также из сборников стихов и песен, издаваемых герценовской вольной типографией. Жестокие правительственные репрессии по отношению к демократам-революционерам порождают, как выражение протеста, целый ряд песен о герое, заключенном в тюрьму и стремящемся бежать оттуда. Эти песни приобретают широкую известность среди студенческой молодежи и среди рабочих; проникают они и в крестьянскую среду. Образ беглеца, спасающегося из тюрьмы, становится как бы собирательным образом героя, борющегося против угнетения. Так, например, стихотворение Н. Огарева «Ночь темна... Лови минуты...», написанное в 50-е годы, в 70-х годах становится одной из любимых песен. Неоднократно публикуется в песенных сборниках 70-х годов также ставшее любимой песней стихотворение Д. Н. Давыдова «Славное море священный Байкал» и целый ряд других песен.

Большой любовью в эти годы пользуются также классические стихотворения с центральными образами воли и борьбы, произведения, воспринятые народом еще в предшествовавшие десятилетия: «Ермак» («Ревела буря...») Рылеева, «Узник» Пушкина, «Отворите мне темницу» Лермонтова, «Нелюдино наше море» Языкова. Но особенно широкое распространение приобретают песни из произведений Некрасова: «Назови мне такую обитель», «Коробейники», «Огородник», «Что ты жадно глядишь на дорожку», «Несжатая полоса», «Песня Еремушке» и многие другие. В поэзии Некрасова отчетливо звучат мотивы социального протеста и освободительной борьбы. Поэты-демократы и более других Некрасов, используя в своих произведениях идейно насыщенные народные образы и народную художественную лексику, своими произведениями способствовали развитию общественного сознания народа, осмыслению происходивших в стране событий, помогали развитию фольклора, его содержания и формы.

Время с середины 90-х годов до кануна Великого Октября представляет собой определенный период в развитии народного поэтического творчества. Коллективная поэзия трудовых масс поднимается на новую

ступень под влиянием растущего революционно-освободительного движения. В стране совершаются события исключительной важности, подготовляющие поворот в мировой истории. Приобретает огромное политическое влияние рабочий класс России, руководимый созданной В. И. Лениным Коммунистической партией. В поэзии масс происходят знаменательные процессы, изменяется ее содержание, идейная направленность, тематика и образы. Промышленный кризис и безработица, многочисленные стачки на крупнейших заводах страны и железных дорогах, волнения крестьян, особенно сильные в Поволжье и на Украине, жестокие репрессии по отношению к народным массам, неудачи кровопролитной и чуждой интересам народа войны с Японией, — все главнейшие события, подготовлявшие первую русскую революцию, находят свое отражение в народной поэзии начала XX века.

Наибольшее развитие в период подготовки и проведения первой русской революции получает рабочая поэзия. В эти годы в ней уже реже слышатся мотивы стихийного протеста и отчетливее намечаются цели освободительной борьбы. В произведениях, посвященных изображению тяжелой жизни и труда рабочих, уже более ясно выступают причины угнетенного положения народа. Многие стихотворения революционной интеллигенции становятся массовыми песнями. Это прежде всего сатирические и обличительные стихотворения, направленные против самодержавия и его прислужников. Демократическая поэзия оказывает прямое влияние на развитие произведений, создаваемых в самой рабочей и крестьянской среде.

В рабочей среде создаются новые исторические песни, отражающие события, совершающиеся в стране. В этих песнях говорится о политических выступлениях рабочего класса, волнениях среди крестьян, восстаниях солдат и матросов, о событиях 9-го января, декабрьском вооруженном восстании, об антинародной политике Государственной думы и столыпинщине.

В новой исторической поэзии, насыщенной яркими обличениями, направленными против самодержавного строя и врагов трудящихся, появляются образы новых героев. Герои эти борются за честь своей родины и ее национальную независимость, за освобождение народа от капиталистической эксплуатации и оков царизма.

Новым содержанием, указывающим на большие изменения в народном сознании, наполняется и историческая солдатская песня. В солдатских песнях изображается трагическая судьба патриотов, которые подвергаются гонениям со стороны корыстолюбивых и бесчестных ставленников придворной клики. Характерны, например, песни о падении Порт-Артура, о гибели адмирала Макарова, песни о героическом подвиге крейсера «Варяг».

Широкий размах революционного движения, охватившего всю страну, сказывается и на развитии традиционной крестьянской устной поэзии. Она попрежнему продолжает выражать национальную героику народа, его силу, оптимизм, любовь к родине. Тексты традиционных сказок, записанных в конце 90-х годов XIX века и в начале XX века, отличаются значительным усилением социальной сатиры. Герои бытовых сказок по сравнению с прежними записями часто изображаются более смелыми и решительными. Во многих сказках мужик уже поднимает руку на барина и избивает его до смерти. Содержание сказок и легенд заметно обогащается антирелигиозными мотивами. В ряде сказок острой сатирой проникнут образ царя, выступающего заодно с боярами и высшими чиновниками. Мотивы социального протеста проникают в некоторые волшебные сказки, что объединяет их с сатирическими бытовыми.

Репертуар крестьянского песенного творчества обогащается революционными песнями, которые заносятся в крестьянскую среду из городов.

Через солдат и матросов, через рабочих проникают в крестьянский репертуар вновь создаваемые исторические песни о русско-японской войне, о падении Порт-Артура, о событиях первой русской революции. Усиливается приток и литературных песен. Эта новая, осваиваемая крестьянством поэзия, проникнутая мотивами освободительной борьбы, а нередко и прямыми призывами к свержению царизма, способствовала возникновению новых форм крестьянского творчества, ее влияние сказывалось на развитии не только песенного творчества, но и других народнопоэтических жанров: устного рассказа, сказки. Подробное изучение сложных путей развития крестьянской песенной поэзии в эпоху подготовки и проведения первой русской революции — вплоть до кануна Великого Октября — является очередной задачей нашей науки о народном творчестве.

Одной из самых активных форм песенной поэзии, создававшейся в это время среди крестьянства, была частушка. В рабочей среде частушка также имела большое значение; однако ведущая роль в устной поэзии рабочего класса принадлежала революционной песне.

С необычайной быстротой реагируя на новые события и явления жизни, частушка выступала как один из факторов освободительной борьбы крестьянских масс. Сатирические припевки — двустушия и четверостишия, высмеивавшие помещиков, кулаков, царя Николая II, столыпинские отруба, распевались по всей России. В этих маленьких сатирических произведениях отражены острая классовая борьба, ненависть народа к капиталистической эксплуатации, к царизму и его ставленникам. Частушка тех лет, передающая мнение народа о русско-японской войне, столыпинщине, по социальной значимости и роли во всем устнопоэтическом творчестве начала XX века отражает новый этап общественно-политического развития народа и встает в один ряд с современной ей исторической песней. По своей форме, чаще всего рифмованного четверостишия, частушка этого периода близко подходит к литературному стихотворению и порой бывает даже трудно отличима от него.

Заметно изменяется в последние годы XIX и начале XX века содержание былинной поэзии, исторической песни и народной драмы, приобретая большую социальную остроту. В былинах, записанных в те годы, так же как и в исторических песнях, особо тщательную разработку приобретает изображение ничтожного и трусливого правителя, который совершенно теряется перед надвигающейся опасностью. Эта характеристика порой бывает доведена до гротеска. Например, в песне о Севастопольской войне, бытовавшей в 80-х годах и позднее, царь настолько пугается вражеского дерзкого письма, настолько подавлен угрозами, что падает, рискуя потерять корону. Такому образу царя противопоставляется в эпической поэзии народ и герои — простые люди — представители народа, народная солдатская масса.

Несмотря на уверения буржуазных ученых в том, что поэтическое творчество в эту эпоху угасает и выражается лишь в перепевах и сбивчивых припоминаниях прежних сюжетов, записанные в конце XIX — начале XX столетия многочисленные материалы говорят о том, что поэтическое искусство народа продолжает жить. Оно живет, несмотря на то, что, по выражению В. И. Ленина, «капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян».² В эпическом творчестве можно отметить стремление к обогащению известных былин новыми эпизодами; героям приписываются новые подвиги; происходит обработка в былинное повествование сказочного материала.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 54.

Заметно обогащаются новыми вариациями традиционные сюжеты исторической песни этого периода. Ясно выступает также тенденция к демократизации героических образов (например, Суворова, Кутузова, Платова). Любимый полководец нередко изображается как «отец» своих «детушек»-солдат.

Развивается эпическое творчество о вождях антикрепостнических движений и войн — о Ермаке, Степане Разине, Емельяне Пугачеве и о безыменных «удалых добрых молодцах», носителях социального протеста. Героика борьбы против крепостничества приобретает в творческой памяти народа более широкий смысл: она начинает связываться в годы первой русской революции и в предоктябрьский период с идеями освободительной борьбы против капиталистического и самодержавно-помещичьего строя. Так понимаются и передаются в народе многие песни и рассказы о Степане Разине, о Пугачеве и их «сынках», рассказы об ожидаемом новом приходе вождей крестьянских войн.

Глубина идейного содержания и широкий внутренний смысл образов устного творчества крестьянских войн выдвигает это творчество далеко за пределы породивших его исторических эпох. Обобщающее содержание и героика, облеченная в высокохудожественную форму, способствуют дальнейшему развитию этой поэзии как поэзии общенародной освободительной борьбы против всякого угнетения. В этом же плане живут и осмыслиются известные литературные произведения, например стихотворение-песня «Есть на Волге утес» (Навроцкого) или «Точно море в час прибоя» (Сурикова).

В годы подготовки и проведения первой русской революции и в предоктябрьское десятилетие, как никогда ранее, устная поэзия народа испытывает воздействие передовой литературы. Это проявляется более всего в освоении литературной песни, особенно поэзии революционно-демократической интеллигенции и поэзии легальной и нелегальной большевистской печати. Продолжают бытовать и охватывают все более широкие слои трудовых масс и произведения поэтов-классиков. Поэзия Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Сурикова и, особенно, Некрасова распространяется в народе почти повсеместно.

Народное творчество, рассматриваемое по отмеченным выше этапам развития, предстает как сложный и многообразный процесс, в котором рождаются совершенно новые поэтические явления, но вместе с тем живут и произведения, возникшие в предшествовавшие периоды. Благодаря идейному богатству, простоте и художественности формы многое из классического наследия нередко воспринимается уже по-новому.

Предлагаемая периодизация, давая общее представление о развитии русского народного творчества XVIII, XIX и начала XX века, выдвигает также задачи конкретных исследований по этапам развития народной поэзии как в целом, так и отдельных ее явлений. В связи с изменениями народного творчества по отмеченным периодам обозначаются и пути развития поэтических жанров — в течение всего рассматриваемого времени и по отдельным этапам (например, исследование бытовой или исторической песни, сказки, частушки). Историческое изучение жанров устной поэзии вполне возможно, так как мы располагаем большим количеством записанных и в значительной мере паспортизованных материалов, собранных в различных районах и областях.

Значение и роль того или иного жанра различны в различные эпохи. Иной, например, предстает волшебная сказка в записях крепостного вре-

мени в сравнении с записями конца XIX или начала XX века. По-разному развивается военно-историческая песня в пореформенное время по сравнению с исторической песней конца XVIII века или периода Отечественной войны 1812 года. Другим становится характер содержания, поэтические приемы и общественная функция частушки, например, в середине XIX века и в годы первой русской революции. Вопрос об историческом развитии жанров народной поэзии, пока еще очень мало разработанный в науке о народном творчестве, ожидает своих исследователей.

Наличие довольно значительного количества записанных текстов и ряда данных об исполнителях и манере исполнения произведений позволяет поставить исторически и проблему развития приемов художественного изображения. Так, можно и следует ставить вопросы о развитии реалистического изображения действительности в народной поэзии, об особенностях сатирического изображения, которое далеко не одинаково в различных видах и родах произведений и тесно связано с особенностями жанра. Например, реалистический показ героев в бытовой сказке отличается от изображения их в исторической песне, и способы построения образов иные. В различные эпохи изменяются и образы народной поэзии, иначе даются черты положительных героев и отрицательных персонажей. Так, в крепостническую эпоху и, главным образом, в эпоху разложения феодально-крепостного строя, наряду с бытующими традиционными эпическими образами героев-защитников родины, на основе событий действительности, создаются новые образы героев (особенно это относится к произведениям исторического эпоса и народного предания). Это — образы «удальцов», по выражению В. Г. Белинского, стойких и сильных людей, вырвавшихся на волю и мстящих своим угнетателям. Типические черты участников крестьянских восстаний находят свое конкретное воплощение в поэтических образах Степана Разина и Емельяна Пугачева. Однако образы смелых удалцов неодинаковы на протяжении XVII, XVIII, XIX и начала XX века. Если в XVII—начале XVIII века это казаки — «люди вольные», то к XIX веку выдвигается в качестве героя безымянный «детинушка крестьянский сын». Этот образ вбирает настроения стихийно протестующих масс крестьянства конца XVIII века; он отмечен чертами более высокого (в сравнении с прежним) общественного сознания.

В пореформенные годы в творчестве народа продолжают жить и развиваться поэтические образы героев освободительной борьбы. Характеристики их дополняются новыми чертами, обогащаются и сюжеты произведений. Образы этих героев получают художественную обработку также в литературных произведениях прогрессивных писателей и поэтов того времени. В народной поэзии нередко им придаются черты, свойственные борцам более позднего времени, и это свидетельствует о расширении внутренней значимости образов. Однако в пореформенную эпоху черты положительного героя лишь обновляются и дополняются. Качественно новый образ героя освободительной борьбы, героя-революционера создается лишь позднее на основе самой исторической действительности, в годы первой русской революции.

На основе предлагаемой периодизации встает, как один из главных, вопрос об изучении процессов взаимобогащения и взаимовлияний народной поэзии и литературы. Известно, что письменная литература в процессе своего развития всегда была связана с коллективным творчеством масс. Писатели и поэты разных времен постоянно обращались к устной поэзии, используя ее содержание, отдельные образы и художественные средства. Однако характер использования народного творчества художе-

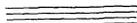
ственной литературой был неодинаков в разные эпохи. Интерес к народному творчеству в XVIII веке и включение элементов его в письменную литературу был обусловлен стремлением к демократизации литературы, к сообщению ей национальной самобытности. Однако для большинства писателей второй половины XVIII века народная поэзия играла роль лишь иллюстративного материала, вводимого для более красочных описаний народного быта, с целью придать литературным произведениям дух народности. В этом отношении интересны, например, многие произведения драматургов XVIII века — М. Попова, Аблесимова, Матинского и др. К этой же линии близки и многочисленные стихотворения-песни XVIII века, написанные в народном стиле. Однако уже Радищев гораздо глубже оценил значение поэтического творчества народа для литературы. Радищев видел в народной поэзии выражение высоких качеств души народа, его скованные рабством могучие силы. Именно в этом значении он использовал отдельные мотивы народного творчества в своем «Путешествии».

Высоко ценили народную поэзию декабристы. Известен их интерес к материалам русской истории и эпического народного творчества. Но декабристы обращались главным образом к прошлому русского народа, к его старине, не интересуясь современным им народным творчеством.

На небывалую до того времени высоту поднял значение народной поэзии в своем творчестве Пушкин. Используя народную поэзию в своих произведениях, он призывал учиться на ней мастерству поэтического языка и ценить ее идейно-художественное богатство. Создатели великой русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, — творившие в эпоху феодально-крепостного строя, видели в народной поэзии источники неиссякаемой духовной мощи народа.

С 60-х годов XIX века особенно расширяется обогащение литературы народной поэзией. В понимании писателей-демократов народная поэзия предстает как средство художественного раскрытия мировоззрения народа. Призывая к изучению народного быта и народного творчества, революционеры-демократы связывали это важное дело с задачами борьбы за улучшение жизни народа. Добролюбов призывал знать «внутреннюю жизнь народа, если хотим что-нибудь сделать для его просвещения и облагораживания». Необходимость изучения народного быта и народного творчества выдвигалась революционерами-демократами для того, чтобы уяснить степень социальной сознательности народа. Некрасов, опираясь в своем творчестве на материалы и образы народной поэзии, стремился воздействовать на крестьянское сознание, обогатить его освободительными идеями. Идеи революционной демократии были развиты впоследствии А. М. Горьким, который разъяснил и теоретически обосновал закономерность взаимосвязей литературы и фольклора, определив значение народного творчества для создания новой социалистической культуры.

При периодизации истории народного творчества за время с XVIII века и до конца Октября следует также учитывать значение русской народной поэзии для развития поэзии братских народов — украинского и белорусского. Со всей очевидностью напрашивается необходимость сравнительного изучения взаимовлияния поэзии этих народов в каждый исторический период. Постановка и исследование намеченных вопросов особенно важны для осведомления путей развития социалистической культуры, в которую русский народ, как и другие народы Советской страны, вносит свой вклад.

А. Д. СОЙМОНОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ¹

Одним из важнейших вопросов изучения русского народного поэтического творчества советской эпохи является построение его научной периодизации. При построении периодизации следует исходить из понимания художественного творчества народа как одной из форм общественного сознания, которая отражает основные этапы в развитии советского общества и социалистической культуры. Устанавливая основные периоды в истории народного поэтического творчества, необходимо иметь в виду, что оно развивается, опираясь на существующие поэтические традиции, критически осваивая художественное наследие прошлого.

Однако распространенные в научном обиходе взгляды на периодизацию не учитывают специфики народного поэтического творчества как формы общественного сознания. Они допускают возможность прямого сопоставления развития народного поэтического искусства с экономическими преобразованиями и историческими событиями, происходящими в нашей стране. Это видно, прежде всего, по тому, как ставился вопрос о периодизации народной поэзии советской эпохи в учебных пособиях и программах курса русского фольклора для высших учебных заведений. Так, в учебных программах, принятых для филологических факультетов университетов, предлагается вести изучение устного народного творчества по следующим периодам: гражданская война, восстановление промышленности и сельского хозяйства, индустриализация и коллективизация страны, борьба партии за построение социализма в СССР, Великая Отечественная война и, наконец, послевоенное восстановление промышленности и сельского хозяйства.² По такому принципу строится периодизация, принятая в учебном пособии для заочного обучения, где предлагается рассматривать такие

¹ Обработанная стенограмма доклада, прочитанного на Совещании по вопросам изучения русского народного поэтического творчества (17—20 ноября 1953 года). В настоящее время, в свете решений XX съезда КПСС, открываются широкие перспективы для изучения народного творчества во всех областях советской культуры. В решениях съезда подчеркивается, что народ является движущей силой истории, творцом материальных и духовных ценностей. Указания съезда относительно роли народных масс и личности в истории, изложенные в ряде теоретических статей и на страницах партийной печати, являются основополагающими для советской науки. Решения съезда обязывают советских фольклористов коренным образом пересмотреть методы изучения и собирания современного фольклора. Они обязывают глубоко и по-новому осмыслить пути развития народного поэтического творчества советской эпохи и исправить ошибки, допущенные в этой области. Среди этих задач стоит и разработка проблемы периодизации русского фольклора, которая может быть осуществлена только усилиями всех советских фольклористов.

² Программа по русскому фольклору (для филологических факультетов государственных университетов), Изд. Московского университета, М., 1949, стр. 33—34.

периоды: гражданская война и реконструктивный период, годы пятилеток, индустриализация, коллективизация, культурная революция, Великая Отечественная война, послевоенный период.³

Уже одно сопоставление предлагаемых здесь периодов, отличающихся необычайной дробностью, показывает недостаточную обоснованность такой периодизации. В упомянутых учебных пособиях, как видно, старались учесть все важные события и прежде всего экономические преобразования, происшедшие в нашей стране, и менее всего считались с процессом развития самого народного поэтического творчества. Невозможно, например, установить, что подразумевается под народным поэтическим творчеством периода реконструкции народного хозяйства или эпохи восстановления промышленности и сельского хозяйства, которая длилась 3—4 года до начала индустриализации. Во всяком случае, до сего времени ни один исследователь не смог выделить такого периода в истории фольклора и обосновать это на материале народной поэзии.

Ошибки, допущенные в указанных учебных пособиях, игнорирующих специфику народной поэзии, были повторены в книге «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи».⁴ Во введении к книге выдвинуто следующее положение для построения периодизации: «В истории народного поэтического творчества можно наметить основные этапы в соответствии с главнейшими этапами в развитии советского государства».⁵ Не внося ничего принципиально нового в построение периодизации, авторы «Очерков» также основываются преимущественно на этапах развития народного хозяйства страны и отдельных событиях в истории советского государства.

Результаты такого отношения к вопросам периодизации народного поэтического творчества не замедлили сказаться в «Очерках». В книге не были раскрыты закономерности развития народного поэтического творчества советской эпохи. Исследователи ограничились известной систематизацией отобранных ими материалов и рассмотрением их в связи с экономическими преобразованиями и событиями в истории страны. Искусственный отбор материала привел к тому, что в ряде разделов «Очерков» фольклор превратился в иллюстрацию к историческим именам и событиям. Такое отношение к фольклору порождало грубейшие ошибки, возрождающие методы так называемой «исторической школы». Авторы «Очерков», следуя принятой ими исторической схеме, упрощали вопросы возникновения и развития фольклора, считая, что художественные произведения должны обязательно возникать по следам событий. В результате этого в «Очерках» не была поставлена задача изучения всей богатейшей поэтической культуры народа, которая в необычайно сложных и порой противоречивых формах отражает отдельные этапы в развитии народного самосознания в послереволюционные годы. Некоторые главы и разделы в «Очерках» поражали бедностью и скудностью материала. Это привело, между прочим, некоторых критиков книги к прямому отрицанию народного поэтического творчества советской эпохи. Действительно, далеко не всегда возможно найти художественные произведения, которые явились бы непосредственным откликом на отдельные факты индустриализации промышленности или восста-

³ В. И. Чичеров. Русское народное творчество (фольклор). Конспект курса для студентов-заочников педагогических институтов. Учпедгиз, М., 1949, стр. 94.

⁴ Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1952.

⁵ Там же, стр. 45.

новления сельского хозяйства. Однако это вовсе не означает, что такие явления прошли мимо народного сознания. Но произведения народной поэзии не всегда раскладываются по полочкам исторических событий. При изучении произведений отдельного периода нужно рассматривать их в более широком аспекте. Самым существенным и важным для создания истории фольклора и разработки вопросов его исторической периодизации является выражение народного мировоззрения на том или ином этапе, отражение дум и чаяний народа.

Однако при всех и, на наш взгляд, очень существенных ошибках, допущенных при разработке периодизации народного поэтического творчества советской эпохи, работа, проделанная в этой области, имеет определенное значение. Только на основе всего ранее сделанного можно ставить задачу дальнейшей разработки вопросов периодизации. Пользуясь опытом работы советских исследователей в области периодизации и учитывая их ошибки, в настоящее время можно наметить главнейшие периоды в развитии народного поэтического искусства советской эпохи. Рассматривая народное поэтическое творчество как одну из форм общественного сознания, тесно связанную с историческим развитием социалистических общественных отношений и видоизменяющуюся в зависимости от них, можно установить три основных периода в ее истории, которые в свою очередь делятся на ряд этапов. Такими периодами, характеризующими развитие народного поэтического творчества советской эпохи, являются: период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, период построения социалистического общества в нашей стране и период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Изучение народной поэзии каждого из указанных периодов должно быть основано на конкретном материале поэтического творчества советского народа.

1

Первый период в истории народного поэтического творчества советской эпохи относится ко времени подготовки Великой Октябрьской социалистической революции и установления советского строя. Победе Октябрьской революции предшествует длительная революционная борьба рабочего класса и крестьянства, которая находит отражение в народной поэзии, порождая художественные произведения, являющиеся прямым откликом на важнейшие политические события в стране: стачки, забастовки, вооруженные выступления рабочих, восстания крестьян, волнения в армии и т. п. Одна из главных особенностей этих произведений заключается в том, что они показывают новые отношения народных масс к окружающей их действительности, порождают революционный романтизм и оптимизм, создают образы героев революции.

В среде рабочих, на фабриках и заводах, где широкое распространение получают революционные частушки, песни, «тайные сказы» и сказки, возникают произведения, вскрывающие сущность капиталистической эксплуатации и призывающие к революционной борьбе. Многие из этих произведений, например песни и частушки, записанные на фабриках Ярославля, заводах Урала, шахтах Донбасса, Сормовском заводе в Нижнем Новгороде, являясь одной из форм политической агитации, обличают заводчиков и фабрикантов, изображают участие рабочих в революционных событиях. Особенно обращают на себя внимание песни и частушки сатирического характера, в которых высмеиваются мастера, управляющие, царские чиновники и т. д. Революционная сатира в послеоктябрьские годы получает

дальнейшее развитие и будет направлена против контрреволюционеров, белых генералов и их империалистических пособников.

Видное место в рабочей поэзии наряду с песнями, призывающими к свержению самодержавного строя, занимают сказки и сказы. Среди известных в настоящее время записей этих видов рабочего фольклора особенного внимания заслуживают сказки и сказы, собранные от рабочих уральских заводов, Сибири и ближнего Севера, где сказочный эпос занимает видное место в народном поэтическом творчестве. Сказки и сказы этого периода, как и песни, выражают ненависть рабочих к угнетателям. Некоторые из них запечатлели специфические черты быта и труда рабочих дореволюционного Урала, чудовищную эксплуатацию на фабриках и рудниках и рост революционной борьбы против самодержавно-помещичьего строя. В процессе своего бытования сказки и сказы обогащаются новыми художественными образами и историческими подробностями.

В числе многочисленных произведений сказочного эпоса рабочей среды значительный интерес имеют материалы, раскрывающие творческий путь сказителей советской эпохи, творцов новой сказки. Из числа таких сказителей, вышедших из рабочих, можно, например, назвать Ф. П. Господарева, занявшего впоследствии видное место среди советских сказителей.⁶ Главная особенность сказок, бытовавших среди рабочих, заключалась в том, что в них резко и последовательно проводится грань между эксплуатируемыми и эксплуататорами и выражается ненависть рабочего класса к самодержавию.

Находясь в авангарде революционной борьбы, русский рабочий класс выступает в союзе с крестьянством. Поэтому поэтическое творчество революционного крестьянства, так же как и творчество рабочих, выражающее идеи революционной борьбы, следует отнести к истокам народной поэзии советской эпохи. Произведения, отражающие борьбу крестьянства против самодержавно-помещичьего строя, широко бытуют в крестьянской среде. Так, например, в собрании сказок Н. Е. Ончукова помещена сказка «Барин и плотник», в которой рассказывается о жестокой расправе над помещиком. Н. Е. Ончуков пишет, что эта сказка сопровождалась «возгласами одобрения, восхищения, иногда даже восторга слушателей».⁷ В сборнике сказок Н. О. Винокуровой, записанных в 1915 году, встречается сказка о помещике-грабителе и его помощниках — губернаторе, прокуроре и т. п., ярко показывающая переосмысление традиционной сказки, что позднее наблюдается в народной поэзии послеоктябрьских лет. Исключительный интерес представляет изучение творческого пути известной советской сказительницы А. К. Барышниковой. Сравнение сказок Барышниковой с более ранними записями тех же сюжетов и изучение этих сказок в связи с развитием народной традиции показывает, что острая социальная сатира сказок Барышниковой определяется в годы революции, ярко отражая переживания крестьянства тех лет. Отсюда становятся понятными пути творческой переработки сказок Барышниковой и создание ею новых, в том числе сатирических сказок в послеоктябрьские годы.

Новые пути наблюдаются в развитии песни и в особенности частушки, занимающей видное место в поэзии крестьянства. Можно без преувеличения сказать, что именно в годы революции, частушка, обогащаясь общественно-политическим и историческим содержанием, получает то большое

⁶ См.: Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова, общая редакция и предисловие М. К. Азадовского. Госиздат КФ СССР, Петрозаводск, 1941.

⁷ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, стр. 490.

общественное значение, какое она имеет и в настоящее время. Будучи реалистичным и, как писал А. М. Горький, «наиболее подвижным» жанром, частушка с необычайной полнотой отражает настроения крестьянства предоктябрьских лет. В частушках находит отражение жизнь трудового крестьянства, доведенного до полной нищеты податями, недоимками, систематическими неурожаями и малоземельем. Борьба за землю, являясь центральной темой в поэзии крестьянства, получает широкий отклик в частушке. В особенности это подтверждают частушки о столыпинской реформе и о Государственной думе. Крестьянская поэзия, выражающая революционное мировоззрение, показывает, что крестьянство вступило на путь борьбы с самодержавием.

Зарождение новой поэзии наблюдается и при изучении песни. Песни, записанные в среде крестьянства, неразрывно связаны с художественной традицией прошлого. Творческая переработка классической песни, усиление в ней мотивов социального протеста определяют развитие крестьянской песни в предоктябрьские годы.

О росте революционного сознания народных масс в канун Великой Октябрьской социалистической революции свидетельствуют произведения, записанные в армии, характеризующие отношение народных масс к империалистической войне.

Об отношении народных масс к войне говорят многочисленные песни, развивающие мотивы рекрутской лирики, старой солдатской, а также антикрепостнической песни. Так, например, в годы войны подвергается творческой переработке и получает распространение известная песня «Как за бaramи житье было привольное». Обращает внимание тот факт, что эта песня, впервые встречающаяся в записях начала XIX века, как и ряд других, постоянно связывается с освободительным движением народа. В революционные годы эта песня упоминается на страницах большевистской «Звезды»; наконец, в послереволюционные годы записан вариант данной песни с резко обличительными антицаристскими мотивами. Идеи антикрепостнических песен, зовущих к борьбе с угнетателями, находят прямое воплощение в солдатской поэзии, призывающей к расправе над начальниками и генералами, которые в своих интересах и интересах своих империалистических хозяев гонят миллионные массы на бойню. Призыв большевиков превратить империалистическую войну в войну гражданскую находит отклик в народной поэзии.

Новые черты в развитии народной поэзии ясно определяются в канун Великого Октября. Свержение самодержавия в феврале 1917 года усиливает антицаристские тенденции. Переосмысление образа царя в народной поэзии наблюдается на всем протяжении революционной борьбы рабочего класса и крестьянства в годы подготовки революции. Это прослеживается в развитии сказочного эпоса, начиная с наиболее ранних записей революционной эпохи. В сборнике сказок Н. Е. Ончукова встречается сказка о царе и черепане, в которой герой укоряет царя за то, что тот «жалует» и без того богатых бояр, а у бедных людей «с зубов кожу дерет». Царь, поп и боярин «собрались в один лик», как говорит сказочник.⁸ В уральской сказке «Об Иване царевиче и Иване Сторожевиче»⁹ сказочному царю, наделенному чертами реального царя, противопоставляется герой — выходец из народа и т. д. Переосмысление образа царя наблюдается и в классической народной песне, о чем свидетельствуют ряд записей

⁸ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1909, стр. 33.

⁹ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, стр. 64—70.

Е. Э. Линевой и А. М. Листопадова. В годы империалистической войны произведения, выражающие ненависть народа к царю, встречаются все чаще и чаще. В первые годы после революции такие произведения встречаются повсеместно, о чем свидетельствуют записи сказок (например сказка «Золоченые лбы»,¹⁰ «Смех и горе»¹¹ и многие другие), песен, частушек и т. д. В былевом эпосе в годы революции намечается новое осмысление исторического прошлого народа. В творчестве ряда певцов (Н. С. Богдановой, И. Г. Рябинина-Андреева и др.) заметно усиление социальной характеристики героев, выражающей классовые противоречия. Таким образом, в годы подготовки революции происходят коренные изменения в народной поэтической традиции. Они заключаются в творческой переработке художественного наследия и зарождении новой революционной поэзии советской эпохи.

Новые пути в развитии народной поэзии определяются после победы Октябрьской социалистической революции. В обстановке ожесточенной борьбы против врагов социалистической революции, начавших иностранную военную интервенцию и гражданскую войну, наступает новый этап в истории народного поэтического творчества. Естественно, что главной особенностью народной поэзии на данном этапе является отражение в ней борьбы народных масс с иностранными интервентами и контрреволюционерами за установление и упрочение советского строя. В обстановке этой борьбы и слагаются ее основные черты как поэзии свободного народа, поэзии, проникнутой идеями интернационализма и советского патриотизма. В эти годы большое значение приобретает художественная самостоятельность, которой в дальнейшем будет принадлежать ведущая роль в развитии фольклора советской эпохи.

Отражение революционных событий эпохи особенно прослеживается в таких жанрах, как песня и частушка. Общеизвестно, например, какое широкое распространение в первые годы революции получают частушки «Яблочко», удивительно метко передающие настроения самых широких слоев народа. Развивая художественную традицию предоктябрьской революционной поэзии, народ создает частушки о борьбе рабочего класса и крестьянства с контрреволюцией, помещиками, об установлении советской власти, о старой и новой жизни в их сопоставлении («раньше и теперь») и многие другие.

Возникают и новые советские песни. В. И. Ленин в беседе с Д. Бедным говорил о необходимости создания новой песни, которая «в привычной, своей, народной форме, выражает новое содержание».¹² И такие песни создаются на основе богатейшей песенной культуры народа.

На местах событий — в Поволжье, южных и западных областях страны — создаются песни о борьбе с контрреволюционными мятежами, о разгроме белогвардейских полчищ Деникина и героических подвигах Первой конной армии С. М. Буденного, о героях гражданской войны В. И. Чапаеве и Н. А. Щорсе. Состав этих песен неоднороден; здесь есть и боевые песни, походные, балладные, песни о героических подвигах бойцов Красной армии и партизанских отрядов и многие другие. Большое место в народном поэтическом творчестве этого времени занимают также сатирические песни и частушки о белых генералах и их империалистиче-

¹⁰ О. Э. Озаровская. Пятиречье. Л., 1931, стр. 143—157.

¹¹ Сказки из разных мест Сибири. Под редакцией М. К. Азадовского, Иркутск, 1928, стр. 8—12.

¹² Д. Бедный. Предисловие к I тому книги Л. Войтоловского «По следам войны». Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 6.

ских хозяевах. В создании новых песен видную роль начинает занимать красноармейская художественная самодеятельность.

На северных и восточных фронтах гражданской войны наряду с произведениями фронтовой красноармейской поэзии возникают песни и частушки и другие произведения, созданные красными партизанами. Среди многочисленных песен, записанных от участников партизанского движения, обращают на себя внимание песни о героических подвигах бойцов и командиров партизанских отрядов, песни-баллады, ярко передающие типические жизненные конфликты времен гражданской войны (например известная баллада о двух братьях). Историко-бытовые черты эпохи гражданской войны содержат также причитания о погибших бойцах Красной армии, являющиеся прообразом поэтических сказов, возникших в последующие годы и известных особенно на Севере. Новая народная песня в годы Великой Октябрьской революции и гражданской войны опирается на богатейшую поэтическую традицию.

Значительные изменения наблюдаются и в развитии прозаических жанров народной поэзии. Создается устный народный историко-революционный рассказ. Основная особенность произведений этого жанра заключается в том, что они создаются непосредственными участниками исторических событий, т. е. широкими народными массами. В народных рассказах или сказках, как называют их некоторые исследователи, запечатлены все основные события революции и гражданской войны. В них повествуется о событиях начала 1917 года, о приезде В. И. Ленина в Петроград, об Октябрьском восстании в Петрограде и распространении власти Советов по всей стране, которое В. И. Ленин назвал «триумфальным маршем» советской власти. Широко освещаются в народном рассказе борьба с иностранной военной интервенцией и контрреволюцией внутри России, подвиги героев гражданской войны и полководцев Красной армии К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, В. И. Чапаева, Н. А. Щорса. При этом народные рассказы сохраняют многие подробности и боевые эпизоды, которых не отразили ни исторические документы, ни литературные памятники эпохи.

Среди многочисленных собраний и публикаций народных рассказов центральное место занимают рассказы, записанные от народных сказителей. Талантливый сказитель не только придает устным рассказам законченную художественную форму, но также использует их для создания произведений повествовательных, эпических жанров, более сложных по своей художественной структуре. На это неоднократно обращалось внимание в дореволюционной науке при изучении народных рассказов как на историческую, так и бытовую тематику. Например, Б. М. и Ю. М. Соколовы в статье «Сказочники и их сказки», предпосланной сборнику «Сказки и песни Белозерского края», писали, что под рубрику «сказки» они подвели и собственно сказку с традиционным сюжетом и рассказ, сложившийся на местной почве, считая, что в начальной форме многих сказок были народные рассказы разного содержания, «лишь потом обраставшие другими подробностями, сцеплявшиеся с другими мотивами и приобретающие постепенно сказочный традиционный стиль и форму».¹³ Наблюдения Б. М. и Ю. М. Соколовых над рассказом бытового характера подтверждаются и соответствующими наблюдениями над развитием устных рассказов исторического содержания. В советскую эпоху творческое использо-

¹³ Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915, стр. VII.

вание и переработка народных рассказов об исторических фактах и событиях для обогащения сказки, былины, поэтических сказов наблюдается у таких сказителей, как Е. И. Сороковиков, А. М. Пашкова, М. С. Крюкова, К. С. Копысова и многих других.

Новая поэзия революционной борьбы рабочего класса и крестьянства входит неотъемлемой частью в социалистическую культуру, создаваемую советским народом.

2

Второй период в истории народного поэтического творчества советской эпохи связан с борьбой за построение социализма в нашей стране. Таким образом, подобно первому периоду он также охватывает многие годы.

Поэтическое творчество народа в этот период прокладывает себе путь в непрерывной борьбе с пережитками реакционной идеологии и прямым наступлением врагов советской власти, пытавшихся возродить навыки и привычки, религиозные и другие предрассудки, оставшиеся от старого капиталистического мира. Преодоление этих пережитков, дальнейшее совершенствование, шлифовка произведений народной поэзии, созданных в годы революции и гражданской войны, составляют главные черты начального этапа данного периода. В этих условиях решающее значение приобретает ликвидация неграмотности миллионов масс трудящихся. Развитие народной поэзии в условиях, когда трудящимся открылся доступ к знанию, естественно пошло иными путями в сравнении с теми, которые складывались при капиталистическом строе в царской России. Капиталистический строй, писал А. М. Горький, убивал в „маленьких людях“ способности художников и творцов, этот строй не давал талантам ни места, ни возможности развернуться, расцвести».¹⁴ Социалистический строй, уничтожающий эксплуатацию человека человеком, открывал широкие перспективы для расцвета и подъема коллективного творчества народа во всех областях духовной культуры.

Процессы, наблюдаемые в народном поэтическом творчестве, свидетельствуют о том, что народные массы умело используют богатейшую поэтическую культуру как идейное оружие в борьбе за построение социализма, создавая на ее основе новые художественные произведения. Это явление наблюдается во всех видах и жанрах народной поэзии: в частушках, песнях, произведениях сказочного и героического эпоса.

Частушка и песня, как наиболее массовые жанры народной песенной культуры, развиваются, обогащаясь общественно-политической тематикой. В них отражается участие народных масс в общественной и политической деятельности, новые формы труда, раскрепощение женщины, борьба с религией, по-новому складывающиеся личные и семейные отношения, обусловленные новыми формами брака. Важнейшую роль при создании новой частушки играет рост политической сознательности и культурного уровня народных масс. Многочисленные записи частушек начала и середины 20-х годов при сравнении их с позднейшими записями 30-х годов показывают, как постепенно изменялось содержание и совершенствовалась форма частушки с повышением политической сознательности народных масс.

Не менее интенсивно развивалась народная песня, в которой революционная романтика, отражающая новые общественные отношения, вытесняет столь типичные для старой народной песни мотивы тоски и горя.

¹⁴ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 25, М., 1953, стр. 11.

Уже записи середины 20-х годов свидетельствуют об изменении идейно-художественного содержания старых песен и о шифровке песен периода гражданской войны. Так, например, известная песня «Вы поля...» получает ряд вариантов,¹⁵ на каждом можно проследить процесс обработки песни.

Публикация народной песни этого периода представлена пока единственным в советской научной литературе фундаментальным музыкальным сборником песен А. М. Листопадава. Записи Листопадава, производившиеся на протяжении многих лет, содержат большой материал и показывают, как изменяются старые песни (например песни о Разине), освобождающиеся от царистских иллюзий, и как на основе развития лучших традиций прошлого создаются новые, советские песни. Песни Поволжья, северных и других областей страны, где развитие народной песенной традиции происходило весьма интенсивно, еще ожидают своих публикаций. В настоящее время открывается возможность восполнить этот пробел путем создания свода русской народной песни, который обобщит многочисленные и пока разрозненные записи советских собирателей.

Процессы, наблюдаемые в развитии народной песни, прослеживаются также в развитии героического и сказочного эпоса. В области сказочного эпоса советская наука обладает неисчерпаемыми материалами, по количеству и качеству записей далеко превосходящими дореволюционные собрания. Изучение этих материалов советскими исследователями показывает, что обогащение сказки новым революционным содержанием изменяет природу сказки, не разрушая однако ее художественной формы. В сказках появляется реальное представление о времени, условиях и месте действия, исчезают религиозные и иные предрассудки, фантастика сказки становится воплощением мечты и романтики, как это наблюдается, например, в ряде сказок Ф. П. Господарева.¹⁶

Переломным этапом в истории народного поэтического творчества в период построения социалистического общества в нашей стране явились годы осуществления коллективизации крестьянских хозяйств. Глубочайший революционный переворот, каким явилась коллективизация, находит яркое отражение в народной поэзии. Процессы развития основных жанров народного поэтического творчества в предшествующие годы завершаются в этот период возникновением новых художественных произведений о жизни советского народа, о его историческом прошлом и будущем.

Большое значение в эти годы приобретает творчество народных сказителей. Произведения, создаваемые сказителями, раскрывают борьбу нового со старым в народной поэзии: постепенно преодолеваются старые архаические формы, получают развитие новые формы. Однако следует отметить, что наряду с мастерами народного творчества, обладающими большой поэтической культурой и дарованиями, новые произведения пытаются создать люди, не имеющие этих данных и занимающиеся стилизацией под народное творчество, причем здесь повинны и некоторые фольклористы, пытающиеся толкнуть отдельных сказителей на ложный путь подобной стилизации. Так сильный след стилизации замечен в произведениях, записанных от М. С. Крюковой. Творческий путь М. С. Крюковой был очень сложен; известные отклонения от народной поэтической культуры как при воспроизведении классических былин, так и в создании

¹⁵ 30 русских народных песен. Записи Вл. Захарова, редакция текстов и примечаний П. М. Кузьмина. Музгиз, М.—Л., 1939, стр. 44, 103—104.

¹⁶ См., например, сказку «Солдатские сыны» в сборнике: Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Общая редакция и предисловие М. К. Азадовского. Госиздат КФ ССР, Петрозаводск, 1941, стр. 60—87.

новых произведений были для нее не случайны. Этим и воспользовались некоторые собиратели и в том числе Викторин Попов, записавший от нее «новины». Но стремление М. С. Крюковой создавать новые произведения явилось естественным выражением ее чувств и переживаний, как это имело место и у других сказителей.¹⁷

Многочисленные новые произведения о жизни и борьбе советского народа за построение социалистического общества созданы коллективами художественной самодеятельности. Выше уже отмечалось, что с первых лет образования Советского государства художественная самодеятельность начинает занимать ведущее место в развитии художественного творчества народа. Указывалось на то, что развитие художественной самодеятельности имело огромное значение в годы гражданской войны. Первые коллективы художественной самодеятельности, созданные в красноармейских частях, на заводах и в деревнях, являлись вместе с тем первыми создателями многих произведений, в особенности песен и частушек о гражданской войне, которые до настоящего времени сохраняются в памяти народа. Но особенно большой размах принимает художественная самодеятельность в годы социалистического строительства. При этом жизнеустойчивость художественной самодеятельности как основной формы художественного творчества народа в советскую эпоху объясняется тем, что она не порывает с передовыми традициями народной поэзии, о которых говорилось выше. Некоторые жанры народного творчества, как, например, частушка, в значительной степени явились общими для традиционного народного искусства и художественной самодеятельности. С другой стороны, художественная самодеятельность тесно связана с профессиональным искусством, которое оказывает сильнейшее воздействие на ее развитие. Несомненно, постановка драмы А. Н. Островского «Бедность не порок» на клубной сцене силами большого коллектива художественной самодеятельности скорее явление профессионального искусства, и его связь с фольклором, на первый взгляд, может проявиться разве только в самобытных дарованиях участников спектакля. Однако в действительности эти связи значительно глубже. Они выражаются в том, что, приобщаясь к профессиональному искусству, участники художественной самодеятельности отнюдь не становятся профессиональными поэтами, композиторами или певцами. Они остаются рабочими, колхозниками, интеллигенцией, не порывающими со своей основной профессией. Поэт и рабочий здесь, как и раньше, предостоят перед нами в одном лице. И поэтому, как бы ни было их искусство близко к профессиональному, оно остается искусством широких народных масс. Эта главнейшая особенность художественной самодеятельности в наибольшей степени роднит ее с лучшими традициями народного искусства прошлых эпох и делает ее могучей творческой силой в развитии поэтической культуры народа.

Все эти особенности художественной самодеятельности как подлинно народного искусства определяются во второй период развития народного

¹⁷ Следует отметить, что сказители, создавая новые произведения, продолжали развивать лучшие традиции классического наследства. Изучение творчества певцов былин в этот период показало многочисленные факты переосмысления и творческой переработки классических сюжетов, что свидетельствует о новом отношении народных масс к историческому прошлому. Творческое развитие художественного наследства эпической поэзии привело к созданию замечательных произведений (например, известная былина «Про татарское нашествие», записанная еще в конце 20-х годов от М. Г. Антонова, ряд былин, записанных в 30-е годы от А. М. Пашковой, М. С. Крюковой и других певцов), которые говорят о том, что творчество сказителей неразрывно связано с лучшими традициями народной поэзии.

поэтического творчества советской эпохи. При этом сам процесс развития художественной самодеятельности органически связан с развитием советской культуры, о чем уже говорилось выше. Наиболее массовым жанром народной поэзии являлась, как отмечалось, народная песня и частушка. Развивая классические жанры народной поэзии, самодеятельное искусство вместе с тем приобретает свои специфические формы. Так, одними из ранних форм художественной самодеятельности явились живые газеты, агитбригады, художественные обозрения, райки и т. п. Впоследствии самодеятельность приобретает более массовый характер. Известно, что уже в 1932 году в Москве проводится Первая Всесоюзная олимпиада художественной самодеятельности, в подготовке которой приняло участие несколько десятков тысяч человек. В 1935—1937 годах смотры и олимпиады принимают массовый характер и число участников их в отдельных областях и республиках достигает 40—50 тысяч человек. Творческие возможности коллективов художественной самодеятельности оказываются при этом неисчерпаемыми. Они создают новые драматические произведения, в том числе на традиционной основе (например «Гдовская старина»), новые песни, частушки, музыкальные произведения и т. п. В деревнях, а также и на заводах в художественной самодеятельности принимает большое участие старшее поколение рабочих и колхозников, которые приходят со своим репертуаром, причем видное место в нем занимает классическая и революционная поэзия предоктябрьских лет.¹⁸ Но главное значение художественной самодеятельности этого периода заключается в том, что она обогащает народное творчество советской эпохи новыми произведениями, созданными самодеятельными коллективами, и вместе с тем популяризирует творчество советских поэтов и композиторов. Так, коллективным творчеством масс при помощи и участии мастеров профессионального искусства создаются новые произведения поэтического искусства о жизни и борьбе советского народа за построение социализма в нашей стране. Это искусство органически связано с лучшими традициями прошлого, но оно вместе с тем имеет совершенно самостоятельный характер и свои специфические черты, которые коренным образом отличают его от искусства прошлого. Именно, благодаря этим специфическим чертам, оно стало неотъемлемой частью советской социалистической культуры.

Таким образом, второй период в истории народного поэтического творчества советской эпохи характеризуется развитием передовых традиций классической народной поэзии и возникновением новых художественных произведений, в создании которых ведущая роль принадлежит художественной самодеятельности, ставшей основной формой массового художественного творчества народа.

3

Основные черты третьего периода в истории народного поэтического творчества советской эпохи определяются в условиях завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Как и предыдущие, данный период охватывает многие годы и разделяется на ряд этапов в соответствии с развитием социалистических общественных отношений и конкретно-исторической обстановкой.

¹⁸ Очерки народнопоэтического творчества советской эпохи. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 196—207.

Изменения классовой структуры общества в результате завершения строительства социализма в нашей стране обусловили коренные преобразования в жизни народа и его культуре. В результате происшедших преобразований исчезает прежняя обособленность крестьянского фольклора и рабочего фольклора, как они именовались собирателями в 30-е годы. Рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция в Советском Союзе благодаря преобразованиям, приведшим к уничтожению былого недоверия деревни к городу и противоположности интересов людей физического и умственного труда, становятся единым коллективом советских людей, создающих искусство и культуру коммунистического общества.

Художественное творчество народа в этот период продолжает развиваться в новых формах, начиная от кружков художественной самодеятельности, во главе которых нередко стоят мастера народного искусства, и кончая организацией слетов, декад национального республиканского искусства в Москве и проведения грандиозных народных празднеств.

Процессы, наблюдаемые в эти годы в народном поэтическом творчестве, могут быть прослежены по ряду фольклорных записей. Примером этому могут служить материалы русской и национальной народной поэзии, записанные в предвоенные годы и опубликованные в многочисленных сборниках и периодической печати. Изучение собранных материалов показывает, насколько сложными явились эти процессы. Они дают возможность проследить, как преодолеваются моменты стилизации и исчезают старые архаические формы народного творчества, сохраняемые только там, где это обусловлено специфическими особенностями национальной народной поэзии. Они раскрывают процесс создания новой песенной поэзии, которая широко использует литературные формы. Указанные материалы ясно показывают, что остается от прошлого и в чем выражается новаторство в народной поэзии советской эпохи. Произведения народного творчества этого периода проникнуты идеями советского патриотизма.

Идеи советского патриотизма, порожденные борьбой советского народа за свою социалистическую родину, определяют развитие народного поэтического творчества в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, завершившейся всемирно-исторической победой над немецким фашизмом и японскими империалистами. В эти годы определяется новый этап в истории народного поэтического творчества данного периода. На этом этапе народная поэзия вместе с советским искусством и литературой, выражающими интересы народа, служила идейным оружием в борьбе с врагом. Повсюду, на фронтах и в тылу, во временно оккупированных врагом районах, где разворачивалось партизанское движение, возникали произведения народного творчества, полные ненависти к врагу, мобилизующие на борьбу с ним, призывающие к стойкости, героизму и сплоченности.¹⁹ Ведущее место в народном поэтическом творчестве во фронтовых условиях и в тылу принадлежит художественной самодеятельности. В 1943 году газета «Правда» отмечает необходимость проведения очередного смотра художественной самодеятельности, указывая, что народное искусство мобилизует и вдохновляет на борьбу с врагом. Итоги проведенного смотра дают большой фольклорный материал, рассказывающий о героической борьбе советского народа и его трудовых подвигах.

¹⁹ Советскими собирателями собраны богатейшие материалы фольклора Великой Отечественной войны. Сектором народного творчества (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР составлена библиография этих материалов. Кроме того, см. работу: В. Сидельникова. Народное творчество. Библиография за 1941—1947 годы. «Дружба народов», альманах, кн. 17, 1948, стр. 221—228.

Разнообразны формы художественной самодеятельности в частях Советской армии. Восстанавливая лучшие традиции фронтовой самодеятельности времени гражданской войны, воины Советской армии не расстаются с песней, частушкой, зовущей на подвиг и обличающей ненавистного врага. В фронтовых условиях нередко по следам событий создаются новые произведения, перерабатываются старые, широкое распространение получают песни советских поэтов. Хорошо организованная художественная самодеятельность в частях Советской армии служила идейным оружием, мобилизующим на борьбу с ненавистным врагом.

Широко откликаются на события войны народные сказители. Основным содержанием произведений народного поэтического творчества в годы войны являлось изображение этапов и событий войны, подвигов воинов Советской армии, партизан и героев тыла, повествование о братском единении народов Советского Союза.

Художественные образы героев фронта и тыла в устных поэтических произведениях раскрывали благородный моральный облик советского человека. Особенности произведений народного творчества в эти годы, как отмечается советскими исследователями, являлись лаконичность, предельная ясность и четкость в выражении мысли, доходящая иногда до афористичности, призывность и патриотический пафос. Большое место в народной поэзии в годы войны занимали сатирические произведения, обличающие врагов, что особенно ярко проявлялось в частушке, а также в народном рассказе и сказке, обладающей большим запасом выработанных в народной традиции поэтических приемов народной сатиры.²⁰

В период войны глубокой творческой переработке и шлифовке подвергаются произведения, рассказывающие о героическом прошлом народа, в частности исторические песни и предания. В то же самое время классические образы этих произведений становятся достоянием новой советской поэзии, о чем, например, свидетельствуют некоторые произведения М. С. Крюковой, записи сказов и сказок на Дону, сделанные Б. С. Лашилиным, записи на Урале В. П. Бирюкова и другие собрания.²¹ Все эти материалы говорят о том, что народные массы, бережно сохраняя классическое наследие, творчески используют его для создания новой поэзии.

Новый этап в развитии народного поэтического творчества наступает в послевоенные годы. Героический труд советского народа по восстановлению промышленности и сельского хозяйства находит яркое отражение в народном поэтическом творчестве. Изображая трудовые подвиги советских людей, произведения народной поэзии послевоенного периода повествуют об успехах новой пятилетки, о социалистическом соревновании, о массовом новаторстве на производстве. Раскрывая тему социалистического труда послевоенное народное творчество показывает советских людей как людей нового типа. Изображение героического труда в народной поэзии неотъемлемо связано с борьбой советских людей за мир во всем мире. Одновременно с этим ведущими темами народного поэтического творчества

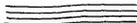
²⁰ Обзор и анализ материалов фольклора Великой Отечественной войны Советского Союза дан в работе А. Л. Дымшица «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны» (Очерки народнопоэтического творчества советской эпохи. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1952, стр. 346—447).

²¹ См.: М. С. Крюкова. О богатых старопрежних и нынешних. Записи А. Морозова и Э. Бородинной-Морозовой с предисловием А. А. Морозова. Облгиз. Архангельск, 1946; Донские сказы и сказки. Записал Б. Лашилин. Огиз, Сталинград, 1951; В. П. Бирюков. Устами народа. «На земле Курганской», альманах, № 2, 1951, стр. 178—201.

в послевоенные годы является тема горячей любви к социалистической Родине и успешного строительства новой жизни. Этому посвящены лучшие произведения народного творчества.

Особенно значительное развитие в этот период получает художественная самодеятельность. На базе художественной самодеятельности в послевоенные годы в областях и республиках Советского Союза начали проводиться массовые праздники песен. Проведение праздников песен наряду с республиканскими и всеююзными смотрами художественной самодеятельности показывает, насколько возросла поэтическая культура советского народа. В народной поэзии исчезают пережиточные и архаические формы. Появление новых форм составляет одну из существующих особенностей народного поэтического творчества данного периода. Большое значение для развития народного творчества приобретает литературная самодеятельность. Интересную работу в этой области проводят дома народного творчества. Так, Московский дом народного творчества организует в 1952 году литературное объединение, которое охватывает 130 человек рабочих, колхозников, служащих, пишущих в свободное от работы время стихи, песни, рассказы. Подобные литературные объединения устанавливают связь с отделениями Союза советских писателей, которые оказывают им творческую помощь. С литературной самодеятельностью нередко находятся в контакте творческие хоровые коллективы. В таких коллективах новые песни, частушки создаются усилиями участников литературной и музыкальной самодеятельности.

Развитие художественной самодеятельности в послевоенные годы имеет массовый характер, охватывая многие миллионы трудящихся.²² Такие массовые мероприятия, как праздники песен, слеты певцов, творческие конференции, стали традицией в Советском Союзе. К проведению этих мероприятий и изучению материалов художественной самодеятельности привлекаются различные научные и творческие организации. Интересные материалы и наблюдения, показывающие развитие народной поэзии в послевоенные годы, собраны Союзом Советских композиторов и некоторыми руководителями народных хоров.²³ Ряд новых записей и наблюдений над развитием народных песен, сказов, частушек ярко характеризует новые черты народной поэзии советской эпохи. Эти материалы требуют тщательного изучения в связи с общими процессами развития народного поэтического творчества и культуры советского народа.

²² О размахе художественной самодеятельности за последние годы можно судить по следующему данным: в 1955 году в РСФСР коллективы художественной самодеятельности охватывали 6 миллионов человек, из них более 2 миллионов человек участвовало в хоро-вых ансамблях.

²³ См.: К. М а с с а л и т и н о в. Создадим новые народные песни. «Коммуна», Воронеж, 1950, 16 апреля; Русские современные песни, по материалам экспедиции ССК СССР. Составление и общая редакция С. Аксюка. Музфонд, М., 1952; Современные песни из репертуара русских народных хоров. Составил А. Копысов. Музгиз, М., 1953.

Б. Н. ПУТИЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Настоящая статья не претендует на подведение итогов в области изучения русской исторической песни за последнее время. Итоги эти настолько значительны, что требуют особого специального обзора. Наша цель — обратить внимание на некоторые существенные проблемы, не решенные или остающиеся спорными, поставить отдельные вопросы, требующие, на наш взгляд, первоочередного разрешения. Интересы научного движения требуют в первую очередь критической оценки всего сделанного, критического подхода как к сумме добытых выводов, так и к методической стороне исследований.

Здесь нет возможности говорить о всем комплексе проблем, — их много, и они сложны и значительны. Представляется важным выделить вопросы узловые, от верной постановки которых во многом зависят перспективы изучения жанра в целом.

1

Что такое историческая песня? Какие конкретные явления русского песенного фольклора должны быть отнесены к области исторической песни? Ограничена ли эта область какими-либо определенными рамками — хронологическими, тематическими, стилевыми? Вот тот первый круг вопросов, который неизбежно возникает у всякого, кто хотя бы бегло познакомится с рядом фольклористических исследований последних лет.

Вопрос о возникновении и бытовании исторических песен исследователями решается по-разному.

Некоторые ученые допускают, правда в очень осторожной форме, возможность существования исторических песен уже в X—XI веках. Форма этих песен, разумеется, никак не может быть ныне представлена, но о содержании некоторых из них можно в какой-то степени судить по рассказам старшей русской летописи.¹

Более определенно говорится об исторических песнях XIII—XV веков. Здесь уже прямо называются конкретные сюжеты как известные по поздним фольклорным записям («Авдотья Рязаночка», «Щелкан Дудентьевич»), так и сохранившиеся в литературных памятниках того времени («Евпатий Коловрат», «Александр Невский»)².

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 153—178 (раздел написан Д. С. Лихачевым).

² Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 282—290 (раздел написан М. О. Скрипилем); Б. Н. Путилов. Песня

Большинство исследователей считает временем полного развития русской исторической песни XVI век. К периоду XVI—XIX столетий относится создание сотен сюжетов. Но и XIX век, с точки зрения некоторых авторов, не является границей живого существования жанра; утверждают, что он продолжает свою жизнь и в XX столетии, причем не только в крестьянском, но и в рабочем творчестве. Так, П. Г. Ширяева считает, что «в русском народном творчестве рабочую историческую песню следует рассматривать как необходимое и важное звено в общем развитии русского исторического песенного жанра».³ П. Г. Ширяева и В. К. Соколова видят в исторической рабочей песне качественно новый, высший этап в развитии русской исторической песни.⁴ По мнению В. К. Соколовой следует говорить об исторических песнях, «создаваемых русскими поэтами и композиторами» и становящихся затем «подлинно народными».⁵ Наконец, нередки и утверждения, что историческая песня создается и в наши дни.⁶

Старая дореволюционная наука обычно сужала границы живого развития исторических песен до двух столетий — с середины XVI до начала XVIII века. Последующее время объявлялось периодом деградации жанра, — идейной и художественной. Советские фольклористы много сделали для того, чтобы опровергнуть утверждение о затухании историко-песенного творчества; теперь уже ясно, что историческая песня развивалась своими сложными путями и в XVIII и XIX столетиях. Однако правильный, доказанный на материале тезис о не прекращавшемся в позднее время развитии жанра стал затем распространяться некритически.

Следует напомнить, что лишь в результате конкретных исследований последних лет было выявлено значение песен об Отечественной войне 1812 года и об освободительных движениях первой половины XIX века.⁷ Чтобы разрешить существующий спор о дальнейших судьбах исторической песни, нужны аналогичные исследования. Нужны прежде всего тщательные поиски материалов, которые пока что известны в очень малом количестве и не представляют чаще всего большой идейно-художественной ценности. Последнее обстоятельство естественно порождает законное предположение, что русская историческая песня в ее классических формах, пережив период подъема и расцвета, затем постепенно прекратила свое развитие.

Особо стоит вопрос об исторической теме в рабочем песенном фольклоре. Факты убедительно показывают, что рабочие песни исторического (или точнее говоря, политического) содержания в конце XIX и XX столетиях создаются в большом количестве и действительно интересны и значительны по своему идейно-художественному содержанию. Однако их преемственная связь с крестьянской и солдатской исторической песней не доказана. Ведь совершенно недостаточно того обстоятельства, что это —

о Евпатии Коловрате. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР», т. XI. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1955.

³ П. Г. Ширяева. Историческая тема в песенном рабочем творчестве. Сб. «Славянский фольклор», Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 142; Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 319.

⁵ Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией П. Г. Богатырева, М., 1954, стр. 318—319.

⁶ Там же, стр. 292.

⁷ Некоторые итоги этих исследований обобщены в 1-й книге II тома «Русского народного поэтического творчества» (Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1955; раздельно, написанные Л. В. Домановским и Э. С. Литвин).

песни на историческую тему. Здесь мы хотим сказать об одном серьезном заблуждении, которое имеет место в исследованиях последних лет. Заключается оно в том, что в разряд исторических песен включаются подчас все песни с исторической (политической) тематикой. Явления разной, по существу, художественной природы объединяются на том основании, что они откликаются на факты политической жизни, говорят об определенных исторических событиях и лицах. В результате в одном ряду, как разные звенья одной цепи, оказываются столь далекие друг от друга песня XVI века о взятии Казани, песня на слова К. Рылеева о Ермаке и рабочая песня «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом». Очевидно, что при этом одна из важнейших особенностей жанра — конкретно-историческое изображение действительности — понимается чисто внешне и искусственно отрывается от других особенностей идеологического и эстетического содержания, а самому понятию «историческая песня» придается непомерно широкий смысл, так что оно расплывается, теряет четкость и научную определенность. Очевидно, что необходимо вернуть этому понятию его конкретный научный смысл.

Да, русский фольклор постоянно и неотступно сопутствует истории. Незатухающий интерес к темам политическим — характерная его особенность. Интерес этот находил выражение в разнообразных художественных формах, которые рождались, развивались и умирали в связи с развитием политического и художественного сознания народных масс. Историческая тема в фольклоре не могла заглохнуть; но отдельные поэтические формы умирали, уступая место новым.

Надо, следовательно, говорить об историко-песенном фольклоре как многообразном художественном явлении, включающем различные конкретные формы. Одной из таких исторически сложившихся и развивавшихся форм народной поэзии была историческая песня. Жанр этот ни в коем случае не исчерпывает всего многообразия песен на историческую тему. Он возникает на определенном этапе истории народного творчества и в определенных условиях и характеризуется своими закономерностями развития. Ему присущи свои принципы отражения действительности, воплощенные в сложившейся поэтике. В силу ряда обстоятельств, которые должны быть тщательно изучены, историческая песня со временем прекращает свое развитие, чтобы уступить место новым художественным образованиям. Новое может быть генетически связано с традициями старой исторической песни, но может возникнуть и вне этой связи. В песнях политического содержания, созданных рабочими, такая связь как раз не ощущается. Форма этих песен столь же нетрадиционна, как и их содержание, и они должны быть определены как новое явление.

Надо думать, что формы исторической песни в конце концов перестали отвечать возросшему историческому сознанию народа. Отдельные случаи создания песен нового содержания с опорой на старые традиции возможны, они имели место и в советском фольклоре, но эти единичные случаи лишь сильнее подчеркивают общую картину.

Мы хотели показать, что решение таких вопросов, как определение хронологических границ жанра, его конкретного состава и т. д. возможно лишь на основе уяснения его идейно-художественной специфики.

Нам нужна теория жанра исторической песни. Но теория фольклорного жанра в наши дни невозможна без его истории. Чтобы уяснить до конца, что такое историческая песня, в чем ее сущность, какова ее природа, нам нужно не вообще, а конкретно-исторически, на анализе всего материала, изучить, когда и как сложилась историческая песня, что она

представляла собой на разных этапах, как развивалась и к чему пришла. Исследование должно вестись на широком фоне всего историко-песенного фольклора.

Ключ к пониманию жанра исторической песни — в его истории. Изучать эту историю надо с начала, — вот почему в настоящей статье выдвигаются на первый план проблемы, связанные с историческими песнями старшей поры (до XVI века включительно).

2

Чтобы изучение истории возникновения и развития исторических песен привело к плодотворным результатам, необходимы, по крайней мере, три важных условия: четкие методологические предпосылки и, прежде всего, ясное определение самого содержания понятия «история жанра», принципиальное решение источниковедческих проблем и разработка вопросов методики исследования.

Вопросы методологии. Представляется очень важным освободить содержание понятия «история исторической песни» от формально-исторического и социологизаторского подхода. Простое соотношение песен с лежащими в их основе фактами, уяснение того, как осмыслялось в песне то или иное событие, обычное понимание песни преимущественно как некоего политического документа эпохи, облеченного в поэтические формы, — все это дает чрезвычайно мало для понимания истории жанра. Анализ исторического содержания песен, разумеется, необходим, но оторванный от анализа формы, лишенный должной историко-фольклорной перспективы, он приводит к выводам, правильность которых сомнительна и которые не являются плодотворными. Рассмотрение песен даже одной эпохи по принципу тематического ряда или общности главного героя, попытки связать между собой песни разных периодов, перебрасывая зыбкие мостики все той же тематической общности, сюжетных и стилистических сближений, сходства образов, приводят лишь к уяснению отдельных фактов истории исторических песен, но не дают цельной картины.

Показательны в этом отношении результаты изучения песен XVI века, которыми в последнее время занимались сравнительно много.⁸ Исследователями накоплено много частных наблюдений, сделаны отдельные выводы, касающиеся преимущественно идейно-политической стороны песен, но главные проблемы еще ждут своего разрешения.

В основе наших исследований должна лежать та основная мысль, что история жанра — это сложный, длительный во времени, обусловленный жизнью народа и движением его политического и художественного сознания процесс.

Историческая песня представляет собой единство определенного содержания и определенных форм. Это единство не могло сложиться сразу. Историческая песня рождалась медленно, ибо устное коллективное творчество приходит к новым устойчивым формам путем долгих поисков, через творческое переосмысление плодотворных и преодоление отживших традиций, через накопление новых элементов.

Прежде чем историческая песня сложилась в тех формах, в каких мы знаем ее по данным XVI века, были другие формы, являвшиеся своеобраз-

⁸ См., например: В. К. С о к о л о в а. Русские исторические песни XVI века. Сб. «Славянский фольклор», Изд. Академии Наук СССР, М., 1951; Русское народное поэтическое творчество, т. 1. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953 (разделы, написанные Б. Н. Путиловым).

ной основой для создания исторической песни. Эти формы шли и от эпоса, от лирики и даже от сказки, а также от тех фольклорных произведений, следы которых мы находим в памятниках древней русской литературы.

За проблемой возникновения исторической песни стоит более широкий круг вопросов истории русского народного поэтического творчества. На каком этапе истории русского фольклора появляется потребность в новых принципах отражения истории? Чем обусловлена эта потребность? Значит ли это, что принципы былинного эпоса воспринимались уже как недостаточные или вообще изжили себя? Приходит ли историческая песня в изображении истории на смену былине или просто становится рядом с ней, т. е. могут ли существовать и жить эти два историко-песенных жанра одновременно, либо они исключают друг друга?

Все эти вопросы можно и должно ставить в плане теоретическом. Но не менее важной представляется задача — тщательно проследить на конкретном материале процесс созревания и утверждения новых художественных принципов.

Отношение старшей исторической песни к былине должно быть исследовано с учетом всего сказанного. До сих пор преобладали общие сопоставления двух жанров. Будучи верными в каких-то отдельных выводах, такие сопоставления не приводили к достаточно плодотворным результатам, потому что проводились суммарно и были лишены исторической перспективы. Совершенно ясно, что отношения между двумя жанрами были чрезвычайно сложными, они развивались и изменяли свой характер, потому что развивались и сами жанры.

Если в самой общей форме тезис о том, что былина и историческая песня являются двумя различными этапами историко-художественного творчества народа, верен, то конкретизируется этот тезис несколько своеобразно. С появлением исторической песни былинный эпос не исчезает, не переходит в область фольклорного наследства, а еще некоторое время продолжает жить. Вполне возможно, что хронологически отдельные былины моложе некоторых исторических песен.

И если историческая песня рождалась, в частности, на почве былинного эпоса, неся в себе и отрицание последнего и творческое отношение к определенным его традициям, то и позже, в период своего расцвета, она обращалась к этим традициям и обогащалась за счет эпоса. Можно предполагать и обратное — вновь складывавшиеся былины учитывали то новое, что вносили исторические песни в изображение действительности. Не влиянием ли последних объясняется появление в некоторых былинах исторически-конкретных деталей и образов?

Все сказанное заставляет сделать вывод о том, что пора выйти за пределы общих теоретических сопоставлений былины и исторических песен и обратиться к конкретно-историческому исследованию взаимоотношений этих двух жанров.

При изучении вопросов истории старшей исторической песни необходимо считаться с более широким кругом явлений русского фольклора эпохи средневековья. Надо привлечь к исследованию песни, которые как будто и не относятся к историческим, но связаны в своем содержании с борьбой русского народа против татарского ига, с внутренними социальными конфликтами Руси. Речь идет о песнях типа «Татарский полон», о песнях, по терминологии Белинского, «удалых» и др. До сих пор эти песни мало изучались, они пока даже не определены по времени происхождения. Увлеченные изучением песен, историческая определенность которых почти не вызывает сомнений, и поисками следов песенного фольклора в древней

литературе, мы несправедливо сужаем поле исследования, оставляя за пределами нашего внимания те песни, возможность отнесения которых к эпохе до XVII века не исключена. Изучение их имеет не только подсобный, но и самостоятельный интерес; оно поможет представить более широко картину развития русского народного творчества в далеком прошлом.

В кругу методологических проблем особо важное место занимают вопросы о принципах отражения действительности в исторических песнях. Далеко не все они до сих пор поставлены. Представляется необходимым выделить прежде всего вопросы об отношении исторических песен к истории и о художественном изображении жизни в них, тем более, что как раз здесь наши исследования пока совершенно недостаточны. Обычно отдельные песенные сюжеты изучаются независимо друг от друга, либо они группируются по признакам общности темы, времени, персонажей. Создается впечатление чисто внешних связей между отдельными песнями или группами, и это ведет к неправильному пониманию сущности песенного историзма. Его видят обычно в том, что песня якобы направлена к уяснению смысла и к оценке отдельных конкретных событий. Ошибкой здесь является установка на определение целого жанра через характеристику отдельной песни. Жанр не есть простая сумма большего или меньшего числа произведений, и отношение жанра к истории не повторяет отношения к ней отдельной песни. Если каждая отдельная песня чаще всего действительно отражает какой-то момент в исторической жизни, то жанр в целом отражает историю в движении, как процесс, по-своему понятый народом, и в этом-то и заключается специфика отношения жанра к истории. Впервые эта мысль в общей форме была высказана Д. С. Лихачевым,⁹ и она может быть развита и подтверждена на материале фольклора XIII—XVI веков. Чтобы решить новые художественные задачи, народное творчество должно было разрешить то диалектическое противоречие, которое было естественно порождено самой природой нового жанра. Отдельная песня не может передать движения истории, ибо в ней какой-то исторический момент оказывается вне связи с предшествующим ходом событий, он как бы отвлечен от исторического процесса. Связь эта может быть обнаружена лишь в том случае, когда несколько песен оказываются рядом. В этом определенном ряду выявляется преемственность событий, проясняются происшедшие сдвиги и перемены, открываются перспективы. Было бы неверно думать, что выстроенные в один ряд все исторические песни дадут полную картину движения истории. Песни, между которыми есть внутренняя тематическая общность и преемственность, выражающаяся в определенных художественных связях, образуют особый цикл. Возникновение циклов снимает то диалектическое противоречие, о котором только что говорилось. Цикл — замечательное открытие народного творчества в области исторической поэзии.

Вообще самое представление о циклах исторических песен хорошо знакомо нашей науке, но оно носит несколько внешний характер: в цикл объединяют песни одной темы или одного периода (Разинский цикл, цикл песен об Иване Грозном и др.). Вопрос же, как видим, гораздо сложнее. Было бы неверно, однако, думать, что цикл в нашем понимании — это ряд песен о следовавших одно за другим событиях, — и только. В цикле сосредоточено народное понимание движения истории, отражены представления о характере происходящих перемен, о смене конфликтов, о раз-

⁹ Русское народное поэтическое творчество, т. I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., стр. 185.

решении старых и назревании новых. Повороты в истории, в политической борьбе вызывали и соответствующие повороты в развитии цикла. Нередко это выражалось в переработке по-новому уже сложившегося сюжета, в создании его новых редакций, которые могли затем превращаться в самостоятельные песни. Так было, например, с песней о конфликте Ивана Грозного с сыном. Так было в цикле песен о Ермаке. То обстоятельство, что цикл складывался нередко из песен, очень близких в сюжетном отношении, перекликавшихся между собой стилистически, — очень важно. В художественном единстве цикла находило своеобразное выражение народное понимание единства и закономерности движения истории. Вот почему обнаружение песенных циклов и их изучение так важны для понимания жанра исторической песни. Отсюда, в частности, вытекает требование — изучать песни там, где это возможно, — не как отдельные, независимые друг от друга произведения, но как части целого.

Разумеется, такие понятия, как «движение истории», «процесс», «закономерность» в применении к народному творчеству XIV или XVI веков нуждаются в серьезном ограничении. Народные массы не могли, конечно, приблизиться к верному пониманию исторического процесса и объяснить его движущие силы. Но они улавливали происходившие перемены, ощущали движение, не могли не задумываться над тем, в какой связи все это находится. Но самое главное, что нужно иметь в виду, — в исторических песнях отражалось движение истории не потому, что народные массы сознательно к этому стремились, а потому, что народ, творивший историю, являвшийся ее основным двигателем, не мог не отразить объективно в своем сознании (в том числе и художественном) — пусть стихийно и во многом расплывчато — ее закономерностей. Поэтому исторические песни отражают не столько субъективное понимание событий народом, сколько объективное выражение народного исторического сознания.

Ведущей художественной особенностью исторических песен обычно считают их конкретность, большую точность в передаче исторических фактов, реальность их персонажей. Нередко весь анализ того или иного сюжета строится на основе установления его фактической сущности. Налицо тенденция к пониманию песни как прямого отражения политических идей эпохи. Отсюда же взгляд на песню как своеобразный документ, содержащий народную оценку важнейших исторических событий и лиц. Разумеется, все это в песне есть — и изображение конкретных фактов и личностей, и суд над ними. Но необходимо всегда иметь в виду, что всякая историческая песня — это прежде всего произведение искусства, а не документ, получивший песенную форму. В основе любой песни лежит образное осмысление действительности. Историческая песня не эмпирически воспроизводит события истории, не копирует их, а художественно изображает. Категория конкретности и точности присутствует в эстетике исторической песни, но ее нельзя понимать прямолинейно. Как бы ни была тесно связана та или иная песня (речь идет пока о песнях старшего периода) с определенными событиями и лицами, она всегда вырастает не из копирования, а из поэтического видения мира. Поэтому в ней всегда присутствует художественный вымысел. Без вымысла нет песни, нет самого основного — песенного сюжета.

Народное творчество как бы исходит из понимания того, что жизненные события, взятые в их непосредственном виде, со всеми их перипетиями, случайностями и пр., не могут составить сюжета песни. Песня — не реляция и не летописная запись. Сюжет не есть простое повторение действи-

тельности; сюжет — это концепция действительности, поэтому он строится через заострение и своеобразную группировку фактов, он может «нарушить» эмпирическую правду событий, — и не от того, что его создатели плохо знают историю, а все потому же — песня не реляция, а художественное воспроизведение жизни. Поэтому одно сопоставление песенного сюжета с его фактической основой дает еще очень мало для понимания смысла песни, может даже привести к ошибочному толкованию. Сопоставлять песню надо не с одним фактом, а с жизнью.¹⁰ А для этого нужно тщательное изучение песенного сюжета как целого.¹⁰

Наблюдения показывают, что не в эмпирически точном, а именно в художественно-вымышленном воспроизведении событий заключается сила и правда исторической песни. Это — один из ее основных принципов, который должен быть исследован. Он определяется очень рано, прослеживаясь уже в песнях о Евпатии Коловрате или об Авдотье Рязаночке. Он очень хорошо виден на примере песни о Щелкане. Сохранились летописные рассказы о Шевкаловщине, и сопоставление их с песней позволяет многое уяснить в том, как формировались принципы отражения действительности в исторических песнях, как эти песни «просеивали» факты, отбирая и заостряя то, что представлялось существенным для создания концепции, как факты ставились в историческую перспективу. Часто можно услышать утверждение, что творцы народных песен находят типические факты в истории, обобщают их. Это верно лишь отчасти, ибо типизация действительности в песнях совершается еще более через вымысел, через создание сюжета и художественных образов. Песни XVI века, отражая и ряд конкретных событий эпохи и общее понимание народом хода истории в это время, построены сплошь на вымышленных сюжетах. Речь идет не о каких-то сказочных, выдуманных сюжетах. Но элемент условности, несоответствия с возможностями действительности в этих песнях налицо — будь это песня о взятии Казани, о конфликте Ивана Грозного с сыном или о сборах казаков на Камышинке. И хотя многие песни действительно родились как бы в виде отклика на определенные события, но их содержание, воплощенное в сюжете и в образах, всегда неизмеримо шире, всегда содержит значительный художественный замысел, который должен быть прочитан. И здесь сопоставления с конкретной исторической основой недостаточны, нужен более глубокий фольклористический анализ, который может раскрыть все содержание песни.

Народное творчество нашло в песенных сюжетах великолепную форму для раскрытия и показа существенных конфликтов истории, ожесточенных политических схваток, непримиримых противоречий. Одна из сильных сторон старшей исторической песни — ее острая конфликтность.

Исторические песни, как и всякое явление искусства, — это песни не столько о событиях истории, сколько о людях — ее участниках и творцах. Об основной их направленности можно было бы сказать словами Пушкина: в этих песнях развивается судьба человеческая, судьба народная. Это, конечно, вовсе не означает, что песне нет дела до событий, до фактов. Но это значит, что основной субъект и объект исторической песни — не событие как таковое, а народ, творящий эти события, и отдельные личности, принимающие в них участие. Поэтому, когда говорят, что в песне дается оценка тому или иному факту, то это, конечно, верно, но совершенно недостаточно, — как недостаточно было бы свести смысл пушкинской «Полтавы» к оценке Полтавской битвы.

¹⁰ См. об этом ниже.

О героях исторических песен можно сказать то же, что и о ее сюжетах: это не холодные копии действительных исторических личностей, не иллюстрации, но живые образы, рожденные народным воображением, обогащенные поэтическим вымыслом.

Особенность ряда песенных образов — их связь с историческими прототипами: таковы Щелкан, Иван Грозный, Ермак, Никита Романович, Марья Темрюковна и др. Исторические личности осмыслены народным творчеством по-своему и преобразены в художественные образы. И изучать эти образы надо, соотнося их, с одной стороны, с реальной историей, а с другой, с художественным замыслом данной песни. Надо иметь в виду, кроме того, что в исторических песнях немало и образов вымышленных от начала до конца: таковы, вероятно, Евпатий Коловрат и Авдотья Рязаночка, пушкарь, отвечающий Ивану Грозному, и добрый молодец, которого ведут на правез, и московские борцы, выступающие против Кострюка, и др. Типичность героев исторических песен определяется не тем, что народное творчество находит в истории типические лица. Типические герои создаются в песнях на почве проникновения народного творчества в действительность. Исследовать принципы показа человека, раскрытия человеческого характера, человеческого поведения в песнях очень важно. Нет сомнения, что в исторических песнях народное творчество поднялось на новую ступень в изображении людей. В частности, здесь выявилась тенденция к пониманию и раскрытию человеческих поступков, замыслов, дел в их обусловленности политикой. Стремление уяснить реальные внутренние побуждения поступков людей отличает уже старшие исторические песни. С этой точки зрения очень интересно было бы исследовать роль и характер эпических традиций в изображении людей в исторических песнях. Ведь эти традиции явственно ощущаются в изображении Ивана Грозного, Кострюка, Ермака и др. Являются ли они свидетельством непреодоленных эпических представлений о человеке или они уже органически преобразованы и успешно служат новым творческим задачам? В ряде случаев можно видеть, как эпические приемы получают в песнях совершенно новый смысл и тем самым как бы отрицается характерный для былин подход к человеку, к его поступкам. В этом плане очень интересен, например, образ Ивана Грозного. Он явственно соприкасается с образом былинного князя Владимира, он иногда ставится в ситуации, напоминающие эпос, но, конечно, здесь есть внутреннее противопоставление образа царя эпическому князю — и по содержанию, и по принципам характеристики.

Очевидно, что преувеличенное внимание к конкретно-историческому началу в песнях препятствует изучению всех вопросов, связанных с принципами отражения действительности в песнях. Преодолеть этот недостаток можно лишь одним путем, — изучая песни не как своеобразные политические документы, а как произведения искусства.

Источниковедческие проблемы. Проблемы источниковедческие имеют в изучении старших исторических песен особое значение; принципиальное их решение представляет одну из насущнейших научных задач. Сюжетный состав старшей исторической песни известен далеко не полностью. Живая народная традиция не донесла многого из того, что когда-то слагалось и пелось. Совершенно ясно, что, основываясь лишь на песенных записях позднего времени, нельзя сколько-нибудь полно представить картину далекого прошлого. Очевидно, что надо искать пути к расширению источниковедческой базы. Один такой реальный путь — тщательные поиски различных песенных следов в древней русской литературе XI—XVII веков, возможное восстановление утраченных в фольклорной

традиции песенных сюжетов и — на этой основе — вовлечение в научный оборот новых данных, очень важных для воссоздания начальных форм рождавшейся исторической песни. Правомочность такой работы методологически обоснована в советском литературоведении: доказано, что древняя русская литература широко и разнообразно связана с народным творчеством и что связи эти наиболее прочны в области исторической тематики. Доказана и плодотворность подобного рода поисков. Правда, в выявлении и характеристиках фольклорных отголосков в литературных памятникахистики литературы не избежали увлечений и натяжек, не разработана еще по-настоящему самая методика исследования таких материалов, но то, что сделано, убеждает в необходимости и плодотворности этой работы. В каком направлении, на наш взгляд, она должна быть продолжена?

Историки древней русской литературы учли основную массу фольклорных реминисценций, влияний, прямых вставок и отголосков в памятниках письменности. Сделанное в этой области вряд ли можно серьезно оспорить, за исключением отдельных случаев. Но задача глубокого анализа всего этого огромного материала не решена. Очень важно перейти в его исследовании от отдельных частных наблюдений и сопоставлений по самым общим признакам к выявлению художественной природы каждого конкретного эпизода, образа или отрывка. Для фольклористических целей недостаточно доказать наличие народнопоэтических следов в книге. Важно прежде всего стремиться к восстановлению этих следов как художественного целого — с его жанровыми особенностями, очертанием сюжета, главными образами и т. д. До недавнего времени фольклорные реминисценции в литературных памятниках изучали, выискивая в них преимущественно отдельные аналогии с кругом мотивов, образов и стилистических приемов народной поэзии, и редко шли дальше этого. Чрезвычайно удачные опыты создания более или менее цельных представлений о фольклорных произведениях, лежащих за их литературной обработкой, — опыты, которые появились в работах последнего времени, убеждают в плодотворности такого подхода. Методы, которыми пользовались древние русские писатели в работе над фольклором, многообразны и достаточно сложны, но ясно одно, что в ряде случаев строгий филологический анализ позволяет восстановить утраченные некогда в живой традиции народнопоэтические сюжеты. В этом отношении перед исследователями — широкое поле для работы. Тщательного изучения ожидают отдельные эпизоды «Повести о разорении Батыем Рязани»; не исключена возможность открытия существовавшего некогда, а позднее почти полностью забытого, песенного цикла о героической борьбе рязанцев с татарами; новому обследованию подлежат известные эпизоды из «Повести об Александре Невском», из «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» и других воинских повестей и летописных рассказов, вплоть до XVII века (повести и предания о Ермаке, об Азове).

Основным источником для изучения исторических песен являются, конечно, поздние фольклорные записи, преимущественно XIX—XX веков. Ввиду этого особую важность приобретает вопрос о степени надежности и ценности этого источника. В какой мере поздние записи донесли до нас первоначальный вид песен, созданных в XVI веке, а иногда и еще раньше? Не наложило ли время на них свой отпечаток, не заслонились ли исконные их черты поздними переработками?

Для дореволюционной науки было характерно довольно определенное отношение к этим вопросам. В. Ф. Миллер, особенно много занимавшийся историческими песнями, считал, что песенные тексты постепенно искажа-

лись, первоначальное их содержание затемнялось, а нередко и вовсе утрачивалось.

Одну из основных задач своего исследования В. Ф. Миллер обычно усматривал в том, чтобы путем сравнительного текстологического анализа попытаться восстановить первоначальную версию того или иного сюжета. При этом он исходил из убеждения, что первоначальные версии всегда содержательнее, фактичнее, а поздние якобы разукрашивают эту фактическую основу песни вымыслом; поэтому всякие отступления в песне от навязываемой ей исследователем логики рассматривались обычно как позднейшие привнесения в текст. Так, разбирая дошедшие в поздних записях песни о взятии Казани, Миллер предполагал, что они «были основательно переделываемы в более позднее время, вероятно уже в XVII веке» и что они лишь сохраняют следы «более раннего и более художественного извода».¹¹ Однако В. Ф. Миллер допускал в отдельных случаях и более значительную сохранность старых сюжетов в позднейших записях.¹²

В современных исследованиях вопрос о степени сохранности текстов старших исторических песен не разработан, а имеющиеся по этому поводу соображения подчас противоречивы. В. К. Соколова признает, что «песни, говорящие о конкретных важных исторических событиях и связанные определенным ритмом и мелодией, гораздо более устойчивы», чем предания.¹³ Эту устойчивость В. К. Соколова обнаруживает в песнях о взятии Казани.¹⁴ Однако в других песнях она находит многочисленные проявления позднейших обработок и переосмыслений. Отметим здесь, что в отличие от Миллера, который тщательно учитывал все малейшие разночтения сюжетного и фактического порядка, В. К. Соколова преимущественно уделяет внимание различиям идейным, которые проявляются обычно в отдельных характеристиках и деталях. При этом почти всякое отклонение от того идейного истолкования песни, которое представляется исследователю подлинно народным, объясняется позднейшим привнесением чуждой народу идеологии. В классификации материала на более ранний и более поздний В. К. Соколова допускает многочисленные натяжки; однако основной анализ она ведет, исходя из молчаливого признания того факта, что коренных перемен в изучаемых песнях со времени их возникновения не произошло. Этой же мыслью руководствовался и автор настоящей статьи в главах, посвященных исторической песне XVI—XVII веков, в I томе очерков «Русского народного поэтического творчества», хотя и здесь принцип отношения к материалу не сформулирован.

Правильному разрешению источниковедческих проблем мешает то, что распространенные в советской фольклористике представления о непрерывной изменяемости фольклорных текстов нередко переносятся полностью, вне учета жанровой специфики, и на историческую песню; считается, что она также все время изменяется, шлифуется, переосмыслиется по-новому в новых социальных условиях и т. д. При этом границы, характер, конкретные проявления этих изменений никак не определяются. Можно заметить, что изменяемость исторических песен не доказывается конкретными исследованиями, а заведомо предполагается. Различия в вариантах обычно объясняют этими поздними изменениями. Конечно, трудно спорить против

¹¹ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 3. М.—Л., 1924, стр. 207.

¹² См., например: Очерки русской словесности, т. 2. М., 1910, стр. 267—280.

¹³ В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI в. Сб. «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 17.

¹⁴ Там же, стр. 22.

многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что одна и та же песня живет в ряде вариантов, которые иногда различаются довольно сильно. Но никто еще не обосновал позднего возникновения вариантов. Вполне законен вопрос, а не явились ли эти различия в своем большинстве еще тогда, когда песня складывалась и начинала жить, т. е. не включен ли момент рождения вариантов и даже редакций в акт создания песни? Пока никто не доказал обратного, до тех пор подобное предположение имеет все основания, и оно может служить одной из важных посылок при решении источниковедческих проблем. К тому же, есть немало фактов, говорящих в пользу такого предположения.

Изменения, наблюдаемые в песенных текстах, очень часто не столь уж значительны. Они, как правило, мало касаются сюжета песни, ее композиционных основ, состава и характеристики героев. В. К. Соколова сделала именно такой вывод относительно песни о взятии Казани. Но это же характерно и для ряда песен о Ермаке и для других песен XVI века. Разительный пример бережного сохранения песни дает сюжет о Ермаке и казаках на реке Камышинке. Достаточно сопоставить тексты XVII (легописная вставка), XVIII («Сборник Кириши Данилова») с многочисленными записями XIX и даже XX столетий, чтобы увидеть, что никаких существенных перемен с этой песней за 300 лет не произошло. Нетронутым осталось главное — ее сюжет, характеристика образов. Ушли отдельные слова и пришли новые, песня приобрела, пожалуй, большую стройность, в отдельных поздних вариантах потерялись некоторые детали, — и только. В данном случае решить вопрос помогает наличие старших записей. Их отсутствие в других случаях затрудняет решение, но ведь оно не дает никаких оснований и для утверждений противоположного порядка.

Исследователь не может не считаться с наличием вариантов и различий в них. Но всякий раз, выясняя их природу, он должен исходить не из общих и пока что никак не доказанных соображений о непрерывных изменениях в песнях, а из конкретного анализа текстов. Этот анализ покажет, на какие данные может опираться исследователь, если он хочет изучать песню прежде всего как художественное явление той эпохи, в которую она возникла, а не как произведение, в котором в равной степени отпечатались следы разных эпох и разных социальных групп.

Исторические песни о событиях XIII—XVI веков — это и есть исторические песни XIII—XVI веков. Народная память сохранила их, и это дает науке возможность изучать народное творчество далекого прошлого, опираясь на материал, достоверность, надежность и ценность которого не могут подвергаться каким-либо сомнениям. Задача исследователей состоит, видимо, не в том, чтобы отыскивать мнимые изменения и следы так называемой шлифовки, а в том, чтобы выработать строго научные методы изучения этого материала. Изучать его очень трудно, прежде всего потому, что он относится к далекому прошлому. Прочитать и истолковать это прошлое — одна из конечных целей исследования. Но историческую песню нельзя читать так, как читают Пушкина или Маяковского. У исторической песни есть своя специфика, в эту специфику надо проникнуть, чтобы понять ее содержание, раскрыть ее смысл. Разработка методов анализа уберет нас от субъективных выводов, от домыслов и наивных толкований.

Таким образом, проблема методики исследования тесно связана со спецификой предмета и с особенностями источников. В этой связи она и должна быть рассмотрена.

Прежде чем переходить к этой теме, необходимо остановиться еще на некоторых проблемах источниковедения. Для научного исследования важны

все данные, как бы ни были незначительны они на первый взгляд. Поэтому необходим полный учет и критическая проверка источников. И то и другое делается у нас плохо. Еще не все материалы введены в научный оборот, не учтены все публикации текстов и архивные записи. Нет библиографии по исторической песне. Недостаточно, однако, учесть и собрать весь материал. Он должен быть внимательно обследован со стороны его подлинности. В истории собирания и особенно публикации исторических песен было немало случаев фальсификаций и редакторского произвола. Имели место скрытые перепечатки, когда опубликованный прежде текст печатался под видом новой записи. Печальный пример дают собрания И. П. Сахарова; строго критического подхода требуют многочисленные публикации казачьих песен (сборники Пивоварова, Мякутина, Траилина и др.). К сожалению, с фактами безответственного отношения к источникам мы встречаемся и в наше время.¹⁵

Мы не можем принимать на веру всего того, что опубликовано по исторической песне. Прежде чем анализировать песенный текст по существу, делать из него какие-то выводы, исследователь должен убедиться в его подлинности, в достоверности записи и точности публикации.

Некоторые вопросы методики исследования. Надо сказать, что вопросы методики исследования применительно к исторической песне у нас даже не поставлены. Тот метод, который чаще всего применяется в работах последнего времени, не отличается ни четкостью, ни последовательностью. Отсутствует главное — текстологический анализ и исследование сюжета. Из песни, как целого, берутся отдельные эпизоды, строчки и слова; варианты учитываются далеко не всегда и не полностью; выводы, к которым приводит исследование, естественно не кажутся обязательными прежде всего потому, что нет неопровержимой логики анализа, методика его расплывчата. Можно сказать, что в анализе исторических песен мы не ищем той специфической методики, которая может привести нас к должным результатам. Методика эта, как уже было сказано выше, обусловлена задачами исследования, спецификой материала и характером источников.

Историческая песня должна исследоваться прежде всего как художественное целое. Предметом изучения должны быть в первую очередь не отдельные строки и слова, а то, что составляет основу песни, ее душу — сюжет. Разумеется, самое понятие песенного сюжета должно быть свободно от старых представлений о неких сюжетных схемах, повторяющихся и варьирующихся. Изучение сюжета, правильно поставленное, может привести к верному прочтению песни, к раскрытию ее идейного смысла.

Ценный опыт прочтения сюжетов былин содержит книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос».¹⁶ Труд этот очень поучителен в том смысле, что он показывает, к каким плодотворным результатам может привести правильно поставленный фольклористический анализ.

Анализ, поставленный на неверной методике, нередко приводит к совершенно ошибочным выводам (очень выразительный пример в этом отношении дает истолкование песни о конфликте Ивана Грозного с сыном, сделанное В. К. Соколовой).

Но и сюжет одной песни нельзя изучать независимо; смысл его раскроется при сопоставлении с другими песнями, и прежде всего одного цикла. Возможны случаи, когда отдельные сюжеты вообще не следует ана-

¹⁵ См., например, нашу рецензию на книгу П. Громова «Народное творчество Дона» (ч. 1, Ростов-на-Дону, 1952) в журнале: «Советская этнография», 1954, № 3.

¹⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. Ленинградского Государственного университета, 1955.

лизировать изолированно, настолько они прочно связаны с циклом. Именно такого цельного анализа ожидает, в частности, песенный цикл о Ермаке.

Когда мы говорим об анализе сюжета, как центральном моменте исследования, то имеем в виду, что он будет включать и анализ образов. Герои не существуют в песне вне сюжета, они действуют, вступают в какие-то взаимоотношения, конфликты, высказываются и т. д. Речи и мысли персонажей неотделимы от их поступков, от всего развития сюжета.

Нам надо овладеть искусством прочтения песенного сюжета. Если бы последний был простым снимком с действительного события, все было бы очень просто; тогда достаточным являлось бы простое сопоставление песни и факта, лежащего в ее основе. Но, как было показано выше, у каждого песенного сюжета есть своя внутренняя логика, обусловленная замыслом творцов песни, выраженная в особых художественных формах. Чтобы эту логику раскрыть, нужно учитывать художественную специфику песни как произведения фольклора, нужно уметь увидеть за поэтическими образами, за неожиданными подчас и не сразу понятными сюжетными линиями их идейный смысл.

Изучение исторических песен осложняется тем, что многие из них известны в ряде вариантов. Исследователь не может игнорировать этого факта, наоборот, наличие вариантов дает ему в руки интереснейшие возможности для работы. Поэтому чрезвычайно важным представляется текстологический анализ всех известных вариантов, выявление различных редакций и версий одного сюжета. Ведь за текстовыми различиями лежит творческая работа коллектива, варианты и редакции создаются не по прихоти отдельных певцов, в их создании и развитии должно видеть определенный творческий процесс, обусловленный какими-то закономерностями. Поэтому каждая версия сюжета должна быть поставлена в связь с другими и объяснена как факт истории сюжета. Только в результате строгого текстологического анализа возможны ответственные выводы о времени и обстоятельствах возникновения данного варианта, о его идейном смысле, его месте в истории песни.

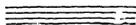
Сказанное можно проиллюстрировать примером с песней о конфликте Ивана Грозного с сыном. Она известна в большом количестве записей. Обычно она рассматривается без должного учета многообразия имеющихся вариантов, и в этом — одна из причин неверного ее истолкования. Между тем текстологический анализ позволяет выделить в ней несколько редакций, и различия между ними настолько значительны, что не правильнее ли говорить в данном случае о нескольких самостоятельных песнях, сложившихся последовательно в результате переработки одного сюжета? Известные тексты различаются многими частностями, но не они определяют принципиальную разницу. Здесь важны отличия в разработке центрального эпизода песни. Таким центральным эпизодом является, конечно, момент, когда происходит конфликт царя с сыном. До сих пор не придавали значения тому факту, что в разных текстах этот конфликт приобретает совершенно различный характер. В одних царевич прямо обвиняет брата в изменнических действиях, и царь отправляет сына на казнь. Это очень острая редакция, в которой тема борьбы с изменой и тема «грозы» в государстве разработаны чрезвычайно интересно. В других текстах царевич бросает на пиру обвинение в измене, не указывая виновных; он платится за то, что не хочет раскрыть измену до конца, за свою слабость, нерешительность. Наконец, в третьих вариантах царь гневается на сына за ложные, необоснованные наветы, за то, что он сеет раздор в окружении царя. Три разных конфликта, — и каждый из них по-своему значителен, каждый

ведет нас к определенному кругу идей, с каждым из них связана и своя разработка характеров песенных персонажей. Следовательно, все три редакции подлежат самому тщательному анализу, особенно если учесть, что каждая из них представлена рядом своих вариантов. Может ли исследователь игнорировать все это многообразие, целый клубок художественных замыслов, — чего будут стоить в этом случае его выводы?

Стремление разобраться в обилии вариантов, внести ясность в их отношения, установить их последовательность характеризовало работу представителей исторической школы; особенно много в этом направлении работали В. Ф. Миллер, Б. М. Соколов и С. К. Шамбинаго. Но их анализ строился на совершенно неверных методологических посылках и поэтому не мог быть плодотворным; в лучшем случае он приводил лишь к отдельным частным наблюдениям. Неверное понимание исторических песен как произведений ненародных по преимуществу, ошибочные представления о дальнейшей судьбе песен, почти полное игнорирование их художественной специфики, преувеличенное внимание к фактической стороне песен и непонимание их образной системы — все это приводило названных исследователей к выводам, ошибочность которых ныне очевидна. Текстологический анализ должен быть полностью восстановлен в своих правах, но на новых методологических основах и на новой методике. Этот анализ не может вестись отвлеченно от изучения содержания и формы данной песни. Мы не можем идти по пути В. Ф. Миллера, который сначала производил чисто формальный разбор вариантов, классифицировал их по степени близости к предполагаемому первоначальному изводу, а затем уже начинал собственно изучение песни. Для нас текстологический анализ — не подготовительный этап к подлинному исследованию, но органическая составная часть последнего. Он — один из путей к познанию песни как художественного целого, к раскрытию ее замысла.

В исследовании песни анализ стилистических ее особенностей не может превращаться в какой-то дополнительный экскурс. Стилистика составляет живую ткань песни. И ее сюжет и ее персонажи даны в определенной стилистической форме, и здесь важны каждый эпитет, каждое сравнение, каждое слово. Характеризовать их отдельно, вне связи с целым, — значит не только впадать в формализм, но и терять драгоценный материал, который дает чрезвычайно много для решения основных задач исследования. Применительно к старшим историческим песням большую важность имеют стилистические сопоставления с эпосом. Они помогут глубже понять народные представления об изображаемой действительности, сосредоточенные в песнях. Уже одно то, например, что Кострюк описывается в манере, сходной с описанием врагов-насилльников в былинах, достаточно ясно характеризует народный замысел. Здесь стилистика прямо помогает раскрыть идею песни. В ряде случаев потребуются более тонкий и глубокий сравнительный стилистический анализ. Ясно одно — им нельзя пренебрегать и его нельзя отодвигать на задний план.

Весь анализ отдельной исторической песни или песенного цикла станет плодотворным только в том случае, когда мы будем подходить к песне как художественному целому, в котором содержание и форма представляют неразрывное единство, если мы будем считаться с тем фактом, что народная песня — это высокое искусство, в котором сложный, глубокий замысел получает воплощение в совершенной и глубоко специфической художественной форме.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

(К ВОПРОСУ О РЕПЕРТУАРЕ)

Изучение отдельных народнопоэтических жанров требует точных данных о создании и бытовании произведений изучаемого жанра в определенный отрезок времени. Это требование возникает и при изучении русской лирической песни.

В хрестоматии «Устное поэтическое творчество русского народа», составленной В. Сидельниковым и С. Василенком, лирические песни XVII века представлены четырьмя образцами: «Горюшко и Упав молодец», «Ох! В горе жить — некручинну быть», «Ивушка», «Выдала матушка далече замуж».¹

Однако точных данных для отнесения всех четырех песен ко времени до XVIII века не имеется. Так, песня «Горюшко и Упав молодец» по приведенной записи Рыбникова (конца 1850-х—начала 1860-х годов) очень близка к «Повести о Горе-Злочасти». В. Ф. Ржига, исследуя эту повесть в связи с народными песнями о Горе,² пришел к выводу, что они сложились на основе «Повести о Горе-Злочасти», и этот вывод никем не оспаривался. Единственный вариант «Повести», судя по водяным знакам бумаги, относится к последним годам XVII века. Таким образом, ясно, что названная песня могла быть сочинена едва ли ранее XVIII века.

Песня «Ох! В горе жить, некручинну быть» извлечена из сборника Кириши Данилова 1760-х годов; она одновременна «Повести о Горе-Злочасти».

Что касается песни «Ивушка» по варианту «Собрания разных песен» Чулкова, то ее текст требует уточнения: песня эта появляется в рукописных песенниках, начиная с середины XVIII века,³ и нам известна в девяти вариантах второй половины этого столетия. В четырех вариантах этой песни 6-й стих поется:

Ехали бояре из Новгорода

(вместо «ехали дворяне» — в других вариантах). Можно предположить, что чтение «ехали бояре» более древнее, а поэтому создание этой песни можно датировать XVII веком.

Кроме лирических песен из сборника Джемса 1619 года, до нас дошли по документам XVII века пять песен: «Со напраслины головушки погинули

¹ Устное поэтическое творчество русского народа. Хрестоматия. Составили С. И. Василенко и В. М. Сидельников. Изд. Московского университета, М., 1954, стр. 188—195.

² Slavica, t. X, seš. 1, Praha, 1931, s. 40—60; 2, s. 288—315.

³ Государственный исторический музей (ГИМ), собрание Барсова, 2448, № 106 (92).

наши», «Как ходил доброй молодец по чужедалной стороне», «Как рябина, как рябина кудрявая»,⁴ «Д'ой не плачте, мои ясные очи», «Пойду я, молоденка, погуляю».⁵

11-й стих первой песни является началом широко известной во второй половине XVIII века по рукописным песенникам песни: «Да ино за рекой деревня четыре двора».⁶ Следовательно, и эта песня существовала уже в XVII веке.

Однако этих данных для характеристики репертуара народных лирических песен XVII века недостаточно. О трудности определения этого репертуара уже много лет назад писал Е. В. Гиппиус: «Прямых данных о репертуаре русской крестьянской песни до XVII века мы не имеем». У него мы находим и объяснение этого обстоятельства. В XVII веке, по его словам, «лирическая песня не только не имела ведущего значения, которое она приобрела позднее, но и не была еще развита в самостоятельный жанр: вместе с тем несоизмеримо большее значение имела обрядовая поэзия, в рамках которой была замкнута крестьянская лирика».⁷ Если это так, то тем важнее выявить все лирические песни, относящиеся документально к XVI и XVII векам.

Н. Ф. Яковлев еще в 1920 году сопоставлял известную лирическую песню «Соловей кукушку подговаривал» с повествованием «Казанского летописца» о падении Казани.⁸ Изучение этой песни, независимо от Н. Ф. Яковлева, приводит нас к этому же выводу. Сопоставим текст песни по «Собранию разных песен» Чулкова с «Казанским летописцем».

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, все обманывал
Полетим мы кукушка во темны леса,
Мы совьем ли кукушка тепло гнездо,
И мы выведем малых детушек,
Малых детушек соловьятушек.
Молодец девицу подговаривал,
Подговаривал, все обманывал,
Мы поедем девица во Казань город,
Как Казань город на красн стоит,
Казанка речка медом протекла,
А малы ручьи зеленым вином.
По горам горам по высокиим
Лежат каменя самоцветные,
По лугам лугам по зеленым
Ростет трава шелковая,
Не обманывай доброй молодец,
Я сама знаю, про то ведаю,
Что Казань город на крови стоит,
А Казанка речка кровью протекла,
Малые ручьи горячими слезми,
По горам горам по высокиим
Лежат головы молодецкие,
Молодецкие все солдацкие.

⁴ Archiv für Slawische Philologie, Bd. VI, Berlin, 1882, s. 614—615. Последняя песня помещена в «Истории России» С. Соловьева (т. XIV, приложение 2).

⁵ «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 380—386 (сообщение Ил. М. Кудрявцева).

⁶ А. Н. Соболевский. Великорусские народные песни, т. II, СПб., 1896, №№ 263, 266, 268; т. III, СПб., 1897, №№ 128, 129; т. IV, СПб., 1898, № 572. (В дальнейшем: Соболевский); ГИМ, 3002, № 107, собр. Уварова 95, № 95.

⁷ Крестьянская лирика. Библиотека поэта. Малая серия, 1935, стр. 21—22.

⁸ Р. Якобсон. П. Богатырев. Славянская филология в России в годы войны и революции. «Опояз», Берлин, 1923, стр. 44. Работа Н. Ф. Яковлева напечатана не была.

По лугам лугам по зеленым
 Лежат кудри молодецкие,
 Молодецкие все козацкие.⁹

В сборнике¹⁰ Соболевского приведено 8 вариантов этой песни (с вариантами из сборников Чулкова и Новикова); все варианты сохраняют композицию и достаточно точно содержание и образы песни, иногда прибавляя зачин («Красна девушка воду черпала, Добрый молодец, он коня поил» или «У колодца у студеного»). Хорошая сохранность песни свидетельствует о ее высокой художественности. Первая часть песни построена на обычном для песенной лирики параллелизме: соловей уговаривает кукушку полететь вместе с ним «во темны леса» и свить «тепло гнездо», а молодец предлагает девице ехать в Казань, чудесно изобильную и богатую.

Первой части песни противостоит вторая — с отказом девицы ехать в Казань, так как «Казань-город на крови стоит, А Казанка речка кровью протекает».

Подобное же противопоставление Казани мы находим в «Казанском летописце», автор которого, говоря о месте, где была построена Казань, описывает его так: «Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцеми земными семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостою и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чюжих землях».¹¹ Сообщая о построении Казани, ставшей столицей волжских болгар, автор «Казанского летописца» пишет: «И вскоре нова орда и земля благоплодна, и семенита, и именита, и медом кипяща, и млекою и дашася во одержание и власть и в наследие поганым».¹² Таково было положение Казани ранее. Описывая же Казань в дни ее взятия царем Иваном IV (в 1552 году), автор «Казанской истории» рисует следующую картину: «Реки иже по всему граду крови их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды...».¹³

Как мы видим, противопоставление образа Казани, кипящей медом, образу Казани с рекой, протекающей кровью, присуще и Казанской истории и песне «Соловей кукушку подговаривал».

Выражения песни «головой солдацкие», «кудри казацкие» могли бы склонить исследователя к датировке песни XVIII веком. Однако вариант, записанный в Орловской губернии, дает конец песни в ином, более архаичном виде: «По крутым горам все головы, Молодецкие, все стрелецкие!».¹⁴

⁹ Собрание разных песен М. Д. Чулкова, чч. I, II и III с прибавлением. СПб., 1770—1773. Переиздано Академией Наук — СПб., 1913, ч. III, № 134, стр. 423—424. (В дальнейшем: Чулков). В рукописных песенниках эта песня встречается только в сборнике собрания Титова (хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) 4272, № 139, причем этот вариант близок к вариантам Чулкова, но не имеет начала.

¹⁰ Соболевский, I, № 221—223.

¹¹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моксеевой, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1954, стр. 47.

¹² Там же, стр. 48 (разрядка наша, — А. П.).

¹³ Там же, стр. 156.

¹⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6, М., 1866, стр. 14 (в дальнейшем: Киреевский); см. также: Соболевский, I, № 227.

Определение «головой стрелецкие» возвращает нас к середине XVI века и позволяет окончательно отнести сложение песни «Соловей кукушку подговаривал» к этому времени. Можно предположить, что песня написана по свежим следам событий 1552 года.

Такая датировка этой песни дает возможность считать ее одной из ранних лирических песен, опираться на нее при изучении поэтического языка народной песни XVI века и опровергнуть неправильное представление о дактилических окончаниях стиха народных песен, как единственно возможных: ¹⁵ в этой песне встречаются, кроме дактилических рифм, и мужские и изредка женские.

Для характеристики репертуара лирической песни в XVII веке пока еще не был использован материал, который находится в записях Петра Андреевича Квашнина-Самарина, стольника царицы Прасковьи Федоровны (жены царя Ивана Алексеевича). Эти материалы были опубликованы М. Н. Сперанским,¹⁶ который увидел в них записи великорусских песен, точнее, любовных лирических песен (за исключением нескольких украинских).

М. Н. Сперанский особо остановился на одном из листков рукописи Квашнина-Самарина с обрывочными записями, а именно, на листке 425. «Он, — пишет М. Н. Сперанский, — нарочно воспроизведен мною в виде, возможно близком к подлиннику, поскольку это касается размещения написанного на странице: на нем мы находим наскоро записанные большей частью начала песен или отдельные фразы; таких строк мы насчитываем до 30, причем в правом столбце этот процесс обращает на себя внимание своею отрывочностью. То же отчасти будем наблюдать и в столбце 428. . .».¹⁷

Аналогию к перечню Квашнина-Самарина мы находим в небольшом рукописном сборнике песен Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина О. XIV. 22. В конце этого сборника, после текста 16 книжных песен, относящихся к жанрам панегирических, моралистических, духовных и «забавных» (любовных) песен, на листе 11 читаем: «Principia psalmodum. Житие мое весьма несчастное. . . Гей доки доки так часто здихати час по жалобе покоих Как пойду я молода скроз с трои ворота Калина моя малина моя Ой под вишнею под черешнею стоял старик з молодую як и з ягодою Ишов ченчик дорогою а черничка талокою. . . Пьян я йду моя голубонко Ах как трудно человеку Прощай любке може умни (?) Коли любишь то люби а не любишь прочь поиди хорошая моя пригожая моя Виключи. . . (нрзб) возму тетясу (?) темние. . . Как любить возможно истинно не ложно кто кого желает зреть недопускает Ои беда ж той чайке небозе что привела дети на дорозе Коли дождуся весела ведра и ден красный Златокованную трубу Сам я не знаю що чинити маю Дала мене матка корову та на мою несчастную долю Цю день на свет поглядаю своего слонца зреть не чаю Се ти грядет Киевграде».

Здесь мы находим не что иное, как начальные стихи восемнадцати песен, достаточно часто встречающихся в рукописных песенниках первой

¹⁵ А. И. Никифоров. «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Машинопись докторской диссертации, защищенной в 1941 году в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена; А. И. Никифоров. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. М. Н. Покровского, т. IV, Л., 1940, стр. 223—224.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. «Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук», 1932, № 10, стр. 913—934. (В дальнейшем: Сперанский).

¹⁷ Сперанский, стр. 917.

половины XVIII века: украинских («Ой под вишнею», «Пьян я йду», «Ой беда ж тей чайке» и др.) и русских — народных («Как пойду я молода»), книжных панегирических («Се ти грядет Киевграде» — на посещение Киева Елизаветою Петровною), духовных («Златокованную трубу»), моралистических («Житие мое нещастное») и т. д. Исключение представляют стихи «Коли любишь, так люби, а не любишь, прочь поиди», являющиеся одним из двустийший популярной городской книжной песни первой половины XVIII века «Ах, велика моя беда, говорю я без стыда». Подобный же факт помещения ряда начальных стихов среди текстов цельных песен мы имеем в сборнике той же библиотеки (Q.XIV.152).

Нашей задачей является расшифровка отрывков, которые находятся на листе 425 в записях Квашнина-Самарина 1680-х годов, и в связи с этим установление тех песен, которые были известны Квашнину-Самарину, бывали в среде дворянской верхушки в последней четверти XVII века, а, следовательно, и были созданы в этом столетии.

Изучение отрывков песен в подлиннике записей Квашнина-Самарина¹⁸ показывает, что М. Н. Сперанским отдельные фразы переданы неточно; таких неточных прочтений восемь. Часть из них представляет неточную запись текста, не изменяющую смысла (например: «отступися» вместо «отступисе»), другие либо вносят изменения в текст песни, направленные на уяснение ее смысла, либо исправляют стихотворный ритм ее; таковы, например:

Опубликовано

не покинь(ь) мене
Сокола мила на свете
а ништо того не знает ведает
а натужишь ты ко мне а как

Поправки

не покинь мене, девонки (?)
Сокола то на свете нет (?)
а ништо тово не знает ни ведает
а натужишь ты по мне а как

О наличии каких же песен в XVII веке можно говорить на основании записей Квашнина-Самарина?

1. «Ох, надежа, надежа, мил сер... Ох, надежа, мой милой друг». Полагаем, что это начальный стих следующей народной песни, обнаруженной нами в сборнике Государственного исторического музея (ГИМ—3002, № 83) и в собрании Уварова, 95, под № 90 (ГИМ) — 1770-х годов:¹⁹

- Ах, свет мой надежа, сердечной друг!
Зажег мою душу в белом теле,
Заронил огня искру в ретивом сердце.
И так мое сердечюшко надселоса.
5 И так мое ративое надорвалоса —
И денно и ношно с ума не идешь
Во сне, моя надежа, часто видишься:
Стоишь у кровати тесовые,
Держишь за ручку, за правую.
10 Целуешь во уста сахарные,
К белым грудям прижимаючи.
Цоловал, миловал сам и прочь пошел.
Прости, моя надежа, мил сердечной друг.
Уж нам с тобою не видатися.
15 Увидимся, надежа, на том свете,
На том свете, на втором суде.

Другой, более ранний, вариант из сборника конца 1740-х годов (из собрания Ростовского музея 472) повторяет под № 28 (за несколькими

¹⁸ ГИМ, фонд 253, ед. хран. 39, л. 9.

¹⁹ См. также: Соболевский, IV, № 485—486; М. Д. Чулков. Собрание разных песен, IV. СПб., 1770, № 82. Вар. в Микулинском сборнике под № 10 (по описанию В. И. Чернышева, переданному им нам).

разночтениями, например: «уста печальные» и пропуском 4-го и 5-го стихов) предыдущий вариант, кончая 10-м стихом, но вместо дальнейших стихов дает новый конец:

Я встану ли, молодешенка, ранешенко, (2)
 10 Я пойду ли, молодешенка, во торг гулять, (2)
 Я выменяю свечу воску ярова, (2)
 Я поставлю перет спаса милосердаго, (2)
 О, боже мой, боже, милосерды спас, (2)
 Помилуй моего друга милова (2)
 15 На той ли на службе государевой. (2)

О датировке этого варианта XVII веком свидетельствуют некоторые особенности содержания песни. Так, по песне девица «свечу воску ярова» не покупает, а выменивает; она молит «милосердного спаса» помиловать ее «друга милова На той ли на службе государевой».

Наконец, существует песня с таким же началом, но другим продолжением (в ГИМ, в сборнике Щукина 1135, № 105, 1760-х годов):²⁰

*Надежинка (2) мил сердешной друг,
 Живем та мы с тобою, друк, не таперича,
 Никто про нашу умнасть друк не сведает —
 Ни батюшка, ни матушка ни весь род-племя,
 Как сведала соседушка приближенная,
 Сказала про девицу отцу-матери,
 Сказала про красную роду-племени.
 Атец и мать на девицу все сердилися,
 Снимали с красной девицы платье цветное,
 Надевали на красную платье черная,
 Збивали красную девицу с двора долой.
 Навстречу красной девице мил сердешной друг.*

То, что Квашнину-Самарину была известна первая из приведенных нами песен, доказывается его записью (под шифром VI)²¹ песни «Ой, сахар мой, сахар», где мы читаем:

*Загорелася искра к ретиву сердцу блиско,
 Горит мое сердце во моем белом теле,
 Палит мою душу день и ночь непрестанно,
 По тебе, моя надежа, живот мой сокрушается,
 И со слез, мой друг сердешной, ясны очи помутились,
 Со вздыханьем, мои надеже, ретиво сердце надселось...*

Кроме того, в ней есть обращение: «Ой, свет же мой друг сердешной, душа моя надежа».

2. «Высоко сокол летает» мы находим в виде начальных стихов в ГИМ в сборнике Щукина 601 (написанном в Ярославле, судя по пометкам под песнями 1780—90-х годов) под № 88:²²

Высоко сокол (2) высоко летает, высоко сокол
 Пovyше тово (2) белая лебедушка.
 Спрашивает сокол: «Белая лебедушка!
 Где ж ты была, где же ты была?»
 Я же была (2) на синем на море,
 Я же видела (2) на синем на море
 Плаваеь корабль, плаваеь корабль.

²⁰ Вариант в Микулинском сборнике, описанном Пыпиным («Отечественные записки», 1858, № 1, стр. 307).

²¹ Сперанский, стр. 928.

²² Ср.: Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), сборник ОЛДП О. XXXII, № 55; Соболевский, III, № 229 (сокращенно).

В том корабле, в том корабле,
 Сидела вдова по край корабля,
 Слезами вдова, слезами вдова,
 Слезами вдовица корабль смочила,
 С кручины вдова, с кручина вдова,
 С кручины вдовица — корабль грузила (2)
 Тошно рыбе, тошно рыбе
 Тошно белой рыбице без воды жить
 И мне вдове, и мне вдове,
 Тошно вдовице без мужа жить.

Третий с конца стих этой песни находит параллель в записи Квашнина-Самарина, которая помещена М. Н. Сперанским под шифром III («Не голубка с голубем ворковала») в таких словах:

Ах, тошно ль белой рыбице без воды,
 Тошнее л тово (терпеть) или слышать напраслину.²³

3. «О и не сон меня молоду» более или менее соответствует начальным стихам песни под № 338 в Ростовском сборнике 465, находящемся в Государственном Литературном музее. Сборник этот состоял из двух частей с 597 номерами песен и принадлежал В. П. Мордвинову; до нас дошла только вторая часть с алфавитным указателем для обеих частей. Сборник — архаизированный относится к 1780-м годам. Он содержит книжные песни почти исключительно силлабического стиха — рядом с народными.

Не сон меня клонит, не дрема долит,²⁴
 Сыпит, валит кручина добра молодца
 Стоючи на крауле государевом. . .

Дальше рассказывается, как молодец смотрит на «раскаты азовские», на «каланчи турецкие» и как солдаты (судя по форме их одежды, речь идет о XVIII веке) готовятся к наступлению с генералом Левашевым — вместе с калмыками и казаками. В этом виде песня относится ко взятию Азова в 1736 г. Раскаты азовские и каланчи турецкие имели большое значение при взятии Азова Петром I в 1696 г. Возможно, первоначально эта песня относилась к событиям 1696 г. и заимствовала свое начало, приведенное выше, из другой песни, относившейся не к доброму молодцу, а к молодой девице.

Подобная догадка подтверждается тем, что в записях Квашнина-Самарина мы читаем следующую песню, приведенную в статье М. Н. Сперанского под шифром IV Б:

Не сон меня молодца клонит (изнимает)
 Не дрема меня изнимает:
 Изнимает меня кручина великая,
 На житье свое горькое смотречи,
 На бесчастье своя глядя! . .²⁵

Можно думать, что Квашнин-Самарин несколько переделал эту песню, заимствовав начало из песни, сложенной от лица молодой красной девицы.

4. «Ай, не павушка по двору» близка началу песни «Ах, не павушка в долинушке гуляет» из первой, не дошедшей до нас, части того же Ростовского сборника 465, где она была помещена под № 185 (об этом можно судить по алфавиту песенника, находящемуся во второй его части).

²³ Сперанский, стр. 924.

²⁴ Несколько вариантов песни с этим зачином. но иного сюжета см.: Соболевский, III, №№ 89—93; Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2774.

²⁵ Сперанский, стр. 925.

На том же листе 425 помещены два стиха «А вечер мне люди говорили, а и по милом мне тужит не велели». Видимо, это не стихи двух самостоятельных песен, а части одной песни, как об этом свидетельствуют записи XIX века,²⁶ а равно и вторая часть песни из сборника Чулкова. Ее мы и приводим:

*Как не пава свет по двору ходила,
Неповлиные сизы перья ронила,
Красна девушка по сеничкам ходила,
Она нянек и мамок будила,
Вы вставайте нянки мамки пробужайтесь,
Пособите мне Младенки думу думать,
Отец мать меня молоду бранили,
Род племя меня молоду журили,
Невелят мне по милинком тужити...²⁷*

Параллель к этой песне мы имеем в записях Квашнина-Самарина, напечатанных М. Н. Сперанским, под шифром IV А:

*Аи не павушка по двору ходила²⁸
А не золото перо она ронила:
Ходила девица красная во чисто поля,
Смотрила дорого, дорого золота красное...²⁹*

5. «Дуброва, дуброва зеленая» соответствует началу песни «Ты дубрава ль моя, дубравушка», находящейся в рукописном песеннике ГПБ Q.XIV.155—1770-х годов под № 43:³⁰

*Ты дуброва ль моя, дубровушка,
Ты дуброва ль моя зеленая!
Из тебя ли из дубровушки
Вон все пташечки вылетали.
Одна пташечка оставалась,
Что кукушка горемышная.
Куковала она день до вечера,
Что со вечера до полуночи,
Са полуночи до зари утренней,
Со зари утренней до бела света.
Како кладет судьбу горемышная кукушка
Что на ясна сокола:
Разорил мое тепло гнездышко,
Разогнал моих малых детушек
По полям широким, по лугам зеленым,
По травам шелковым, по цветам лазуревым, по лесам по темным.*

6. «Целуй меня, миленкой», «не покинь меня, девонки» и «не пак-нь моя миленкой» — песенные отрывки, упоминаемые Квашниным-Самариным, встречаются в песне рукописного песенника ГИМ 3973 1740-х годов под № 31:³¹

*Что во светлой было светлице,
Во столовой новой горнице (2)
Под косящетым аюшачком (2)
Сидела красная девица. (2)*

²⁶ П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1900, № 723. (В дальнейшем: Шейн).

²⁷ Чулков, III, № 89; Шейн, т. I, вып. 1, № 723.

²⁸ У Киреевского и Шейна этот зачин в свадебных песнях: Киреевский, Новая серия, вып. I, №№ 17, 278, 315, 415, 743, 810, 979, 1164; Шейн, т. I, вып. 2, № 2150.

²⁹ Сперанский, стр. 925.

³⁰ Параллель к этой песне см.: Чулков, I, № 141; IV, № 80 (с более полным концом); Соболевский, V, №№ 606, 607.

³¹ Песня эта встречается еще в сборнике Абрамова (№ 95) (сборник находится у И. С. Абрамова в с. Воронеж Сумской области), у Чулкова (I, № 156), Соболевского (IV, № 473) и у Киреевского (Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2283).

Сидючи, сама плакалася. (2)
 Плачет, плачет, как река льется. (2)
 Во(з)рыданьиде ручьи текут. (2)
 Перед нею стоит доброй молодец, (2)
 Он целует красну девицу. (2)
 Во слезах друга не свидила, (2)
 Во(з)рыданьиде же промолвила: (2)
 «Ты, целуй, целуй, мил сердечный друг! (2)
 Целовавши, не покинь меня, (2)
 А покинешь, буду плакати, (2)
 Плакать, плакать возрыдаючи, (2)
 Тебя, друга, вспоминаючи, (2)
 Что хорош был мил сердечный друг: (2)
 Истонка был высокошонец, (2)
 Из бела лица белешенок, (2)
 Без румян бы был красшешенок, (2)
 Черны брови черна соболя, (2)
 Ясны очи ясна сокола. (2)

Если в данном варианте не говорится об отъезде молодца, а разлука только подразумевается, то в других вариантах упоминается об отъезде: у Чулкова — в Питер, в сборнике Абрамова — в славный город «Питербурх».

7. «Ни пить есть не хочетца. Сахар ества на ум нейдет» встречается в песне «Ах тошным-та мне, доброму молодцу, тошнехонько» по рукописному песеннику из собрания Забелина 388 — 1760-х годов № 95 (в ГИМ'е) и в книге Комарова о Ваньке Каине, изданной в 1779 г. Приводим текст песни по Соболевскому (так как в собрании Забелина эта песня помещена в конце как более поздняя приписка, и на л. 100 об. есть надпись Инихова о списании текста «из истории славного вора и мошенника Ваньки Каина»):³²

Ах, тошным мне, доброму молодцу, тошнехонько,
 Что грустным-то мне, доброму молодцу, грустнехонько,
 Мне да ни пить-то, ни есть, доброму молодцу, не хочется,
 Мне сахарная сладкая ества, братцы, на ум нейдет.
 Мне Московское сильное царство, братцы, с ума нейдет.
 Побывал бы я, добрый молодец, в каменной Москве, —
 Только лих-то на нас, добрых молодец, новый сыщик,
 Он по имени, по прозванию — Иван Каинов.
 Он не даст нам, добрым молодцам, появиться
 И он спрашивает пашпортов все печатных.
 А у нас, братцы, пашпорты своеручные,
 Своеручные пашпорты, все фальшивые.³³

Начало песни — первые 4 стиха восходят к XVII веку, последующие — переделка XVIII века: резко чувствуется спайка между 4 и 5 стихами, благодаря почти дословному повторению стиха.

8. Стих на л. 425 записей Квашнина-Самарина «Долина, долина широкая» находит параллель в 20 песнях сводных сборников Соболевского, Киреевского и Шейна. Приводим два зачина на эту тему:

Долина, долинушка, раздолье широкое!
 При долинушке выросла рощица,
 Частая березонька.³⁴

Долина, долинушка раздолье широкое!
 На этой долинушке ничего не родилось,
 Только уродилась зеленая рощица...³⁵

³² М. Комаров. Обстоятельные и верные истории двух мошенников, первого... Ваньки Каина... второго Картуша. СПб., 1779, стр. 109.

³³ Соболевский, VI, № 397.

³⁴ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 1, № 1256.

³⁵ Там же, вып. II, ч. 2, № 1881.

Очевидно, этот зачин был составлен в XVII веке. К нему прикрепляется сама песня (проходят солдаты, генерал и девица, вор Гаврюшка и г. д.), которая может восходить и к XVIII и к XVII веку (Шейн, т. I, вып. 1, № 764 — на калине кукует кукушка: был зеленый сад, и тот засыкает; был милый друг, и тот уезжает).

9. Зачин (оттуда же) «Шла, шла девица» — в противоположность предыдущей формуле — редко встречается в песнях; мы находим его в начале двух песен:

*Ишла, ишла девушка лесом, по лесу.
Нашла, нашла красная купарис древо.
На этом на деревцу листья шумят;
Шумят листики, пошумливают. . .³⁶*

Этот зачин присоединяется к песне о выдаче девушки замуж мачехой, — хотя эта песня чаще имеет другой зачин: «Калина с малиной рано расцвела».

Другой зачин: «Ишла девка из лесочка, В руках несла два твечотка. . .»,³⁷ присоединенный к пасторали о том, как пастух, гонящий стадо, манит пастушку, а та его зовет ночевать. Очевидно, возникновение этой песни относится к XVIII веку, к XVII веку может восходить только зачин.

10. Зачин (оттуда же) «Из-за гор, из-за высоких» довольно популярен в сборниках песен. Мы даем два варианта этого зачина:

*Из-за гор было, братцы, из-за высоких,
Из-за кустика-куста было ракитова. . .³⁸*

Далее идет песня, в которой рассказывается о том, как пуля убила урядника (вариант: убила солдата).³⁹

*Из-за гор была, из высоких гор
Протекала тут быстра речушка. . .⁴⁰*

Затем рассказывается, как на лодочке едет «атаман», «есаул» и «полюбовница» атамана. Эта песня восходит, очевидно, к XVII веку. Однако сомнительно, чтобы именно ее имел ввиду Квашнин-Самарин, — разве что он знал эту песню не в полном виде, каким является и рассматриваемый нами вариант.

11. Песенный стих (оттуда же) «Красота л моя, красота» мы находим в песне-балладе «На Дунае девка мылася». Правда, в вариантах этой песни она встречается довольно редко:

*На Дунае девка мылася,
Красоте своей дивилася:
«Красота л моя, красота,
Украшенье лицу белому,
Женихов ли тебе не было! . . .
Что не отдал сударь-батюшка
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатого,
А отдал сударь-батюшка
За плута за разбойника,
За ночного подорожника». . .⁴¹*

³⁶ Соболевский, III, № 33.

³⁷ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2170.

³⁸ Соболевский, VI, № 295.

³⁹ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2406.

⁴⁰ Там же, № 1826.

⁴¹ Соболевский, I, № 206; ср. также № 208.

Затем вернувшийся муж дает ей окровавленную рубашку, в которой она узнает одежду брата.

12. Песенный стих (оттуда же) «А не тошно л ясну соколу в поиманье сидячи» известна по песне «Как бывало мне, ясну соколу, да времячко», по записям Костомарова и Мордовцевой в Саратовской губернии:

Как бывало мне, ясну соколу да времячко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал гусей-лебедей,
Еще бил-побивал мелку пташечку;
Как бывало мелкой пташечке пролета нет.
А нонече мне ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол во поиманье,
Я во той ли в золотой во клеточке,
Во клеточке, на жестяной нащесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженках путички шелковые;
Занавесочки на глазонках жемчужные.
Как бывало мне, добру молодцу да времячко...⁴²

13. Начальный стих (оттуда же) «Кабы знала млада, ведала неприятства» нам известен по «Собранию разных песен» Чулкова:

Как бы я знала, млада, ведала
Неприятство друга милова,
Не любовь друга сердечнова,
Не сидела бы поздно вечером.
Я не жглаб свечи воску ярого,
Не ждала бы я друга милова,
Не топила бы я красного золота,
Не лила бы я золота перстьня,
И не тратила бы золотой казны,
Я слила бы себе крыльшки,
Полетела бы на иной город...⁴³

Параллель к этому зачину мы находим и в записи Квашнина-Самарина (под шифром XII), как видно из следующего:

Во поле груша, груша л моя!
Кабы знала млада, ведала нелюбов друга милова
Неприятства друга сердешного.⁴⁴

14. Начальный стих «Долго, долго я (до) вечера сидела» находит себе параллель в песне «Долго вечером млада сидела» сборника Киреевского:

Долго вечером млада сидела,
Я почоточек напряла
И другого половину,
Я ждала друга, дожидала;
Что мой милый друг не едет?
Иль в беседушке засиделся?...⁴⁵

Далее сообщается, как приезжает милый друг кручинен и обещает малым детям привести новую мать, но дети не желают ее, а только просят не убивать их родной матушки.

В других вариантах песни на этот сюжет⁴⁶ все действие происходит только между отцом и детьми.

⁴² Соболевский, VI, № 480.

⁴³ Чулков, II, № 163.

⁴⁴ Сперанский, стр. 932.

⁴⁵ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 1676.

⁴⁶ Соболевский, III, №№ 524, 525, 528, 530—532.

На этот же сюжет мы имеем в русском народном творчестве песню-балладу «Князь Михайло».

15. Словесная формула «А и один был мил сердешной друг» встречается в песне «Государь ты мой батюшка»:

Государь мой родной батюшка,
Государыня родна матушка,
Побывай мой свет, у меня в гостях,
Посмотри на мое житье бедное,
Что на бедное, горемычное,
Что как я живу, молодешинка,
У чужева отца, матери.
Как журить бранить младу есть кому,
А пожаловать меня некому.
*Один у меня мил сердечный друг,
Да и тот со мной не в любви живет,
За всегда ходит поздно вечера,
Поздо вечера вдоль по улице.* .⁴⁷

Формула эта перешла и в другие песни (например «Ах, ты ноченька, ночка темная!»), она была использована при создании в XVIII веке песни «Ах, на что ж было, да к чему ж было».⁴⁸ Следует отметить, что в варианте последней песни из Владимирской губ., кроме стихов «У соловьюшки у младешеньки есть сердечный друг», есть стих, встречающийся в записях Квашнина-Самарина «Пропадай же ты, пропадай скорее, красота моя!»

16. Начальный стих по записи Квашнина-Самарина «Ой, варила коханенка лебеду» выдает украинское происхождение песни, встречающейся в русских рукописных песенниках XVIII века. Заимствует текст ее из сборника 1750-х годов ГИМ 2583, № 23:

*Да варила коханочка лебеду,
Посылала девчионку по воду (2)
Ратуй, ратуй, девчоночка, с водою,
Да будь твоя красотонык с тобою. (2)
За Дунаем казаченко плывет,
На бережку девчиненко ношки моит: (2)
«Ты подай же, девчиненко, рученку
Через тую да быструю реченку». (2)
«Не подам я, девчиненка, рученку
Через тую да быструю реченку». (2)
«Ай упал я по колено в воду
Ради твоего пречестного роду, (2)
И взволвися с высокого крыличка
Ради твоего румяного личка». (2)*

Эти два факта — известность песни «Ой варила коханочка лебеду» в рукописных песенниках XVIII века и нахождение ее начального стиха в записях Квашнина-Самарина 1680-х годов — свидетельствуют, что песня бытовала на Москве уже в конце XVII века.

17. К начальным стихам «Ой, приятель, мой приятель», а также «Ой, приятель мой, дружител, Мой приятель, друг сердечный, Ой, тебе моя кручина не ведо(ма)» можно найти некоторые соответствия в записях песен XIX века:

*Приятель — друг сердечной!
Позабыл свое прежняя приятства,
Изменил свое верное словечко;
Что велел милой друг*

⁴⁷ Чулков, I, № 152; Соболевский, II, № 467 (ср.: т. I, № 468).

⁴⁸ В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен. М., 1953, № 44, стр. 98—99; Соболевский, II, № 461.

Выходить под дуброву,
 Под зеленою под белою кудрявую березу.
 Под березою день до вечера простояла,
 Свои ноги резвые пристояла,
 Свои руки примахала,
 Яснои очи приморгала,
 Громким голосом кричала —
 Милой друг не слышать...⁴⁹

Известны особые варианты этой песни, распространенные исключительно на севере:⁵⁰

*Товарищ, ты товарищ, друг мой,
 Не с единой ли сторонки мы с тобой?
 Не поедешь ли, товарищ-друг, домой?
 Скажи любушке нижайший поклон,
 Не ждала бы все летечко домой,
 Во все летечко до самой до зимы!
 А замерзли быстры речки и губы,
 Западали все дорожки и пути, —
 Мне нельзя-ста ко девушке итти...*

Первый вариант этой песни, видимо, близок к неизвестному нам тексту ее XVII века. В принадлежности северных вариантов к XVII веку полной уверенности нет, хотя бы потому, что здесь стих почти совпадает с шестистишным хореем силлаботонического (а не тонического) стиха.

18. Если прочитать слова: «Ой, взошла на мене тоска со всего... отступи ся прочь» как целую фразу, то из всех песен сборников Соболевского, Киреевского и Шейна к ней больше всего близка песня «Как вечер тоска нападала».⁵¹ Эта песня в вариантах из рукописных песенников конца XVIII века⁵² сохранилась хуже, чем в вариантах из печатного песенника 1815 года (по сборнику Соболевского, т. II, № 275).

*Как вечер тоска нападала.
 Во всю темну ночь, младенка, не сыпала,
 У тесовые кровги простояла,
 Соболино одеяло продержала,
 Я ждала дружка, дожидала.
 Я насилу дружка дождалася.
 Я из горенки во спаленку ходила,
 Я из шкапчика графинчик вынимала,
 Пополнее стакан водки наливала,
 Я кого прежде любила, подносила,
 Подносила я прежнему дружечку:
 «Выпей, выкушай, душа моя молодчик,
 На меня, красну девицу, не сердися!
 На меня, красну девицу, безвременье,
 Безвременье, безвременье — створенье:
 Сговорила меня матушка родная
 За такого за худого человека...
 Не ему было, каналье, мной владети,
 А владеть было прежнему дружечку»...*

Впрочем эта песня близка отрывку из записей Квашнина-Самарина по смыслу, частично по фразеологии, но полного совпадения между ними нет.

⁴⁹ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 1978.

⁵⁰ Соболевский, V, № 566 (Архангельская губерния); Киреевский, Новая серия, вып. I, ч. 1, № 1272 (Архангельская губерния) и 1332 (Вологодская губерния). Приводим текст по Соболевскому.

⁵¹ Соболевский, II, №№ 275—282; V, №№ 654—655; Шейн, т. I, вып. 2, № 684.

⁵² Титов 4222, № 89; Барсов, 2464, № 57.

19. Точно так же отрывок «Кабы знала, млада, ведала, што не долго жит с милым» близок к песне «Кабы знала я, млада, ведала», дошедшей до нас в ряде вариантов «Собрания разных песен» Чулкова и в записях XIX века. Приводим отрывки из нескольких вариантов.

*Кабы знала я млада ведала,
Я нещастье свое горькое,
Что не ровню бог пожалует,
Век сидела я в девушках,
Не терпелаб горя вечного,
Веселилась бы с подругами...⁵³*

В другом варианте то же содержание дано в более общей форме:

*Как бы я знала, млада, ведала
Про свое горе, про несчастье,
Про замужье, про бездельное,
Я бы сидела век во девушках
У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки...
Как бы знала я, млада, ведала,
Что просватал меня сударь-батюшка
Не в любимую во сторонушку,
Не за прежнего полюбовника,
Не за ладушку за милого...⁵⁴*

В третьем варианте замужество (за кем?) уже состоялось:

*Кабы знала, я, ведала,
Молоденька чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замуж не ходила бы
Доли не теряла бы...⁵⁵*

Как и в предыдущем случае, песня частично близка отрывку в записях Квашнина-Самарина, отступая от него в словесном выражении.

20. У Квашнина-Самарина мы находим слова девушки: «Згинь, моя молодость, пропади, красота моя». В вариантах песен собраний Соболевского, Киреевского и Шейна встречается только вторая часть формулы: «Пропади, красота моя». Она есть в песне «Ах, на что же было, ах, к чему ж было», сложенной во второй половине XVIII века, и в песне «Ах вы девушки сударушки мои, Вы не знаете кручинушки моей», известной в очень близких вариантах по сборнику Чулкова⁵⁶ и по рукописному песеннику Абрамова 1740-х годов.⁵⁷ Приводим отрывок из последнего варианта.

*Ах вы, девушки сударушки мои,
Уж пропали все утехи мои,
Пропади ж, моя девичья красота,
Что нашла на меня вечна сухота,
Нажила я себе мужа дурака;
Не умеет он надеть колпака...*

Однако последняя песня, судя по ее тону, языку, рифмованным двустихиям, очевидно, была создана в середине XVIII века. Таким образом,

⁵³ Чулков, III, № 92 = Соболевский, II, № 170.

⁵⁴ Чулков, IV, № 85 = Соболевский, II, № 169.

⁵⁵ Шейн, т. I, вып. 1, № 1197 (в свадебных песнях).

⁵⁶ Чулков, III, № 132 = Соболевский, II, № 398.

⁵⁷ Абрамов, № 36 соответствует 37 первым стихам варианта Чулкова.

не удается отыскать песню XVII в., в которой были бы стихи, соответствующие (полностью или частично) тем, которые указывает Квашнина-Самарин.

21. Слова «При высоком хорошем кургане» находят себе соответствие в песне «Еще далече, далече, во чистом поле» из «Собрания разных песен» Чулкова,⁵⁸ в которой рассказывается о смерти «надежи, мила сердечного друга», когда он просит холодной воды из реки, и о его предсмертной просьбе:

Не велит он хоронить себя у божьей церкви,
 Что велит ли схоронить во чистом поле,
 Что при высоком кургане, при крутой горе,
 При пробойной, при широкой при дорожиньке,
 Что при темной при дремучей при дубровушке,
 Что под хорошей кудрявой под березою...

И в других песнях встречается подобное же выражение, например: «Ой во поле, поле, на высоком кургане».⁵⁹ Но в них эта подробность неорганична песне. Очевидно, просьба схоронить в степи на кургане характерна для казачьих или разбойничьих песен.

Что касается других песенных отрывков по записи Квашнина-Самарина, то к ним подобрать параллелей не удалось, частью вследствие отрывочности и неясности текста (например «Да приехав до меня раненко...»), частью из-за отсутствия таких песен в основных сводных собраниях песен — Соболевского, Киреевского и Шейна, а равно в рукописных песенниках XVIII века.

Сравнение отрывков по л. 425 с соответственными местами полных песен (или виршей) Квашнина-Самарина показывает, что последний, очевидно, использовал отдельные места народных песен, переделывая их в соответствии со своим поэтическим замыслом. Таким образом, записи Квашниным-Самариным отрывков из народных песен на листе 425 нужно рассматривать как отбор «заготовок» для создания собственных песен (или виршей).

Возможно, что еще некоторые отрывки листа 425 удастся расшифровать путем сравнения с лирическими песнями различных рукописных и печатных сборников песен XVIII, XIX и XX веков. Кроме того, песни XVII века можно выявить, сличая отдельные места песен самого Квашнина-Самарина с песнями рукописных песенников XVIII века и собраниями народных песен XIX века.

22. Так, в песне под шифром IV А «На тихой на заводе» в начале мы читаем:

На тихой на заводе воскликнула
 Громко голосом бела лебедь жалобно добре,
 Тужила по белом лебедо...
 Во высоком тереме сидит под окошечком красна девица,
 Ясны у ней очи заплаканы...⁶⁰

Параллель мы находим в рукописном песеннике 1770-х годов (ГПБ О. XIV. 11. № 119) в песне «Лучилося мне доброму молодцу»:

Лучилося мне доброму молодцу,
 Мимо зеленый сад ехати. (2)

⁵⁸ Чулков, II, № 125 = Соболевский, III, № 156.

⁵⁹ Киреевский, Новая серия, вып. 1, №№ 395, 400, 640; Соболевский, VI, № 341.

⁶⁰ Сперанский, стр. 924. Этот же зачин есть и в песне под шифром XIII (там же, стр. 933).

Хорошо-дobre в саду слышалось: (2)
 Не белая лебедь воскликнула, (2)
 Не колпица возгготала (2)
 Слезно плакала красна девица, (2)
 Ко сырой земле припадаючи, (2)
 За ракиновый куст хватаячись: (2)
 «Ах ты, кустышек, мой кустышек, (2)
 Част ракиновый куст, малиновый! (2)
 Ах, ты вспомнишь ли, мой кустышек, (2)
 Вспомянешь ли, част ракиновый: (2)
 Когда мы, кустышек, со милым другом свыкалися, (2)
 За проклад мы речь говорили, (2)
 Что тебе, мой друг, не жениться, (2)
 Мне, кроме тебя, замуж нейти».⁶¹

23. Песня под шифром VI в записях Квашнина-Самарина имеет любопытный, редко встречающийся удвоенный зачин:

Ой сахар мой, сахар,
 Бел крупичатой, канарской!
 Хто тебя станет кушать,
 Насладит свою душу.
 Ой, бархат мой, бархат,
 Помаранцев веницейской!
 Хто тебя будет носить
 В тебе будет красаватца.⁶²

Далее в этой песне содержится два стиха:

Настругал милой стружек из калиновых стрелок,
 О(н) расклат на них огник на моих белых грудех.

Этот мотив встречается довольно часто в песнях; мы его находим в песне собрания Чулкова:

Стругал стружки добрый молодец.
 Брала струшки красна девица,
 Брамши струшки, на огонь клала
 Все змей пекла, зелье делала,
 Сестра брата извести хочет...⁶³

24. В записях Квашнина-Самарина есть песня «Я думала - подумала, чю жого разума послушала», которая находится под шифром V. Она заканчивается следующими стихами:

Не доста(нь)ся, мой и милый друг,
 А ни мне, ни моей сестре,
 Ни моей б...е — разлушнице,
 А достанься мой милый друг а сырой матерой земле,
 Да заведай мою тайную а сыра дубова доска.⁶⁴

Эти стихи являются концом песни «Хорошо тому на свете жить», сохранившейся в рукописном сборнике 1770-х годов и в ряде вариантов по записям XIX века. Приводим текст этого рукописного песенника, предположив ему зачин из других записей XIX века, так как в последнем он отсутствует:

(Хорошо тому на свете жить,
 У кого нет стыда в глазах,

⁶¹ Соболевский, V, № 675 (ГПБ О.ХIV.11 № 119); см. еще № 722.

⁶² Сперанский, стр. 927.

⁶³ Чулков, I, № 140 (= Соболевский, I, № 134. = Русская баллада. Библиотека поэта. М.—Л., 1936, № 14; ср.: Соболевский, I, №№ 135—136; Шейн, т. I, вып. 1, №№ 821, 823; Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 1930.

⁶⁴ Сперанский, стр. 927

У кого нету и совести).⁶⁵
 Эх, еще есть ли на моем сердце (2)
 За мою за грудью белою (2)
 Три кручинушки есть, три великие у меня... (2)
 Еще третья есть кручина у меня — (2)
 Я отстала друга милого своего, (2)
 Что дородного доброго молодца. (2)
 Иссушил меня мил сердешной друг, (2)
 Что былиночку во чистом поле. (2)
 Я сама ли друга высушу (2)
 Что ковыль — травую подкошеною, (2)
 Подкошеною, негребеною, (2)
 Не достанься мой сердешной друг, (2)
 Ты не мне ли, не моей сестре, (2)
 Ни моей ли б... разлучнице; (2)
 Ты достанься, мой сердешной друг, (2)
 Ты сырой земле, гробовым доскам.⁶⁶ (2)

Но из этого следует, что в популярной народной лирической песне XVIII века «Как пошла наша Параня», сохранившейся в нескольких вариантах в рукописных песенниках этого же века, подобный конец не самостоятелен, а появился в результате воздействия предшествующей песни:

Ты прости, прости, Параша,
 Прости, сердце мое.
 Не досталась Параша ни мне, ни ему,
 Ни брату моему.
 Как досталась Параша сырой матери земли,
 гробовой доски.⁶⁷

Варианты песни с подобным же концом имеются у Чулкова⁶⁸ и в записях XIX века.⁶⁹

25. Под шифром II в записях Квашнина-Самарина есть такие стихи:

Найду ли я мастера живописца,
 И велю списать ображей на бумаге хорошей,
 Прекрасной лик на персоне поставлю
 Е во светлую светлицу...
 Спасову образу помолюся,
 На персуну мила друга насмотрюся.⁷⁰

Этот мотив черезчур своеобразен и редок и в записях песен XIX века не встречается. Прообраз его имеется в духовном стихе об Анике-воине — в его словах, обращенных к смерти:

Сострою я тебе церковь,
 Спишу твой лик на иконе,
 Поставлю твой лик на престоле...⁷¹

Здесь еще весь тон стиха, весь характер картины церковный (церковь, икона, престол в церкви). Записи Квашнина-Самарина дают уже полное

⁶⁵ Шейн, т. I, вып. 1, № 748; Соболевский, V, №№ 225—232; Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2231.

⁶⁶ ГПБ О. XIV. 11. № 79 (= Соболевский, V, № 224).

⁶⁷ Собрание Уварова 95. № 106, (ГИМ); ср.: Барсов, 2464, № 2 и № 180 из сборника Черкасовой [Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР].

⁶⁸ Чулков, III, № 197; IV, № 93 (= Соболевский, I, № 166).

⁶⁹ Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2141.

⁷⁰ Сперанский, стр. 922.

⁷¹ Киреевский, вып. 4, стр. 122 и 126. Ср. И. Н. Жданов. Собрание сочинений, т. I, СПб., 1904, стр. 562—563.

«обмирщение» этой картины, правда, относящейся к быту высших классов конца XVII века. Новую ступень этого «обмирщения» и перехода в средние и низшие слои мы находим в песне из рукописного сборника Абрамова конца 1740-х годов:

Ах, кабы на цветы не морозы,
 Зимой бы цветы не померкли.
 Ах, кабы на млада не кручина,
 Подпершись, млада не ходила,
 Не роняла бы горючие слёзы,
 Не спала бы млада, не дремала,
 И не думала млада, не гадала,
 Я из рук сокола выпускала.
 Не сокол от меня отлетает,
 Душа, милый друг отъезжает
 Что на чужую на далую сторонку:
 «Воротись, моя надежда, воротись,
 А не воротись — оглянись.
 Я спишу твой лик на бумагу,
 Я персону твою на болюю.
 Я встану поутру раненко,
 Я умоюся мылом беленко,
 Я утруся тонким полотёнцом,
 Еще господу богу помолюся,
 На твою персону нагляжуся.⁷²

В этом варианте старинная песня XVII века, в которую входит интересующая нас словесная формула, контаминировалась с другой высокохудожественной народной песней «Ах, кабы на цветы, не морозы», полагаем — тоже XVII века, впитав в себя еще отдельные мотивы других народных песен («А не воротись — оглянись»).

26. Под шифром IV Б в записях Квашнина-Самарина песня кончается такими стихами:

Пойду ли я гулять во чистое поле (гуляти),
 (На) красные на цветочки осмотреть,
 Размычу свою злую кручину по чистому полю.⁷³

Соответствие этим стихам можно видеть в «Собрании разных песен» Чулкова:

Еще что ето у мила друга заприяство?
 Он поехал мой сердечной друг не простился,
 И я с горя с кручины и с печали,
 Я пойду гулять далече в чисто поле,
 Я найду, найду мила друга следочик,
 Я во след ли милу другу поклонюся,
 Я заочно сомилым другом прошуся;
 Ты прости прости, моя надежа,
 Ты надежа ты надежа мил сердечный друг,
 Ты прости прости надежа сокол ясной мой,
 Как знать, что мне с тобою невидатися
 И в беседе мне с тобою несвежжатися...⁷⁴

Во второй части песни из сборника Киреевского, контаминированной с песней второй половины XVIII века о Кате, которая «водилась» с фабричными (1-я часть), читается:

Пойду в полюшко гуляти,
 Тоску-горе растилати.

⁷² Сборник Абрамова, № 47; ср.: Киреевский, Новая серия, вып. II, ч. 2, № 2311 («Спишу твое личко на листи белой бумаги»).

⁷³ Сперанский, стр. 925.

⁷⁴ Чулков, III, № 100 (= Соболевский, V, № 499).

Я развею грусть-тоску
По зеленому лужку.⁷⁵

27. В разделе V записей Квашнина-Самарина есть обращение:

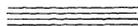
Вы нянюшки-мамушки, подайте акован ларец,
Отомкните окован ларец,
Вы выньте для друга два ножа, два булатные.⁷⁶

Полного соответствия этому обращению нам не известно. Зато в отдельных элементах оно встречается. Так, обращение к нянюшкам-мамушкам уже дано выше в пункте 4 данной работы.⁷⁷ («Вы вставайте, мамки-няньки, пробуждайтесь»). Упоминание об окованных ларцах есть в песне «Во саду было во вишень» из двух рукописных сборников 1770-х годов, где читается:

Что во той было во горенке (2)
Как сидела красна девица душа, (2)
Сама плачет, что река льется, (2)
Возрыдает, что ручей течет, (2)
Ко столу да припадаючи, (2)
Ко ларцу да причитаючи: (2)
«Ох ты, ларчик, ларчик мой, (2)
Окованная коробочка моя... (2)⁷⁸

Итак, относительно более чем тридцати народных лирических песен мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что они существовали в XVII веке и перешли в XVIII век, когда и были записаны. В этом виде они и известны нам теперь. Ознакомление с ними — с их тематикой, тоном, художественными образами — показывает их своеобразный стиль, их суровую красоту. Пересмотр записанных в XVIII веке и сохранившихся до сих пор песен позволит отнести к XVII веку еще ряд песен, которые своим содержанием, идеологией, бытовыми подробностями свидетельствуют о сложении их в XVII веке. Таковы песни: о выдаче вдовой трех дочерей замуж за боярина, подьячего (вариант: посадского, крестьянина) и татарина (из Орды, из Крыма),⁷⁹ «Когда было молодцу пора время великое»,⁸⁰ «А из Крыму ли, братцы, из Ногаю»⁸¹ и др. Представление о поэтических достоинствах народной лирической песни XVII века дает такая высокохудожественная песня, как «Ах, кабы на цветы не морозы, И зимой цветы расцветали».⁸²

Песня XVII века отличается от лирической песни XVIII века, которая имеет много новых черт. Эти черты удастся раскрыть путем анализа народных песен, входящих в рукописные песенники XVIII века, особенно его первой половины. Но это — отдельная тема, требующая особого исследования.

⁷⁵ Киреевский, вып. I, ч. 1, № 1492; ср.: Киреевский, вып. II, ч. 2, № 2450 и Шейн, т. I, вып. 2, 794 («Ахти горе великое, Печаль-тоска несносная»).

⁷⁶ Сперанский, стр. 927.

⁷⁷ Чулков, III, № 89; Шейн, т. I, вып. 1, № 723.

⁷⁸ Уваров, 95 и 74.

⁷⁹ Соболевский, III, №№ 1—5.

⁸⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Гослитиздат, М., 1938, стр. 201.

⁸¹ Там же, № 39, стр. 24 (= Соболевский, VI, № 364).

⁸² Чулков, I, № 150 (1 часть).

П. Д. УХОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА

Еще А. Ф. Гильфердинг, наблюдая характер исполнения былин отдельными сказителями, подметил, что «в каждой былине есть две составные части: места *типические*, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места *переходные*, которые соединяют между собой типические места и в которых рас­сказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былин­ну; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только *общий остов*, так что всякий раз, как сказитель поет былин­ну, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».¹

В дальнейшем в это наблюдение были внесены некоторые уточнения. Так, на основании детального изучения приемов различных сказителей в науку было введено понятие о наличии «школ» сказителей. Однако основной вывод собирателя, что в каждой былине наличествуют места типические и переходные, получил дальнейшее подтверждение.

Нужно, однако, заметить, что типические места (иногда они обозначаются терминами: эпические места, традиционные формулы, общие места, *loci communes* и др.) при перенимании былин сказителями от своих «учителей» не заучиваются наизусть, а каждый сказитель, усвоив общее содержание типического места, самостоятельно от частого повторения вырабатывает его твердый текст.

У каждого сказителя типические места оригинальны, неповторимы, иные, чем у других сказителей. Во всех многочисленных сборниках русских былин вряд ли можно найти хотя один пример совершенно точного совпадения типических мест одного сказителя с подобными же местами другого сказителя; в каких-либо деталях, либо частностях, но отличия все же встречаются.

Так, возьмем для примера типическое место — пир у князя Владимира — у кижских сказителей.

Т. Г. Рябинин:

А Владимир князь да стольнѣ-киевской
Заводил почестен пир да ѝ пированьце
На многих князей да на всих бояров,

¹ А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. В кн.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I. Изд. 4-е, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 57. (В дальнейшем: Гильфердинг).

На всех сильных русьских могучих на богатырей
 Ай на славных поляниц да на удалых...
 (Гильфердинг, № 80)

К. И. Романов:

В стольном городе во Киеве,
 У ласкова князя у Владимира
 Было пиروваньце почестен пир
 На многих князей, на бояр,
 На могучих на богатырей,
 На всех купцов на торговых,
 На всех мужиков деревенских...
 (Гильфердинг, № 94)

Т. Иевлев:

Во стольном во городе во Киеве,
 Да и у ласкова князя у Владимира,
 Был-то у него почестной пир,
 А как все-то на пиру были пособраны,
 Все были вси князи, вси бояре,
 А все сильны могучи богатыри
 Да все тут поляниченки удалыи...
 (Гильфердинг, № 102)

А. В. Сарафанов:

Во городе во Киеве,
 У солнышка князя у Владимира
 И был почестен пир на весели...
 (Гильфердинг, № 109)

В. П. Щеголенок:

Во стольном во городе во Киеве,
 У ласкова князя у Владимира,
 Заводилось пиروваньце почестен пир,
 На многих на князей на бояр,
 А на русьских могучих богатырей,
 А на всех на поляниц на удалых...
 (Гильфердинг, № 121)

Таким образом, как видим, буквального совпадения типических мест даже у сказителей одной местности не встретилось. Больше того, даже у потомков Т. Г. Рябинина (И. Г. Рябинина-Андреева, П. И. Рябинина-Андреева и др.), усвоивших от него свои былины, нет буквального совпадения в типических местах.

В то же время типические места одного сказителя, как правило, приобретают строго чеканное словесное оформление. Некоторая вариация их может определяться потребностями сюжета.

Так, например, у Т. Г. Рябинина типическое место — пир у князя Владимира — встречается несколько раз: в былинах №№ 76, 80, 81, 84. Причем, №№ 80 и 81 — совпадения буквальные. В других номерах есть некоторые разногласия, вызванные контекстом произведения.

То же самое можно сказать и о других типических местах сказителя. Так, обозначение промежутка времени —

Еще день за день ведь как и дождь дождит,
 А неделя за неделей как река бежит
 (№ 75)

встречается во многих былинах (№№ 75, 79, 80, 89) и повторяется почти в одних и тех же выражениях. Например, в былине № 80 оно выглядит так:

Аще день за день как будто дождь дождит,
 Да й неделя за неделей как река бежит.

Возьмем другое типическое место — угрозу иноземного захватчика русскому народу. В былине № 75 оно передано в следующих выражениях:

Как собака Калин царь он разорит да Киев град,
Да он чернедь мужиков-то всех повырубит,
Да он божьи церкви все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой королевичной
А он срубит им да буйныя головушки.

В былине № 77 оно приобрело следующий вид:

Разорю-то славный стольный Киев град
А я чернедь мужичков-тых всех повырублю,
А божьи церкви я все на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксей да с королевичной!

Буквально совпадая с № 77, это типическое место повторяется в былине № 87. Даже такой сказитель, как В. П. Шеголенок, импровизационный характер творчества которого давно отмечен в науке, и тот вырабатывает твердую форму своих типических мест (ср., например, типическое место — пир у князя Владимира — в его былинах в сборнике А. Ф. Гильфердинга, №№ 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128).

Следовательно, словесное оформление типических мест в былинах является плодом личного творчества сказителя. Поэтому по характеру типических мест можно судить о творческой манере сказителей. На эту особенность типических мест обратил в свое время внимание А. Ф. Гильфердинг, который заявил: «Типические места у каждого сказителя имеют свои особенности, и каждый сказитель употребляет одно и то же типическое место всякий раз, когда представляется к тому подходящий смысл, а иногда даже некстати, прицепляясь к тому или другому слову. Оттого все былины, какие поет один и тот же сказитель, представляют много сходных и тождественных мест, хотя бы не имели ничего общего между собой по содержанию. Таким образом, типические места... всего более отражают на себе личность сказителя».²

С точки зрения отражения личности сказителя интересно проанализировать былины сборника Кириши Данилова. До сих пор такую задачу исследователи былин еще не ставили, а между тем она представляется нам крайне важной. Выяснить, записаны ли былины в сборнике от одного сказителя или от многих, охарактеризовать творческую манеру сказителей и т. п. — задача настоятельная.

Интерес к сборнику породил довольно обширную научную литературу о нем. Больше всего исследователей занимал вопрос о происхождении сборника. По вопросу же об авторстве произведений, включенных в сборник, были высказаны лишь самые беглые замечания.

В предисловии ко второму изданию сборника К. Ф. Калайдович считал, что Кириша Данилов был не только собирателем вошедших в сборник произведений, но и их автором. «Данилов, — заявлял он, — писал более для людей необразованных — потому у него много фарсов; пел не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей — по сему-то он пренебрегал уверенностью и правилами благопристойности».³

² Гильфердинг, стр. 57—58.

³ Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева. М., 1818, стр. XXVIII.

Это мнение о Кирше Данилове как о поэте было поддержано и В. П. — автором статьи о нем в энциклопедическом словаре Плюшара. Любопытно, что В. П. сообщает о Кирше Данилове ряд биографических сведений, например, что он «малороссийский казак, родился недалеко от Киева в конце семнадцатого столетия. Обстоятельства его жизни вовсе неизвестны, кроме того, что он учился в Киеве и служил в Сибири во время царствования Петра Великого».⁴ Источник этих сведений не выяснен и поэтому сами сведения оставлены без внимания.

В связи с развитием науки о фольклоре стало очевидно, что большинство текстов сборника — произведения не единоличного автора, а народные.

«Вопрос об авторстве Кирши Данилова (в том смысле, в каком понимал это авторство Калайдович), — утверждал П. Н. Шеффер, подводя итог литературы о сборнике, — теперь, когда для громадного большинства текстов сборника записаны варианты непосредственно из уст народа, мы можем оставить без рассмотрения».⁵

Что касается того, от какого количества певцов записаны тексты сборника, П. Н. Шеффер ответа не дал, заявив, однако, что «в сборнике перед нами в более или менее чистом виде тексты народной поэзии», хотя вопрос о составе сказителей им был поднят: «Существенно важно было бы, например, знать: случаен состав сборника или совокупность текстов, вошедших в сборник, представляет нечто органическое, — другими словами: обусловлен состав сборника, например, вкусами и целями собирателя, записывавшего тексты от разных певцов в различных местах, или перед нами в сборнике запись характерного, очень своеобразного по настроению (былина, песнь и пародия на них) репертуара певца или, может быть, репертуара спевшейся сплоченной группы певцов, вероятно, скоморохов?».⁶

М. Н. Сперанский, посвятивший сборнику самостоятельное исследование, вопрос о сказителях даже не поставил.

В советское время с заявлением о составе сказителей в сборнике выступил С. К. Шамбинаго в предисловии к изданию 1938 г. То, что П. Н. Шеффер поставил в качестве вопроса, С. К. Шамбинаго высказал в качестве вероятного предположения. Он заявил: «Впечатление, что „Сборник Кирши Данилова“ представляет запись своеобразного по подбору репертуара народного певца или даже сплоченной группы народных певцов-скоморохов, будет достаточно вероятным».⁷

Однако предположение С. К. Шамбинаго, не подкрепленное достаточным материалом, не обратило на себя внимание, и вопрос о составе певцов в сборнике до сих пор остается неясным.

Настоящая работа ставит своей задачей на основе наблюдений над стилем произведений, включенных в «Сборник Кирши Данилова», попытаться рассмотреть только одну сторону вопроса — от какого количества сказителей записаны тексты.

Свой обзор текстов начнем в порядке их расположения в сборнике.⁸

⁴ Энциклопедический лексикон, т. 15, СПб., 1838, стр. 335.

⁵ Сборник Кирши Данилова. Изд. Имп. публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в библиотеку кн. М. Р. Долгоруковым. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. XIX. (В дальнейшем: Шеффер).

⁶ Там же, стр. XXXVI, XXXVII.

⁷ С. К. Шамбинаго. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Гослитгиздат, М., 1938, стр. XVIII. (В дальнейшем: Шамбинаго).

⁸ Цитация текстов для удобства сравнений будет дана по сборнику С. К. Шамбинаго. В исключительных случаях, когда это необходимо, будет привлекаться и текст издания П. Н. Шеффера.

Былина № 1 («Соловей Будимирович») по своему содержанию не имеет близкого сходства с другими сюжетами, поэтому типические места других былин (в особенности героических) не могут быть в ней использованы. Однако некоторые детали былины находят параллели в других текстах. Так, типическое место — подарок гостя князю Владимиру — прослеживается по ряду текстов.

В былине № 1: Соловей Будимирович

И подносит князю свои дороги подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц.

В былине № 3 («Дюк Степанович»): мать Дюка

Дарила князя Владимера
Своими честными подарками:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц.

Изменение эпитета подарков (вместо «дороги» — «честные») в текстах сборника — явление частое.

С некоторыми изменениями (изменен эпитет лисиц) встречается это типическое место и в былине № 18 («Чурила Пленкович»): Чурила

Взял золоту казну:
Сорок сороков черных соболей,
Другую сорок печерских лисиц.

Можно предположить, что это типическое место принадлежит одному сказителю. Это тем более вероятно, что в других сборниках былин даже отдаленной параллели к нему нам не встречалось.

Находит себе параллели и следующее типическое место — приезд или приход богатыря в чужой дом:

Соловей Будимирович

Пошел он ко ласкову князю Владимиру,
Идет во гридню во светлую,
Как бы на пятау двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец,
Молодой Соловей, сын Будимирович,
Спасову образу молится,
Владимеру князю кланяется,
Княгине Апраксовой на особицу.
(№ 1)

Иван Годинович

Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею гостю кланяется.
(№ 16)

Добрыня Никитич

Походил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится
Матушке своей кланяется...
(№ 21)

В той же былине:

Приходил же тут Добрыня Никитич млад;
Он молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимиру и княгине Апраксовне
На все четыре стороны.
(№ 21)

Алеша Попович с Екимом Ивановичем

Пошли во светлы гридни;
 Молятся Спасову образу,
 И бьют челом, покланяются
 Князю Владимиру и княгине Апраксевне
 И на все четыре стороны.
 (№ 20)

Богатырь Суровец

Походил во гридню во светлую,
 Спасову образу молится,
 Великому князю покланяется (не Владимиру, а Михайле
 Ефимонтьевичу).
 (№ 57)

Татарский посол

Бежит он во гридню во светлую,
 А Спасову образу не молится,
 Владимиру князю не кланется.
 (№ 25)

Добрыня укоряет Маринку:

У тебя в высоких хороших теремах
 Нету Спасова образа,
 Некому у тя помолитися,
 Не за что стенам поклонитися.
 (№ 9)

Дунай Иванович:

Гой еси, король в Золотой орде!
 У тебя ли во палатах белокаменных,
 Нету Спасова образа,
 Некому у тя помолитися,
 А и не за что тебе поклонитися.
 (№ 11)

Принадлежность этого типического места одному сказителю вряд ли может быть подвергнута сомнению. Опять же можно сказать, что в просмотренном нами материале (все основные сборники былин) сходного типического места обнаружить не удалось. Сравни, например, его с типическим местом Т. Г. Рябинина:

А й тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посеред двора,
 Сам идет он во полаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пятау он дверь-ту поразмахивал,
 Крест-от клал ён по писаному,
 Вел поклоны по ученому,
 На все на три на четыре на сторянки низко кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину
 Еще всем его князьям он подколенным.
 (Гильфердинг, № 74)

Обратимся и к другим типическим местам рассматриваемой нами былин (№ 1). Приведем знаменитый зачин былин (использованный Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Садко»):

Высота ли, высота поднебесная,
 Глубота, глубота окян-море;
 Широко раздолье по всей земли,
 Глубоки омуты Днепровские.

Этот зачин целиком повторяется в былине № 57 (о богатыре Суздальце). Некоторое разночтение (например: вместо высота — висока, вместо Днепровские — Непровские) следует отнести, как на это указывает П. Н. Шеффер,⁹ за счет переписчика.

Есть основания полагать, что зачин пародийной былины № 27 («Агафонушка») — траверсированный зачин былины № 1:

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
 На крутых берегах, на печи на дровах,
 Высока ли высота потолочная,
 Глубока глубота подпольная
 А и широко раздолье — перед печью шесток,
 Чистое поле — по подлавочью...

Насколько нам известно, сходного зачина с №№ 1 и 57 в других сборниках нет. Обычно зачин былин о Соловье Будимировиче примерно таков:

А й из-за того острова Кадойлова,
 А й из-под того вязу с-под черлёного,
 А й из-под того камешка с-под белого,
 Из-под того кустышка ракитового,
 А пала-выпадала мать Непра-река,
 А устьем выпадала в море Черное;
 В Черное море во Турецкое.
 (Гильфердинг, № 199)

Обращает внимание и тот факт, что описание шубы почти буквально совпадает в былинах №№ 1 и 8.

Завава (былина № 1)

Надевала шубу соболиную,
 Цена-то шубе три тысячи,
 А пуговики в семь тысячей.

Иван Гостиный сын (былина № 8)

И вдевал на себя шубу соболиную,
 Которой шубе цена три тысячи,
 А пуговики вальятчатые в пять тысячей.

Таким образом, на основании анализа типических мест былина № 1 обнаруживает общность с былинами №№ 3, 8, 9, 11, 16, 17, 18, 20, 21, 25, 27, 57.

Обратимся теперь к тексту № 2 («Гость Терентище»). Обращает на себя внимание описание усадьбы Терентия:

У него двор на целой версте,
 А кругом двора железный тын,
 На тынинке по маковке,
 А и есть по земчужинке.

Таково же и описание усадьбы Чурилы Пленковича (№ 18):

Двор у него на семи верстах,
 Около двора железной тын,
 На всякой тынинке по маковке,
 А и есть по земчужинке.

Сходно с ним и описание усадьбы Соловья Разбойника (№ 49):

Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
 Как бы около двора железной тын,
 А на всякой тынинке по маковке,
 И по той по голове богатырския.

⁹ Шеффер, стр. 165.

Таким образом, текст № 2 имеет общность с текстами №№ 18 и 49.
Обратимся к былине № 3 («Дюк Степанович»).

Зачин ее:

Из-за моря, моря синего,
Из слава Волинца, красна Галичья,
Из тоя Карелы богатя
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец,
Молодой Дюк сын Степанович. . .

Близок к нему зачин былины № 22:

Как из далеча было, из Галича,
Из Волинца города из Галичья,
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец
Молоды Михайла Казаренин.

Близкую параллель к этому месту находим в № 29 («Михайло Скопин»):

Что ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал.
Выезжал воевода московской, князь Скопин.

Прослеживается по ряду вариантов и формула выпивания: Дюк

А принял чару единой рукой
А выпил чару единым духом.

Буслаев в былине № 19:

Принимает Василей единой рукой,
И выпил чару единым духом.

В былине № 21:

Принимает он, Добрыня, единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
(№ 21)

В былине № 22:

Принимает Казаренин единой рукой,
А и выпил единым духом.

В былине № 49:

Принимает Илья единой рукой,

Формула угощения —

В та поры повары были догадливы,
Носили яства сахарные, питья медвяные —

имеет сходство с аналогичной формулой былины № 23 («Поток Михайла Иванович»).

Концовка былины —

То старина, то и деянье:
Синему морю на утишенье;
Быстрым рекам слава до моря;
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье —

сходна с концовкой былины о Скопине (№ 29):

То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье.

Таким образом, былина № 3 обнаруживает общность со следующими былинами: №№ 1, 19, 21, 22, 23, 29, 49.

В исторической песне о Щелкане Дудентьевиче (№ 4) былинные типические места не использованы. Однако некоторые выражения этой песни имеют довольно близкое сходство с подобными выражениями других произведений.

Например, мужики посадские

И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатного земчуга.

Близка к этой формуле другая былина: дают ему (Василию Буслаеву, — П. У.) атаманы казачие подарки свои:

Первую мису чиста серебра,
И другую — красна золога,
Третью — скатного земчуга.
(№ 19)

Или в былине № 25 (Илья обращается к Владимиру):

Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую — красна золога,
Третью мису — скатного земчуга:
Поедем со мной ко Калину царю,
Со своими честными подарками.

Историческая песня о Мастрюке Темрюковиче обнаруживает сходство с рядом произведений. Так, общее место — расправа русского богатыря с противником — прослеживается по ряду текстов:

Мастрюка Потанька

Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю.
(№ 5)

Иван Гоудинович Афромей Афромеевича

Согнет он царя корчагою,
Опустил он о сыру землю.
(№ 16)

Илья Муромец Калина

Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйной головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи.
(№ 25)

Можно подметить общность в характеристике пути следования Ивана Грозного (№ 5) и пути следования Ильи Муромца (№ 25):

Переехал царь-государь
Он реки быстрые,
Грязи смоленские
И леса брянские.

В былине № 49: Илья Муромец едет

Через те леса брынские,
Через черные грязи смоленские.

Таким образом, можно предполагать некоторую общность исторической песни о Темрюке (№ 5) с былинами №№ 16, 25 и 49.

Укажем на совпадение типических мест былины о Волхе Всеславьевиче (№ 6) с другими произведениями. Формула успешного овладения грамотой —

Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло —
(№ 6)

совпадает с текстами из № 10 (былина о Василии Буслаеве) и № 48 (былина о Добрыне и змее).

Прослеживается по ряду текстов и следующее типическое место — наказание богатырем иноземного врага:

Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей не бьют, не казнят!»
Ухватя его ударил о кирпичатой пол,
Расшиб его в крохи. . .
(№ 6)

В былине № 16:

Говорит тут Иванушка Годинович:
«А и гой вы еси, дружина хоробрая!»
Их-то царей не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают».

В былине № 25: Илья

Сам Калину приговаривает:
«Вас-то царей не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!»
Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйной головы своей,
Ударил его о горюч камень
Расшиб его в крохи. . .

Следовательно, былина № 6 обнаруживает общность с былинами №№ 10, 16, 25 и 48.

Текст № 7 оставим без рассмотрения.

Зачин былины об Иване Гостином сыне (№ 8) совпадает с зачином ряда других былин.

Былина № 8:

В стольном городе во Киеве,
У славного князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столование, почестной стол
На многи князи, бояра
И на русские могучие богатыри
И гости богатые.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире.

Былина № 11:

В стольном городе во Киеве,
Что у ласкова, сударь, князя Владимира,
А и было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол.

Много на пиру было князей и бояр,
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полустоле.

Еще большее совпадение этого типического места прослеживается по былинам №№ 17, 18, 21.

Типическое место — отказ от поручений князя Владимира —

Как бы большой за меньшого хоронится,
От меньшого ему тут, князю, ответу нету —

также совпадает с соответствующими местами в былинах №№ 11, 21 и др.
Формула спора —

А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче, —
О своей буйной голове —

в точности совпадает с былиной № 20.

Таким образом, былина № 8 обнаруживает общность типических мест с былинами №№ 11, 17, 18, 20, 21.

О совпадении типического места — приход богатыря в чужой дом — былины № 9 («Три года Добрынюшка столыничал») в былинах №№ 1, 11, 16, 20, 21, 25 и 57 говорилось выше.

Находит параллель в ряде былин и формула возмущения:

Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося.
(№ 9)

(см., например, былинку № 25 и др.).

Только одному сказителю может принадлежать следующее место:

А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну...
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчища».
А второе ученье — ноги ей отрезал:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталась со Змеем Горынчищем».
А третье ученье — губы ей отрезал и с носом прочь:
«А эти-де губы не надобны мне,
Целовали они Змея Горынчища!»
Четвертое ученье — голову ей отсек и с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические».
(№ 9)

В былине № 16 (Иван Годинович) оно приобрело следующий вид:

Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
Он перво ученье, то руку ей отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Афромея-царя».
А второе ученье, ноги ей отсек:
«А и та-де нога мне не надобна,
Оплеталась со царем Афромеем неверным».
А третье ученье, губы ей обрезал и с носом прочь:
«А и эти губы мне не надобны,
Целовали они царя неверного».

Четверто ученье, голову ей отсек и с языком прочь:
 «Эта голова мне не надобна,
 И этот язык мне не надобен,
 Говорил со царем неверным
 И сдавался на его слова прелестные!»

Для того чтобы сопоставить это типическое место с соответствующими местами других былин, приведем текст Т. Г. Рябинина:

— А й теперь-ко ты, Маринка, есть моя жена,
 А должна ты мни повиноватися.
 То он брал свою да саблю вострую,
 Во свои-то брал белы ручушки,
 И он смахнул-то своей саблей вострой,
 И срубил-то он ей ножки по коленочкам;
 Говорил-то ей Добрыня таковы слова:
 — А й почто-то эти ноженки да резвыи
 И оплетали-то татарина поганого
 А й того Горынища проклятого?
 И он другой-то раз смахнул да саблей вострой,
 А срубил ей ручки по локоточкам;
 Говорил Добрыня таковы слова:
 — Ай почто-то эти белыи да ручушки
 И обнимали-то татарина поганого,
 Ай того Горынища проклятого?

и т. д. (Гильфердинг, № 78)

Таким образом, былина № 9 обнаруживает общность с былинами №№ 1, 11, 16, 20, 21, 25, 57.

От общности типического места — успешное овладение грамотой — былины № 10 (Василий Буслаев) с былинами №№ 6, 48 уже говорилось. Укажем и на совпадение типического места — озорство подрастающего богатыря.

В былине № 10:

Допьяна уж стал напиватися,
 А и ходя в городе уродует:
 Которого возмет он за руку,
 Из плеча тому руку выдернет;
 Которого заденет за ногу,
 То из гузна ногу выломит;
 Которого хватит поперек хребта,
 Тот кричит, ревет, окарачь ползет.

В былине № 26: Саул Леванидович

Которого возмет за руку,
 Из плеча тому руку выломит,
 И которого заденет за ногу,
 По гузна ногу оторвет прочь;
 И которого хватит поперек хребта,
 Тот кричит, ревет, окарачь ползет.

В других былинах это типическое место имеет примерно следующий вид:

И стал-то Вася по улки похаживать,
 И нелегкие шутки пошучивать,
 И нелегкие шутки непомерные:
 Ково за руку хватит — ручку выдернёт,
 Ково под ногу пнёт — ножку выпинивал,
 Ково в голову ударит — и в смерть убьет.

(Гильфердинг, № 286)

Об общности типического места — пир у князя Владимира — былины № 11 с былинами №№ 8, 17, 18, 21 уже говорилось.

Указывалось и на общность типического места — приход богатыря в чужой дом — былины № 11 с былинами №№ 1, 16, 21, 20, 57, 25, 9.

Укажем и на совпадение следующей формулы в былинке № 11 с былинкой № 10:

Не попала ему (Екиму — в № 11, Василию — в № 10, — П. У.)
палица железная,
Что попала ему ось тележная.

Совпадает в былинке № 11 с былинкой № 15 следующая формула:

И спела ведь тетивка у туга лука,
А дрогнет матушка сыра земля
От того удара богатырского;
Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,
Изломала его в черенья ножевые.
(№ 11)

В былинке № 15:

Спела тетивка у туга лука,
И Владимир князь окарачь напозался,
И все тут могучие богатыри
Встают, как угорелые.
Звела да пошла калена стрела,
Угодила в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья ножевые.

Исторические песни № 12 («Гришка Расстрига»), № 13 («На Бузане острове»), № 14 («Ермак взял Сибирь») типических былинных мест не содержат, поэтому сказать что-либо определенное об их общности трудно.

Об общности былин № 15 («Ставер боярин»), № 16 («Иван Гоудинович»), № 17 («Горден Блудоич»), № 18 («Чурила Пленкович») с другими былинами уже говорилось. Укажем на совпадение общих мест былины № 19 («Василий Буслаев молиться ездил») с другими былинами.

Так, следующее место былины № 19 имеет некоторое сходство с былинами №№ 21 и 24 («Сорок калик со каликою»):

Василий Буслаев

Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Идти мне, Василью, в Ерусалим град,
Со всею дружиною хороброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане реке искупатися».
(№ 19)

Добрыня Никитич

Просит благословение великое:
«Благослови меня, матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!»
(№ 21)

Касьян Михайлович обращается к каликам:

«А идтить нам, братцы, дорога неближня,
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися».
(№ 24)

Былина № 20 («Алеша Попович») в отличие от всех других произведений, опубликованных в сборнике, поражает своей нестройностью: об убийстве Алешей Тугарина в этой былине рассказывается дважды (первый раз убивает его Алеша при встрече в поле, а затем вместе с Екимом Ивановичем едет в Киев и вновь встречается там с живым Тугарином. Поссорившись с Тугарином в Киеве, Алеша убивает его второй раз).

Былина, таким образом, разделяется на две части. Выше уже указывалось, что былина № 20 имеет схожие с другими былинами типические места. Однако эти параллели относятся только ко второй части.

Остановимся на анализе типических мест первой части. Обратим внимание на следующее место — внешний портрет Тугарина:

В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Былина № 25 («Калин царь») имеет следующую вариацию этого типического места:

А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,
Который котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень.

Трудно допустить, чтобы у одного сказителя так разнилось типическое место. Трудно также допустить, чтобы одно и то же типическое место в одной и той же былине при повторении могло измениться. Обычно при повторах сказитель слово в слово произносит повторяемое место. Эпические же повторения первой и второй частей нашей былины не совпадают. Так, в первой части имеем следующее место:
Еким Иванович и Алеша Попович

Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых,
Надо Алеше покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.

Во второй части: Алеша Попович с товарищами

Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга

Еще пример: обращение Тугарина к Алеше, одетому в каличье платье (1-я часть):

«Гой еси, калика перехожея!
А где ты слышал и где видал
Про молода Алешу Поповича;
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».

Обращение того же Тугарина к Алеше (2-я часть):

«Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли я, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю».

Другие типические места (кроме одного, о котором речь ниже) первой части не находят себе параллели не только во второй части былины, но и вообще во всех произведениях сборника.

Обращает на себя внимание и лексика 1-й части былины. Многие слова характерны только именно для 1-й части былины и нигде больше не встречаются. Таковы: «лапки семи шелков», «шуба соболиная, до-гополая», «шляпа сорочинская», «кольчуга подорожная», «дубравушка зеленая», «золот чуден крест», «белая ширинка», «заря утренняя», «стремяно богатырское».

Однако справедливость требует отметить, что одно типическое место первой части былины № 20 стоит в некоторой близости к былине № 18. В былине № 18 молодцы рассказывают Владимиру:

Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали:
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскающего,
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие...

В былине № 18 молодцы рассказывают Владимиру:

Ездили мы по полю по чистому,
Сверх тоя реки Черегеи,
На твоём государевом займище,
Ничего мы в поле не наезживали,
Не наезживали зверя прыскающего,
Не видали птицы перелетныя;
Только наехали во чистом поле
Есть молодцов за триста и за пять сот.

Принадлежит ли это место одному сказителю или разным, сказать трудно.

Таким образом, все же можно предположить, что первая и вторая части былины об Алеше Поповиче не являются единой; это различные варианты одной былины, принадлежащие, должно быть, разным сказителям и механически соединенные переписчиком в один текст.

Об общности былин № 21 («Добрыня Чудь покорил»), № 22 («Михайла Казаринов»), № 23 («Поток Михайла Иванович»), № 24 («Сорок калик со каликою»), № 25 («Калин царь»), № 26 («Царь Саул Леванидович»), № 27 («Агафонушка») уже говорилось. Можно было бы указать и на иные связи этих былин с другими, но это мы сделаем при разборе следующих былин.

Былина № 28 («Садко богатый гость») крайне бедна типическими местами; можно лишь указать на совпадение некоторых формул этой былины с другими былинами. Так, формула обращения

А и гой еси, удалой доброй молодец!

прослеживается по ряду былин (например № 6 и др.).

Или специфическая формула

Начинают пить канун, пива ячные

совпадает с былиной № 10:

А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.

Совпадает с былиной № 10 и название братчины. В былине № 28: Садко

Примали его во братчину Никольшину.

В былине № 10: Василий

Пришел во братчину в Никольшину.

Формула

Бить челом, поклоняться

также прослеживается по ряду былин.

На общность исторической песни № 29 («Михайло Скопин») с другими произведениями указывалось несколько раз.

Укажем на общность некоторых формул исторической песни № 30 («Взятье Казанского царства»). Формула отказа от поручений князя —

Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету —

находит буквальную параллель в ряде текстов: №№ 7, 11, 21 и т. д.

Формула выезда полков царских (богатыря) —

А из далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого —

исторической песни № 31 («Под Конотопом под городом») встречается в ряде текстов: № 44 («Во Сибирской украине, во Даурской стороне»), № 53 («Атаман польской»), № 54 («На литовском рубеже») и др.

Можно было бы указать и на общность ряда других формул этой песни.

Тексты № 33 («Когда было молодцу пора, время великое»), № 34 («Под Ригою стоял царь государь»), № 35 («Поход селенгинским казакам»), № 36 («По долам девица копала коренья лютые»), № 37 («Перед нашими воротами утоптана трава»), № 38 («Да не жаль добра молодца битого — жаль похмельного»), № 39 («Из Крыму и из Нагаю»), № 40 («По край моря синего стоял Азов город»), № 41 («Борис Шереметев»), № 42 («Благословите, братцы, про старину сказать»), № 43 («Князь Репнин»), № 44 («Во Сибирской украине, во Даурской стороне»), № 45 («Никите Романовичу дано село Преображенское»), № 46 («Из монастыря Боголюбова старец Игренишо») общих мест и формул не содержат, поэтому сопоставлять их с другими текстами опасаемся.

Зачин былины № 47 («Садков корабль стал на море») находится в некоторой близости к зачину былины № 1 («Соловей Будимерович»). Зачин былины № 47:

Как по морю, морю по синему,
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един Сокол-корабль
Самого Садка гостя богатого...

Зачин былины № 1:

Из-за моря, моря синего,
.....
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — един корабль
Славного гостя, богатого,
Молода Соловья, сына Будимеровича.

Кстати сказать, только в былинах сборника Кирши Данилова корабль Садко назван «Соколом», так же как и корабль Соловья Будимеровича.

Других типических мест в былине № 47 нет, поэтому указать на общность этой былины с другими текстами не решаемся, хотя некоторые выражения находят себе параллель в других произведениях.

На близость типических мест былины № 48 («Добрыня купался, змей унес») и № 49 («Первая поездка Ильи Муромца в Киев») с другими былинами уже указывалось.

Можно бы указать и на общность типических мест былины № 50 («Илья ездил с Добрынею») и былины № 68 с другими текстами.

Таким образом, все былинные произведения, помещенные в сборнике (всего в сборник включено 27 былинных сюжетов), имеют близкие друг к другу типические места (за исключением первой части былины № 20 об Алеше Поповиче). Кроме того, замечена общность типических мест исторических песен, примыкающих по своей поэтике к былинам. Все это дает нам основание предполагать, что все былины и ряд исторических песен, включенных в сборник, записаны от одного сказителя или, по крайней мере, от сказителей одной былинной школы.

Былинные школы, как показывает изучение онежских былин, создаются обычно по принципу территориальной близости. На этом основании можно заключить, что если былины сборника записаны не от одного лица, то от сказителей одной местности, скорее даже одного населенного пункта, и, следовательно, представляют какую-то одну местную былинную традицию.

Остановимся теперь на принципах записей былин в сборнике.

При внимательном анализе текста былин оказывается, что запись их была произведена с изумительной филологической точностью. Известно, например, что считающаяся образцовой запись былин А. Ф. Гильфердингом страдает досадными промахами. Так, Гильфердинг часто не заносил в черновиках эпические повторения, отмечая лишь для себя знаком, что в таком месте следует повторение. В сборнике Кирши Данилова подобных промахов нет. Эпические повторения всякий раз отличаются друг от друга иногда едва уловимыми нюансами. Приведем несколько примеров.

Так, в былине «Иван Гоудинович» (№ 16) князь Дмитрий в следующих словах передал Ивану отказ выдать за него замуж свою дочь:

Глупой Иван, неразумной Иван!
 Где ты, Иванушка, перво был?
 Ноне Настасья просватана,
 Душа Дмитревна запоручена.
 В дальну землю Загорскую,
 За царя Афромея Афромеевича,
 Э за царя отдаг — ей царицею слыть;
 Панове все поклонятца,
 Пановя и улановя,
 А немецких языков сщоту нет;
 За тебя Иван отдать — холопкой слыть
 Избы мести, заходы скрести.
 (Ш а м б и н а г о, стр. 96; Ш е ф ф е р, стр. 57—58)

Сам Иван этот отказ передал князю Владимиру в следующих словах:

Глупой ты-де Иван, неразумной Иван!
 Где ты, Иванушка, перво был?
 Ноне Настасья просватана
 В дальну землю Загорскую

За царя Афромея Афромеевича;
 За царя-де ее отдать — царицею слыть,
 Панове все поклонятца,
 Панове все и улановья,
 А немецких языков счоту нет;
 За тебя-де, Иван, отдать — холопкой слыть,
 Избы мести да заходы скрести.
 (Шамбинаго, стр. 97; Шеффер, 58)

При повторении опущена одна строка («Душа Дмитревна запоручена») вставлена частица *де*, вставлены дополнительные слова: *все, да*. Это означает, что запись велась не механически, а, должно быть, вслед за исполнением.

Приведем еще пример. В былине «Добрыня чудь покорил» (№ 21) князь Владимир обращается к присутствующим:

А кто бы сослужил службу дальнюю,
 А и дальну службу, заочную?
 Кто бы съездил в орды немирныя
 И очистил дороги прямоезжия
 До моего тестя любимова,
 До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
 Вырубил чуть белоглазую,
 Прекр-тил сорочину долгополую,
 А и тех черкас петигорских,
 И тех калмыков с татарами,
 Чюкши все бы и алюторы?
 (Шамбинаго, стр. 133; Шеффер, стр. 81).

Добрыня вызывается исполнить поручение князя:

Я сослужу службу дальнюю,
 Службу дальнюю, заочную,
 Съезжу я в орды немирныя,
 Очищу дороги прямоезжия
 До твоего тестя люб-мова,
 До грозна короля Этмануйла Этмануйловича.
 А и вырублю чуть белоглазую,
 Прекрочю сорочину долгополую,
 А и тех черкас петигорских,
 И тех колмыков с татарами,
 Чюкши все и алюторы.
 (Шамбинаго, стр. 133; Шеффер, стр. 81)

Добрыня поехал на выполнение поручения:

И поехал Добрыня Никитич млад
 В славныя орды немирныя.
 А и ездит Добрыня неделю в них,
 В тех ордах немирных,
 А и ездит уже другую,
 Рубит чуть белоглазую,
 И тое сорочину долгополую,
 А и тех черкас петигорских,
 А и тех калмык с татарами,
 И чюкши все и алюторы.
 (Шамбинаго, стр. 134; Шеффер, стр. 82)

Возвращаясь Добрыня докладывает князю:

Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
 Съездил в дальны орды немирныя,
 И зделал дорогу прямоезжую
 До твоего тестя любимова,

До грознова короля Этмануйла Этмануйловича:
Вырубил чють белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
И тех черкас пегигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чюкши все и алюторы.
(Шамбинаго, стр. 136; Шеффер, стр. 83).

Как видим, во всех четырех случаях цитируемые отрывки все же разнятся друг от друга.

Анализ записей былин в сборнике приводит нас и к следующему предположению: такая филологически точная запись могла быть произведена только во время исполнения произведений (во время пения). Поскольку в XVIII веке теоретического и практического обоснования необходимости такой записи быть не могло, то следует заключить, что запись производил сам сказитель, твердо помнивший текст своих былин. А отсюда можно предположить, что Кирилла Данилович, упоминаемый в тексте песни № 38, и Кирша Данилов — одно и то же лицо. В связи с этим биографические данные о нем, сообщаемые в словаре Плюшара, которые до сих пор решительно отвергались, заслуживают некоторого внимания.

Дальнейшая работа над стилем Кирши Данилова поможет выяснить творческую манеру сказителя, поможет определить его творческое лицо.

В. Е. ГУСЕВ

К СПОРУ ОБ АВТОРЕ ПЕСНИ «СЛАВНОЕ МОРЕ...»

Открытие в 1928 году Ф. А. Кудрявцевым литературного источника народной песни «Славное море священный Байкал» — стихотворения Д. Н. Давыдова «Думы беглеца на Байкале» — не только принесло славу давно умершему и забытому поэту, но и расширило наши представления о том, как создавался песенный репертуар русского народа во второй половине XIX века. Однако оригинальность стихотворения Д. Н. Давыдова была в недавнем прошлом взята под сомнение М. К. Азадовским, который в своем этюде «Еще о песне „Славное море...“» высказал предположение, что «Давыдов не сочинил, а записал эту песню».¹ К сожалению, полемическое по существу выступление М. К. Азадовского не вызвало при жизни исследователя ответа — спор о песне как будто прекратился.

Кто же прав — Ф. Я. Кудрявцев и И. Н. Розанов, утверждавшие, что автором первоначального текста песни был скромный сибирский учитель-этнограф, или М. К. Азадовский, стремившийся восстановить первоначальное мнение о том, что эта песня была создана в среде ссыльных?

Гипотеза М. К. Азадовского имеет то несомненное достоинство, что она стремится подчеркнуть роль народа в создании одной из популярнейших песен, однако эта правильная мысль, к сожалению, получила несколько одностороннее и прямолинейное выражение, так как М. К. Азадовский исключает какую бы то ни было роль Д. Н. Давыдова в истории песни, а во-вторых, сама гипотеза недостаточно аргументирована.

М. К. Азадовский пользуется методом доказательства «от противного», методом исключения, т. е. приводит доводы против авторства Д. Н. Давыдова, а утверждение, что песня существовала независимо от Д. Н. Давыдова, исследователь высказывает как предположение, вытекающее из сомнений в авторстве Д. Н. Давыдова.

Поэтому прежде всего рассмотрим аргументацию М. К. Азадовского. Во всем ли она точна и, следовательно, убедительна?

М. К. Азадовский указывает на то, что стихотворение Д. Н. Давыдова не могло стать источником народной песни, так как оно было опубликовано в 1858 году в очень непопулярном еженедельнике «Золотое Руно», а между тем, по мнению М. К. Азадовского, различные источники указывают на то, что песня «Славное море...» была широко известна в Забайкалье с конца 50-х годов. Такое необыкновенно быстрое проникновение литературного текста в народную среду невероятно. На первый взгляд этот довод кажется очень основательным.

¹ М. К. Азадовский. Заметки фольклориста. «Сибирские огни», 1947, № 3 стр. 113. (В дальнейшем: Азадовский).

Однако, действительно ли песня была популярна уже в конце 50-х годов? М. К. Азадовский ссылается на Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича), сообщившего текст песни в своих записках «В мире отверженных», относившего свидетельство автора к концу 1880 года, а так как Л. Мельшин приводит слова каторжанина Годунова: «этой песне, по крайней мере, тридцать лет есть», то это и дает основание М. К. Азадовскому утверждать, что «песня была широко известна по меньшей мере в конце пятидесятых годов».² Хотя Л. Мельшин действительно находился в ссылке с конца 80-х годов, однако эпизод, при котором Л. Мельшину стала известна песня, относится к осени 1892 года, когда Мельшин был в Акатуевской каторжной тюрьме «Шелае».³ Поэтому слова Годунова, на которые ссылается М. К. Азадовский, могут свидетельствовать скорее о распространении песни после 1862 года, после массовых репрессий царского правительства («Когда я в первый раз в Сибирь шел...» — говорит о себе Годунов);⁴ кроме того, слова «по крайней мере» могут означать не только «по меньшей мере» (как их интерпретирует М. К. Азадовский, чтобы отодвинуть срок распространения песни подальше назад), но и «по большей мере», т. е. крайний срок. Вторым фактом, на который опирается М. К. Азадовский, является упоминание песни в статье «Арестанты в Сибири», опубликованной в «Современнике» (№ 11, 1863). Исследователь относит это свидетельство к концу 50-х годов, так как в одном месте статьи встречается выражение «лет 5—6 назад» (относительно к 1863 году). Однако в контексте отрывка, в котором идет речь о песне, весь рассказ выдержан в настоящем времени и находится в окружении дат: осень 1862 и весна 1863 г.⁵

Таким образом, предположение, что песня «Славное море...» была уже известна и даже широко распространена в конце 50-х годов, не находит достаточно веских доводов в свою пользу.

Но дело не только в том, что подозрения в слишком быстром распространении литературного источника отпадают и потому не могут служить опровержением авторства Д. Н. Давыдова. Даже если бы действительно был установлен факт распространения песни в конце 50-х годов, это еще само по себе ничего не опровергает. Почему песня должна была непременно входить в народную среду со страниц действительно мало распространенного органа золотопромышленников «Золотое Руно», который вряд ли читали сибирские бродяги? Поэтому, передвигая дату распространения песни с конца 50-х годов вперед, мы вовсе не хотим этим сказать, что установили срок достаточный для того, чтобы песня могла проникнуть в народ. Не естественнее ли предположить, что песня «Славное море...» вообще пошла не от читателей «Золотого Руна», издававшегося в Петербурге, а могла стать известной в Забайкалье непосредственно от Д. Н. Давыдова, через лиц, окружавших провинциального учителя-демократа? Именно в этот период Д. Н. Давыдов усиленно занимался краеведческой и этнографической работой, что stalkивало его с различными слоями населения Восточной Сибири.⁶ Мир бродяг, как об этом свидетельствует примечание самого Д. Н. Давыдова к собственному стихотворению, был

² Азадовский, стр. 112.

³ См. брошюру Л. Мельшина «Вместо Шлиссельбурга» (1905) и статью «Из переписки П. Якубовича с П. Грабовским» («Русское богатство», 1912, № 5).

⁴ Л. Мельшин. В мире отверженных, т. II. СПб., 1899, стр. 242. (В дальнейшем: Мельшин).

⁵ См.: «Современник», 1863, № 11, стр. 165 и 173—174.

⁶ См.: Ф. Кудрявцев. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов. «Сибирский литературно-краеведческий сборник», № 1, 1928, стр. 79.

отлично знаком поэту. То, что песня первоначально была распространена лишь в Забайкалье, на что указывают все источники, косвенно подтверждает наше предположение о проникновении текста Д. Н. Давыдова в местную среду помимо газеты. Наконец, стихотворение могло быть сочинено значительно раньше его публикации в 1858 году. Из биографии Д. Н. Давыдова мы узнаем, что поэт писал стихи с юношеских лет, но решил их опубликовать лишь в 50-х годах.⁷ Сам Давыдов в своем автобиографическом стихотворении «Сибирский поэт» свидетельствовал:

До времени мне не хотелось в свет
Пускать моих ребяческих творений.⁸

Таким образом, ближайшим друзьям поэта стихотворение «Думы беглеца...» могло быть известно еще раньше и могло распространяться независимо от того, когда оно было опубликовано.⁹

Более серьезным доводом, который приводит М. К. Азадовский как сомнение в авторстве Д. Н. Давыдова, является утверждение, что Д. Н. Давыдов «по характеру своего творчества является типичным эпигоном» и что поэтому стихотворение не являлось для него органичным. Конечно, Д. Н. Давыдов обладал не крупным и не оригинальным дарованием. Однако нет ничего удивительного в том, что стихотворение «Думы беглеца...» явилось не только лучшим, но и действительно оригинальным его стихотворением; это объясняется тем, что именно в этом стихотворении поэт опирался на свой собственный жизненный опыт, отражал свои собственные чувства и настроения. Образ героя песни был родственен самому автору. М. К. Азадовский не обратил внимания на одно весьма важное обстоятельство. Дело в том, что сам поэт много бродяжничал, причем для него это было не увеселительным путешествием, а его образом жизни, его бытом в течение многих лет, когда он «в дремучих лесах ходил один», «питался... убитыми зверьями», а случалось и утолял голод «сосною корою». Поэту были понятны не только ощущение голода, но и радостное наслаждение борьбой с природой, со стихией:

Ангарские пороги, не робей
Переплывал на ветке я не раз,
И весело меж Ленскими Столбами
Плескался я шумящими волнами.¹⁰

Д. Н. Давыдову был близок образ отважного бродяги, переплывающего бурный Байкал в омулевой бочке. Близок ему был и демократизм его героя — сам поэт признавал себя «бедняком», гонимым по миру, не встречавшим «сочувствия людского». Таким образом, автобиографические стихи Д. Н. Давыдова служат убедительным доказательством неслучайности в его творчестве мужественного, овеянного поэзией борьбы стихотворения — оно как нельзя более органично для сибирского поэта.

Мы далеки от мысли видеть в Д. Н. Давыдове революционного демократа. Однако не приходится сомневаться в том, что его стихотворение отвечало настроениям эпохи революционной ситуации и особенно оказалось актуальным в период массовых репрессий царского правительства,

⁷ См.: Ф. Кудрявцев. Сибирский поэт Д. Н. Давыдов. В кн.: Д. Давыдов. Стихотворения. Иркутск, 1937, стр. 13.

⁸ Там же, стр. 68.

⁹ Сам Д. Н. Давыдов в 1858 году писал: «Друзья простят мне смелость и свободу, с которыми я некогда... рисовал отважностью блиставшую породу» (там же, стр. 67).

¹⁰ Там же, стр. 70. Ср. в «Думах беглеца...»: «Весело я на сосновом бревне впасть чрез глубокие реки пускался» (там же, стр. 32).

когда сохранение свободолюбия, мужества и духа борьбы среди ссыльных и заключенных имело огромное значение для судеб освободительного движения в России. Стихотворение Д. Н. Давыдова объективно соответствовало этим потребностям, и именно поэтому оно и стало народной песнью, именно поэтому оно и получило сравнительно быстрое распространение вначале на родине поэта, а затем среди ссыльных в Сибири. Не случаен поэтому факт публикации песни «Славное море...» — уже как народной песни — именно органом революционной демократии — «Современником» в 1863 году. Кстати говоря, огромное общественное значение этого факта до сих пор никем не подчеркнuto.¹¹

М. К. Азадовский в качестве третьего сомнения выставляет недоумение, почему Д. Н. Давыдов, который мог прочитать номер «Современника» с публикацией его стихотворения как народной песни, «не восстановил (?) своего права на авторство, не написал соответствующего разъяснительного письма в редакцию „Современника“ или не выступил с ним в местной печати».¹²

Если действительно Д. Н. Давыдов и встретил свое стихотворение как народную песню в «Современнике», то против чего он мог возражать или протестовать? Не мог ли он только обрадоваться этому факту? И не нескромно ли было писать в редакцию «Современника» о своем авторстве, — ведь это значило бы претендовать на почетное звание народного поэта. Вряд ли можно заподозрить в тщеславии человека, который решился публиковать свои стихи только в сорокапятилетнем возрасте. Кроме того, не рискованно ли было в тех условиях признать себя публично автором популярной песни ссыльных, которую с сочувствием отметил «кромольный» журнал? Наконец, вряд ли Д. Н. Давыдов узнал о том, что его стихотворение стало песнью только после публикации ее «Современником». Если ее могли слышать и записать приезжие люди, то ему самому, местному жителю, это могло быть тем более известно. Таким образом, нет ничего удивительного в молчании Д. Н. Давыдова, в том, что не последовало его заявления после публикации «Современника».

Итак, все важнейшие аргументы, выставленные М. К. Азадовским, на наш взгляд, не являются убедительными и не могут заставить отказаться от нашего представления об авторстве первоначального текста песни «Славное море...».

Но в гипотезе М. К. Азадовского есть свое рациональное зерно. Надо лишь подойти к истории возникновения песни «Славное море...» и к вопросу о роли народа в ее создании с несколько иных позиций, нежели это сделал М. К. Азадовский. В конце концов, все возражения М. К. Азадовского направлены против данного конкретного автора — Д. Н. Давыдова, но, ставя вопрос о том, кто является автором песни, сам М. К. Азадовский на место известного автора ставит «неизвестного» автора, одного из «каторжных» поэтов.¹³ Это принципиально мало что меняет. М. К. Азадовский не отрицает самого факта индивидуального авторства (причем М. К. Азадовский предполагает, «что один и тот же неизвестный арестант-бродяга был и поэтом и композитором»¹⁴) и в сущ-

¹¹ «Современник» не только публикует песню, но и использует вторую строфу ее в качестве эпиграфа в статье «Арестанты в Сибири», тем самым выявляя идейное зерно песни и выделяя ее как наиболее точное выражение настроений ссыльных («Современник», 1863, № 11, стр. 163).

¹² Азадовский, стр. 113.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

ности этим и ограничивает рассмотрение вопроса об авторстве песни вообще.

У нас нет достаточных оснований для того, чтобы усомниться в оригинальности стихотворения Д. Н. Давыдова и в его роли в создании народной песни. Однако не только личный жизненный опыт и наблюдения над жизнью ссыльных подсказали Д. Н. Давыдову это стихотворение; большое значение имело также его хорошее знакомство как этнографа со всем песенным творчеством и репертуаром ссыльных. Мотивы побега с каторги, бродяжничества, переправы через реки и озера, мотивы борьбы со стихией, с опасностью, сочувствие народа к бродягам, — всё это обычные темы песен, распространенных среди так называемых бродяг, т. е. беглых каторжан. Автор статьи «Арестанты в Сибири», опубликованной в «Современнике», писал как очевидец: «У арестантов есть много песен, в которых описываются приключения бродяг во время путешествия от Нерчинска до Байкала».¹⁵ Подобные песни приводит С. В. Максимов в приложениях к своему труду «Сибирь и каторга» в разделе «Тюремные песни».¹⁶

Связи стихотворения «Думы беглеца на Байкале» с народным творчеством не должны быть ограничены прямыми соответствиями или параллелями так называемым бродяжьим песням. Вопрос о связи этого стихотворения с народной поэзией надо рассматривать более широко. Чувство, выраженное в нем, перекликается с вольнолюбивыми настроениями и горнозаводских сибирских песен с их мотивами побега, и так называемых «разбойничьих песен» с их презрением к опасности, к смерти, с ироническим отношением к судьбе, и песен о Степане Разине с их образами «вольных людей» и образом Волги, волнующейся в непогоду. Не случайно многие из этих песен мы встретим в репертуаре ссыльных, зафиксированном С. В. Максимовым в упомянутой уже работе. В атмосфере этой вольнолюбивой русской лирики и зрел поэтический вымысел сибирского поэта-демократа.¹⁷

Таким образом, стихотворение «Думы беглеца на Байкале», возникшее прежде всего как отражение совершенно реальной ситуации, хорошо знакомой Д. Н. Давыдову, как выражение лично пережитых дум и настроений, в качестве литературного источника имело не творчество того или иного поэта, которым подражал Д. Н. Давыдов в других случаях, и не какую-то определенную песню, а вольнолюбивые традиции русской народной песенной культуры.

Вопрос об авторстве стихотворения «Думы беглеца на Байкале» является лишь одной стороной вопроса об авторстве песни «Славное море...». Это стихотворение стало народной песней прежде всего в силу известных условий русской общественной жизни конца 50-х годов и особенно начала 60-х годов, а также в силу того, что оно возникло в значительной степени на народнопоэтической основе. Но, проникнув в народ, песня подверглась коллективной шлифовке.

Мы имеем возможность приблизительно восстановить этот чрезвычайно сложный и длительный процесс.

¹⁵ «Современник», 1873, № 11, стр. 172.

¹⁶ См.: С. В. Максимов, *Собрание сочинений*, т. IV, СПб., 1896, стр. 166. (В дальнейшем: Максимов).

¹⁷ Биограф Д. Н. Давыдова Ф. Кудрявцев приводит данные о любви поэта к народному творчеству и об использовании им народнопоэтических элементов в других своих стихах (см.: «Сибирский литературно-краеведческий сборник», № 1, стр. 81, 84; Д. Давыдов. Стихотворения. Иркутск, 1937, стр. 13).

Первая публикация песни появилась в «Современнике» в № 11 за 1863 год. Этот текст еще очень близок к стихотворению: он сохраняет все 10 стрóf (авторский текст состоит из 11, причем последняя — повторение первой), но в самом тексте уже есть отличия, пока ограничивающиеся заменой отдельных слов (всего в 11 местах). В строке «Худо мне было в горах Акатуя» вместо общего понятия «худо» появилось более эмоциональное «душно»; в строке «Берег обширен, а нет ни корыта» прозаическое слово «обширен» заменено зрительно более впечатляющим эпитетом «крутой»; в строке «Шел я карчой и дошел, наконец» местное слово «карча» (отлогий песчаный берег) в соответствии с введением эпитета «крутой» было заменено названием речки Карги. К тому же это как бы уточняло путь следования бродяги, — что было вообще характерно для песен беглых (сравни уральские песни рабочих людей, где также детально воссоздается маршрут побега). Как видим, все эти примеры свидетельствуют об активном отношении воспринявшей среды к первоначальному тексту. Если восемь стрóf песни в общем соответствуют стихотворным, то две последние стрóфы оказались сокращенными (8 строк сведены в 5), причем, как видно из примечания автора статьи, присутствовавшего при исполнении этой песни группой арестантов, пропуск строк не осознавался исполнителями.¹⁸ Вариант, опубликованный в «Современнике», отражает начальную стадию шлифовки песни, не во всем еще совершенной (отдельные замены случайны и даже менее удачны — «чрез», «преправлялся»; конец явно скомкан и оборван, исчезла заключительная стрóфа, возвращавшая к началу повествования и создававшая настроение продолжающегося плавания по Байкалу). Повидимому, этот вариант закрепился и распространился в среде ссыльных, так как удивительно точно совпадающий с публикацией «Современника» текст приведен также С. В. Максимовым в книге «Ссылка и каторга», изданной в 1871 году. Наблюдения С. В. Максимова относятся к началу 60-х годов, и слышал он эту песню в нерчинских тюрьмах.¹⁹ Однако все-таки этот вариант не мог еще удовлетворить широкие массы, так как он слишком растянут, содержит излишние подробности путешествия, сохраняет повествовательность. Не случайно Н. М. Ядринцев, также знавший эту песню, делает характерную оговорку: «Известная песня, или скорее стихотворение».²⁰

Л. Мельшин отражает следующий, очень важный этап в процессе превращения песни ссыльных в подлинно народную песню. Мы позволим себе высказать здесь догадку, что к началу 90-х годов, когда происходил эпизод, описанный Л. Мельшиным (попытка арестанта Петина-Сохатого выдать песню за свое собственное стихотворение), песня эта, «известная» в начале 60-х годов, оказалась теперь полузабытой. Мы основываем это предположение на следующих двух соображениях: во-первых, если бы она была широко распространена, Петин-Сохатый не решился бы представить ее Л. Мельшину как свое оригинальное творчество (он был уличен в обмане случайно старым каторжанином Годуновым, который и вспомнил, что эту песню он слышал лет тридцать назад); во-вторых, если бы эта песня была распространена, то и сам Л. Мельшин, прекрасно знавший песни каторжан, легко распознал бы подделку, но на самом деле Л. Мель-

¹⁸ «Современник», 1863, № 11, стр. 172.

¹⁹ Максимов, стр. 164.

²⁰ Н. М. Ядринцев. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 1872, стр. 124. (В дальнейшем: Ядринцев.)

шин не только не смог этого сделать, но у него даже не появилось никакого сомнения в авторстве Петина.²¹

Что же произошло? Думается, что вариант начала 60-х годов, в силу своего несовершенства, был постепенно забыт, но, конечно, отдельные каторжники его все-таки помнили. От одного из таких бывалых бродяг и узнал ее Петин-Сохатый, сам писавший стихи, которые были достаточно грамотными («размер всегда был выдержан, и рифма отличалась достаточной звучностью»),²² но казались Л. Мельшину не вполне поэтичными, оригинальными. Уязвленный этой оценкой своих стихов, Петин воспользовался ставшей ему известной песней, поэтические достоинства которой он сразу оценил («А я вот теперь вам такую штуку поднесу, что вы только диву дадитесь!»),²³ и, обработав ее, выдал за свое творчество. Конечно, Петин мог слышать уже сокращенный, отличающийся от варианта начала 60-х годов текст песни, но не приходится сомневаться в том, что сам Петин как поэт из народа еще больше усовершенствовал песню, придал ей тот вид, который уже чрезвычайно близок к современной редакции песни. Вариант, созданный Петиним, незаслуженно оцененный Л. Мельшиным как плагиат, на самом деле явился тем подлинно песенным вариантом, благодаря которому песня «Славное море...» перестала быть достоянием узкой среды старых каторжан, а превратилась в широко известную народную песню.

Вариант Петина насчитывает всего пять строф — он стал вдвое короче варианта начала 60-х годов, а главное — в нем оказалась опущенной как раз наименее удачная вторая половина песни. Пятая, последняя строфа, как и в авторском тексте, возвращает нас к образу Байкала, но в отличие от авторского текста, она является не буквальным повторением первой строфы, а ее развитием, придает песне идейную завершенность:

Славное море — священный Байкал,
Славный и парус — кафтан дырчатый,
Ну ж, Баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся бури раскаты.²⁴

(Вторая строка с незначительным изменением взята из 9-й, опущенной строфы варианта 60-х годов).

Можно только удивляться поэтической интуиции молодого каторжанина, подсказавшей ему необходимость введения этой последней строфы в песню, которая отсутствовала в ранних песенных вариантах, но которая совпала с авторским замыслом Д. Н. Давыдова! (Невозможно, конечно, допустить, что Петину был известен авторский текст). Но это было не простое совпадение — Петин счастливо нашел тот конец, который сразу усиливал мужественное звучание песни и придавал ей новый, поэтический и даже символический смысл, какого не было в стихотворении Д. Н. Давыдова. Это было достигнуто введением в конец песни образа приближающейся бури. Впрочем, здесь Петин воспользовался излюбленным в народной поэзии образом, встречающимся, в частности, и в прекрасной народной песне «Не рябинушка со березонькой совивается», хорошо знакомой ссыльным:

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты разбей-ка, разбей земляны тюрьмы!²⁵

²¹ Мельшин, стр. 241—242.

²² Там же, стр. 240.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 241.

²⁵ Максимов, стр. 157.

Это свидетельствует о том, что в своей обработке старой песни поэт из народа Петин шел за народной поэзией, усиливая органическую уже для авторского текста, как это было видно выше, народнопоэтическую основу песни.

Удачны некоторые замены и упрощения в тексте сохранных Петиным строф:

Вариант 60-х годов

Долго я звонкие цепи носил,
Душно мне было в горах Акатуя.

Вариант 90-х годов

Долго я тяжкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя.

Эпитет «тяжкие» является более эмоциональным: он помогает лучше представить состояние человека, закованного в кандалы, в то время как эпитет «звонкие» при всей его красивости и именно благодаря ей мешал почувствовать тяжелое положение ссыльного. Глагол «влачил» тоже, безусловно, выразительнее обыденного «носил», хотя и отдает книжностью. Во втором варианте достигнуто большее соответствие формы содержанию, идейной задаче песни. Вторая строка заменяет несколько изысканный, хотя и выразительный образ задыхающегося в неволе человека более простым, мобильным и менее выразительным образом человека, вынужденного долго ходить в тяжких цепях. Она оказалась более связанной с предыдущей строкой, что подчеркнуто и совпадением начала строк, повтором, усиливающим ощущение долговременности страданий и очень удобным в песне, способствующим более легкому ее запоминанию.

Такой же удачной заменой является строка: «Вкруг городов озира я ся зорко» вместо «Вкруг городов я просматривал зорко».

Однако есть одна замена в варианте 90-х годов, которая закрепились в песне, но которая не может все-таки считаться удачной. В авторском тексте и в известных вариантах начала 60-х годов, а также и по свидетельству Н. М. Ядринцева (70-е годы) Байкал назван привольным. Этот эпитет как нельзя лучше соответствует идейному содержанию песни. Однако Петин, человек, очевидно, немного книжный, заменил это слово другим — «священный».²⁶ Конечно, ничего одиозного в этом эпитете нет, он придает даже некоторую торжественность, приподнятость стихотворению, однако эпитет «привольный», на наш взгляд, был более точным и органичным для данной песни. В связи с этим мы можем засвидетельствовать, что в августе 1953 года на берегу Телецкого озера (на Алтае) нам привелось слышать песню в исполнении местного старожилы-метеоролога Н. И. Смирнова совместно с лесорубами местного леспрохоза, которые сохранили первоначальный эпитет «привольный».²⁷ На наше замечание, что в песне поется «священный», Н. И. Смирнов возразил: «Песня-то о воле! Священное — это писание, а озеро — привольное».

Таким образом, повидимому, в начале 90-х годов возник более совершенный вариант, который отчасти благодаря его публикации Л. Мельшиным получил распространение в передовых кругах русской интеллигенции, в частности студенчества, а также (вероятно независимо от этой среды) в широких народных массах.²⁸

²⁶ О проникновении в творчество ссыльных книжной лексики и литературной формы убедительно писал Ядринцев (стр. 125—141).

²⁷ Ср.: Фольклор Горьковской области. Русские песни. Составил и комментировал Н. А. Усов. Горький, 1940, стр. 227—228.

²⁸ Как свидетельствует П. Г. Ширяева, рабочий Тульского оружейного завода Ф. Куренков в беседе с собирательницей в 1935 году сообщил, что песня «Славное море...» исполнялась в годы первой русской революции и образ ее героя воспринимался рабочими как образ революционера, бежавшего с каторги, чтобы продолжать свою поли-

С тех пор вплоть до нашего времени песня «Славное море...» в основном сохранилась в том же виде, но подверглась дальнейшей, менее значительной шлифовке: в ней были заменены лишь отдельные слова («Ну» на песенное «Эй!», «бури раскаты» — на более точное и звучное «грома раскаты», неблагозвучное «Славный и парус» на «Славный мой парус», восстановлено первоначальное более простое «носил» вместо «влачил» и др.).

Итак, произведенный нами анализ в какой-то мере проясняет сложный процесс создания во второй половине XIX века популярной народной песни, процесс, в котором проявилось диалектическое единство индивидуального и коллективного творчества на разных этапах истории песни.

Говоря о коллективности народного творчества, мы не должны представлять себе ее абстрактно, как безличное творчество, вне индивидуального, более или менее активного творческого акта отдельных лиц, чаще всего остающихся безвестными, но иногда какая-либо счастливая случайность сохраняет нам имена лишь некоторых из этих многочисленных соавторов произведений народного творчества. С другой стороны, в народной поэзии всякий индивидуальный творческий акт немислим независимо от коллективного творчества. Он опирается на народнопозэтические традиции, а также предполагает активное отношение коллектива, среды, массы, всего народа к произведению, в создании которого принял участие отдельный человек — будь то безвестный поэт из народа или поэт, чье имя сохранила нам история литературы.

Песня «Славное море...» является подлинно народным произведением, автором ее может считаться сам народ, но для того, чтобы признать ее народной, нет надобности отрицать участие в процессе ее создания отдельных поэтически одаренных лиц и среди них — скромного интеллигента-демократа Д. Н. Давыдова и поэта-каторжанина Петина-Сохатого.

тическую деятельность. Песня неоднократно публиковалась в революционных песенниках. См., например, сборник «Песни борьбы, изданные кавказской группой содействия РСДРП» (1904) и «Сборник песен, изданных социал-демократической группой учащихся средних школ» (1905). П. Г. Ширяевой я обязан также указанием на листовку, выпущенную в 1933 г. в Ленинграде объединенной областной и городской комиссией по проведению октябрьских торжеств под заглавием — «Массовые песни к XVI годовщине Октябрьской революции для исполнения на демонстрации». В листовке напечатан текст песни «Славное море...», в котором после пяти известных строф приводятся еще четыре новые строфы:

Славное море, священный Байкал —
Дали широкие, дали глухие.
Сколько ты черной неволи видал
В пору царевой России.
Все, кто святою любовью горя,
Делали подвиг великий, народный,
Лучшие люди по воле царя
Гибли в тайге неискходной.

Каждая пристань и каждый рудник
Были рабочею кровью согреты.
Вот потому-то в решительный миг
Встала Сибирь за советы.
Мы победили. Теперь генерал
Толстого носа уже не просунет.
Слава тебе, пролетарский Байкал,
Слава Сибирской коммуне.

Э. С. ЛИТВИН

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ «СКАЗА О ТУЛЬСКОМ
КОСОМ ЛЕВШЕ И О СТАЛЬНОЙ БЛОХЕ» Н. С. ЛЕСКОВА**

1

Повесть о чудесном механике-самоучке, тульском Левше, написанная Н. С. Лесковым уже в последний период его литературной деятельности, несомненно относится к числу тех произведений писателя, в которых он наиболее тесно соприкасается с устным эпическим творчеством. Сам Лесков, мастерски применивший в этом произведении свою обычную манеру имитации устного сказа, мотивированную введением личности рассказчика, первоначально, помимо самого заглавия — «Сказ», подчеркнул особенности повествования подзаголовком: «Цеховая легенда». В предисловии, сопровождавшем первое издание этой легенды (1881), он писал: «Сказ о стальной блохе есть специально оружейничья легенда и она выражает собою гордость русских мастеров ружейного дела... Я записал эту легенду в Сестрорецке по тамошнему сказу от старого оружейника, тульского выходца, переселившегося на Сестру-реку еще в царствование Александра Первого». В предисловии давалась и колоритная характеристика рассказчика, всеми почитаемого старика, приверженного к «старой вере» и «божественным книгам». Такой взгляд на происхождение «Сказа о Левше» неоднократно повторялся в воспоминаниях и литературоведческих комментариях. «Сказ о тульском Левше взят из рассказа одного рабочего Сестрорецкого оружейного завода, где Н. С. провел лето 1873 года», — категорически заявляет И. А. Шляпкин.¹ Более осторожно подтверждает устное происхождение сказа Л. П. Гроссман: «По сообщению А. Н. Лескова писатель слышал краткий рассказ о „нашей рабочей удали“ в Сестрорецке летом 1878 года от одного из мастеров оружейного завода, на даче которого жил. Вице-директор завода полковник Болонин подтвердил эту побасенку».²

Однако считать на основании этих свидетельств «Сказ о Левше» только обработкой подлинной устной легенды было бы крайне неосторожно. Основная целеустремленность предисловия автора к первым изданиям «Левши» — не в раскрытии истинных источников произведения, а в мотивировке стилистических его особенностей. Конечно, приверженный «старой вере», помнящий еще времена Александра I, оружейный мастер — такой же

¹ И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова. «Русская старина», 1895, № 12, стр. 211.

² Л. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 172 (в дальнейшем: Гроссман).

литературный персонаж — рассказчик, как и бойкая мещанка, от лица которой ведется повествование в рассказе «Воительница», или кроткий духом богатырь Иван Северьяныч «Очарованного странника». И когда «Сказ о Левше» был наивно воспринят современной критикой как «старая и общеизвестная легенда», Лесков счел необходимым протестовать против такого восприятия и подчеркнуть полную творческую самостоятельность произведения. В «Новом времени» появляется специальное «Литературное объяснение», где Лесков пишет: «Все, что есть чисто народного в „Сказе о тульском Левше и о стальной блохе“, заключается в следующей шутке или прибаутке: „Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали и им назад отослали“. Более ничего нет „о блохе“, а о „левше“, как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь „давно слышал“, потому что — приходится признаться — я весь этот рассказ сочинил в мае месяце прошлого года и Левша есть лицо, мною выдуманное».³ По этим соображениям Лесков снимает свое мистифицирующее предисловие во всех последующих изданиях «Левши», а через некоторое время вновь публично заявляет о полной «выдуманности» Левши в рассказе «Старинные психопаты». Однако эти полемические высказывания также не раскрывали подлинной творческой истории произведения, как и снятое предисловие. На этот раз Лесков почти полностью отрицал какую бы то ни было роль устных эпических мотивов в своем сказе, что настолько же не соответствовало действительности, насколько далеко от нее было понимание «Левши» как подлинной записи фольклорного памятника.

Если Лесков был совершенно прав, протестуя против наивного отождествления его «цеховой легенды» с устным эпосом и подчеркивая свой авторский художественный вымысел в ней, то это еще не значит, что устное эпическое предание не могло быть той почвой, на которой выросло и оформились сюжет и образы произведения. Связь «Сказа о Левше» со стилем, языком, темами фольклора подчеркивали все исследователи творчества Лескова, да и сам писатель, сняв предисловие, оставил в тексте рассказа определение его как «эпоса работников» с очень «человечкиной душой». Но конкретные формы этой связи, более или менее определенные фольклорные источники произведения до сих пор не были указаны. В сущности современная наука в этом отношении почти не ушла вперед от тех истолкований «Левши», которые были даны в свое время самим Лесковым. Б. М. Эйхенбаум рассматривал «Левшу» как «бродячий сюжет», заинтересовавшийся Лескова своими «лубочно-языковыми» чертами.⁴ Л. С. Гроссман считает, что Лесков заимствовал от сестрорецкого оружейника некоторые вариации темы, но «вся расцветка и стиль легенды» принадлежат самому писателю.⁵ В. А. Гебель повторяет данное самим Лесковым указание на народную прибаутку «о блохе» как основной источник произведения.⁶

Действительно, найти те сказания об «артистической удали» старинных мастеров, которые если и не были буквально воспроизведены Лесковым, то во всяком случае повлияли на «выдуманный» им образ Левши, чрез-

³ Н. С. Лесков. О русском Левше. (Литературное объяснение). «Новое время», 1882, № 2256, 11 июня. Вопреки утверждению Л. П. Гроссмана решительно отрицает устные источники «Левши» и А. Н. Лесков (см. его книгу: «Жизнь Николая Лескова». М., 1954, стр. 373).

⁴ Лесков и литературное народничество. Сборник статей о постановке «Блохи» в Ленинградском драматическом театре. Л., 1927, стр. 14.

⁵ Гроссман, стр. 172—173.

⁶ В. А. Гебель. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945, стр. 81.

вычайно трудно. Устный эпос рабочей среды почти не фиксировался старой нашей наукой, пренебрежительно относившейся к творчеству «мастеровых» и «фабричных», видевшей в нем лишь искажение и эстетическую деградацию подлинной «народной поэзии». Систематическое собирание и изучение рабочего фольклора, одной из основных тем которого являлось изображение «умельцев», «мастеров — золотые руки» было начато только советской фольклористикой. Многие старинные предания такого типа могли исчезнуть, и до сих пор никому не удавалось определить, какие именно «побасенки» слышал Лесков от рабочего сестрорецкого завода и в какой мере они были им использованы. Попытка проследить те исторические и бытовые элементы, которые могли войти в сказ Лескова из тульских преданий, перенесенных в Сестрорецк переселенными туда оружейниками, была предпринята на страницах ведомственного издания «Оружейный сборник» С. А. Зыбиным.⁷ Зыбин считает прототипом Левши туляков Алексея Сурнина и Андрея Леонтьева, посланных в 1785 году на обучение в Англию. Рассказы Сурнина, возвратившегося на родину в 1794 году, Зыбин рассматривает как один из источников легенды, которую он, однако, наивно и неправильно интерпретирует как чистый народный эпос, уверяя даже, что «легенда много бы выиграла, если бы Лесков освободил ее от того наносного балагурства, которое в ней появилось в силу личных особенностей рассказчика...».⁸

Предположения Зыбина, в более осторожной и убедительной форме, были сравнительно недавно повторены В. Шкловским: «В легенде о Левше сохранилось и воспоминание об искусстве Сурнина и память о том, что тульский оружейник при проезде из Лондона выполнил какую-то дипломатическую миссию».⁹ Не отрицая возможной связи исторической фигуры Сурнина и лесковского Левши, необходимо указать, что эта связь не является ни прямой, ни наглядной. Никакие устнопоэтические отголоски предполагаемых рассказов Сурнина не найдены; в Англию он попал как ученик, которого с трудом удалось устроить на обучение к мастеру-англичанину, а не как почетный гость, каким является для англичан Левша. Наконец, если Сурнин выполнил определенную дипломатическую миссию, привезя депешу Воронцова, то герой Лескова не по чьему-либо поручению, а по собственному патриотическому побуждению стремился раскрыть вывезенный из Англии «секрет». Следовательно, если Лескову и была известна история Сурнина, то она послужила для него лишь одним из элементов повествования о русском талантливом мастере и его печальной судьбе. Но тема мастерства не исчерпывает сложного идейного содержания «Сказа о Левше», она перерастает в тему патриотическую, развертывается на фоне определенных исторических событий. Поэтому фольклорные источники «Левши» можно и нужно искать и в области русского народного исторического эпоса.

Очень интересные результаты дает сопоставление «Сказа о Левше» с циклом народных исторических песен и легенд, сложившихся в связи с событиями Отечественной войны 1812 года. Сказ Лескова не посвящен непосредственно теме Отечественной войны, но по основной своей идее и центральному образу близко с ней сопрягается. Под затейливой словесной вязью, под наивно благодушной интонацией этого филигранно отделанного сказа скрывается мысль, глубоко волновавшая Н. С. Лескова,

⁷ С. А. Зыбин. Происхождение оружейничьей легенды о тульском косом Левше и о стальной блохе. «Оружейный сборник», 1905, отдел II, стр. 1—58.

⁸ Там же, стр. 2.

⁹ В. Шкловский. Об одной цеховой легенде. «Огонек», 1947, № 19, стр. 16.

представляющая собой одну из основных положительных идей всего творчества писателя, пронесенная им через все этапы его литературной деятельности. Мысль о замечательной одаренности родного народа, о его подлинно человеческих душевных свойствах, проявляющихся несмотря ни на какие неблагоприятные социальные и исторические условия, всегда была твердым убеждением Лескова. В своих рассказах и очерках он рисует самые разнообразные картины народной жизни, но неизменно его внимание привлекают положительные качества народной психологии, идеальные герои из русской народной среды. Целую галерею художников-самородков, чудесных мастеров своего дела, горячих человеколюбцев, скромных патриотов создает писатель, всю жизнь искавший и находивший «праведников» русской земли («Несмертный Голован», «Тупейный художник», «Человек на часах», «Очарованный странник», «Пламенная патриотка» и т. д.). Одним из произведений, наиболее ярко воплотивших эту идею, является «Сказ о тульском Левше». Здесь утверждение художником природной одаренности и горячего патриотического чувства русского трудового люда переплетается с показом невероятно тяжелых социальных и бытовых условий, в которых живет трудящийся народ, что придает произведению, скрытый за внешне-юмористической манерой повествования, трагический оттенок. Чудесный мастер-самоучка, тульский косой Левша не только не оценен по заслугам на родине, но и преждевременно погибает жертвой отечественных порядков. Но, умирая, тульский оружейник беспокоится не о своей судьбе, а о том, как бы принести пользу родине вывезенным из Англии «секретом». С основной, глубоко патриотической идеей произведения вполне гармонирует тот исторический фон, который избран художником для своего повествования. Не случайно Лесков переносит события рассказа, вовсе не отражающего каких бы то ни было подлинных исторических фактов, в эпоху, когда только что закончилась Отечественная война. Это придает всему рассказу особенно глубокий смысл: только что народ, представителем которого является замечательный тульский оружейник, показал всему миру пример героической отваги и непреклонности в битвах за родину, но этот народ остался попрежнему угнетенным и бесправным. Уже подобная постановка исторической темы перекликается с отдельными мотивами народной песни, выдвигавшей в качестве основных героев войны 1812 года простых солдат и казаков, с горечью говорившей о жестокой расправе царя и помещиков с теми воинами, которые недавно отстояли кровью независимость России:

Мы горячу кровь проливали,
И французов в полон брали,
И каменну Москву отбивали...
А теперь славный полк Семеновский
Весь засоженный, завоеванный...¹⁰

Наряду с образом скромного патриота Левши большую роль в повествовании играет образ донского казака Платова, благодаря которому вся жизнь тульского оружейника неожиданно меняется. Образ Платова в изображении Лескова необходимо сопоставить с народноэпическим образом этого исторического героя. Следует подчеркнуть, что сама по себе роль Платова в рассказе Лескова заставляет предполагать какую-то связь произведения с народным творчеством. В литературных произведениях, посвященных эпохе Отечественной войны, образ донского атамана вовсе

¹⁰ Архив П. В. Шейна. Хранится в Архиве Академии Наук СССР. Песня Семеновского полка была сообщена Шейну историком М. И. Семевским.

не пользовался особой популярностью, тем более в конце 70-х годов, когда создавался сказ Лескова.

В произведениях Мордовцева, Данилевского и других представителей русской исторической прозы конца XIX века, посвященных войне 1812—1815 годов, донской атаман играет весьма скромную роль.

У Лескова Платов не только воплощает героиню войны 1812 года, но и является носителем живого национального чувства. Англичане, у которых он гостит, сопровождая Александра I (исторический факт), всячески стараются удивить царя и атамана своими достижениями. По отношению к царю они вполне достигают своей цели, но Платов неизменно противопоставляет всем их «хитростям» крепкую веру в способности «своих русских людей». Когда англичане показывают царю свои «мыльнопильные заводы», чтобы этим «славиться», Платов думает: «До этих пор я еще терпел, а дальше нельзя. . . своих людей не выдам». И, отстаивая «своих людей», которые только что «двунадесять язык прогнали», Платов конфузит англичан вопросом о «сахаре-молво», находит на необыкновенной пистолы, восхитившей царя, надпись русского мастера-туляка и т. д. По дороге в Россию Платов спорит с государем, прельстившимся заграничными хитростями, доказывает, что «и наши, на что взглянут — все могут сделать, но только им полезного ученья нет». В результате этого спора и попадает через несколько лет к тульским мастерам заграничная «нимфорория», багодаря которой становится известно замечательное мастерство Левши. Собственно говоря, вся замысловатая история Левши и стальной блохи является только художественной иллюстрацией к словам о «наших людях», вложенным Лесковым в уста Платова. Образ Платова оказывается, следовательно, носителем основной, глубоко патриотической идеи всего произведения. Как носитель этой идеи, Платов торжествует над своими врагами-придворными и над хитрецами-англичанами, доставляя царю непоколебимые доказательства способности «своих людей».

Роль Платова в сказе Лескова вполне аналогична той роли, которую казак-генерал играет в народном историческом эпосе. Историческая песня эпохи наполеоновских войн не только делает Платова своим основным героем, фигурирующим в большинстве сюжетов, но связывает с ним торжество национального чувства, заставляет его, как мстителя за это национальное чувство, оскорбленное пребыванием французов в Москве, «отсмеять насмешечку», проникнув в дом самого «француза» (известный более чем в 100 вариантах, популярный до нашего времени сюжет о поездке переодетого Платова к французу).

Еще более наглядно выступает образ Платова-патриота в казачьих сказах об Отечественной войне 1812 года, в которых он с негодованием отвергает лестные предложения английского короля и посрамляет французского генерала. Буквально совпадает с рассказом Лескова ответ Платова английскому королю, который предлагает атаману в подарок турецкую шашку в золотых ножнах, усыпанную жемчугом: «Нет, английский король, хоть и хороша твоя шашка, но мне ее не надо, у нас самих есть свои мастера-оружейники и поискуснее твоих они будут».¹¹ Никакими подарками и золотом нельзя купить службы Платова, который служил только «России-матушке», «по самый гроб своей жизни, честно и праведно». Совпадают с русским народным эпосом и те основные черты, при помощи

¹¹ Донской герой вихрь-атаман Платов. В кн.: В. Головачев и С. Лащилин. Донские сказы и сказки. Сталинград, 1947, стр. 28. (Сказ записан от казака Н. Т. Лащилина, рождения 1866 года, участника гражданской войны. Запись произведена между 1926 и 1929 годами).

которых характеризует своего героя Лесков. Платов у Лескова отличается не только горячим патриотизмом, воплощением которого он является и в народной песне, и в казачьем сказе, но также исключительной храбростью. «Мужественный старик» Платов не пугался «никакого неприятеля на свете», царедворцы его «терпеть не могли за храбрость», он не боится и государева гнева, постоянно спорит с Александром, отстаивая «своих людей». Отвага и удаль — основные черты любимого героя народной песни. Он впереди всех мчится на коне во время битвы, он отважно отправляется в гости к французам, он гонится за отступающим неприятелем. Народное творчество восторженно характеризует храбрость Платова: «Уж как Платова-т козак всем воинам воин был»¹² или «Какой воин, какой хитрый, всех французам победил».¹³

Многочисленные песни о битве за Москву, о сражении между русской и французской «армеюшками», о Березинской переправе изображают отважного казака Платова на поле битвы:

Не ясен сокол летает,
Платов-казак разъезжает.
Он по крутой то горе,
Сам на вороном коне.
Он скакал-поскакал
К своим донским казакам,
Три словечушка сказал:
«Вы, ребята, не робейте,
Пуль-пороху не жалейте».¹⁴

Песни и легенды подчеркивают казачье происхождение Платова, его тесную связь со своими донцами, «генерал-казак» становится любимым народным героем в силу своих демократических вкусов, привычек, происхождения. Товарищи-казаки сопровождают эпического Платова во всех его похождениях, поддерживают все его начинания, его близость с донцами отчетливо выступает в песенных обращениях Платова к своему войску:

Он поехал — засвистал своим Донским казакам:
— Гой вы, братцы, вы ребята, вы товарищи мои!¹⁵

Черты казака-удальца, оставшегося верным родной среде и ее обычаям, выдвигает и Лесков в образе Платова, развивая их значительно подробнее, чем это могла сделать народная песня. Лесков привлекает материал мемуаров, современных анекдотов, создает демократически окрашенный образ. Донской казак Платов в Англии скучает по своему хозяйству, в кунсткамере вспоминает своих «донцов-молодцов», он «простые чувства имеет» и защищает простых людей. Внешний его портрет подчеркнута демократичен по сравнению с «царедворцами». У него «грабоватый нос», «куцупые пальцы», он одет в лохматую бурку и широкие шаровары, курит трубку, в которую сразу фунт Жукова табаку входит, и потягивает свою любимую «кислярку». Как настоящий эпический богатырь, он наделен выдающейся силой, на руку весьма тяжел, а характером горяч, но справедлив. Поколотив изрядно Левшу, он, когда оказывается, что тульский мастер не посрамил русской чести, просит у обиженного прощения и дарит ему сто рублей.

¹² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 10. М., 1874, стр. 77. (В дальнейшем: Киреевский).

¹³ Ф. С. Панкратов. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895, стр. 59.

¹⁴ В. Д. Рудинский. Сборник песен и причитаний села Заболотного. Архив Географического общества Союза ССР, папка XXXIII — 16, № 2.

¹⁵ Киреевский, вып. 10, стр. 41.

2

Фигура «мужественного старика» в изображении Лескова настолько близка к эпическому образу удальца-Платова в народном творчестве, что воздействие фольклорного материала на сказ Лескова можно признать несомненным. Творческое использование фольклорного материала вообще в высшей степени характерно для работы Лескова. Это один из тех русских классиков, для которых фольклор постоянно был и предметом изучения и источником творчества. Обращение Лескова к фольклору имело для него особое значение: оно помогало ему утверждать свое право на принципиально иное изображение народной жизни, чем у писателей-народников, его литературных современников. Хорошо зная быт различных слоев народа, непосредственно изучив деревенскую и провинциальную Русь за свою богатую скитаниями жизнь, Н. С. Лесков гордился этим знанием и считал, что не уступает в данном отношении прозаикам народнического лагеря, а, наоборот, превосходит их. «Народ просто надо знать, как саму свою жизнь, не штудировав ее, а живучи ею. Я... так и знал его, т. е. народ, знал с детства и без всяких наук и стараний, а если я не всегда умел изображать, то это так и надо относить к неумению», — писал Лесков.¹⁶ Стремясь раскрыть положительные свойства народного характера в своем творчестве, Лесков должен был с особенной тщательностью изучать фольклор, который мог дать ему незаменимый материал для понимания и изображения народной психологии, быта, воззрений. Писатель систематически собирает и изучает сокровища народного языка и творчества. Мемуары современников постоянно изображают Лескова как глубокого знатока русского народного творчества. «Лесков знал такое множество народных сказаний, притч, легенд, какого я не встречал у присяжных фольклористов», — свидетельствует Ф. Де-ла-Барт.¹⁷ Широко распространенные, известные не только в казачьих районах, но и в Подмосковье, на Севере, за Уралом и на Украине, песни и предания об Отечественной войне 1812 года, основным героем которых был удалой атаман Платов, Лесков мог слышать в непосредственном устном бытовании.

В Орловской губернии, где прошли детство и отрочество Лескова, было записано много песен о Платове Якушкиным, Добровольским и другими собирателями. Есть свидетельство и о существовании в местном репертуаре легенд об атамане Платове. А. Иванов в работе «Верования крестьян Орловской губернии» приводит любопытный рассказ о Платове, хранившийся среди крестьян-орловцев в 90-х годах.¹⁸ В рассказе повествуется о том, как Платов встречается с слепцами-нищими, расположившимися на берегу реки у костра и, из молодечества, начинает таскать у них блины прямо с огня своим длинным копьём. Слепцы бросают в него палкой, которую казак подхватывает и уезжает. Долго палка валялась в доме Платова, пока случай не привел слепцов туда просить милостыни. Хитрый казак заводит с нищими речь про блины и узнает, что они до сих пор жалеют о потере палки, и блины с горя есть перестали. После ухода слепцов Платов приказывает подать палку, ломает ее и находит в ней золотые монеты. Орловская легенда о Платове не имеет определенного исторического колорита. Но и в этой легенде подчеркнуты молодечество и удачли-

¹⁶ Цит. по: В. А. Десницкий. Крестьянские рассказы Н. С. Лескова. «Ученые Записки Ленинградского педагогического института им. Герцена», т. XIV, 1938, стр. 180.

¹⁷ Ф. Де-ла-Барт. Литературный кружок 90-х годов. «Известия Общества славянской культуры», 1913, т. II, вып. 1, стр. 19.

¹⁸ «Этнографическое обозрение», 1900. № 4, стр. 110.

вость эпического генерала-казака. Кроме того, вполне вероятно, что она была не единственной, а попала в печать более или менее случайно из того запаса преданий и анекдотов об атамане, который хранился в крестьянской среде центральных губерний России.

В распоряжении Лескова могли оказаться не только устные источники русского исторического эпоса, но и печатные. Издания фольклорных материалов и книги по этнографии были обильно представлены в его личной библиотеке. По свидетельству сына писателя, А. Н. Лескова, в числе любимых книг Николая Семеновича были «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» и «Народные легенды» А. Н. Афанасьева.¹⁹

Лесков был хорошо знаком со своим «земляком» орловцем П. И. Якушкиным, известным этнографом и собирателем народных песен, о котором в 1883 году Лесков написал пространные воспоминания. Трудно предположить, чтобы Лесков не знал изданного Якушкиным в 1860 году и переизданного со значительными дополнениями в 1865 году сборника русских народных песен, в состав которого входили некоторые произведения о войне с французами и об атамане Платове. Такой знаток и любитель народного творчества, как Н. С. Лесков, конечно, не мог не знать и знаменитого собрания былин и исторических песен П. В. Киреевского, последний 10-й выпуск которого, содержащий песни об Отечественной войне 1812 года, был напечатан в 1872 году, т. е. раньше, чем был написан «Сказ о Левше». Песни об Отечественной войне Лесков мог, следовательно, знать и в устном бытовании, как собиратель и любитель фольклора, и по печатным изданиям. Высоко цenia народное творчество в целом, Лесков особенно выдвигал значение фольклора как источника для понимания народного взгляда на историю своей страны. Писатель подчеркивал своеобразие и глубину народной точки зрения: «... 1) возникновение новых легендарных сказаний свидетельствует о жизненности непосредственного народного творчества, и 2) оно обнаруживает замечательную оригинальность и пронзительность народного ума и чуткость чувства, которые в их счастливом соединении дают простым людям возможность верно характеризовать данное время и по-своему иллюстрировать его особенности».²⁰ При таком понимании исторического фольклора, как выражения «замечательно оригинального и пронзительного» народного осмысления целых исторических эпох, еще более вероятным становится предположение, что в числе фольклорных источников «Сказа о тульском Левше» были народные песни и легенды о донском атамане Платове, оказавшие очевидное воздействие на созданный Лесковым яркий образ «мужественного старика», горячего патриота.

3

Материал устных народных песен и преданий, помогавший писателю усвоить отношение широких народных слоев к избранной им эпохе повествования и ее героям, Лесков дополнял историческими данными. Как всегда, его внимание в работе над «Сказом о Левше» привлекали не столько официальные исторические источники, сколько бытовое и психологическое восприятие событий современниками: анекдоты, мемуары, за-

¹⁹ См.: В. А. Гебель. Язык Н. С. Лескова. «Ученые записки кафедры русской литературы Московского Государственного педагогического института», вып. II, 1939, стр. 193.

²⁰ Премия к «собранию романов» Ахматовой. Юбилейная книжка. СПб., 1881, стр. 195 (Вступление к рассказу «Леон — дворецкий сын»).

лиси, сочетающие подлинные факты с творческим вымыслом, острой бытовой деталью — то, что сам Лесков так удачно называл «лыгендой». По его собственному свидетельству в 1880 году, т. е. в год, когда писался «Левша», он просматривал печатный сборник анекдотов, «касающихся покойного императора Александра Павловича».²¹ Очевидно, им были просмотрены и многие другие исторические издания, касавшиеся эпохи Отечественной войны и особенно роли в ней казачества с его признанным вождем атаманом Платовым. Одним из источников повести Лескова, несомненно, был рассказ донского казака Земленухина атаману Платову о своем пребывании в Лондоне, в гостях у англичан.²² Земленухина и других донцов, сопровождавших в Лондон атамана Платова в 1814 году после блестящей победы русской армии над Наполеоном, англичане принимали как почетных гостей, и отзвуки этих исторических фактов прекрасно сохранились в устных казачьих сказах о Платове и его старых служивых казаках. Описание жизни Левши у англичан во многом заимствовано Лесковым из этого рассказа. Можно перечислить целый ряд почти буквальных совпадений между рассказом Земленухина и повестью о Левше. И донского казака и тульского оружейника англичане принимают с почетом, показывают всякие достопримечательности, угощают до отвала всевозможными питиями и яствами, обоим предлагают деньги, от которых они благородно отказываются. Земленухин «от денег решительно отказывался и просил не обижать оным русских казаков». У Лескова «англичане назвались, чтобы его родителям деньги послать, но Левша не взял». Земленухин говорит англичанам: «Я не учен наукам, по которым воюют великие генералы и сам враг Бонапарт: придерживаюсь природным обычаям наших отцов: бить врага бесщадно». Левша тоже не мог получить никакого образования и тоже выдвигает на первый план свои патриотические чувства: «Об этом спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству вернопреданные». Герой Лескова даже упоминает об «отцах», хотя и в несколько иной связи: «... как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы». И Левшу и Земленухина всячески соблазняют остаться в Англии навсегда. «Напоследок они (англичане, — Э. Л.) употребили многие способы согласить его добровольно поселиться у них, обещая ему богатую землю». У Лескова — «англичане сказывают ему — оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим и из вас удивительный мастер выйдет». Совпадает и мотивировка нежелания обоих героев остаться в Англии: любовь к родине, к семье, вплоть до упоминания о «старухе» — жене или матери. «Я ни за что не променяю за золотые ваши палаты, — говорит Земленухин, — мою покойную хижину тихого Дона: хочу умереть на той земле, где наши отцы свои кости положили. . . Что совесть мне тогда скажет, когда я оставлю свою старуху, детей и своих родичев». Левша возражает англичанам следующим образом: «... у меня, — говорит, — дома родители есть. . . Мы, — говорит, — к своей родине привержены и тятенька мой уже старичек, а родительница старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить». Наконец, и Земленухина и Левшу англичане хотят женить. «Ежели бы казак был молод и холост, то без сомнения убедили бы его жениться в Лондоне; в чем состояло всеобщее англичан желание».

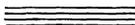
²¹ Анекдот об императоре Александре I. «Исторический вестник», 1880, № 7, стр. 556.

²² Подробное известие о пребывании донского казака в Лондоне, рассказанное самим донцом графу М. И. Платову, см.: «Русский вестник», 1814, кн. 1, стр. 66. Перепечатано впоследствии в «Русской старине» (1905, март, стр. 712) под заглавием «Рассказ казака Александра Земленухина графу М. И. Платову, записанный дежурным подполковником Краснокутским».

Левша еще «в холостом звании» и англичане предлагают ему «грандеву сделать», уговаривают «не пренебрегать», так как «наши тоже чисто одеваются и хозяйственные».

Все указанные совпадения, конечно, не могут объясняться простой случайностью. Но Лесков мог заимствовать из своего источника лишь любопытные бытовые и психологические детали, раскрывающие общую ситуацию: простой русский человек в качестве почетного гостя у англичан. Стилистически рассказ Земленухина не мог им быть использован, так как особенности устной речи казака не были сохранены издателями. То ли записавший со слов Земленухина его рассказ казачий подполковник, то ли издатель «Русского Вестника» Сергей Глинка подвергли этот рассказ литературной обработке в духе своего времени, придав ему официальную слащавость и высокопарную торжественность. Сохранились только отдельные красочные штрихи устной речи казака, вроде «отцов», «старухи» и «родичев». Это было неприемлемо для Лескова, стремившегося к передаче разговорно-устной интонации, к бытовой сниженности и юмористической окраске языка. Тем не менее «Подробное известие о пребывании донского казака в Лондоне» помогло писателю создать яркую картину пребывания своего героя в чужих странах, пребывания, играющего такую большую роль в развязке всей запутанной истории Левши.

Таким образом, сюжет и герои повести Лескова являются своего рода сложным литературным сплавом, в состав которого вошли в переработанном виде и предания рабочей среды о чудесных мастерах, и народная прибаутка о стальной блохе, и народные исторические предания и песни об атамане Платове, и воспоминания современников об эпохе наполеоновских войн.

Н. Ф. МАТВЕЙЧУК

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПОВЕСТИ ГОРЬКОГО
«ФОМА ГОРДЕЕВ»

1

Большой интерес в работе М. Горького-художника представляет его обращение к богатствам русского народного языка. Особенно поучительным является использование писателем в своей творческой практике разнообразнейших народных изречений — фразеологизмов, пословиц и поговорок. В литературно-критических статьях, рецензиях, речах, письмах, а также в художественных произведениях М. Горького мы встречаем суждения о сущности пословиц и поговорок как средства познания мышления народа, а значит, как ценного материала для работы писателя. Делясь своим богатым творческим опытом в статье «О том, как я учился писать», Горький отмечает: «Обязательно необходимо знать историю народа, и так же необходимо знать его социально-политическое мышление. Ученые — историки культуры, этнографы — указывают, что это мышление выражается в сказках, легендах, пословицах и поговорках. Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной».¹ В пословицах, указывал Горький, «заложено неисчерпаемо много прекрасной, хотя в большинстве уже устаревшей мудрости, в этом сжат трудовой опыт бесчисленных поколений» (25, 10—11).

Пословицы и поговорки являются наиболее совершенной частью языковых фразеологизмов. Они стоят рядом с яркими и своеобразными идиомами, метафоризованными профессионализмами, изречениями и крылатыми словами из произведений отечественных писателей, крепко вошедшими в живую речь и литературный язык. Эти языково-синтаксические формулы, лаконичные и образные, насыщенные глубоким социально-бытовым содержанием, развивались в результате огромной и длительной работы всего народа, совершенствуясь в живом бытовании, закрепляясь в народном сознании в виде житейских правил.

Горький постоянно указывал на важное их место в творческой практике писателя. «Вообще пословицы и поговорки, — писал он, — образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и разворачивать слова,

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, Гослитиздат, М., 1949—1956 гг., т. 24, 1953, стр. 492. (В дальнейшем в тексте курсивом обозначается том, прямым шрифтом — страница).

крепко сжатые другими, развертывать их так, чтобы было обнажено спрятанное в них, враждебное задачам эпохи, мертвое.

«Я очень много учился на пословицах, иначе — на мышлении афоризмами» (24, 493).

О большом значении правильного использования пословиц и поговорок в творческой работе писателя Горький говорил, имея в виду не только свой личный опыт. Он часто указывал, что язык великой русской литературы создавался путем постоянной и упорной работы писателей над освоением богатств живого народного языка.

Многочисленные отзывы о народных пословицах и поговорках М. Горький в ряде случаев вкладывает в уста героев своих художественных произведений. Так, например, в повести «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький приводит рассуждения дяди Марка (Марка Васильева) о пословицах, записанное Матвеем Кожемякиным в свой дневник: «Слушал я вчера, как он на заводе ребят про песни спрашивал и поговорки, а после, в горнице, за чаем рассказывал мне:

«— Поговорка — большая вещь, в ней народная мысль, как масло, густо сбита. Вот, примерно: „Коль народишко ссорится — воеводы сытно кормятся, а будь жизнь смирна — воеводам ни зерна“. Другая: „Не там город, где городьба, а где ума поболее“, — это народ сложил в ту пору, когда еще цену и силу ума понимал верно. А пришло другое время, он отметил: „Силу копят не умом, а дубьем да рублем“, „Не суй бороду близко городу“ — замечаете: как будто два народа составляли эти речения, один — смелый, умный, а другой — хитроват, но как будто пришиблен и немножко подхалим» (9, 412).

Особенно ценным в определении Горьким значения пословиц и поговорок является то, что он призывал выявлять и выделять в них все активное, действительно народное, противопоставляя его всему реакционному, отмирающему. Пословицы и поговорки, по мнению Горького, определяют мышление народа не как однородной массы, как это утверждали представители славянофильского и народнического романтизма, а раскрывают социальную дифференциацию, классовую борьбу в обществе. Развивая взгляды Чернышевского и Добролюбова в этом вопросе, Горький вскрыл действительно происхождение части пословиц и поговорок, как отражения предрассудков, суеверий, различных религиозных нравочуждений, бытующих в среде народных масс.

Горький решительно отвергает мнение, будто все пословицы, бытующие в народной массе, являются продуктом самостоятельного творчества трудовых народных масс. В статье «Об искусстве» Горький верно отмечал, что в первобытном доклассовом обществе слова и словосочетания создавались энергией всего коллектива людей, рода, племени. В форму афористических изречений отливались накопленные в человеческом коллективе приметы в области природных явлений, жизни человека, процессов труда, суждения об отношениях людей внутри рода, племени и междуродовых, междуплеменных отношениях. В формах пословиц и поговорок они легко и прочно запоминались и бытовали в массах в виде житейских правил — законов, передаваясь из поколения в поколение. Но с возникновением антагонистического общества стали появляться изречения, создаваемые в интересах только определенного класса; эти изречения являлись средством выражения сознания различных социальных групп, оружием в их борьбе, средством утверждения идеологии. Поэтому об общенародности всего пословичного фонда как творчества трудовых народных масс не может быть речи. Горький сообщает такие факты:

«Когда я читал книги „консерваторов“, „охранителей и защитников самодержавного строя“, в книгах этих я не находил ничего нового для себя именно потому, что каждая страница их повторяла в развернутой форме — в расширенном толковании — ту или другую из пословиц, с детства знакомых мне. Было совершенно ясно, что вся премудрость консерваторов — К. Леонтьева, К. Победоносцева и других — пропитана той „народной мудростью“, в которой наиболее крепко жата церковность.

«Есть, разумеется, значительное количество пословиц другого смысла» (24, 492—493).

Горький часто подчеркивал, что пословицами, отражающими реакционную сторону народного мировоззрения, утешают себя самые забитые и отсталые элементы общества. В XII «Русской сказке» писатель, рисуя русского обывателя, запуганного полицейским своеволием самодержавия, отмечает:

«Иванычи вообще любили утешаться пословицами: посадят кого-нибудь из них в острог за случайное несогласие с Обстоятельствами — они кротко философствуют:

— Не в свои сани — не садись!

А некоторые из них злорадничают:

— Знай сверчок свой шесток!»

(10, 497).

Итак, каждый класс, каждая общественная группа, стремясь оправдать и утвердить себя, любит употреблять свои, выгодные для них «ходячие фразы». Пословицы и поговорки характеризуют общественные группы людей, среди которых они обращаются, раскрывают их социальную природу, их интересы и идеалы. Поэтому понятен особенный интерес Горького к афористической речи, особенно к бытующим в живой речи различного рода фразеологизмам.

В художественной литературе общенародный язык со всем своим грамматическим своеобразием, со всем богатством словарного состава используется как материал художественного творчества писателя, как способ художественного обобщения и отражения действительности.

Язык художественной литературы возникает на основе общенародного языка. На этой основе писатель творит литературные образы и характеры, достигает типизации и индивидуализации языка персонажей, способов ведения диалога и создает целый арсенал различных образных средств. Это относится в равной степени к раскрытию темы и идеи произведения в целом и как один из основополагающих элементов стиля писателя.

Вполне понятно, что выработанные в живой народной речи фразеологизмы, т. е. такие неразделимые синтаксическо-фразовые единства, как пословицы и поговорки, фразеологические сращения — идиомы, а также различного рода фразеологические соединения и словосочетания играют большую роль в работе писателя над созданием литературного образа. Введенные в речь персонажа, они выступают как значительная художественная деталь в построении образа, как благодарный способ конденсации больших жизненных наблюдений в краткие и яркие по своему построению и языку изречения — формулы.

Поэтому изучение особенностей языка литературного произведения включает в себя, как особенно важный момент, изучение образно-эстетической трансформации элементов общенационального языка в художественном произведении. Это относится в равной степени как к фразеологии,

так и к словарному составу языка, к грамматическим его оборотам, к синонимике и т. д. Такое изучение особенно важно при анализе особенностей индивидуализации речи персонажей в произведении как средства раскрытия их внутренней сущности, как средства типизации жизненных явлений. Здесь особенно ярко проявляется сила и качество творческой инициативы писателя. Но, к сожалению, нельзя не согласиться с мнением И. К. Билодида, что вопрос о функции языковых фразеологизмов в художественной литературе разработан на сегодня весьма и весьма недостаточно, хотя имеется ряд интересных наблюдений В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, да и самого И. К. Билодида в его книге, специально посвященной этому вопросу.²

Поделемся отдельными наблюдениями над повестью Горького «Фома Гордеев» — первым его большим и многоплановым реалистическим произведением. Рукопись повести, к сожалению, не сохранилась, поэтому процесс работы писателя над повестью до ее публикации нельзя вскрыть полностью. Однако сам текст повести и последующая работа писателя над ним после первой публикации дают достаточный материал для исследования.

2

Наблюдения советских текстологов показывают, что Горький очень много работал над языком своих произведений, особенно — над индивидуализацией языка персонажей. Достаточно сказать, что в тексте повести «Фома Гордеев» после ее первой публикации в журнале «Жизнь» в 1899 году Горьким внесено около трех тысяч исправлений, в основном в диалогах персонажей. В результате всех этих исправлений язык повести приобрел большую четкость, меткость, большую смысловую насыщенность, а образы получились более художественно-типизированными.

В работе над повестью Горький, по его личному свидетельству, в основном использовал свои наблюдения на Всероссийской торгово-промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году.³ Выставка широко иллюстрировала деятельность сотен русских миллионеров — купцов и промышленников, быстро богатевших в пореформенный период развития русского капитализма. На выставке писатель был в качестве специального корреспондента газет «Нижегородский листок» и «Одесские новости», внимательно изучая новых «хозяев» России — русских капиталистов.

Развитие в России капитализма окончательно развенчивало народнические иллюзии относительно «безбуржуазности» России, как чисто крестьянской страны, строящей социализм руками общинного крестьянина. Но одновременно с этим обнаруживались и те органические пороки капитализма, которые вели его к гибели, опровергая тем самым реакционные утверждения «легальных марксистов» и «экономистов».

Не случайно именно на грани XIX—XX веков вышла в свет знаменитая работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин, говоря в этом труде об исторической роли капитализма в развитии России, отметил: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо (как мы старались подробно показать на каждой ступени нашего фактического изложения) с полным признанием отрицатель-

² И. К. Білодід. Питання розвитку мови української радянської художньої прози. Изд. Академії Наук УРСР, Київ, 1955.

³ Об этом Горький подробно говорит в очерках «Беседы о ремесле» и «О том, как я учился писать».

ных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственного капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима».⁴ Книги Ленина и Горького написаны об одном и том же явлении, которое одновременно привлекло тогда внимание и Ленина как вождя и организатора нового пролетарского революционного движения в России и Горького, который своим творчеством знаменовал новый пролетарский этап в истории русской литературы.

В процессе становления в творчестве Горького нового творческого метода — социалистического реализма — повесть «Фома Гордеев» является весьма важным подготовительным этапом. Естественно, это отразилось и на языке повести, особенно на использованных в ней фразеологизмах.

Много фразеологизмов в речи купца Якова Маякина. На каждый жизненный случай, на каждое окружающее явление он реагирует активно, высказывая свои собственные суждения и подтверждая их четкими, поэтически сложенными сентенциями — изречениями, которые органически вплетаются в его яркую образную речь.

Как человек дела, Маякин — оптимист, любит активных и воинственных по натуре людей из своего класса: «Слаба, брат, душа у ерша, коли у него щетинка дыбом не стоит» (4, 91).

Даже смерть не пугает Маякина. О смерти он говорит так: «Мертвому — рай, живой — дальше играй!» (4, 237); «Поел Яков всяких злаков, значит, Якову пора долой со двора» (4, 277).

Но эта оптимистическая действенность в речевом стиле Маякина особого качества, а именно — хищнического, ницшеанского.⁵ Объясняя Фоме Гордееву, своему крестнику и будущему наследнику, истинную сущность жизни купца, которая заключается в постоянной схватке с конкурентами, Маякин подкрепляет свои поучения лаконичным изречением: «Или всех грызи, иль лежи в грязи» (4, 111).

Маякин не просто хищник, а хищник коварный, который в борьбе не чуждается самых низких, подлых, грязных способов, вплоть до предательства. Обучая Фому Гордеева приемам купеческой хватки в борьбе, он говорит: «Подходя к человеку, держи в левой руке мед, а в правой — нож» (4, 111).

Вот таким, по утверждению Маякина, должен быть всякий настоящий купец. А поэтому — остерегайся коллег по ремеслу! Посылая Фому по торговому делу к купцу Ананию Щурову, Маякин так характеризует набожность последнего: «Преподобная лиса... возведет очи в небеса, а лапу тебе за пазуху запустит да кошель-то и вытащит» (4, 127).

Маякин считает, что каждого человека следует использовать в интересах купеческого дела. А если кто не хочет работать на купца, станет сопротивляться, с тем надо поступать решительно и беспощадно. Подтверждает эти свои мысли Маякин таким изречением: «Ежели иногод побить молотом, он будет золотом» (4, 137).

Людям вообще, а особенно купцам, говорит Маякин, верить никак нельзя; к ним надо относиться осторожно, никогда не принимать их слова за чистую монету. Когда отдельные купцы высказывают Фоме Гордееву сочувствие по поводу смерти его отца, то Маякин это расценивает исключительно как подхалимство к богатому наследнику с целью урвать себе что-нибудь: «Чуют коты сало» (4, 88).

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 523.

⁵ В своем произведении «Беседы о ремесле» Горький говорит: «Я приписал Якову Маякину кое-что от социальной философии Фридриха Ницше» (25, 319).

Купец — это единственная опора государства. Поэтому о дворянах, аристократах Маякин высказывается с иронией и, насмехаясь над их безосновательным гонором, использует такую поговорку: «Хотя у них на брюхе-то шелк, да в брюхе-то — щелк» (4, 94).

Грех перед богом Маякин понимает также весьма своеобразно. Он утверждает, что только человек, который активно и повседневно приумножает свое богатство, может быть приятным богу. Такому человеку бог прощает даже самые тяжелые грехи. Подтверждает это Маякин такими изречениями: «Кто хочет от жизни толку добыться — тот греха не боится» (4, 277); «Не тот свят, кто от греха прячется» (4, 277).

Как видим, фразеологизмы, употребляемые Яковом Маякиным, показывают его социальное лицо, как представителя капиталистического класса, определяют его действия, поступки. И вполне естественной выступает в сюжете повести та быстрая, ловкая и жестокая расправа, которую совершает Маякин над своим непокорным крестником, цинически торжествуя, издеваясь над побежденным.

Игнат Гордеев — это также активный, предприимчивый купец, но вышедший из чернорабочих. Он сумел стяжать свое миллионное состояние. Он любит бурную разгульную жизнь на Волге. Его везде и всюду сопровождает успех. О таких людях Горький подробно и ярко рассказал в своих очерках «Беседы о ремесле» и «О том, как я учился писать». Характеризуя их особенности как первого поколения русской буржуазии, Горький говорит, что, обладая огромным запасом энергии, они по пути к своим целям не умели — даже не могли — задумываться над выбором средств, не зная иного закона, кроме своего желания.

Как купец-эксплуатор, Игнат Гордеев поучает своего сына Фому купеческой практике приблизительно так же, как и Маякин, употребляя для этого и соответствующие фразеологизмы. Но одновременно с этим он может поучить сына и так: «Ты в грехе, ты и в ответе» (4, 55); «В молодости, как в половодье, — иди прямо!» (4, 47).

Жену свою Наталью, тихую и мечтательную, он сам отговаривает ходить в церковь, оправдывая в ее глазах бойкую и греховную жизнь такой поговоркой: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься» (4, 14).

Он любит погулять, выпить в компании, однако помнит и поговорки: «Пей... да смотри, — дело разумей» (4, 78); «Пьяница — проспится, а дурак — никогда» (4, 78).

Женщину, как и Маякин, он ставит не высоко; но он не издевается над ней так, как Маякин. Он лишь говорит: «Баба, как оспа, без нее не проживешь» (4, 78).

И первую свою жену он хотя и бил, но бил без издевательств, а просто так, как говорится в поговорке: «Люби жену — как душу, тряси ее — как грушу» (4, 13).

Приведенные примеры говорят нам о том, что фразеологизмы, которыми пересыпана речь Игната Гордеева, выражают своеобразную двойственность его натуры. С одной стороны, это целиком оформленный тип хищника-эксплуатора, с другой стороны, это здоровый нормальный человек, вышедший из народных масс, который любит свободную жизнь волгара, свободу чувств и поступков. Не случайно эти две стороны его характера часто приводят к конфликтам, когда сам Игнат Гордеев-человек восстает против Игната Гордеева-купца.

Народом создано бесчисленное количество всевозможных фразеологизмов. Писатель, отбирая из них в свое произведение те или иные нужные

ему изречения, пословицы, поговорки, а также создавая свои собственные, прежде всего стремится создать необходимое идейно-эмоциональное звучание своего произведения в целом. Горький стремится раскрыть социальную природу русского купечества периода его восхождения как класса. Чтобы помочь своему читателю разобраться в тех «ходячих фразах и всевозможных софизмах», которыми эксплуататоры прикрывали свои эгоистические поползновения и свое настоящее хищническое нутро,⁶ писатель именно эти изречения и привлекает в текст своей повести. Вкладывая их в уста купцов, он обнажает подлинную сущность идеологии капиталистов. Этим Горький сумел оттенить наиболее характерные черты классового облика русского купца.

Речевая характеристика персонажа — весьма важный фактор в создании образа. Идейная нагрузка, которую несет в повести каждый фразеологизм, — в монологе или в диалоге действующих лиц, — является весьма значительной.

3

При рассмотрении всех выражений пословичного типа в повести «Фома Гордеев» можно заметить, что их употребляют те персонажи повести, которые наиболее интересуют автора, столкновения между которыми составляют основной конфликт произведения. Это прежде всего купцы: Яков Маякин, Игнат Гордеев. «Крылатыми фразами» насыщена также речь Краснощекова, рабочего, который, усиленно занимаясь самообразованием, постепенно поднимается до правильного осмысления окружающих его социальных явлений. Обогащена афористическими изречениями также речь Саши — бывалого человека, вольнолюбивого протестанта-нигилиста. Персонажи повести, теряющие связь со своей социальной почвой, говорят преимущественно тусклым языком, лишенным энергичных фразеологизмов — сентенций. Кстати, яркий афористический язык появляется однажды и у Фомы Гордеева: это в сцене на пароходе Кононова, когда он мужественно и смело восстает против преступного мира купцов. Но после поражения язык его сразу тускнеет.

Какой же именно круг фразеологизмов привлекал внимание Горького в процессе работы над повестью? Какой круг пословиц и поговорок творчески осваивал Горький?

Как показывают приведенные нами выше примеры речевого стиля Маякина и Игната Гордеева, мы здесь не встречаем таких изречений, которые утверждали бы пассивное мироощущение, чувство бессилия человека перед стихией жизни. Как правило, привлеченные Горьким изречения введены исключительно в речь персонажей и подчеркивают активное их отношение к окружающей действительности. Употребляя их, персонажи энергично утверждают или отрицают те или иные идеалы, отстаивая свое место в жизни.

Наиболее сильные представители капиталистов (Маякин, Игнат Гордеев) должны были высказывать свои суждения в энергичных, активных по духу словесных формулах. Именно такие фразеологизмы и подбирает Горький, вводя их в речь персонажей повести.

Пословица — это обобщение жизненного опыта людей, выраженное в образно-ритмической, максимально сжатой словесной формуле и бытующее в народной массе. Среди фразеологизмов пословица отличается именно своим четким художественным построением. Тонический ритми-

⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 383.

ческий склад, характерный для народного стихосложения, рифмы окончания и рифмы внутренние, образные противопоставления, сравнения, параллелизмы, звуковые повторы — все это придает пословице синтаксическую четкость и отмеченный еще В. И. Далем «мерный и складный вид».⁷ Именно благодаря этим ее качествам К. Ушинский рекомендовал педагогам побольше применять в своей практике пословиц, чтобы развивать в детях чутье к звуковым красотам родного языка.

Горький высоко ценил в русских народных изречениях четкость и выразительность образного их построения. Он говорил, что «необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно четкие, меткие пословицы и поговорки. „Пословица век не сломится“. Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью» (25, 143).

Вполне естественно, что персонажи Горького могли утверждать свою жизненную философию только звучными и яркими выражениями, соответственно своей энергии и темпераменту. Ведь кроме смыслового содержания, эти фразеологизмы должны были создавать в речи персонажа значительное эмоциональное напряжение.

Итак, наличествует также субъективный момент в отборе Горьким в текст повести ходячих изречений в отношении их художественной формы. Поэтому можно говорить об определенной роли народных фразеологизмов в выработке писателем своего индивидуального языкового стиля. Горьковское мастерство в построении четких, звучных, глубоких по содержанию изречений, складывалось под влиянием афористических форм русского языка, особенно таких из них, как пословица и поговорка. Рядом с другими факторами они служили средством формирования его своеобразного литературного стиля. «Устная поэзия трудового народа, — той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, — эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка», — свидетельствовал писатель (27, 400—401). Насколько Горький внимательно и тщательно отбирал в текст повести эти изречения, свидетельствует тот факт, что свыше двадцати из них он снял при последующей доработке текста повести после ее первой публикации в 1899 году.

4

Из каких же источников Горький почерпнул все те изречения — афоризмы, которые вовлечены им в текст повести «Фома Гордеев»? Обратимся сперва к фольклорным сборникам, опубликованным до написания Горьким повести «Фома Гордеев», которые писатель мог читать и позаимствовать оттуда материал. О его глубокой осведомленности в фольклорных изданиях имеются многочисленные свидетельства как самого Горького, так и его близких друзей и знакомых, поэтому обращение к этим сборникам вполне закономерно. Так, например, описывая в статье «Беседы о ремесле» свою жизнь в Нижнем Новгороде еще до отъезда в Казань, т. е. до 1887 года, Горький говорит: «Я очень любил читать сборники пословиц» (25, 330). Как свидетельствует И. П. Ладыжников, который всю жизнь снабжал писателя книгами, комплектовал неоднократно его библиотеки, у Горького, начиная еще с нижегородского периода жизни,

⁷ В. И. Даль. Пословицы русского народа. СПб., 1879, стр. XXIX.

всегда имелись классические издания русского фольклора и фольклора других народностей России. С особенным уважением относился писатель к этим книгам, как и к работам языковедов, которые исследовали народные говоры.⁸

О любви Горького к фольклорным изданиям и о исключительно глубокой осведомленности его в этих изданиях говорит Ю. М. Соколов, вспоминая свою беседу с Алексеем Максимовичем: «Он мне признался, что у него в библиотеке, — он за этим сам следил, — был систематический подбор всех сборников русского фольклора. Он мне признался, что ему очень нравились песни в сборниках Сахарова, пословицы и поговорки в сборниках Снегирева, Даля, очень любил Терещенко „Быт русского народа“. Когда я ему сказал: „Как же вы ссылаетесь на книги, которые в нашей фольклористике в значительной мере давно осуждены, — Сахаров за то, что он часто был фальсификатором, Терещенко и Снегирев за то, что были яркими представителями, как и Сахаров, официальной народности“, Горький сказал: „Все это я знаю. Я эту шелуху, конечно, снимаю, но у них есть замечательные архаические тексты, тексты целого ряда песен, которые я впоследствии встречал в других сборниках в суженном виде“».⁹

О глубокой осведомленности Горького в русском фольклоре, в частности в содержании каждого фольклорного сборника, мы имеем многочисленные свидетельства самого Горького. Так, например, в очерке «Беседы о ремесле» приводя пословицу для характеристики русских купцов: «Крестьянская кость, да уж барским мясом обросла», Горький тут же делает примечание: «В сборнике Снегирева вместо „барского“ мяса кость обросла „собачьим“» (25, 318). Особенно много и подробно говорит Горький о фольклорных изданиях в своих письмах молодым писателям, обращая их внимание на конкретные сборники пословиц, песен сказок как на богатый источник живого и меткого языка.

Итак, обращение наше к публикациям пословиц и поговорок того времени вполне обосновано и закономерно. Однако розыски в опубликованных до 1899 года сборниках тех образно-семантических фраз пословичного типа, которые обнаружены в тексте повести «Фома Гордеев», дали самые ничтожные результаты: на 136 таких изречений в фольклорных публикациях обнаружено всего лишь одно, которое целиком соответствует тексту в повести, и восемь, которые в повести несколько изменены стилистически. Это такие:

У Горького:

«Поехала кума, неведомо куда!» (говорит Яков Маякин Фоме, иронизируя над его рассуждениями — 4, 137).

«На брюхе-то шелк, да в брюхе-то шелк» (говорит Маякин Фоме о спесивом дворянстве — 4, 94).

В фольклорных сборниках:

«Поехала кума, неведомо куда» (Снегирев).

«На брюхе — шелк, а в брюхе — шелк» (Снегирев).

⁸ Об этом же свидетельствует В. А. Десницкий. См. сборник: М. Горький в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1955, стр. 126—127.

⁹ Доклад действительного члена Академии Наук УССР Ю. М. Соколова, откуда мы взяли приведенную цитату, состоялся на собрании секции по изучению жизни и творчества М. Горького Института мировой литературы им. Горького АН СССР 14 октября 1938 года. Стенограмма доклада сохраняется в архиве Института.

«Пьяница — проспится, а дурак — никогда» (говорит Игнат Гордеев сыну Фоме, собираясь выпить коньяку — 4, 78).

«Пей... да смотри, — дело разумей» (говорит Игнат Гордеев сыну Фоме, узнав, что тот уже пьет водку — 4, 78).

«Ты в грехе, ты и в ответе» (поучает Игнат Гордеев сына — 4, 55).

«Даже псу живому лучше, чем мертвому льву» (утешает Маякин Фому на похоронах отца — 4, 91).

«Не верит ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай» (говорит Щуров о Маякине — 4, 130).

«Люби жену — как душу, трясись ее — как грушу» (автор передает мысли Игната Гордеева о жене — 4, 13).

«Не следует прежде времени мертветь» (поучает Маякин Фому, успокаивая его на похоронах — 4, 86).

«Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься» (говорит Игнат Гордеев жене Наталье — 4, 14).

Распространенные народные пословицы и поговорки писатель использует в тексте своего произведения преимущественно с целью передачи общепринятых понятий в жизни и быту людей. Здесь не возникает необходимости менять их содержание или грамматическую образно-стилистическую структуру. Но изменения наблюдаются и здесь.

Мы не будем подробно анализировать те интересные и весьма показательные изменения, которые произведены писателем в текстах пословиц и поговорок, которые он ввел в речь персонажей повести. Все они (за исключением одной) при введении в речь персонажей частично изменены — либо грамматически, либо через определенные вводные слова или частицы, пунктуацию. Вследствие этого они не выделяются из текста,¹⁰

¹⁰ В повести А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» тексты русских пословиц просто выпирают из речи Рыбникова. Куприн, как опытный мастер, сделал это умышленно, чтобы показать неестественность употребления в речи Рыбникова русских

«Пьяница проспится и к делу годится» (Даль).

«Пьян проспится, а дурак — никогда» (Снегирев).

«Пей, да дело разумей» (Снегирев).

«Кто в деле, тот в ответе» (Даль).

«Псу живому лучше, чем мертвому льву» (Михельсон).

«Ни в чох, ни в жох, ни в чот нельзя верить» (С. Максимов)

«Любит, как душу, а трясет, как грушу» (Снегирев).

«Прежде смерти не должно умирать» (Снегирев).

Эта распространенная народная поговорка в тогдашних сборниках не обнаружена, — очевидно, была запрещена духовной цензурой. Встречается она в романе Мельникова-Печерского «В лесах». В сборнике Франка имеется аналогичная по содержанию (записана в Галиции): «Вік гріши, при смерті — покайсі».

а органически сливаются с ним, превращаясь в неотъемлемый элемент разговорного стиля персонажа, например известная народная поговорка «Пей, да дело разумей» в устах Игната Гордеева выглядит так: «Пей... да смотри, — дело разумей» (4, 78). Почему писатель ввел такие изменения?

Игнат Гордеев разговаривает с сыном Фомой, уже предчувствуя близкую смерть. Ему не безразлично, как сын будет вести его «дело», в которое он вложил всю свою огромную жизненную страсть. И поэтому, если бы он, впервые узнав, что сын его уже любит выпить, в точности произнес текст пословицы «Пей, да дело разумей», она прозвучала бы фальшиво по отношению к его тогдашнему душевному состоянию. Ведь в таком виде поговорку эту употребляют в шутку между приятелями, «любителями выпить». И поэтому Горький после слова «пей» вводит многоточие, подчеркнув этим раздумывание отца над словами сына; дополнительное слово «да смотри» придало всей поговорке характер поучения старшим меньшего. Вставив перед словами «дело разумей» тире, Горький поделил поговорку на две части, усилив этим морализующую вторую часть: «да смотри, — дело разумей». Это и было необходимо писателю для изображения душевного состояния Игната: ведь для него главное не в том, чтобы Фома не пил (Игнат и сам любил выпить, но это ведь не мешало ему в работе!), а чтобы сын хорошо продолжал его предпринимательские дела.

Приведенный пример характерен для всех случаев использования Горьким народных фразеологизмов. Мастерскими художественными приемами введения пословицы и поговорки в речь персонажа писатель заставляет звучать народный афоризм в нужном ему тоне, или, как выражаются языковеды, «помогает перевести — в нужный момент — высказывание с одного регистра тональности языка на другой».¹¹

Все это мы говорили о прямом использовании Горьким народных фразеологизмов — пословиц и поговорок. Но ведь большинство фразеологизмов повести в фольклорных сборниках не обнаружено; найдены лишь отдаленные аналогии.¹² Откуда же Горький мог их взять, если их в публикациях не обнаружено?

Первое, что можно здесь допустить, это то, что писатель взял их из неисчерпаемой сокровищницы языкового народного творчества — непосредственно из уст народа. Горький еще в детские и юношеские годы был активным собирателем пословиц и поговорок. Впоследствии Горький отмечал, что с двенадцати лет он начал записывать услышанные вокруг пословицы, поговорки, прибаутки и т. п. (26, 222). О постоянном и внимательном собирании им народных изречений свидетельствуют его нижегородские земляки.¹³

При своей феноменальной памяти Горький,¹⁴ безусловно, знал пословицы и поговорки, которых могло и не быть в сборниках того времени.

пословиц. Маскируясь под развязного русского балагура, японский шпион старается сыпать пословицами и прибаутками; но они, естественно, не могут органически сливаться с его речью — речью выученной, чужой.

¹¹ І. К. Білоді. Питання розвитку мови української радянської художньої прози. Изд. Академии Наук УССР, Киев, 1955, стр. 184.

¹² Результаты наших поисков оказались аналогичными тем, которые получил Н. К. Пиксанов. Работая в сотрудничестве с фольклористом В. И. Чернышевым, он не смог отыскать в фольклорных публикациях текстов песен, сказок, духовных стихов и легенд, имеющихся в произведениях М. Горького. Об этом он сообщил в своей книге «Горький и фольклор» (М., 1938, стр. 9).

¹³ См. сборник: «Горький на родине», ОГИЗ, Горький, 1938.

¹⁴ Феноменальную память писателя может подтвердить интересное показание Ю. М. Соколова из упомянутого выше его доклада (см. стр. 143): «Я знал многих

Это не вызывает никакого сомнения. И поэтому вполне возможно, что Горький при написании повести предпочитал пользоваться собранными им самим в народе пословицами.

Это подтверждают некоторые обнаруженные нами факты. Так, например, приведенной в тексте повести пословицы «*Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься*» в пословичных публикациях не было, она одновременно с Горьким употреблена Мельниковым-Печерским в романе «В лесах». Или вот еще случай: характеризуя беспокойных газетчиков — «нигилистов», которые, мол, только критикуют, а бессильны что-либо сделать, Маякин говорит: «*Плохо, когда сила живет без ума, да нехорошо, когда и ум без силы*» (4, 166). Хотя прототипов этого содержательного фразеологизма не обнаружено в паремиографических сборниках, но что бытовали в живой народной речи аналогичные по содержанию выражения — это несомненно. Так, например, еще в «Слове о полку Игореве», автор которого широко воспользовался пословичным фольклором того времени, встречаем такое изречение: «*Хоть и тяжело ти, голове, кроме плечю; зло ти, телу, кроме головы*». В XIX веке на Украине записана пословица: «*Сила без розуму шаліє, а розум без сили мліє*». Аналогичные фразеологизмы были подхвачены писателем в живой речи и послужили для создания им образной фразы.

Такие же догадки высказывали некоторые исследователи темы «Горький и фольклор». Так, например, Н. К. Пиксанов утверждает, что Горький не включает в текст своих произведений фольклорных цитат из печатных сборников лишь потому, что «он вводит в свои произведения то, что сам собрал в свою память и в тетради из непосредственного общения с народными артистами».¹⁵ В другом месте своей книги, указывая на исключительную память Горького, автор говорит: «Именно благодаря этой феноменальной памяти Горький запомнил бесконечное количество фольклорных текстов от бабушки и иных лиц и передал эти тексты нам в своих книгах».¹⁶

Однако отнести все фразеологизмы в тексте повести, необнаруженные в сборниках, только за счет собранных самим Горьким из народных уст — нет основания; это значит уклониться от разрешения важной темы. Мы уже показали выше, что тексты пословиц и поговорок входят в произведения Горького, как правило, в обработанном виде, а поэтому они не могут совпадать с текстами сборников, публикации которых основаны на строгом соблюдении неприкосновенности народных текстов.

5

В повести Горького «Фома Гордеев» можно наблюдать весьма показательную картину смысловой трансформации народных пословиц и поговорок в устах активных русских купцов. Приведем несколько примеров.

После смерти Игната Гордеева Яков Маякин поучает богатого наследника Фому, которого решил сделать своим зятем, как надо вести торго-

людей, обладающих исключительной феноменальной памятью. Я вспоминаю разговоры с Ф. Е. Коршем, полиглотом, который сразу мог говорить на двадцати разных языках с разными людьми одновременно. Я помню встречи с акад. Шахматовым, где меня поражала его потрясающая память. Но все это затмилось после беседы с Горьким» (41—42 стр. стенограммы).

¹⁵ Н. Пиксанов. Горький и фольклор. М., 1938, стр. 182.

¹⁶ Там же, стр. 16.

вые дела отца. Объясняя ему сущность торговой политики купца, Маякин говорит:

«Напрямки ходить в торговом деле совсем нельзя, тут нужна политика! Тут, брат, подходя к человеку, держи в левой руке мед, а в правой — нож.

— Не очень хорошо это, — задумчиво сказал Фома.

— Хорошо — дальше будет... Когда верх возьмешь, тогда и хорошо... Жизнь, брат Фома, очень просто поставлена: или всех грызи, или лежи в грязи» (4, 111).

Здесь мы видим, что фразеологизмы Якова Маякина четко характеризует его социальную сущность. В фольклорных сборниках эти изречения не обнаружены, но обнаружены аналогичные. Так, например, первое выражение напоминают такие пословицы: «Держать камень в одной руке, хлеб показывать в другой» (Михельсон); «Не поддавайся на пчелин медок: у нее жалъце в запасе» (Даль); «Лесть да мечь дружны» (Даль); «На словах милости просить, а за холявою ніж носить» (Українська народна приказка); «На язиці мед, а в думці — отрута» (там же).

Однако содержание всех этих пословиц направлено к тому, чтобы предупредить человека о носителях предательской, лицемерной практики, разоблачить их. Разумеется, что ими нельзя утверждать торговую политику и практику купца, а отсюда — невозможно в прямом смысле ввести их в его речь. Поэтому Горький, используя художественные достоинства и символику этих пословиц, создал свой фразеологизм, противоположный по содержанию этим пословицам, но точно отражающий мораль русского купца-хищника.

Выражение «Или всех грызи, или лежи в грязи» (4, 111) тоже не обнаружено в фольклорных сборниках, но выявлен ряд похожих на него, как например: «Кто кого сможет, тот того и гложет» (Михельсон); «Или сена клок, или вилы в бок» (Снегирев); «Либо чужую шкуру добыть, либо свою отдать» (Даль); «Отвага мед пьет и кандалы трет» (Даль).

Больше всего подходит к горьковскому афоризму пословица «Или сена клок, или вилы в бок». Однако все эти пословицы не четко выражают идеологию купца; ведь их может говорить вообще каждый смелый человек. В созданном же Горьким фразеологизме подчеркивается именно характерная особенность классовой морали купца-эксплуататора: только на несчастья других можно построить свое собственное благополучие!

В сборнике пословиц Снегирева имеется такая пословица: «Не умел шить золотом, так бей молотом», т. е. если не сладил с работой тонкой художественной, то получай работу простую и тяжелую.

Пословица эта, вероятно, широко бытовала в массах, породив различные варианты. В «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского она подана в несколько измененном виде, соответствующем жизни и быту сибирских каторжников: «Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом».

Можно допустить, что эта пословица бытовала в народной речи в иных смысловых вариантах нежели тот, который зафиксирован в сборнике Снегирева. Так, например, в романе А. Свидницкого «Любо-рацькі», написанном в 1850-х годах, встречается такое выражение: «Бий жінку молотом — буде золотом».

Но когда Маякин высказывает мысль о том, что каждого человека необходимо сперва всячески обезличивать, а потом приспособлять к инте-

ресам купеческого «дела», и если он сопротивляется, то его силой, побоями надо принудить работать на хозяина, то эта пословица принимает в его устах такой вид: *«Не всякому человеку можно рожу стереть, но ежели иного побить молотом, он будет золотом... А башка лопнет — что поделаешь? Слаба, значит, была»* (4, 137).

Здесь можно наблюдать пример использования Горьким языковых богатств известной народной пословицы для создания по ее образцу своей собственной синтаксическо-фразовой единицы — фразеологизма, подобного по форме и образному соотношению пословице, но совсем иного содержания и смысла. Горьковский вариант, введенный в уста купца Маякина, отличается от приведенных выше именно тем, что в нем подано широкое обобщающее утверждение капиталиста-эксплуататора.

Итак, сохраняя грамматическую и образно-словесную структуру народных пословиц и поговорок, Горький совершенно обновляет их лексико-семантические компоненты. Здесь наличествует своеобразная контаминация в фразеологизме писателя элементов старых народных речений и новых, рождающихся в жизни. В результате писатель создает новый фразеологизм, используя образно-словесные и структурные богатства старого.

Рассмотрим иные примеры создания Горьким своих фразеологизмов на основе образно-семантических богатств старого фразеологического фонда.

Известную народную пословицу *«Мертвому поминай, а живому — именины»* (Снегирев) мы встречаем в речи Маякина в таком виде: *«Мертвому — рай, живой — дальше играй!»* (4, 237).

Такое изменение пословицы было необходимо Горькому для того, чтобы подчеркнуть радостное настроение Маякина при встрече с сыном Тарасом. Тарас Маякин в свои студенческие годы увлекался политикой, принимал участие в «студенческих беспорядках» и за оппозиционное отношение к властям был сослан на Урал. Но в ссылке он успел «образумиться», переродившись в деятельного купца-заводовладельца. Когда обо всем этом Тарас рассказал отцу, а в конце добавил, что жена его, за которой он взял завод, умерла, то естественно, это вызвало приведенное выше в речи Маякина-отца восклицание-афоризм.

Аналогично ироническая поговорка *«Пошел с шилом на медведя»*, которая употребляется в живой народной речи как насмешка над человеком, который берется за дело с негодными средствами, в речи Маякина приобрела форму ядовитого вопроса: *«Накопил злобы на клопа, а пошел на медведя?»* (4, 275).

Это выражение, созданное Горьким на основе народной пословицы, выше своего прототипа и в отношении широты социальных обобщений («накопил злобы»), и в отношении образности (противопоставление клопа медведю), а главное, оно соответствует натуре Маякина — приобрело свойственный Маякину едкий сарказм, когда он обращается к побежденному и связанному Фоме.

Советуя Игнату Гордееву проверить жизненные способности сына Фомы на каком-либо ответственном деле, Маякин говорит ему: *«Ты сунь его с головой в какое-нибудь горячее дело! Право! Золото огнем пробуют»* (4, 58).

Сопоставим с данным фразеологизмом его аналогии: *«Золото огнем, человек бедой познается»* (Михельсон); *«Золото испытывается в огне»* (там же); *«Злато искушается огнем, а человек напастями»* («Моление Даниила Заточника»).

Но ведь эти выражения не соответствуют энергичному и деятельному характеру русского купца Якова Маякина, а поэтому ввести их в его речь было невозможно. Возникла необходимость их переработки. И построенный Горьким фразеологизм на основе подобных приведенных нами образных народных сравнений органически вошел и в речь Маякина и в текст повести.

Рассмотрим еще один пример, но несколько в ином плане. Яркая фраза «*Волга дала, Волга и взяла*», которую произносит Игнат Гордеев, наблюдая гибель своей баржи во время ледохода (4, 10), построена по примеру ходячего выражения «*Бог дал, бог и взял*» (Михельсон), проникшего в народную речь из церковной литературы — сказания о праведном Иове. Но здесь не случайно вместо бога Игнат Гордеев сказал Волга: именно *Волга*, а не бог, дала ему большие богатства! Меньше всего искал он помощи у бога; сам все собирал, приумножал собранное, а Волга была прекрасным средством претворения его кипучей энергии, предпринимательской деятельности в миллионный капитал. Это изречение по своему содержанию целиком соответствует идеологии Игната Гордеева, его купеческой биографии. В своем «деле» Гордеев не боится ни греха, ни бога. Но с Волгой он не может не считаться.

Иногда свои фразеологизмы, вложенные в уста персонажей-купцов, Горький строит путем пародирования народных пословиц. Например, распространенная пословица «*Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше*» в речи Маякина, когда он обращается к Фоме, объявившему ему войну, принимает обратный смысл и соответствующую натуру Маякина колкость «*Али свинья ищет, где лужа, а Фома — где хуже?*» (4, 234).

Подобных примеров коренного изменения Горьким народных пословиц и поговорок в повести имеется очень много. В каждом отдельном случае мы видим, что Горький свободно изменяет народные речения и этим приводит их в соответствие с классовой сущностью, характером и речевым стилем того персонажа, который произносит данное изречение.

Здесь мы наблюдаем создание писателем новых фразеологизмов на основе творческого отбора и переработки элементов старого народного фразеологического фонда. Это он делает с целью раскрыть новые жизненные понятия, рожденные новыми социальными условиями жизни народа.

Итак, основную массу фразеологизмов в речи персонажей-купцов в повести «*Фома Гордеев*» представляют не народные пословицы и поговорки, не идиомы из народной речи или различного рода профессионализмы, которые приобрели уже метафористическое осмысление. В основу этих речевых афоризмов Горький взял свои личные наблюдения над деятельностью, бытом и живой речью русских купцов Поволжья, художественно домыслив те ходячие изречения, которые уже тогда рождались в среде русского купечества.

Художник-летописец своего времени М. Горький изобразил русских капиталистических дельцов на Волге в новых исторических условиях конца XIX века. А новый социальный опыт всегда порождает новые афоризмы, различные «крылатые» слова и выражения, обобщающие этот новый опыт. Эти изречения, появившиеся в результате либо переосмысления и переработки старых народных пословиц и поговорок, либо созданные наново, были подхвачены наблюдательным писателем в момент их рождения в живой речи.

Осмысливая явления новой капиталистической действительности в России, обобщая и типизируя в образах ведущие тенденции развития этой действительности, Горький, естественно, обратился к особенностям

языкового стиля ее идеологов — русских купцов. С позиций эксплуатируемых народных масс писатель домысливал и обрабатывал ходячие новые афоризмы-сентенции, обобщая их и вкладывая в уста персонажей-купцов в повести «Фома Гордеев».¹⁷

В очерке «О том, как я учился писать» Горький пишет о Маякине. «Крестный отец Фомы Гордеева, Маякин, тоже сделан из мелких черточек, из „пословиц“, и я не ошибся: после 1905 года — после того, как рабочие и крестьяне вымостили для Маякиных дорогу к власти своими телами, — Маякины, как известно, играли немалую роль в борьбе против рабочего класса, да и теперь еще мечтают вернуться на старые гнезда» (24, 495—496).

Такой «обработанный» фольклор играет в произведениях Горького ту же роль, какую играют и настоящие фольклорные тексты, введенные автором в художественную ткань своего произведения. Поиски в фольклорных сборниках аналогий текстам фольклорного типа в произведениях Горького не только должны ответить на вопрос, откуда Горький почерпнул тот или иной фольклорный текст, но и как именно он воспринимал фольклор в своем творчестве. Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить формы идейно-художественной трансформации фольклора в произведении писателя.

6

Русские пословицы, кроме их глубокого смысла, являются образцом высокохудожественной образной речи, богатой меткими тропами и фигурами. Сама природа пословицы, т. е. наделение частного явления обобщающим значением, предопределяет ее яркие, осязательные образы, построенные на широком использовании метафоры, аллегии, сравнений. Эти богатства художественного слова, характерные для русских пословиц, всегда привлекали внимание Горького.

В повести «Фома Гордеев» можно наблюдать случаи, когда та или иная известная в народе пословица или поговорка не вводится полностью в речь персонажа, а берется лишь ее часть, какой-либо яркий метафорический оборот, символ, противопоставление. Причем это заимствование производится писателем не с целью создания нового фразеологизма, как в разобранных выше примерах, а лишь для эмоционально-смыслового обогащения обыкновенной речи персонажей. Так, например, Игнат Гордеев, советуя сыну Фоме связываться только с умными людьми, говорит: «Около хорошего человека потрешься — как медная копейка о серебро — и сам за двугривенный сойдешь» (4, 46). В фольклорных текстах зафиксированы такие пословицы: «С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь» (Михельсон); «С кем живешь, тем и слывешь» (там же); «Біля чою потрешся, того сам наберешся» (Українська народна приказка). Образно-смысловые качества этих пословиц явно заметны в приведенной выше фразе умного купца-жизнелюба.

Горькому была несомненно известна пословица «Всяк себе добра желает, и где жестко — подстиляет» (Снегирев). Но когда Маякин, поучая Фому, говорит: «Или всех грызи, или лежи в грязи», то, чтобы не заслонить это особенно веское в идейном отношении выражение, писатель в дальнейшем не вводит в этот монолог Маякина других пословиц, а заканчивает его поучение такой фразой-сентенцией: «Всякий себе лучшего

¹⁷ О том, с каким напряженным вниманием вслушивался Горький в речи и рассуждения русских купцов — новых «хозяев» России, сказано им же самим в очерке «Беседы о ремесле» (25, 319).

желает» (4, 111). Это, конечно, не пословица, а только перефразированный обломок общеизвестной содержательной пословицы, которую в данном случае нецелесообразно было вводить в текст повести полностью.

В диалоге Саши с Фомой можно наблюдать аналогичный, еще более выразительный пример. Поучая Фому, Саша говорит: «Сердцу воли, совету, не давай» (4, 191).

Автор здесь не ввел в речь Саши распространенную народную поговорку «Дай сердцу волю — заведет в неволю» в ее полном виде, а перефразировал ее в простое предложение. В памяти Горького была другая, более яркая пословица, которой он закончил поучение Саши: «Гуляй себе без оглядки, а там — кашку слопал — чашку о пол» (4, 191).

Итак, народные фразеологизмы, представляющие собой своеобразное обобщение жизненного опыта народных масс, или, по выражению А. Потебни, «процесс сгущения мысли», играли в творческой практике Горького большую идейную и стилистическую роль. Многолетняя упорная работа над словом в условиях непосредственного и широкого общения с народом выработала у Горького привычку выражаться предельно ясно, когда каждое слово имеет максимальную смысловую и поэтическую нагрузку. С жадностью осваивая богатства русского народного языка, фольклора и классической литературы, писатель постепенно вырабатывал свой индивидуальный литературный язык, свой стиль.

Сличение разных редакций повести «Фома Гордеев», произведенное советскими текстологами, свидетельствует о большой и кропотливой работе, проведенной здесь Горьким над словом. Те фразы, в которых концентрировалось идеологическое содержание образа, получали настолько совершенную отделку, что звучали как афоризмы, как это видно из приведенных выше примеров речевого стиля Игната Гордеева, Маякина и др. Отметив, что афористичность является одной из наиболее характерных черт художественной манеры Горького, исследователь поэтического языка писателя К. Дм. Муратова целиком обоснованно утверждает, что «афоризмы, как бы подводившие итог жизненных наблюдений героев, вскрывают основные идеи произведений М. Горького».¹⁸

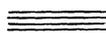
Эта работа писателя над языком заключалась не только в тщательном отборе всего лучшего, что было создано народом и обработано лучшими мастерами художественного слова, но и в дальнейшем совершенствовании и развитии этого лучшего. «Всякий материал — а язык особенно, — указывал Горький, — требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, — ясного, точного, красочного, звучного, и — дальнейшего, любовного развития этого лучшего» (26, 408).

Развивая эти наиболее емкие, точные и красочные элементы родного языка, Горький создавал новые фразеологизмы. Они придавали художественному языку писателя отмеченную уже горьковедями яркую образность и выразительность, особый горьковский поэтический стиль, в котором отражается и общественное лицо писателя и его неповторимая творческая индивидуальность.

¹⁸ Сборник «М. Горький. Материалы и исследования», т. IV, Изд. Академии Наук СССР. М.—Л., 1951, стр. 170.

МАТЕРИАЛЫ
И
ПУБЛИКАЦИИ

В. Г. БАЗАНОВ

И. И. ВВЕДЕНСКИЙ и Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(К ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ)

1

Иринарх Иванович Введенский (1813—1855) более известен как друг юности Фета и переводчик Диккенса, нежели как близкий знакомец Чернышевского и незаурядный теоретик литературы.¹ Погодин называл Введенского «родоначальником нигилистов». Погодин хорошо знал Введенского по Московскому университету; он некоторое время жил у Погодина, начинал свои научные занятия под руководством профессора, позже окрестившего своего ученика именем нигилиста. Погодинская характеристика не является случайной. Фет, воспитывавшийся вместе с Введенским в погодинском пансионе, вспоминает о своем прежнем друге: «Это был тип идеального нигилиста». И Погодин и Фет вкладывали в понятие «нигилист» вполне конкретное содержание. Они видели в Введенском прообраз революционного разночинца, представителя того нового демократического направления в русской общественной жизни, которое в начале 50-х годов только еще начинало складываться. В 1862 году И. С. Тургенев окончательно закрепил за разночинцами типа Введенского кличку «нигилиста». И действительно, Введенский был предшественником Базарова.

Ясно, что разночинцы, проповедывавшие идеи материализма и отрицавшие идеалистическую теорию искусства, не являлись сторонниками отрицания ради отрицания; сама кличка «нигилист» была оскорбительной, придуманной охранителями в целях полемики и развенчания демократического «молодого поколения». Друзья Иринарха Введенского имели основание возражать против погодинской характеристики — «родоначальник нигилистов». Введенский если и был предтечей нигилистов, то только в том смысле, что само слово «нигилист» является синонимом революционного разночинца.

В дальнейшем бывшие друзья и приятели Введенского, перешедшие на сторону либералов, пытались с Иринарха Ивановича снять погодинскую кличку, но нужно сказать, что делали они это неловко, слишком

¹ Любопытные сведения о жизни Введенского в Москве, о занятиях в погодинском пансионе и юношеской дружбе с Фетом сообщает Г. Блок в книге «Рождение поэта» («Время», 1924). Что касается взаимоотношений Введенского и Чернышевского, то этой теме касается только Вас. Е. Чехихин-Ветринский в специальной статье, опубликованной в 1910 году в «Современном мире» (№ 6). В нашей работе частично используются факты, известные по статье Вас. Е. Чехихина-Ветринского.

тенденциозно, отбрасывая вместе с кличкой «нигилист» и тот демократический пафос, которым Введенский мог гордиться.

А. П. Милюков был прав, когда в своих воспоминаниях утверждал, что Введенского, «горячо любящего искусство, восхищающегося Байроном и Шекспиром», никак нельзя назвать «нигилистом». Это верно не только в отношении к Введенскому, но вообще ко всем передовым разночинцам. А. П. Милюков не скрывает и того, что у Введенского «были убеждения, которые по тому времени многим должны были казаться слишком несогласованными с авторитетно-консервативными взглядами, а протест против рутинных мнений в науке и литературе высказывался им смело и резко». И все же Милюков, писавший свои воспоминания о Введенском под старость, когда от его прежних социалистических увлечений не осталось и следа, сознательно затушевывает истинный облик своего прежнего знакомого, представляет его слишком аполитичным. Милюков заявляет, что Введенский «никогда не был пропагандистом своих личных воззрений».²

А. П. Пыпин более прав, когда в «Моих заметках» пишет о Введенском: «Это была крепкая, несколько грубоватая фигура, с громким голосом, с ясной, почти резкой манерой говорить и с довольно определенным общественным взглядом, который можно было бы назвать демократическим, или, по-позднейшему, народническим».³

Введенский и по поведению, и по происхождению был разночинцем, разночинцем с головы до ног. Показательна биография Иринарха Введенского. Сын сельского священника, учившийся на медные гроши сначала в семинарии, потом в духовной академии, наконец, в Московском и Петербургском университетах, он изучал богословие, философию, историю, статистику; хорошо знал греческий, латинский, немецкий, английский, французский, еврейский языки и более слабо итальянский. Введенский имел основание называть себя «мучеником школы». Переехав из Москвы в Петербург, этот «мученик школы» оказался без куска хлеба и крова.

В Рукописном отделе Института русской литературы Академии Наук СССР сохранились два письма Введенского к А. В. Никитенко. В этих письмах заключена целая биография «молодого человека», приехавшего в Петербург без денег, связей и протекции. Ниже мы полностью публикуем эти письма.

Милостивый Государь
Александр Васильевич!

Решившись писать к Вам, я избираю из двух зол слабейшее. Распродав и прокладывая почти все, что привез с собой из Москвы, я дошел, наконец, до необходимости или умереть голодной смертью на открытом воздухе (с квартиры уж давно выгоняют меня за неплатеж денег), или просить денег у кого бы то ни было. То и другое почти одинаково низко для человека моих лет, человека с здоровой головою и руками; однако ж я решаюсь на последнее, прибегаю к Вам, Милостивый Государь! Мне нужно по крайней мере семьдесят рублей для продолжения моего существования до предполагаемой поправки обстоятельств, и эту сумму я осмеливаюсь просить у Вас этим письмом — на слова едва ли бы повернулся у меня язык предложить эту просьбу.

Понимаю, что вовсе не имею прав беспокоить Вас, и знаю очень хорошо, что просьба моя в высшей степени дерзка, но еще раз решившись предложить ее Вам, я выбрал из двух необходимых зол то, которое почитаю слабейшим.

Между тем не прищете ли поскорее средства употребить меня хоть на что бы то ни было. Мученик школы, в которой к несчастью почти уже состарелся, я бы уж давно, кажется, вправе требовать от нее куска хлеба. Я учился 12 лет в семинарии,

² «Исторический вестник», 1888, сентябрь, стр. 580.

³ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1915, стр. 74.

почти 4 года в духовной Академии, где мог и должен был получить степень магистра, и, наконец, 2 года в Университете, занимался богословием, философией, историею, статистикою, знаю еврейский, греческий, латинский, немецкий, английский, французский и отчасти итальянский языки: всей этой премудрости слишком бы, кажется, достаточно хоть на право няньки для какого-нибудь возлюбленного дитяти чадолюбивой матушки. Или уж если судьба здесь в Петербурге не судила мне быть ни нянькой, ни педагогом, то я все-таки не понимаю, почему не гоюсь в труженики для какого-нибудь книго-продавца: кажется, ведь они всегда рады иметь работника за нищенскую цену, а в таком случае на что бы им лучше меня? Пусть, пожалуй, дадут мне Польдекока (все лучше переводить и Польдекока, чем умереть голодною смертию), Картуша или хоть еврейский Толмуд, я за все готов взяться к их услугам и притом за самый нищенский кусок хлеба.

Однако ж я и сам не знаю, что пишу. Простите несчастному, которому скоро придется может быть сойти с ума. Завтра, если позволите, буду иметь честь прийти к Вам в 8 часов вечера.

С истинным к Вам почтением
честь имею быть

Ваш покорнейш[ий] слуга
Иринарх Введенский

Июня 16 1840.

Милостивый Государь
Александр Васильевич!

Вместо того, чтобы благодарить Вас за хлопоты, я снова вынужден утруждать Вас докучливой просьбой о содействии Вашем в моем положении.

Вам известно, что еще в июне подал я к Волконскому просьбу о принятии меня в число казенных студентов. Недели две пролежала у него эта просьба, и он уехал в Ревель, никак не решив моего дела и, вероятно, вовсе позабыв о нем. Я снова должен был писать просьбу Проректору, и тут опять недели две тянулось не решенным мое дело до тех пор, пока сделали мне совершенный отказ. Вынужденный однако ж крайностию, не имея ни приюта, ни куска хлеба, я еще попытался обратиться к Проректору и просил его о принятии меня по крайней мере на полуказенное содержание (т. е. чтобы позволили мне только пользоваться в Университете квартирой и столом), обзываясь за 10 месяцев служить для казны 6 лет, или внести за это деньги по окончании курса. Мне отказали и в этом, несмотря на небывало ужасные условия, которые я принимал на себя. Но когда после этого я готов был уже потерять всякую надежду на успех, дело мое приняло неожиданно счастливый оборот от участия, которое принял в моем положении, вовсе не зная меня и по одному состраданию, секретарь правления Д. Н. Умнов. Он нашел средство спасти меня, представив Правлению положение, по которому отличные студенты могут быть принимаемы на казенное содержание и сверх комплекта, на счет суммы, взносимой своекоштными. Так как аттестат, данный мне Московским университетом, удовлетворял всем условиям отличного студента, то по распоряжению Проректора сделано обо мне на основании этого положения представление, в котором ходатайствовали о принятии меня в число казенных студентов. Это представление поступило в канцелярию попечителя 5 числа этого месяца. Между тем до дополнительного экзамена оставалось всего 7 дней, а я попрежнему не имел ни приюта, ни куска хлеба, и не редко проводя ночи на открытом воздухе (2 раза ночевал на берегу Финского залива, 3 раза в лодках под Исакиевским мостом!), должен был скорее думать о сохранении жизни, чем о приготовлении к экзамену. Рискуя так[им] образом] потерять здоровье и прибавить еще лишней год к своей многострадальной школьной жизни, я просил всех, кого только мог, о позволении мне прожить в Университете лишь эти 7 дней, чтобы иметь средства хоть как-нибудь приготовиться к экзамену. Тщетные мольбы: мне отказали и в этом, сказав, что дело мое непременно окончится в мою пользу по приезде Волконского, который через день, много через два дня будет в Петербурге, и что, следов[ательно], я должен повременить. Я временим день за днем, и Волконский не приезжал! Экзамен начался и кончился, и Волконский не приехал, и я не держал экзамена, и я год еще прибавил к школьной жизни!!!! Но вот приехал наконец и Волконский, вот уже прошла неделя, как он живет в Петербурге, а дело мое все еще не решилось. Выведенный из терпенья, я в сотый раз бегу в канцелярию и узнаю от Дени, что вследствие представления обо мне, сделан Университетскому правлению запрос: почему я не держал экзамена?!!!! Вопрос тем более странный и неуместный, что в просьбе объяснил я коротко и ясно, что не имею никаких средств к существованию и, с другой стороны, в представлении обо мне сказано так же ясно, что я остаюсь в Университете на 2 (а не на один) год и что, следов[ательно], не держу экзамена.

Весь этот вид моего дела привел меня к той несчастной, но тем не менее справедливой мысли, что в первой столице русского царства *без протекции ничего нельзя сделать* В Вас, почтеннейший Александр Васильевич, осмеливаюсь я искать этой протекции. Именем человечества, именем любви Вашей к науке, для которой быть может и я что-нибудь сделаю, если окончательно не буду раздавлен обстоятельствами, умоляю Вас еще раз употребить свое участие в моем деле. Пожертвуйте несколькими часами для того, чтобы съездить к Дени и потом к Волкофскому: тот и другой, конечно, послушают Вас, уважат Ваше ходатайство, и я буду спасен. Я нарочно изложил подробно вид своего дела, чтобы Вам удобнее можно было употребить свое ходатайство. Нисколько не погрешив против своей совести, можете уверить всех, кого нужно, что я оправдаю Вашу рекомендацию, как бы ни была она блистательна. Я потерял здоровье и много утратил душевного огня, но во всяком случае во мне найдется еще столько сил, чтобы занять место между отличными студентами.

С истинным к Вам почтением
честь имею быть

Ваш покорнейш[ий] слуга
Ир. Введенский

Августа 26 1840.

В годы скитаний, не имея ни связей, ни медного гроша, Введенский вел дневник, свою «бедную книжку». «Здравствуй, бедная книжка, — записывает он 25 августа 1840 года, — имею честь рекомендоваться тебе голодным жителем роскошного города. Почти полгода прожил я в Петербурге, преданный всем родам унижения, ужасной нищете, брошенный на произвол судьбы. И вот я именно полуживой, полуразрушившийся, над могилой».⁴

Судьба свела Введенского с Белинским. Белинский оказал материальную помощь бедному студенту и помог советом. Через шесть лет после встречи, помня народную пословицу «лучше поздно, чем никогда», Введенский писал Белинскому: «Раз, по приезде в Москву, явился к Вам бесприютный студент, с просьбой о Вашем содействии. Вы ему помогли. Прошло шесть лет. Студент давно перестал быть студентом, но до сих пор не позаботился возвратить долга. Это называется неблагодарностью, для которой нет извинений. Он и не извиняется, а припоминает только пословицу: „*mieux vaut tard que jamais*“».⁵

2

Введенскому все же удалось поступить в Петербургский университет и отлично его окончить.

Окончание университета, подготовка к магистерским экзаменам и первые годы работы Введенского в военно-учебных заведениях совпадают с приездом в Петербург молодого Чернышевского. Некто «А», поместивший в № 129 газеты «Русский» за 1868 год заметку «За И. И. Введенского», вспоминает о Чернышевском: «Помню очень хорошо этого рыжеволосого юношу, который крикливым и тонким голосом рьяно защищал

⁴ «Общезанимательный вестник», 1857, № 5, стр. 187.

⁵ Письмо И. И. Введенского к В. Г. Белинскому впервые опубликовано Н. Л. Бродским в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (М., 1944). В письме к М. П. Погодину от 2 марта 1840 года Введенский с особым чувством признательности писал о Белинском, оказавшем ему материальную и моральную помощь: «Все добрые люди, к кому я ни относился с своею персоною, только лишь дивились моей безрассудности и легкомыслию, нисколько не облегчив моей участи. Нашелся только один, весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек, который принял во мне живейшее, какое только мог, участие. Ему-то обязан я тем, что могу дней пять не умереть с голоду, и тем, что имею возможность писать к Вам <...>» («Литературное наследство», т. 56, Изд. Академии Наук СССР, 1950, стр. 138).

фантазии коммунистов и социалистов». Далее этот «А» тенденциозно расказывает о дружбе Введенского и Чернышевского, объясняя их знакомство исключительно землячеством, и даже пытается противопоставлять одного другому. Между Введенским и Чернышевским, по его словам, «было общего разве только то, что они были уроженцами одной и той же губернии и происходили едва, если не ошибаюсь, оба из духовного звания. Только в этой случайности должно искать повод и причину их знакомства, которое никогда не доходило до интимности уже по тому одному, что Введенский был чуть ли не вдвое старше Чернышевского». Между тем дружба двух саратовских земляков во многих отношениях примечательна.

Введенский был старше Чернышевского на десять лет, но эта разница в возрасте не помешала им близко сойтись и идейно объединиться. Чернышевский, несмотря на свою молодость, помогал Введенскому готовить магистерские экзамены и склонял его заняться научной деятельностью. Сам Введенский чрезвычайно высоко оценивал способности своего земляка. Об этом свидетельствуют воспоминания Н. Д. Н., напечатанные в извлечениях Е. Ляцким в «Современном мире» (1910, № 6).

В квартире Введенского Н. Д. Н. впервые увидел Чернышевского. Один из посетителей «сред» спросил у Введенского:

«Это не из ваших учеников?»

«— О, нет, — ответил он, — это — мой добрый знакомый, саратовец, такой же, как и я, семинарист, приехавший сюда, как я когда-то, искать света в университете. Это-с не только милейший, симпатичнейший и трудолюбивейший молодой человек, но и являющийся подчас для меня, по крайней мере, неразрешимою загадкою...

«— В каком отношении?»

«— Да в том, изволите видеть, что он, несмотря на свои какие-нибудь двадцать три, двадцать четыре года, успел уже овладеть такою массой разносторонних познаний вообще, а по философии, истории, литературе и филологии в особенности, какую за редкость встретить в другом патентованном ученом... Да-с, так что, беседуя с ним, поверите ли, право, не знаешь чему дивиться, начитанности ли, массе ли сведений, в которых он умел солиднейшим образом разобраться, или широте, проницательности и живости его ума... Замечательно организованная голова! Смело можно предсказать, что этот даровитый человек должен в будущем занять видное место в нашей литературе, разве...»⁶ На этом многозначительном «разве» рассказ Н. Д. Н. об отношении Введенского к Чернышевскому обрывается. Для нас воспоминания Н. Д. Н. приобретают особый интерес, ибо автор их был безусловно Н. Д. Новицкий, в дальнейшем соратник Чернышевского. Свидетельству Новицкого можно верить.

В квартире Введенского, близ Тучкова моста, по средам собирались близкие знакомые. Встречи проходили в чтении и обсуждении литературных произведений, в разговорах на философские и политические темы, в спорах и «поучительных» беседах. Это было «первое общество, какое он (Чернышевский, — В. Б.) увидел вне своего домашнего круга. Оживленная беседа, которая велась за чайным столом по средам у Введенского, постоянные споры... все это открывало Чернышевскому новый мир».⁷ В письме к М. И. Михайлову (1850) Чернышевский сообщает о посетителях кружка Введенского:

⁶ «Современный мир», 1910, № 6, стр. 162.

⁷ Вас. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. Пгр., 1923, стр. 51.

«Вот постоянные и главные члены их общества: доктор Гавриил Родионович Городков, молодой человек лет под 30, довольно плотный и румяный, живой, веселый, бойкий, душа общества, почти всегда с палкой, набалдашник которой — голова в феске или чем-то подобном. Чудесный человек, который мне очень нравится. Неистовый обожатель Искандера и Прудона. Гоголя тоже почитает всеми силами души. Рюмин (Владимир Никол.), в военном сюртуке с голубым воротником, теперь больной грудью; тоже чудесный „юноша“, как называет его Введенский.⁸ У этого юноши есть жена, Олимпиада Григорьевна. Краузольд, подслеповатый, белокурый немец, товарищ Введенского по уни[верситету]; Милюков, Александр Петр[ович], который обыкновенно пишет в „Отчужденных“ за[писках]“ разборы, славный человек; Минаева увидите, может быть, — оригинальное лицо, но преблагородный и, несмотря на странности, происходившие от отсутствия знакомства с Европою, очень умный человек. Городков, Рюмин, Милюков — стоят того, чтоб с ними познакомиться» (14, 215).

Чернышевский перечисляет далеко не всех участников кружка. Кружок Введенского посещали Г. Е. Благоветлов, уроженец Саратова, будущий редактор «Русского слова», А. А. Чуников, который в 1851 году обращался к Герцену с предложением распространять в зарубежной печати письмо Белинского к Гоголю, двоюродный брат Чернышевского А. Н. Пыпин.⁹ К сожалению, мы очень мало знаем о диспутах в квартире Введенского. Некоторые сведения о дружеских беседах сообщают дневниковые записи самого Чернышевского. 28 декабря 1849 года в «Дневнике» появляется запись: «Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках» (1, 346). Этот разговор состоялся после объявления приговора по делу Петрашевского и петрашевцев. Чернышевский рассказывает о Чуникове, который «умнее всех остальных говорил о заговорщиках». «После говорили и о социализме. Чуников решительный приверженец новых учений, и это меня радует, что есть такие люди, и более чем можно предполагать», — продолжает Чернышевский. Введенский тоже говорил о деспотизме и доказывал, что «права на вознаграждение за умственный и телесный труд не равны» (1, 347). Чернышевский умалчивает о себе. Но о его настроениях красноречиво свидетельствуют предшествующие дневниковые записи.

Чернышевский и, повидимому, Введенский были связаны с некоторыми видными участниками кружка петрашевцев. Так, Чернышевский часто встречался с Ханыковым. Петрашвец А. В. Ханыков, входивший в руководящее ядро кружка, говорил однажды Чернышевскому «о возможности и близости у нас революции». Ханыков указывал на «множество элементов возмущения», называя при этом раскольников и «большую

⁸ В письме к отцу от 7 сентября 1853 года Чернышевский писал о Рюмине: «Я здесь коротко знаком с Рюминым, издателем одного из мелких журналов „Мода“, которая едва ли известна Вам, мне, по крайней мере, она была совершенно неизвестна без случайного знакомства с издателем ее. У нас с ним намечаются дела, правда, не обещающие огромных выгод мне (в год руб. 200 сер.), но выгодные для меня тем, что не будут отнимать у меня много времени. Рюмин болен грудью» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, М., 1939—1950. (В дальнейшем ссылки даются на это издание; курсивом обозначается том, прямым шрифтом — страница). Чернышевский в «Модe» опубликовал несколько своих рецензий.

⁹ Ю. Г. Оксман. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. «Ученые записки Саратовского Государственного университета», 1952, т. XXXI, стр. 161—165. См. также: Е. Покусев. Н. Г. Чернышевский. 2-е доп. изд., Саратов, 1955, стр. 18.

часть служащего класса» (1, 196). После одной из бесед с Ханыковым Чернышевский 27 октября 1848 года записывает в дневник: «Он человек умный, убежденный, много знающий, и я держал себя к нему в отношении ученика... Ханыков весьма мил... дельный человек, ужасный пропагандист...» (1, 182). Формально Чернышевский не состоял в кружке петрашевцев, но он бесспорно испытал влияние со стороны этого подпольного революционно-демократического движения. Есть все основания предполагать, что в кружке Введенского идеи петрашевцев свято хранились, и в какой-то степени левые члены этого кружка считали себя учениками и продолжателями петрашевцев. Узнав об аресте Ханыкова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевского и др., Чернышевский писал 29 апреля 1849 года в своем дневнике: «... ужасно подлая и глупая, должно быть, история; эти скоты вроде этих свиней Бутурлина, Орлова и Дубельта и т. д. должны были бы быть повешены». Что касается петрашевцев, то о своем отношении к ним Чернышевский здесь же пишет: «Я... сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы» (1, 274). Нужно думать, что и в квартире Введенского Чернышевский не мог не говорить о петрашевцах. Основная тема дружеских бесед — внутреннее положение в России.

Показательна запись, датированная 15 февраля 1850 года. Речь идет об очередном сборище у Введенского. Чернышевский замечает о себе: «Говорил много и играл довольно значительную роль в разговоре». О характере этого разговора можно судить хотя бы по тому, что Чернышевский за несколько минут до появления в квартире Введенского разговаривал с извозчиком, который вез его через Неву к Тучкову мосту, где жил Введенский. С извозчиком он говорил о положении крепостных и вообще говорил, что «должно стараться от этого (крепостничества, — В. Б.) освободиться». На обратном пути, после собрания в квартире Введенского, Чернышевский «весьма ясно» доказывал уже другому извозчику, что «добром» «нельзя дожидаться» освобождения, что только «силою» можно получить свободу (1, 362).

Если с петербургскими извозчиками Чернышевский разговаривал о крепостничестве и намекал на необходимость решительной борьбы, то нужно полагать, что в квартире Введенского, среди близких друзей, он едва ли мог отказаться от мысли, которая ему не давала покоя даже в пути, во время поездки через Неву, тем более, что по записи самого Чернышевского у Введенского он «говорил много» и «играл довольно заметную роль».

Разговор с петербургскими извозчиками — частный эпизод. Важнее тот факт, что Чернышевский пришел на очередное собрание в квартире Введенского вскоре после того, как с него был снят арест за несоблюдение университетской формы: расстегнутый мундир и отсутствие шпаги. Находясь под арестом, Чернышевский 20 января, за 25 дней до встречи в квартире Введенского, писал в своем дневнике: «Пусть начнется угнетение одного класса другим, тогда будет борьба, тогда угнетаемые сознают, что они угнетаемы при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетаемы». Вот образ мыслей Чернышевского о России: «Неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее», «мирное, тихое развитие невозможно» (1, 354—358). С подобными мыслями, возбужденный и по-юношески горячий, Чернышевский явился 15 февраля к Введенскому. Ясно, что в спорах на политические темы в кружке близких своих знакомцев он не мог не развивать тех мыслей, которые крепко владели его сознанием.

Легко представить себе Чернышевского, произносящего в тесном кругу единомышленников смелые политические речи. Продолжая зашифрованную запись о затянувшемся, но очень важном разговоре в квартире Введенского, Чернышевский 10 мая 1850 года лаконично сообщает в дневнике: «Мы говорили о перевороте у нас».

Даже в воспоминаниях других участников кружка, переметнувшихся в 60-е годы в стан либералов, просвечиваются переживания недавнего прошлого, когда, сидя за дружеским столом, петербургские вольнодумцы разговаривали на политические темы, во многом подражая политическому красноречию декабристов и петрашевцев. По свидетельству А. П. Милюкова, «здесь в 1847—1848 гг. события в Европе сделались... главною, почти исключительною темою бесед, как и в других кружках тогдашней петербургской молодежи. Иностранные газеты, хотя и сильно кастрируемые цензурой, читались с усердным любопытством. Реформы Пия IX и народное движение в Италии, а затем февральская революция в Париже и отголоски ее почти во всей западной Европе отодвинули литературные интересы на второй план и обратили общее внимание на современные политические события». Вспоминает Милюков и Чернышевского, «скромного и несколько застенчивого», совсем молодого человека, отличавшегося в то же самое время «резкостью мнений, нередко очень оригинальных».¹⁰

Если сравнительно умеренный Д. И. Минаев осуждал «жестокость и грубость царя», «говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать своей жизнью, чтобы прекратить его» (1, 395), то нужно думать, что Чернышевский не уступал Минаеву в политическом красноречии и произносил еще более смелые речи. На вечере, сопровождаемом чтением сочинений Герцена (в сентябре 1850 года), Чернышевский, по его собственному признанию, был «почти героем». «Герой вечера» не мог безмолвствовать, не принимать участия в разгоряченных разговорах о «жестокости и грубости царя» и о том славном юноше, который бы отважился убить тирана. Не будем гадать, кто из членов кружка Введенского был способен пожертвовать своей жизнью во имя счастья народа. Пройдет всего два с небольшим года, и Чернышевский запишет в своем дневнике: «У нас будет скоро бунт, и если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Неудовольствие народа против правительств, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» (1, 418—419).

Чернышевский настолько близко сошелся с кружком Введенского, находившегося под влиянием Белинского и Герцена, что и сам вербует в него новых членов. В 1850 году Чернышевский вводит в кружок А. Н. Пыпина. Пыпин в «Моих заметках» рассказывает о собраниях у Введенского и о тех диспутах, которые там происходили. «Собравшаяся у него публика, — пишет Пыпин, — приносила с разных концов Петербурга новости... Здесь очень хорошо знали и близко принимали к сердцу недавние литературные погромы — ссылку Салтыкова, историю Петрашевского, деяния тогдашней цензуры и III Отделения». В другом месте «Моих заметок» Пыпин говорит о кружке Введенского: «В разговорах вспоминалось недавнее прошлое, разгром кружка Петрашевского, в котором бывали и люди знакомые».¹¹

¹⁰ «Исторический вестник», 1888, сентябрь, стр. 580.

¹¹ Выдержки из «Моих заметок» А. Н. Пыпина приводятся Н. М. Чернышевской в «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., 1953, стр. 78).

В письме к М. И. Михайлову (1850) Чернышевский рекомендует Введенского: «Не многие порядочные люди, вроде Введенского (имеющего теперь сильное влияние), будут рады видеть в своем кругу нового порядочного человека и в случае нужды (верно, впрочем, это для вас не понадобится) поддержат вас» (14, 206). На одном из собраний читалась повесть Михайлова «Тетушка»: «Тетушка была прочитана на вечере у Введенского и очень понравилась» (14, 208). Михайлова со слов Чернышевского настолько хорошо знали в обществе Введенского, что только отсутствие его в Петербурге воспрепятствовало близкому сближению. Михайлова у Введенского считали своим человеком, и Чернышевский в одном из писем к своему другу прямо признается: «Бывайте, они вас уже хорошо знают» (14, 214).

В кружке Введенского Чернышевский близко сошелся с Н. Д. Новицким. Об этом «студенте, с довольно длинными волосами, в очках, худеньком, скромно одетом», горячем поклоннике Белинского и Герцена, Чернышевский однажды заметил: «Этот человек замечательный, он, может быть, превзойдет Белинского».¹² В дружеском отзыве есть большая доля преувеличения. Но Новицкий, в отличие от многих других членов кружка, остался верен идеалам молодости и в 60-е годы соединил свою судьбу с военным подпольным кружком Сераковского. Дружба между Чернышевским и Новицким в дальнейшем только окрепла. Новицкий посещал «четверги» в доме Чернышевского, под руководством Чернышевского он продолжал изучать философию, эстетику и политическую экономию. Через Чернышевского Новицкий познакомился и с Сераковским.¹³ О воспоминаниях Новицкого мы уже говорили.

Дневниковые записки и письма Чернышевского всего лучше характеризуют политическую физиономию нелегального кружка Введенского. До кружка докатывались отзвуки французской революции 1848 года и крестьянских волнений в России. Это был социалистический кружок, возникший за несколько лет до московских «вертепников». Для петрашевцев, «вертепников» и для членов кружка Введенского показательна одинаковая ориентация на Белинского и Герцена. В кружке Введенского Чернышевский-студент получил первое боевое крещение. Несмотря на свою молодость, Чернышевский в этом кружке был начинщиком политических споров и горячим пропагандистом революционных убеждений. Не случайно Чернышевский в кружке Введенского получил прозвище Сен-Жюста.¹⁴

Изучая кружок Введенского, мы знакомимся с окружением молодого Чернышевского, с его единомышленниками и оппонентами. Конечно, этот кружок не был идейно единым, в него входили будущие революционные демократы и неисправимые либералы, разночинцы и дворяне, убежден-

¹² Сборник: «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1928, стр. 296.

¹³ Н. Д. Новицкий писал о Сераковском: «Сигизмунд Игнатьевич Сераковский был революционер с ног до головы (широкоплечий, белый блондин, среднего роста, с пылающими голубыми глазами), весь порыв — «все возможно, как невозможно!» — кричал он. Он был организатор революции прирожденный...» (Н. Г. Чернышевский. Незаданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 296).

¹⁴ Полицейские агенты сообщали о Чернышевском: «Чернышевский, бывший еще студентом, всегда большею частью в обществе молчал, но если говорил, то дельно. Однажды у Введенского на вечере жена последнего читала вслух страдания семейства Людовика XVI и прослезилась: „Странная вы женщина, — сказал Чернышевский, — вчера вы плакали об овечках, съеденных волком, сегодня о волке, поевшем этих овец“. За это изречение его прозвали Сен-Жюстом, прозвище это сохранилось за ним долгое время; оно помнится еще близкими к семейству Введенского» («Красный архив», 1926, т. XIV, стр. 109).

ные социалисты и люди, внешне примкнувшие к передовому общественному движению.

Некоторые «господа» слишком банально понимали социалистическое учение и не шли дальше либеральной болтовни. Заслуга Чернышевского состоит и в том, что он еще в 50-е годы разгадал этих «господ», игравших роль социалистов. В одном из отзывов Чернышевского звучат ноты разочарования и неприкрытой иронии: «Этот Милюков говорил в социалистическом духе, как говорю я, но мне кажется, что не убеждение, как у Иринарха Ивановича или у меня, что у него не ворочается сердце, когда он говорит об этом, а так это только говорит он, — и все эти господа мне кажутся несколько пошловаты, кроме Иринарха Ивановича, — он, конечно, лучше других» (1, 361—362).

3

Тщательное изучение состава кружка, довольно пестрых биографий его отдельных членов не входит в нашу задачу. Остановимся прежде всего на Иринархе Введенском, на его педагогической и литературно-критической деятельности. Введенский был всесторонне образованным человеком, тонким ценителем и знатоком русской и зарубежных литератур, талантливым педагогом, переводчиком, критиком и эстетом. Введенский на кафедре — любопытный эпизод из истории демократической русской педагогики.

Главной сферой его деятельности после окончания университета была кафедра военно-учебных заведений. «При солидном классическом образовании Введенский, — пишет в своих воспоминаниях А. Чумиков, — обладал замечательною диалектикой и способностью контроверса, чем он нередко злоупотреблял во время пробных лекций, которые, по мысли Ростовцева, были учреждены для испытания способностей кандидатов на учительские должности в военно-учебных заведениях. На происходивших при этом диспутах Введенский постоянно схватывался с заслуженным преподавателем словесности Плаксиным, сторонником риторики и пиитики. Единоборство между представителями старого и нового поколения представляло довольно потешное зрелище, на которое стекалось немало посторонних слушателей».¹⁵

Это постоянное «единоборство» с представителями «старого поколения» привело к тому, что к Липранди, следовательно по делу Петрашевского, поступила записка Вигеля, в которой между прочим говорилось и о Введенском: «Несчастный случай дал мне по заочности узнать об одном Введенском, поповиче, говорят с чрезвычайным умом и с изумительными правилами безнравственности и безбожия, и se qui s'ensuit. Он задушевный друг Петрашевского (sic), но так благодарзумен, что не принадлежит ни к какому обществу. Привлечь его к ответственности была бы совершенная несправедливость. Но он преподает науки в Павловском и других кадетских корпусах; не жалко ли будет оставить такую отраву среди возрастающего юношества».¹⁶

Введенский знал о готовящемся на него доносе и, видимо, имел возможность с ним познакомиться. В рапорте от 5 апреля 1849 года на имя Д. Н. Павловского, инспектора дворянского полка, он называет поступившие сведения о нем «клеветой, гнусной, бессмысленной клеветой». «Мой образ мыслей, — писал Введенский, — ни в каком случае не был

¹⁵ «Русский архив», 1888, № 9, стр. 135.

¹⁶ «Русская старина», 1871, декабрь, стр. 697.

в разладе с коренными началами развития жизни русского народа». ¹⁷ Далее, он говорил о себе как об «ученом труженике», который никогда не был «злонамеренным либералом» и т. п. Понятно, что ни донос Вигеля, ни оправдательное письмо Введенского еще не могут служить серьезным основанием для решения вопроса об идейных и политических убеждениях Введенского. Вигель был склонен преувеличивать революционность Введенского, его связи с Петрашевским, безбожие и ту «отраву», которую он сеял среди юношества; Введенский умышленно подчеркивал свою лояльность, выдавал себя исключительно за «ученого труженика», которому нет дела до распространения политических идей. Самым надежным источником в данном случае являются сами лекции. Но и о лекциях Введенского можно говорить условно, так как многие из них не сохранились.

Об одном из публичных выступлений Введенского в Петербургском университете рассказывает А. Чумиков в «Воспоминаниях бывшего студента»:

«Однажды аудитория Плетнева наполнилась студентами всех курсов и факультетов, привлеченных слухом о чтении нашим товарищем Введенским какого-то любопытного сочинения. Об этом студенте рассказывали, будто он пришел пешком из Москвы, где воспитывался в духовной семинарии, что работает он в „Библиотеке для чтения“, строгий редактор которой Брамбеус держит слабого к чарочке попovichа в ежовых рукавицах. Наконец, и самая тема, которую Введенский избрал для своей диссертации, о троичности божества, не могла не возбудить нашего любопытства, но оно в конце концов осталось неудовлетворенным: ибо едва вошедший на кафедру Введенский успел произнести заглавие своего сочинения, как тотчас же был остановлен резким замечанием профессора, что для подобных сочинений место в семинарии, а не в университете.

«Опечаленный студент оставил аудиторию, а за ним повалила и вся толпа разочарованных слушателей, ожидавших пикантных прений по поводу этой темы». ¹⁸

Нечто подобное произошло в университетской аудитории в 1852 году, когда Введенский, домогаясь занять должность адъюнкт-профессора русской словесности, читал пробную лекцию на тему: «О слоге вообще и о русских писателях, образовавших литературные школы в нашей словесности». Должности профессора Введенский, конечно, не был удостоен. Ему никак не могли простить «семинарское ухарство». 16 января Никитенко записал в своем дневнике: «Введенский также выказал достаточно сведений, но изложил их неосновательно, непоследовательно с наезднически семинарским ухарством. Между прочим, он очень неловко выразился, говоря о Ломоносове, что тот так много сделал потому, что был мужик». ¹⁹ Пыпин рассказывает, что Введенский, говоря об энергичной деятельности Ломоносова, которая «имела источником то, что он был мужик», подкрепил свои слова для большей выразительности «довольно звучным ударом кулака по кафедре». «Мы тогда же подумали, что этот ораторский прием, вероятно происходящий от простой неловкости, — замечает Пыпин, — перепугает факультетское начальство и сделает кандидатуру Введенского невозможной. Так это и случилось. Кафедра была предоставлена Сухомлинову». ²⁰ Факультет отверг кандидатуру Введенского. За него был подан всего лишь один голос.

¹⁷ Там же, 1879, август, стр. 743.

¹⁸ «Русский архив», 1888, № 9, стр. 133.

¹⁹ А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1904, т. I, стр. 400—401.

²⁰ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910.

Вспоминая об этом печальном эпизоде, Введенский писал осенью 1852 года своим родственникам: «Сверх всякого ожидания, я не получил профессорской кафедры при университете, хотя имел на это место полное, неоспоримое право. Не наука и не ученость победили меня, а интриги, сплетни, клеветы, которыми вооружились против меня злонамеренные люди, враги истинного просвещения. . . О, это был тяжкий удар, подготовленный мне издалека моими хитрыми врагами, удар, от которого я только что начинаю оправляться. Не раскрываю всех подробностей: это слишком длинная история. Вы можете, если захотите, узнать все эти подробности от Чернышевского, которому совершенно известно все, что до меня касается».²¹

Это письмо вводит нас в ту обстановку, в которой «враги истинного просвещения» забаллотировали талантливого ученого-разночинца. Введенского нашли неподходящим не потому, что он хвалил Ломоносова и из желания «резче указать свою мысль» стукнул кулаком о кафедру. Тут были другие причины: козни «хитрых врагов», интриги, сплетни, клевета и, в частности, политический донос Вигеля. Показательно и то, что своим саратовским родственникам он рекомендует узнавать подробности у Чернышевского, которому «известно все».

Попутно следует также отметить, что начало педагогических занятий Чернышевского связано с помощью и протекцией Введенского. Сразу же после окончания университета Введенский хлопочет об устройстве Чернышевского в военно-учебных заведениях. В 1853 году, когда Чернышевский вернулся из Саратова в Петербург, Введенский продолжает хлопоты, рекомендует его преподавателем во 2-й кадетский корпус. В письме к отцу от 2 мая 1853 года Чернышевский пишет: «Я хорошо сделал, что так торопился в Петербург, потому что успел видиться с Введенским, что было для меня важно» (14, 228). В письме от 1 июня 1853 года Чернышевский снова подчеркивает важность встреч с Введенским: «Введенский уехал третьего дня за границу; он собирался уехать неделей раньше, но выдача паспорта замедлила его отъезд. Я очень много выиграл, приехавши сюда так, что успел видиться с ним хорошенько несколько раз» (14, 229). Наконец, в письме от 14 сентября 1853 года он говорит о добром отношении Введенского и своем желании служить в военно-учебных заведениях: «Введенский очень расположен ко мне, и если не успею в скором времени найти себе лучшего, то в военно-учебных заведениях мне служить будет приятно» (14, 241).²²

Интересно и то, что Чернышевский пытается через Введенского устроить на службу в военно-учебное заведение Михайлова. «Введенский, — пишет Чернышевский в письме к Михайлову 23 декабря 1850 года, — принимает в вас живое участие, и если я уеду, то он должен занять в отношении к вам мое место, потому что у нас с ним свои счеты, и впрямь ожидать, чтобы он моих друзей считал своими друзьями» (14, 212).²³

²¹ «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 122.

²² Из-за поездки на лечение за границу Введенский не довел начатое дело до конца, «не хлопотал много», как об этом признается сам Чернышевский в письме к родным от 22 ноября 1854 года. В этом же письме Чернышевский замечает: «Он будет получать пенсию, но едва ли она будет значительной. И притом жить без занятия для такого деятельного человека, как Введенский, очень гяжело» (14, 277).

²³ Педагогическая деятельность понималась Введенским довольно широко. В частности, он огромное значение придавал эстетическому воспитанию юношества. Среди учеников Введенского мы видим В. С. Курочкина. Курочкин и его товарищ по Дворянскому полку Д. Д. Минаев принимали активное участие в выпуске рукописного журнала. А. Миклашевский рассказывает в своих воспоминаниях: «В одну из лекций Введенского

После «тяжелого удара» в университете Введенский продолжает свою педагогическую деятельность в военно-учебных заведениях и назначается главным наставником-наблюдателем за преподаванием русского языка и словесности. В течение ряда лет он составляет учебные руководства: «История русской литературы» и «Курс словесности».²⁴ К этим руководствам и следует обратиться, чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о литературно-критических взглядах этого человека.

Введенский испытал влияние со стороны Белинского, об этом свидетельствует его попытка сформулировать основной закон материалистической эстетики: «литература выражает жизнь народа». Во введении к «Истории русской литературы» эта основная мысль находит следующее выражение:

«Под именем литературы вообще должно разуметь совокупность всех письменных памятников, в которых выражается жизнь и характер народа. Следовательно, когда говорим, что литература выражает жизнь народа, мы хотим этим сказать, что она выражает его мысли, чувства и желания, т. е. всю его духовную деятельность...»

«Народ имеет литературу самобытную, если она выражает собственную жизнь, если ее памятники представляют копию его умственной, эстетической и политической жизни... И такая только литература, обильная идеями новыми и живыми, имеет право гордиться заслугами, оказываемыми человечеству в беспрестанном его движении вперед на поприще духовной деятельности.

«Задача литературы в том и состоит, чтобы выразить в своих памятниках ход народной цивилизации...»

«Эпоха полного развития политического быта есть в то же время цветущая эпоха и для литературных произведений... При беспорядочном гражданском устройстве, т. е. в таком обществе, где законы не обеспечивают собственности граждан, где нельзя ручаться за безопасность жизни, в таком обществе ни образованность, ни литература, ее выражающая, не сделают успехов».

Не следует забывать, что лекции предназначались для учащихся военно-учебных заведений. Введенский не мог подробно говорить об общественной миссии передовой литературы, о «беспорядочном государственном устройстве» в России, которое является главной помехой в развитии просвещения и литературы. Но и то, что сказал Введенский в офи-

мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною в лист писчей бумаги... На первой странице сияли стихи В. С. Курочкина, потом какой-то рассказ в прозе Д. Д. Минаева и, наконец, критический отдел был мой; конечно, на второй уже месяц журнал не вышел за недостатком материала («Русская старина», 1891, № 1, стр. 117). Введенский помогал своим ученикам в литературных занятиях, давал дружеские советы и указания. Что касается Чернышевского, то он искал отзвучившую аудиторию и возлагал надежды на политические связи с передовым офицерством. «Первая его попытка связаться с военными относится еще к 1853 г., когда он с помощью И. Введенского, пользовавшегося большой популярностью среди педагогов военно-учебных заведений, переехал из Саратова в Петербург и поступил учителем русского языка во 2-й кадетский корпус. Здесь Чернышевский продержался недолго — не более года. Из-за того, что он не дал дежурному офицеру унять шумевший класс, ему пришлось оставить корпус. Перейдя в начале 1854 г. в „Современник“, Чернышевский продолжал свои попытки установить связи с передовыми русскими офицерами» (Н. Макаев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». «Вопросы истории», 1949, № 4, стр. 78).

²⁴ Сохранившиеся экземпляры «Истории русской литературы» в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина обрываются на лекции о Державине. Шифр: 18.250.1.152. «Курс словесности» значится под шифром: 18.250.1.371.

циальном учебном пособии о народности в литературе, о необходимости отражать в литературе народную умственную, политическую и эстетическую жизнь — было уже достаточно много. Вводная лекция характеризовала основное направление всего курса. Подобные же идеи распространяли петрашевцы в своих педагогических трактатах.

Введенский нередко впадал в крайности антропологизма, слишком преувеличивал значение климатических условий и географической среды, но в целом его рассуждение о роли литературы в общественной жизни нельзя не признать для своего времени передовым, идущим далеко вперед от «Очерков» Милюкова. Возможно, что в этой программной лекции сохранились отзвуки тех прений по вопросам эстетики и литературы, которые разгорались на «средах» Введенского. Если подобные диспуты действительно имели место в кружке Введенского, то можно не сомневаться, чью сторону держал Чернышевский. В «Курсе словесности» (глава «О критике») Введенский совсем по Чернышевскому отвечает на вопрос об эстетических отношениях искусства к действительности: «Одно только правило в настоящее время может иметь силу *положительного и всеобщего* закона для всех словесных произведений. Принято теперь за несомненный факт, что *литература есть выражение общества*. Итак, если поэт и прозаик соответствуют этому требованию, т. е. если их произведения изображают верно различные стороны действительной жизни, то значит они достигают своей цели и могут заслуженно пользоваться литературной славой. Вот почему Пушкин, Лермонтов и Гоголь признаны в настоящее время великими писателями».

Заслуживают внимания заметки о языке, заключенные во введении к «Истории русской литературы». Язык есть выражение мыслей народа. В свете этого основного тезиса Введенский рассматривает историю языка, предмет и метод лингвистики. «Языки, как и все явления в природе, — пишет Введенский, — имеют между собой и сходство и величайшее различие». Отсюда следует, что «изучать язык, значит изучать жизнь самого народа, который на нем говорит. Проследите постепенное развитие языка, наблюдайте ход его в различные эпохи, изучайте характер письменных памятников, и перед вами разоблачится вся жизнь народа на различных ступенях его развития, вы определите тогда характер этого народа, силу умственных его способностей и их направления в различные эпохи».

Введенский был незаурядным теоретиком литературы, но его правильные теоретические положения далеко не всегда находили применение в конкретном изучении историко-литературного процесса. Мы не беремся судить о тех главах, которые посвящены древнерусской литературе и литературе XVIII века. Объективная оценка лекций Введенского возможна после их опубликования и специального изучения, требующего коллективных усилий. Мы специально останавливаемся на тех главах, в которых речь идет непосредственно о народной поэзии. Это отнюдь не лучшие страницы «Истории русской литературы» и «Курса словесности». «Билет № 6» (таково условное название главы в «Истории русской литературы») включает следующие вопросы: «Безыскусная литература. Народные русские песни. Сказания богатырские и сатирические. Пословицы. Отличительный характер народной литературы. Различие между народным и книжным языком в России». Такова была программа по фольклору в 40-е годы в военно-учебных заведениях. Введенский строго следовал этой программе; его «История русской литературы», распространявшаяся на правах рукописного учебника, не ставила перед собой научных целей и в значительной своей части имела компилятивный характер. Автор

«Истории» некритически использует труды Сахарова и Снегирева, повторяя вслед за ними некоторые неверные положения и выводы, ставшие «общим местом» многих фольклористических работ первой половины XIX века.

Заслуживает внимания главная мысль Введенского: «Песни, сказки и пословицы принадлежат к первоначальным памятникам литературы, передаваемой изустно из рода в род, из поколения в поколение. Изучение этих памятников важно преимущественно в историческом отношении, так как в них весьма резко обнаруживается образ мыслей, чувствований и направлений фантазии в разные эпохи его исторического существования». Но эта верная мысль не находит в «Истории русской литературы» дальнейшего развития, и проблема «исторического существования» не решается на примере народного поэтического творчества. Совсем слабо в «Истории русской литературы» освещены такие жанры народной словесности, как былины и сказки. Введенский, так же как Грамматин, Цертелев, Греч и Милуков, не делает различия между былевой поэзией и сказочным прозаическим эпосом: «Сказки наши обыкновенно разделяются на богатырские и сатирические. В первых воспевается удаливость, сила и отвага наших богатырей, между которыми Илья Муромец занимает самое почетное место. Довольно замечательно собрание богатырских сказок, которым можно дать обобщение: „О солнышке Владимире Святославиче и его могучих богатырях“. К ним принадлежат: Женитьба князя Владимира, Добрыня Никитич, Илья Муромец, Олеша Попович, Иван Гостиный сын, Чурило Пленкович, Сорок Калик. Эти сказки составляют ряд эпизодов, имеющих одно общее значение и общий интерес.

«В них одно главное лицо Владимир-Красное солнышко, герой нашей туманной древности, и подле него всегда является супруга его княгиня Апраксеевна; битва богатырей, окружающих Владимира, преувеличена до невероятной степени. Им ничего не стоит одним скоком перепрыгнуть через реку в целую версту, и одною осью железною побить рать, силу великую. С такою же отвагой выпивают они по ведру вина одним залпом, съедают по целому быку в один присест.

«Сказки сатирические начинают появляться у нас во время монгольского ига, и в них начинает уже быть заметным преобладание азиатского элемента. Притворчество, хитрость и совершенное отсутствие художественного смысла составляют отличительный их характер. Главное действующее лицо этих сказок Иванушка дурачок, торжествующий в развязке над всеми другими лицами, с которыми вступал он в сопротивление».

Более удачно, хотя и слишком коротко говорится о пословицах: «В пословицах, т. е. в кратких и остроумных изречениях, заключающих в себе какую-нибудь мысль, выведенную из продолжительного ряда наблюдений, русский человек вполне высказывает самого себя. Собрание пословиц составляет нашу народную философию».

Как известно, наиболее правильную эстетическую и идейную оценку в фольклористике первой половины XIX века получили народные лирические песни. В определении художественного смысла народной лирики не было резких расхождений. Введенский подразделял песни на святочные, хороводные и плясовые.

«Позднее других, — по словам Введенского, — составлены песни исторические и солдатские, относящиеся преимущественно к XVIII и началу XIX века.

«Тихая грусть и уныние, выражаемые нередко в поэтических образах и картинах, составляют отличительный характер русских песен, даже тех,

которые поются в хороводах и сопровождаются пляской. Обнаружение этого преобладающего характера, объясняемого влиянием сурового климата на жизнь русских людей, мы находим преимущественно в семейных песнях. Вот одна из них:

Не сиди, мой друг, поздно вечером,
 Не жги свечи воску ярого,
 Ты не жди меня до полуночи.
 Ах прошли, прошли наши красные дни,
 Наши радости буйный ветер унес
 И рассеял их по чисту полю.
 Соизволил так родной батюшка,
 Приказала мне родна матушка,
 Чтобы женился я на иной жене.
 Не горят в небе по два солнышка,
 Не светят по два месяца,
 Не любить два раза добру молодцу!
 Уж я батюшки не послушаюсь,
 Обвенчаюсь я с иной женой,
 Я с иной женой, смертью раннею,
 С смертью раннею и насильною.
 Залилась слезами красна девица,
 Во слезах она слово молвила:
 «Ах ты, милой мой, ненаглядный мой!
 Не жилища я на белом свете
 Без тебя, моя надеженка.
 Нет у горлинки двух голубчиков,
 У лебедушки двух лебедиков,
 У меня не быть двум милым дружкам».
 Не сидит она поздно вечером,
 А горит свеча воску ярого,
 На столе стоит нов тесовый гроб,
 Во гробу лежит красна девица.

«Стихотворный размер наших песен еще не исследован с удовлетворительной подробностью. Вообще этот размер у нас, как и у других славянских песен, основывается на так называемых риторических ударениях, которых бывает по одному, по два, по три в одной строке».

Здесь уже нет безнадежного скепсиса, которым проникнуты «Очерки» Милюкова.²⁵ Если Милюков дал крайне тенденциозную интерпретацию концепции Белинского, выдвинув на первый план типично западническую точку зрения, согласно которой фольклор не является показателем растущих национально-патриотических потребностей, то Введенский говорит о необходимости исторического рассмотрения памятников народной словесности. Для него фольклор не есть археологическая окаменелость, раз навсегда данная поэтическая форма, застывшая, не развивающаяся вместе с историческими событиями. Фольклор, как и литература, находится в становлении новых качеств, переходя от одних поэтических форм к другим. В разные эпохи исторической жизни возникали новые произведения, которые передавались из поколения в поколение, отражая «общенародный» образ мыслей.

Введенский признает, что историческая действительность должна быть основной мерой в оценке того или иного произведения народного творчества. Второй совершенно правильный вывод касается проблемы языка. Введенский придерживается того взгляда, который в 20-е годы высказывал А. Бестужев в полемике с Катениным и Гречем. Греч считал старославянский язык единственным языком древней Руси, Бестужев ссылался на летописи и «Слово о полку Игореве», написанные народным языком.

²⁵ Об «Очерках» Милюкова и рецензии Введенского мы скажем несколько далее.

Продолжая отстаивать самобытность народного языка, Введенский замечает: «И так с самого начала письменности в России существовали у нас, независимо один от другого, два языка: церковно-славянский и народный».

В «Курсе словесности» в более расширенной редакции повторяются основные положения «Истории русской литературы». Подробнее говорится о сказках, в частности о восточных сказках, в которых фантастика определяется своеобразием обычаев и экономического быта восточных народов. О русских сказках повторяется прежнее мнение: сказки важны только «историческом отношении»; сказка попрежнему принижается, ее эстетическая природа остается неясной. Равным образом Введенский не видит в «новейших сказках» Дмитриева, Жуковского и Пушкина ничего оригинального.

«Все эти чудеса, описанные Пушкиным,²⁶ действительно находятся в русских старинных сказках, чудеса странные, уродливые, свидетельствующие о тесной связи древней Руси с азиатским Востоком. Между нашими сказками, — продолжает Введенский, — должно различать богатырские и сатирические. Богатырские относятся к древней жизни русского народа, еще не подчиненного монгольскому игу. Богатыри наши в своих похождениях не знают никаких препятствий. Ни одна стрела не пропадает у них даром, меч-кладенец рубит по сотням и тысячам, копьё булатное губит врагов без числа и сметы. Иной богатырь истребляет рать силу великую одной осью тележной. Выпивают наши богатыри по ведру зелена вина одним духом, съедают по целому быку за один присест.

«Таковы были русские сказки до монгольского рабства. Совершенно переменяется направление сказочной фантазии со времени татарщины, с той поры, когда нравственный характер народа должен был заразиться азиатскою порчею. Отсюда ведут свое начало сказки сатирические. Хитрость, притворство, обман, плутовство и другие азиатские пороки составляют элемент этих сказок. Вот крестьянский сын Иванушка. Посмотрите какой он гадкий: волосы у него растрепаны, рот разинут, глаза выпучены, руки запряты в рукава грязной рубашки. Вы думаете — это дурак; вы ошибаетесь: Иванушка-дурачок умнее всякого разумного. У него два брата, оба ребята умные, но он их всех надувает и всех их счастливее. Нет нужды, что он ленив и всегда лежит на печи: ему стоит только назвать сивку-бурку веще-каурку — и печь едет под ним с быстротою парохода, и дурак становится молодцом: всех провел, всех надул и женился на красавице с месяцем во лбу, с звездами на затылке. А вот Симеон, один из семи братьев, родившихся в один день от старухи матери. Он откровенно объявляет о себе, что учить его нечему, что он и без науки такой вор, какого не было, нет и не будет. Что ж? Его повесят? Ничуть не бывало: искусный вор получает щедрые подарки и счастливее всех своих братьев.

«В старинных русских сказках, по нашему мнению, ничего нет поэтического, и они важны только в историческом отношении, свидетельствуя о старинных нравах и том направлении, какое получала фантазия наших предков.

«Есть и новейшие сказки, принадлежащие поэтическому перу Дмитриева, Жуковского, Пушкина и др. Мы думаем, что это ложный род поэзии, или лучше сказать вовсе не поэзия. Пользы от них нет никакой, и мать семейства делает большую ошибку, если позволяет ребенку читать, например, сказку о царе Салтане или о золотой рыбке, хотя бы эти сказки

²⁶ Имеется в виду пушкинская поэма «Руслан и Людмила».

принадлежали Пушкину. Фантазия маленького читателя, отрываясь от действительной жизни, с детства приучается к ложной мечтательности, которая может погубить все силы души».

Из «Курса словесности» следует выделить более развернутый отзыв о народных песнях. Введенский и на этот раз за песнями признает большие поэтические достоинства. Вся характеристика народной лирики проведена в тонах необычайно возвышенных. В своей лирике народ всего ближе подошел к общечеловеческой поэзии.

Вот эта наиболее сильная страница в «Курсе словесности»:

«Песня, так же как и ода, выражает какое-нибудь чувство, но чувство приятное, нежное, спокойное, не возбуждающее в душе поэта испуга или восторга. Радость при созерцании красоты природы. Приятные ощущения любви и дружбы, разнообразные явления общественной и семейной жизни, также чувствования горести и уныния. — все это может составлять содержание песен.

«Нет сомнения, что начало песен относится к глубочайшей древности. Народное пение современно миру и с ним будет жить вечно. На всей обитаемой земле, во все времена, на всех языках вопль радости или печали проявляется пением. Самые дикие племена и самые просвещенные нации любят и ненавидят, радуются и веселятся, — и все это выражают в песнях. Зверолов в глуши лесной, рыбак в челноке, воин в битве, мать у колыбели младенца, сын на могиле отца, юная дева, разлученная с другом сердца, гости на брачном пиру, мечтатель в уединении или под звездным покровом ночи; все передают звуками движения души своей. Народ поет, чтобы выйти из однообразия повседневной жизни, он поет, как веет ветер, как журчит ручей от влияния могущественной таинственной силы, и поэт времен просвещенных в минуты одушевления выражает в песнях чувствования души своей.

«Русские песни можно разделить на древнейшие или простонародные, сочиненные неизвестно кем и когда, и которые, по преданию, из века в век хранятся в устах народа в своем первоначальном виде, и новейшие песни, написанные известными поэтами со времен водворения у нас европейской образованности.

«По разнообразию содержания простонародные русские песни разделяются на свадебные, семейные, хороводные, исторические, разгульные или разбойничьи и т. д. Во всех них постоянно выдерживается характер заунывности, и там, где русский человек выражает эти чувствования, столь сродные его душе, он становится на степень истинно поэтической высоты. . .

«Даже в хороводных русских песнях, сопровождаемых тоскою, нередко выражается глубокая заунывность.

«Вот как начинается одна из них:

Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит, горит ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое,
Не по батюшке, не по матушке.
А кипит, горит по красной девушке.
Что от девушки пришла весточка,
Пришла весточка, скоро грамотка,
Красна девица есть трудна, больна,
В постеляшке, в могилушке.

«Из новейших песен, написанных в эпоху европейского образования, особенно замечательны песни Нелединского, Димитриева, Карамзина, Мерзлякова, Жуковского, барона Дельвига и Пушкина».

Мы вынуждены привести из «Истории русской литературы» и «Курса словесности» эти большие и далеко не одинакового достоинства цитаты. Только одна глава из курса «История русской литературы» (лекция о Державине) была опубликована в 1849 году в «Северном обозрении». Все остальные очерки не появились в печати. Тяжелая болезнь помешала Введенскому довести начатое пособие до конца. «История русской литературы» и «Курс словесности» так и остались незавершенными.

Сами по себе лекции Введенского не представляют научного интереса; они свидетельствуют не столько об успехах, сколько об ограниченностях и узости учебных пособий по фольклористике первой половины XIX века. И все же сам факт существования «Истории русской литературы» и

«Курса словесности» любопытен. Вместе с Введенским в военно-учебных заведениях преподавал Чернышевский, и он не мог не знать «Истории русской литературы», составленной Введенским. Для того, чтобы ясно представить петербургскую среду, окружавшую Чернышевского в 40-е годы, необходимо подробнее остановиться на незаурядной личности Иринарха Введенского и на том, что вышло из-под его пера.

5

Иринарх Введенский прошел короткий, но тернистый путь. Жизнь его была полна превратностей и несчастий. «Жизнь моя, — писал он сам в автобиографии, — была непрерывной борьбой с несчастьями, и если радость освещала мой темный путь на одно мгновение, вслед за ней я непременно должен был ожидать новой бури, сокрушавшей самые лучшие мои надежды». В 1853 году, когда только начали осуществляться «лучшие надежды» и имя Иринарха Введенского стало появляться в русских журналах, он совсем лишился зрения.

В письме, написанном под диктовку его женой, А. И. Введенской, Иринарх Иванович писал о постигшем его бедствии: «Ведь я только что успел определить надлежащим образом тот путь, по которому должен был идти. Повидимому, все предшествующие годы были только приготовлением к моему настоящему назначению, и что же! Я ослеп именно в ту самую минуту, когда глаза для меня были всего дороже».²⁷

В 1855 году, на 43-м году жизни Введенский умер, не успев завершить того, что задумал и выносил в своей душе. Но и то, что сделал Введенский и как талантливый преподаватель русской литературы, и как переводчик, и как литературный критик и журналист, не должно быть забыто.

Иринарх Введенский и его литературно-научное наследие — трудная тема для исследователя. Почти все статьи и рецензии, появившиеся в печати, не имеют подписи, они затеряны среди других анонимных писаний. Г. Благодетель, земляк и первый биограф Введенского, писал в 1857 году, через два года после смерти Иринарха Ивановича, в «Общезанимательном вестнике»: «С 1841 до 1853 включительно он (Введенский, — В. Б.) написал двадцать четыре критических разбора, пять самостоятельно разработанных статей и перевел восемь первоклассных романов с английского языка. В общем итоге, литературный его капитал, по объему своему, доходит до шестисот печатных листов. Впрочем, эта цифра далеко не обнимает всего, что было написано Введенским. Множество переводов с французского и немецкого языков и мелкие рецензии, разбросанные по разным журналам, без подписи его имени, не вошли в этот перечень».²⁸

К сожалению, Г. Благодетель, хорошо знавший Введенского и имевший доступ к его рукописному наследию, ограничился в своей биографической статье перечислением тех статей и рецензий, на которые ссылается сам Введенский в заявлении на имя Совета Петербургского университета. Из этого заявления, написанного в 1852 году в связи с попыткой получить профессорскую кафедру, следует, что Введенский сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Современнике» и в «Северном обозрении». В «Библиотеке для чтения» печатался ряд рецензий исторического и этнографического характера. Одна из первых рецензий была посвящена обзору записок Григория Котошихина «О России в цар-

²⁷ «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 126.

²⁸ «Общезанимательный вестник», 1857, № 6, стр. 217.

ствование Алексея Михайловича» (СПб., 1840). В записках Котошихина содержался большой и красочный материал по истории семейного быта русских царей и бояр. Отмечая этнографическую ценность котошихинских записок, Введенский писал, что «точно такие же свадьбы бывают у стольников, стряпчих, дворян и простолюдинов».

«Должно заметить, — говорилось в рецензии, — что бóльшая часть старинных свадебных обычаев, описываемых Котошихиным, сохраняется и доньше между простолюдинами отдельных провинций России».²⁹ Далее, в «Библиотеке для чтения» печатаются одна за другой обширные рецензии Введенского: «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек» А. И. Тургенева, «Сказания князя Курбского» Н. Устрелова, «Иоанна из Арка», «Акты исторические, собранные Археологической Комиссиею», «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» В. Дашкова (1842, т. 55) и др.

В рецензии на «Описание Олонецкой губернии» Дашкова всего более проявился живой интерес Введенского к этнографии и фольклору. Рецензент приветствует сам факт внимания к этнографии родной страны. Дашков «открыл» Олонку, и в этом его заслуга. «Нисколько не клеветца на себя, мы русские, — пишет Введенский, — смело можем сказать, что гораздо лучше знаем Сицилию, чем Олонцкую губернию, которая, между тем, лежит у ворот Петербурга». Введенский перепечатывает в «Библиотеке для чтения» предания о Петре I, рассказ о пребывании в Петрозаводске Суворова, описания свадебного и похоронного обрядов, приводятся и сами причитания, сопровождающие эти обряды. Олонцкие народные песни сопровождаются собственным комментарием: «... носят общий характер народных русских песен: они заунывны, печальны, и весьма редко сквозь тоску пробивается в них светлый луч веселости». Введенский полагает, что русский человек там только и становится поэтом, где нужно высказать горе, которое «щемит его сердце». «Песни, помещенные у господина Дашкова, служат прекрасным подтверждением этой теории». В рецензии Введенского присутствует сравнительный элемент. Рецензент не просто излагает материалы, опубликованные в «Описании» Дашкова, но и указывает на сходство или различие обрядов Олонцкой губернии с общерусскими: «Свадебные обряды Олонцкого края во многом отличны от настоящих русских... Похоронные обряды — вообще такие же, как в других местах России. Но и тут есть особенности». Дашков замечает в «Описании»: «Путешественник, не бывший на севере, удивится здешним деревням из двух, трех дворов, окруженных лесом». Введенский добавляет: «Впрочем это нисколько не удивительнее деревень Саратовской губернии, где часто на расстоянии тридцати верст встречаете одну деревушку из двух, трех домов, окруженных степью».

Положительно оценив «Описание» Дашкова, Введенский отмечает «неполноту данных и нередко пренебрежение к таким предметам, которые преимущественно заслуживают тщательного изучения и могли бы доставить науке чрезвычайно любопытные и полезные сведения». К таким «полезным сведениям» Введенский относит этнографические и исторические данные о карелах и финнах, населяющих Олонцкую губернию.³⁰

Бесспорно, что и статья «„Калевала“ — финская языческая поэма», появившаяся в том же томе журнала, принадлежит Введенскому, совер-

²⁹ «Библиотека для чтения», 1841, т. 44, стр. 57.

³⁰ Там же, 1842, т. 55, Критика, стр. 1—24. Рецензии в «Библиотеке...» напечатаны без подписи.

шившему путешествию по Прибалтике и Финляндии. Введенский специально занимался изучением эпоса. Об этом свидетельствует его статья «Новые толки о греческом эпосе» («Библиотека для чтения», 1847). В статье о «Калевале» содержится и такая замечательная мысль: «Весьма желательно, чтобы кто-нибудь из наших поэтов, хорошо владеющий языком русских песен, взялся перевести „Калевалу“, которая по своей мелодии, по богатству образов бесспорно одно из прекраснейших произведений древней и новейшей поэзии» (т. 55, Смесь, стр. 52). В статье «Новые толки о греческом эпосе» Введенский отсылает к статье более ранней: «Лет за пять в этом журнале было с осязательною очевидностью объяснено, каким образом рапсолисты пели свои произведения» (т. 84, стр. 52). Ясно, что здесь Введенский ссылается на статью о «Калевале», появившуюся в «Библиотеке...» в 1842 году. Именно в этой статье подробно говорилось о рунопевцах и самой технике исполнения финских эпических песен.

В отличие от Милюкова, Введенский интересовался прошлым и настоящим народной поэзии. Узнав, что муж его сестры, У. С. Карпов, собирает народные поверья, Введенский спешит одобрить начатое дело и высказывает ряд делных советов.

«Вы очень хорошо делаете, — писал он ему в марте 1847 года, — что собираете материалы из крестьянского быта. Продолжайте, продолжайте. Не худо, если бы частицу этих записок вы потрудились прислать поскорее мне: я бы увидел, как принялись вы за дело, и дал бы совет для дальнейшего труда. Записывайте вообще все, что ни заметите, не исключая песен и сказок, какие услышите. Все это характеризует мужицкий быт и имеет литературный интерес».

Получив от Карпова часть собранного им материала, Введенский писал ему (8 июня 1847 года):

«Ваша записка о предрассудках очень хорошая вещь, и я непременно пушу ее в ход, напечатав с некоторыми исправлениями и прибавлениями. Продолжайте, продолжайте, это прекрасно. Особенно собирайте побольше сказок, пословиц и песен, как бы гадки они ни были». В январе 1848 года Введенский уведомлял Карпова, что он отредактировал статью о народных предрассудках, придав ей «литературную форму».

«Насилу-то, — пишет Введенский, — я собрался дать литературную форму вашей статье о предрассудках. Вчера ее кончил и отослал в журнал „Отечественные записки“, где она будет напечатана в этом месяце. Я хотел подписать под ней вашу фамилию, но рассчитал, что вы можете подвергнуться неприятностям от вашего архиерея, и потому просто подписал под нею: сельский житель К. Это лучше».

В «Отечественных записках» (1848, т. 56, стр. 201—206) действительно появилась статья о предрассудках и поверьях крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии за подписью «Сельский житель К.». В подстрочном примечании к статье приводилось письмо «Сельского жителя К.» к редактору журнала, в котором свой повышенный интерес к крестьянским обычаям и нравам автор статьи объяснял влиянием Гоголя. Гоголь в предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» обращался с просьбой сообщать «материалы для изображения характера русского человека на всех ступенях его общественной деятельности». «Сельский житель К.» под впечатлением этого обращения решил «внимательнее вглядываться в жизнь окружающих его крестьян и следить за их нравами и обычаями». «Отечественным запискам» он обещал представлять «целый ряд таких же статей».

В статье «Предрассудки и поверья крестьян в Петровском уезде Саратовской губернии» Карпов использовал свои личные впечатления и наблюдения над обрядовым фольклором. Рассказав об обрядах, связанных с рождением ребенка, свадьбами и похоронами, «Сельский житель К.» приводил записанные им тексты заговоров, заклинаний и одной хороводной песни «Всю лучину пресветили и угарки пережгли». Для Введенского все эти фольклорно-этнографические сведения представляли особый интерес: они были собраны на его родине, в селе, носившем символическое название Грязнуха.

Ободренный Введенским провинциальный собиратель фольклора продолжает сообщать сведения, а его петербургский родственник дает наставления и указания. В 1848 году Введенский снова обращается к Карпову:

«Это хорошо, что вы продолжаете писать о предрассудках. Собирайте как можно больше сведений и присылайте их сюда. Описывайте свадебные обряды со всеми возможными подробностями, включайте сюда песни, прибаутки, все проявления деревенской удалы и разгула, нимало не стеснясь, сообразно ли это с правилами благопристойности, или нет. Об опровержении не думайте, это вовсе не нужно. Избегайте также своих собственных суждений об этих предметах: предрассудки слишком очевидны и говорят сами за себя. Пояснения необходимы, и на них не скупитесь. Многое, что понятно для простолюдина, было бы темно для читателей, никогда не видавших русского человека в его натуре».

Письма к Карпову уточняют наши представления о Введенском, о его непосредственном интересе к крестьянскому быту и народной поэзии. Введенский дорожит всеми подробностями народных обрядов, просит записывать максимально точно, не скупиться на пояснительные замечания. Он литературно обрабатывает записки провинциального этнографа-фольклориста Карпова и рекомендует его статьи в «Отечественные записки».

6

Самым значительным печатным выступлением Введенского по вопросу народной поэзии является его статья в «Современнике» по поводу нашумевших «Очерков истории русской поэзии» А. П. Милюкова (СПб., 1847). Советуя Михайлову перечитывать Белинского и В. Майкова, Чернышевский в письме от 23 декабря 1850 года напоминает также о книжке Милюкова: «Перечитывайте Белинского и В. Майкова, книжка Милюкова, если у вас ее можно достать, тоже стоит быть прочитанной» (14, 211). В «Дневнике» (запись 9 декабря 1851 года) о Милюкове и его «Очерках» сказано совсем определенно: «Был у Милюкова, о котором содействовал перемене моего мнения Городков; в самом деле порядочный человек; но главным образом я стал его уважать, прочитав его „Историю поэзии“ — в самом деле дельная книжка» (1, 400).

Иринарх Введенский был первым советчиком Милюкова и первым рецензентом его «Очерков». Милюков в рукописи читал ему свои «Очерки». «Когда я прочитал Иринарху Ивановичу первые главы моего сочинения, — пишет Милюков, — он сам настойчиво советовал мне заняться исключительно этим трудом. Когда книжка моя появилась в печати, он дал о ней подробный и весьма лестный отзыв в „Современнике“».³¹

В октябрьской книжке «Современника» за 1847 год действительно напечатана большая и содержательная рецензия на книгу Милюкова. Ре-

³¹ «Исторический вестник», 1888, сентябрь, стр. 579.

цензия появилась без подписи, но, как об этом свидетельствует Милюков, автором ее был Введенский. Здесь не может существовать двух мнений. Обращаясь в 1852 году в Совет Петербургского университета в связи с подготовкой магистерских экзаменов и перечисляя некоторые свои статьи, Введенский называет и рецензию на «Очерки» Милюкова, появившуюся в «Современнике».

Обратимся непосредственно к этой рецензии. «Очерки» Милюкова, как отмечает Введенский, «явление редкое». Правда, у Милюкова был предшественник и предшественник великий, но по «известным причинам» имя его Введенский полностью не называет. Только между строк и в очень осторожной форме Введенский сообщает о «журнальных статьях г. В. Б—го, заключающих в себе обзор деятельности многих главнейших представителей русской литературы разных эпох» (88).³² В дальнейшем рецензент уже без ссылки на «известные причины» и на инициалы критика просто пишет об «упомянутых выше журнальных статьях», т. е. статьях В. Белинского.

Для Введенского существует единственный критерий — это статьи Белинского. Соотнося «Очерки» Милюкова со статьями Белинского, Введенский приходит к выводу, что хотя «Очерки» и написаны под влиянием этих журнальных статей, но не могут идти с ними ни в какое сравнение. «Очерки» «не скажут ничего нового». Однако «Очерки» Милюкова следует сравнивать не только с гениальными статьями Белинского, но и с «Очерками» других авторов, в частности с курсами русской словесности Греча и Шевырева. В этом втором сравнительном плане книга Милюкова составляет вполне отрадное и даже редкое явление. Н. И. Греч знакомит не с «ходом литературных идей в России», а всего лишь с биографиями писателей и некоторыми историко-литературными фактами. «Его опыт есть не что иное как собрание послужных списков писателей живых и мертвых, но собрание полное и очень удовлетворительное в смысле справочного материала для всех, кто принимается за изучение памятников русской письменности» (88). В отличие от Греча Милюков пытается показать «историю общественных идей, проявившихся в древней и новой нашей литературе». В частности, Милюков справедливо доказывает, что поэзия есть «верная картина народной жизни, дагерротипный снимок его духовной деятельности, нравов и обычаев». За эту основную мысль, перенятую у Белинского, Введенский готов простить Милюкову многие недостатки его «Очерков». Милюков придерживается «единственно правильной, верной методы, при которой наука перестает быть сухим сборником школьных тезисов, непосредственно сближается с самой жизнью» (98).

Обозревая русскую литературу с летописца Нестора и до Гоголя, Милюков пытался в популярной форме изложить некоторые историко-литературные идеи Белинского. В какой-то степени ему это удалось сделать. Но в этой популяризации были заложены элементы вульгаризации наследия великого критика. Милюков упрощает и даже искажает эстетическую и историко-литературную концепцию Белинского. Ценность «Очерков» состоит в их антиславянофильской направленности. Однако и здесь Милюков остается на поверхности затронутых проблем. Если славянофилы были склонны идеализировать культуру допетровской Руси, русский патриархальный быт и нравы, то Милюков полемически заостряет

³² Здесь и далее цифры, взятые в скобки, означают номер страницы «Современника», в котором была опубликована рецензия Введенского.

критическую характеристику древней Руси и эпохи русского средневековья. Судьба допетровской Руси — судьба «одного из героев наших старинных сказок, который тридцать лет сидел сиднем и вдруг, по могучему слову колдуна, очнулся и изумил всех своими подвигами» («Очерки», стр. 5). Россия как бы очнулась от долгого сна, зажила новой и энергичной жизнью, пошла после петровских реформ по пути просвещения и цивилизации. Петр стоит на рубеже двух эпох, старой и новой России. Русскую поэзию Милюков рассматривает в свете этого противопоставления, противопоставления искусственного, но в какой-то степени показательного и для Белинского. Далее, Милюков совсем односторонне интерпретирует историко-литературные взгляды Белинского. Оказывается, что народная поэзия отражает «продолжительный сон», длительный застой в умственной и политической жизни нации. Только поэзия Кантемира, Ломоносова и Державина знаменуют пробуждение национально-духовных сил. Неподвижность народного поэтического сознания в допетровскую эпоху объясняется двумя главными причинами: с одной стороны, древняя Русь не испытала благотворного влияния классического искусства Греции; с другой, — в эпоху русского средневековья монгольское иго уничтожало самобытное начало в народной жизни и народной поэзии. Некоторое исключение составлял древний Новгород. Но и в Новгороде «дух торгашества» не способствовал полному проявлению национальных поэтических особенностей и дарований. Из всей древнерусской литературы Милюков с некоторыми оговорками выделяет летописи Нестора, «Слово о полку Игореве» и «Сказание о мамаевом побоище». Но и в этих памятниках он находит следы влияния скандинавской поэзии. В исторических воззрениях Милюкова на древнюю Русь много тенденциозного и примитивного.

Введенский заметил эту вульгаризаторскую тенденцию «Очерков» и в своей рецензии ставил в упрек Милюкову произвольное толкование фактов и поверхностный взгляд на историю литературы, напоминая при этом о Белинском, писавшем куда «последовательнее и доказательнее». «Обнаруживая везде большую начитанность и знакомство с предметом исследования, г. Милюков при всем том в некоторых местах жгет до чрезвычайности и скуп на факты, послужившие основанием его общим выводам. Поэтому некоторые, впрочем весьма немногие страницы отзываются общими местами; иные приговоры, в основании своем истинные, при отсутствии фактов кажутся слишком резкими и даже произвольными. Не подтвержденные доказательствами, они могли бы, — замечает Введенский, — показаться даже слишком смелыми, если бы в русской литературе не существовало тех упомянутых выше журнальных статей, в которых, между прочим, говорилось то же самое, только последовательнее и доказательнее... Вообще крайности, отзывающейся поверхностью: знающим дело она не скажет ничего нового, а незнающих не только не удовлетворит вполне, но даже не возбудит в них доверия к тому, чего как бы холодом коснулась» (100—101).

Рецензия Введенского — не дружеский отклик, а строгий и научно обоснованный критический обзор. Рецензент указывает на фактические неточности и неверные методологические положения «Очерков». Так, он полагает, что Милюков слишком односторонне судит о допетровской России, видя везде и всюду только «застой», не замечая успехов в просвещении, национальных достижений и т. п. С другой стороны, Милюков слишком возвышает древнюю европейскую цивилизацию, забывая, пови-

димому, что «юго-западная Европа в одиннадцатом столетии была столь же невежественна и проникнута еще более ложною восторженностью, чем северо-восток». «Византийцы, по крайней мере, — продолжает Введенский, — не передали нам того фанатизма, который был на западе отличительною чертою во все продолжение средних веков» (90).

Субъективизм исторической концепции сказался и на характеристике народной поэзии. По Милокову, в народной поэзии отражены исключительно нравы и обычаи допетровской Руси, пораженные «распространением азиатской мысли». В годы татарского нашествия русская женщина была превращена в домашнюю затворницу, затем явилось «новое утешение — шелковая плетка и побои». В свадебных, разбойничьих и солдатских песнях Милоков находит отражение истинно народных переживаний, то глубокую тоску, то шумный разгул, но в разгуле он видит всего лишь отражение «грубости тогдашней жизни». Даже песни разбойничьи, песни волжских и донских «удальцов», полные «буйной жажды воли», не могли вдохновить Милокова и подсказать правильный взгляд на народную поэзию. Милоков не отрицает, что в этих песнях запечатлены «доблестные деяния» героев, в частности Ермака, что поэзия донского казачества дышит презрением к опасности и смерти, полна отчаяния, бешеного разгула, неукротимой энергии. Герои песен «проводят жизнь в дремучем лесу или на лодке, начиная ее в царевом кабаке, а оканчивают на двух столбах с перекладиной» («Очерки», стр. 37). Однако и эта сравнительно удачная и ярко написанная характеристика разбойничьих песен содержит сомнительный мотив: «Разумеется поэзия этих песен груба, как самая жизнь удальцов». Предвзятое представление о древней Руси и эпохи русского средневековья приводила Милокова к грубым эстетическим ошибкам. Фактически Милоков становится на позиции отрицания художественных достоинств народной поэзии. Во взгляде на русские былины отрицательная характеристика фольклора доведена до гротеска: «В них нет уже и тех чувств, которыми проникнуты наши песни, а видна только необузданная фантазия, исполненная преувеличений и грубости» («Очерки», стр. 41). Для Милокова богатыри «чудовищные исполины, олицетворяющие одну материальную силу». Нужно сказать, что в своих суждениях о русских былинах Милоков мало оригинален. В данном случае он идет не от Белинского, а от дворянской фольклористики начала XIX века. Еще в 1809 году Грамматин в «Рассуждении о древней словесности» утверждал, что песни, прославляющие русских богатырей, от начала до конца наполнены самыми «нелепыми выводами». Для Грамматина былина представлялась не иначе как сказкой, переработанной в стихотворение безграмотным простолудином. Все эти неверные воззрения на народную поэзию были частично привиты «Историей Государства Российского» Карамзина, где слишком преувеличилось влияние «варварского татарского вкуса» на народную словесность и народные обычаи.

Ошибка Милокова состояла и в том, что он отвергал всякое положительное влияние народной поэзии на новую русскую литературу, исключал фольклор из понятия эстетически прекрасного. После высказываний Белинского о народной поэзии кажется каким-то анахронизмом следующее признание Милокова: народная поэзия «большею частью груба и не может служить источником для новейшей поэзии», «произведения Пушкина и Лермонтова служат лучшим доказательством, что древняя поэзия отжила свой век и совершенно умерла» («Очерки», стр. 53—54).

Только в условиях ожесточенной борьбы со славянофильской фольклористикой, в частности с Шевыревым, раздувавшей религиозно-пат-

риархальные мотивы фольклора, Чернышевский мог назвать «Очерки» Милюкова «дельной книжкой», а Введенский — «очень приятным» и даже «редким явлением». Об отношении к «Истории русской литературы, преимущественно древней» Шевырева свидетельствует письмо Чернышевского к Михайлову от 23 декабря 1853 года: «... тоже и негодяя Шевырева глупые лекции — мерзейшую книгу, какая только есть на свете» (14, 211). Введенский как бы уловил в книге Милюкова острую полемику с Шевыревым и присоединился к ней. Отметив, что «сказки сатирические» и «сказки богатырские» имеют «свой отличительный характер, по которому они не должны быть смешиваемы», Введенский подчеркивает те самые страницы в «Очерках» Милюкова, которые направлены против шевыревско-погодинской концепции духовных стихов: «Затем автор переходит к так называемым стихам и доказывает, что песни Лазарей, которыми так восхищался Шевырев и на которых строил такие воздушные теории, не принадлежат русскому народу и занесены к нам из Греции нашими паломниками» (97).

В отличие от Шевырева и Киреевского, Милюков не находил в духовных стихах ничего самобытного, подлинно народного. «Происхождение их, — писал Милюков, — несколько отлично от происхождения народных песен и сказок: те рождены целым народом, служили памятником его жизни, сделались всеобщим достоянием, везде пелись и рассказывались. Стихи, напротив, не составляют самобытного создания русского народа, но перенесены первоначально из Греции и остались чуждыми народу» («Очерки», стр. 49). Духовные стихи не стали достоянием всего народа, они поются нищими, это поэзия убогих, и нужно иметь «совершенно неэстетический вкус или быть помрачену ложным патриотизмом», чтобы не согласиться с тем, что духовные стихи «всегда были чужды народу» («Очерки», стр. 53). Это уже прямой вызов славянофилам, довольно ясный намек на «ложный патриотизм».

«Очерки» Милюкова и статья Введенского в «Современнике» были замечены «Москвитянином». В февральской книжке «Москвитянина» за 1848 год появилась рецензия С. Ш. (т. е. Шевырева). Шевырев воспринял «Очерки» как полемический выпад против его курса лекций, читанного в Московском университете. «Где ж был повод, послуживший к открытию г. Милюкова? Виноват — я. В моей пятой лекции я, — признавался Шевырев, — указываю на отношения между одним отрывком из стиха о Голубиной книге... и Хождением Даниила». Особенно возмутило Шевырева признание Милюкова о духовных стихах, которые «никогда не были потребностью народа». Шевырев обвинял Милюкова в поверхностном взгляде на историю русской поэзии, в незнании фактов, в субъективизме и антиисторизме. В рецензии Шевырева были отмечены реальные слабости и недостатки «Очерков», но в целом это была рецензия-отповедь, написанная желчно и не без личных выпадов. Дойдя до милюковской оценки духовных стихов, Шевырев восклицал: «Странно, да нищие-то разве не в народе живут и поют не для народа! Г. Милюков, видно, никогда не посещал крестьянских изб и никогда не случалось ему слышать наших рапсодов у какого-нибудь гостеприимного мужичка! Он никогда не видел, как старик или старуха на полатах распевают внучкам эти песни, а внучки их подтягивают. Могу его заверить, что отрывок из песни о Страшном Суде, которым я заключил пятую лекцию и в котором только тупое безвкусие не признает высокой поэзии, слышал из уст старухи, которая никогда не была нищею, а принадлежала дому хорошему и зажиточному и рассказывала сверх того весьма остроумные сказки» (209).

Всего важнее, что Шевырев воспринял «Очерки» Милюкова как пропаганду тех мыслей, которые распространял Белинский в «Отечественных записках». Не был забыт также и «Современник», где появилась рецензия Введенского. Шевырев вооружается против всех сразу: Белинского, Милюкова и Введенского.

«Вот, — пишет Шевырев, — книжечка, которая в „Современнике“ была названа *очень приятным явлением* и даже *явлением редким* (дай бог, чтоб такие явления были у нас реже), и за которую „Отечественные записки“ благодарили г. Милюкова. Оно так и следует. „Очерк“ г. Милюкова есть плод „Отечественных записок“ и родня „Современнику“, который строил от того же улья, хотя и не пчелиного. Как же „Отечественным запискам“ не любоваться плодом своим, тем более, что все мнения г. Милюкова о русских писателях заимствованы из них, как они сами сознаются» (216).

Введенский, Чернышевский и Добролюбов ценили «Очерки» за эту англославянофильскую ориентацию. Одобрительно процитировав высказывания Милюкова о духовных стихах в статье «О степени участия народности в русской литературе», Добролюбов в то же самое время указывает на ошибочность общей концепции «Очерков». «Мы не можем, — пишет Добролюбов, — согласиться с господином Милюковым, который все безобразие русских сказок и песен складывает на народность и говорит, что от нее нечего было ожидать без коренной реформы. Мы думаем, что нет у нас достаточных данных для того, чтобы обвинять народность в безобразиях поэзии и даже самой жизни, а есть, напротив, данные, позволяющие видеть причины их в обстоятельствах, пришедших извне. Народная поэзия долго держалась своего естественного простого характера, выражая сочувствие к обыденным страданиям и радостям и инстинктивно отвращаясь громких подвигов и величавых явлений жизни славных и бесполозных».³³

Несмотря на просветительский характер «Очерков», написанных в защиту критического направления в русской литературе, Милюков грешил перед историей и эстетикой, когда отрицал художественное и познавательное значение народной поэзии. Милюков не только утрировал и огрублял некоторые положения Белинского, но и нарушал основные методологические принципы революционно-демократической фольклористики. Белинский прекрасно понимал эстетическую природу народной поэзии, он судил о народе по живым впечатлениям, рассматривал поэзию в связи с народной жизнью и народным мировоззрением; Милюков судил о народной поэзии по книгам, умозрительно, не опираясь на знания самой жизни. Отсюда схематизм теоретических построений и утрата чувства историзма. Некто иной, как «Современник», рецензируя в 1856 году «Очерки Финляндии, путевые записки А. Милюкова. 1851—1852», указывал на отсутствие в его финляндских записках этнографической любознательности, должного внимания к характеру страны и образу жизни изображаемого народа. Милюков встречался с народом «только на станциях» и поэтому так «редко говорит о нем».³⁴ «Очерки истории русской поэзии» грешили тем же недостатком. Назвав эту книжку «дельной», Чернышевский в диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности» противопоставит Милюкову свой взгляд на народную поэзию и докажет, что народная поэзия отнюдь не груба и не примитивна.

³³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, под редакцией П. И. Лебедева-Полянского, т. 1, М., 1934, стр. 216.

³⁴ «Современник», 1856, ноябрь, стр. 17.

Сохранился еще один любопытный документ, свидетельствующий о фольклористических и эстетических убеждениях Введенского: письмо Введенского к И. С. Никитину. Это письмо было написано под диктовку, человеком, окончательно потерявшим зрение. Еще будучи студентом Петербургского университета, Введенский, как об этом рассказывает Пыпин, утверждал, что «энергичная деятельность Ломоносова имела источником то, что он был „мужик“». Письмо к Никитину — дириамб народности. В нем несколько преувеличивались заслуги Никитина («первый национальный поэт нашего времени»), но основная идея была глубоко плодотворна, она вырастала из стремления сдружить поэзию с народностью. Приветствуя в лице Никитина поэта вполне самобытного, Введенский советует ему доводить «до идеального совершенства говор наших сказок и пословиц в том виде, как русские люди слышали его в давно минувшую эпоху из уст своих вещих людей». Стихотворение «Русь» Введенский читал на уроках своим ученикам и «с величайшим восторгом» отзывался о «народном поэте». Письмо к Никитину замечательно еще и тем, что в нем уже нет прежнего скепсиса к народной сказке. Сказка провозглашается одним из основных источников самобытности и народности в литературе. В этом частном письме Введенский высказывается до конца. Безусловно, что и в своих лекциях он отступал от написанного текста и говорил о народе и народности куда более ярко, нежели в «Вопросе № 6» из «Истории русской литературы». Судя по письму Никитину, которое мы приводим ниже, Введенский сполна оценил в русской поэзии ее связи с народной жизнью и фольклором. Приветствуя в поэзии Никитина «чисто народный стихотворный размер», «истинно русский язык», «народный язык безыскусных наших песен», которым «всегда должна бы выражаться русская поэзия», Введенский в то же самое время советует поэту не терять своей индивидуальности, не подражать другим музам, хотя бы это была дивная муза Лермонтова.

Милостивый Государь!
Иван Савич!

По счастливому стечению обстоятельств, в конце прошлого года мне удалось здесь в Петербурге прочесть Ваше первое стихотворение «Русь» тогда, когда еще имя Ваше в Петербурге не было известно. В ту пору я немедленно его прочел всем своим ученикам и с величайшим восторгом приветствовал Вас, как народного поэта, чело которого озаменовано Божественным Провидением несомненною печатью творческого гения. Тогда же немедленно я собирался писать к Вам с тем, чтобы под влиянием первых впечатлений после чтения Вашего первого прекрасного произведения засвидетельствовать Вам свое глубокое почтение и выразить свой душевный восторг, но страшная глазная болезнь, почти совершенно лишившая меня зрения, помешала мне исполнить это намерение. И в настоящее время пишу к Вам не своими руками: пишу, следовательно, далеко не все то, что желал бы высказать Вам с полною откровенностью читателя, благоговейшего пред Вашим талантом.

Еще раз приветствую Вас как первого национального поэта нашего времени и осмеливаю предсказывать Вам блистательную будущность на поприще русской литературы. В поэтических трудах Ваших, приведенных здешними журналами в известность, до настоящего времени ярко отражается русская душа, бьется русское сердце и Ваши восторженные ощущения могли быть плодом наблюдений только истинно русского человека. Эти живописные образы, эти роскошные картины, эта смелая кисть художника, рисующая перед нами русскую природу и русских людей на различных степенях их деятельности, позволяют нам заранее предчувствовать ту великолепную будущность, когда русская литература, сбросив с себя чужеземное иго рабской подражательности, делается глубоко национальной и займет достойное себе место в общей истории человеческой образованности. Вот уже прошло сто пятьдесят лет после того, как литература наша

быстро стала подвигаться вперед вместе с обновлением жизни могучего ее преобразователя, но еще никто из наших поэтов не начинал так блистательно своей карьеры, как Вы, Милостивый Государь. Чудесными силлабическими виршами заговорил с нами с своих сатирах князь Кантемир, чужеземные образы классической поэзии представил нашему воображению Ломоносов, и до времен Пушкина и Крылова почти вовсе мы не видели поэтов, которые бы могли быть национальными в тесном смысле этого слова. Но и Пушкин с своею школою, увлекаемый иностранными образцами, нередко рисовал перед нами явления чуждой жизни, скопированные будто бы с русской природы. Но и в Крылове, несмотря на его неотъемлемые вековые достоинства, слышался нередко Лафонтен или Анфредо, дурно нарядившийся в русский костюм.

Вашей девственной музе никто не осмелится сделать подобного упрека. Вы первый воскрешаете перед нами тот истинно русский язык, которым всегда должна бы была выражаться русская поэзия. Это — народный язык безыскусственных наших песен, которыми оглашалась русская земля с самого начала своего поэтического существования до той поры, пока мы не променяли на силлабические вирши и на тонические погремущки после Тредьяковского и Кантемира. Это — доведенный до идеального совершенства говор наших сказок и пословиц в том виде, как русские люди слышали его в давно минувшую эпоху из уст своих вещей людей. Снова теперь слышим мы его из Ваших уст, — и на всем пространстве русского государства не найдется ни одного русского сердца, которое не будет проникнуто глубоким сочувствием к этой родной музыке гармонических звуков, столько сродных русскому уху. Не оставляйте милостивый Государь этого языка, совершенствуйте его теми средствами, какие глубоко затаены в Вашей поэтической натуре, и будьте уверены, что бессмертное имя Ваше будет переходить из века в век к отдаленному потомству. Пусть обработка этого чисто народного стихотворного размера, так блистательно Вами усвоенного, навсегда останется Вашемою специальностью. Это не мое только мнение, это — желание всех тех, которые знакомы с историческим ходом русской литературы и русского языка. Исполнится ли оно? К несчастью не во всех Ваших стихотворениях, доселе Вами напечатанных, слышится положительный ответ на этот вопрос. Истинный поэт по призванию, творец по мыслям, по чувству и по языку, Вы, однакоже, считаете иногда позволительным для себя подражать чуждой музе, несвойственной Вашему таланту. Вы изучали Лермонтова и увлеклись им до того, что дивные звуки своей собственной поэзии предпочитаете его звукам, которые должны быть для Вас совершенно чужды. Зачем и для чего позволяете Вы себе думать, что Лермонтов или другой кто из наших искусственных поэтов может служить для Вас идеалом, по образцу которого должен формироваться Ваш собственный гений? Вы будете для нас великим тогда и только исключительно тогда, когда останетесь Никитиным, а не Лермонтовым. Не говоря уже о Вашем таланте, условия Вашей жизни, обстоятельства, сопровождавшие Ваше воспитание, Ваш настоящий быт, — все это совершенно противоположно тем условиям, под влиянием которых могла развиваться лермонтовская или другая какая муза. Вам уж физически невозможно достигнуть всех этих условий, и если наперекор обстоятельствам Вы бы захотели достигать их, постоянное, постепенное падение, а отнюдь не совершенствование ожидало бы Вас на попрание русской поэзии. Мещанина Никитина увенчат бессмертная поэтическая слава, но если тот же Никитин променяет свой постоялый двор на искусственный кабинет Петербургского или Московского литератора, гений его станет увядать постепенно, и он займет место в разряде жалких посредственностей, которыми к несчастью так богата русская поэзия. Искусственное образование для Вас невозможно, — и слава богу! Мы не имеем в нем ни малейшей нужды. Продолжайте изучать русскую природу в самом ее источнике, продолжайте наблюдать Ваших собратий, исследовать их нравы и обычаи; это самое благородное и возвышенное попрание, на котором гений Ваш никогда не встретит себе соперника. В этой сфере Вы будете великим всегда, и в этой только сфере делаетесь Вы нашею гордостью, нашею национальною славою, блистательным украшением нашей национальной литературы.

Имею честь быть милостивый государь
Покорнейшим Вашим слугою
главный наблюдатель за преподаванием
русского языка и словесности
в военно-учебных заведениях

Введенский.³⁵

³⁵ Письмо И. И. Введенского к И. С. Никитину хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (ф. 569, № 710). В значительных отрывках это письмо приводится проф. Л. А. Плоткиным в его вступительной статье к «Избранным сочинениям» И. С. Никитина (Гослитиздат, М.—Л., 1949, стр. V—VI).

Повторяем, что не по лекциям в военно-учебных заведениях нужно судить о научных и литературно-эстетических взглядах Введенского. Здесь требуется менее официальный источник, не прописные главы из школьного учебника, не «Вопрос № 6», составленный по программе, утвержденной свыше. Полагаем, что лучшим источником для характеристики Введенского являются его статьи в «Отечественных Записках» и в «Северном обозрении».

8

В «Отечественных записках» Введенскому бесспорно принадлежат следующие статьи и рецензии: «„Учебник русского языка“ А. Смирнова», «„Об особенностях русского языка“ К. Зеленецкого», «Книга для чтения и упражнений в словесности, изданная в Петербурге в 1846 г.», «„Историко-филологические исследования“ П. Билярского», «„Руководство по знанию родов, видов и форм в поэзии“ М. Тулова».

Одновременно Введенский указывает, что ему принадлежит «большая часть статей об английской литературе, напечатанных в „Отечественных записках“ 1848 и 1849».³⁶ В частности, Введенский является автором статьи о Теккере и разбора книги Гасфильда «Английские уроки».

Эта библиографическая справка, составленная самим Введенским и повторенная Благодетелевым в «Общезанимательном вестнике», далеко не исчерпывает всех статей и рецензий, появившихся в «Библиотеке для чтения» и в «Сыне отечества». Дело ближайшего будущего собрать и оценить научное и литературное наследие одного из ближайших единомышленников молодого Чернышевского.

Статьи, опубликованные в «Отечественных записках», дают основание говорить о Введенском как о передовом и талантливом филологе, склонном к теоретическим обобщениям и выводам, идущим далеко вперед. Это можно сказать о статьях, посвященных вопросам общего языкознания и славистики, а также вопросам эстетики.

В обширной рецензии на «Учебник русского языка» А. Смирнова Введенский касается народных сказок и сказок литературного происхождения, но именно здесь, в фольклористике, он менее всего оригинален. Для него сказка — исторический факт, но не более; в эстетическом отношении сказки не только не вызывают восторга, но и осуждаются как произведения ложные и грубые, лишенные разумного вымысла и в воспитательном смысле очень сомнительные. Сказки литературного происхождения — нечто суррогативное. Эта неверная точка зрения впервые была высказана в «Отечественных записках»:

«Фантастические картины, разбросанные в сказках, дают ложное направление воображению ребенка, преждевременно отрывая его от действительного мира и приучая к бесплодной мечтательности. Не раз мы высказывали мысль, которую охотно повторяем и теперь, что сказка — собственно ложный род поэзии, нетерпимый в литературе, достигшей известной степени зрелости. Единственное достоинство сказок может заключаться только в их историческом значении, так как они показывают направление фантазии в ту или другую эпоху народного существования, но во всяком другом случае, сказка — мертвый капитал в литературе, хотя бы она принадлежала поэтическому перу Эленшлегера и Пушкина».³⁷

³⁶ «Колосья», 1884, ноябрь, стр. 257—259.

³⁷ «Отечественные записки», 1848, т. 58, стр. 127.

В этом отзыве Введенский говорит главным образом о литературной сказке, разделяя заблуждение Белинского, но и фольклорную сказку он не жалует, проходит мимо ее идейных и художественных достоинств. В отношении к сказке бесспорно сказывается позитивизм Введенского, упрощенное понимание проблемы художественного реализма.

Основной областью научных знаний Введенского явились проблемы общего языкознания, истории и славяноведения. Правда, и здесь Введенский не успел завершить своих начинаний, не оставил после себя капитальных трудов. Но его журнальные статьи и рецензии представляют значительный интерес и в наши дни, в них мы находим теоретическое обоснование историко-сравнительного метода в филологии и напоминания о важности «исторической грамматики».

В рецензии на «Учебник русского языка» А. Смирнова Введенский доказывает необходимость «исторического изучения языка». Создать «историческую грамматику» — такова первая задача лингвистики. На основе «исторической грамматики» только и можно построить теорию современного языка.

«Правила этимологии и синтаксиса, лишенные исторического и логического основания, до сих пор имеют вид сухих схоластических тезисов. . . Все эти явления, по нашему мнению, — пишет Введенский, — объясняются именно тем, что грамматика у нас еще далеко не достигла формулы живого положительного знания, выведенного из фактов, основанных на историческом изучении языка. В наше время, когда ясно определены значение и цель филологических знаний, нет надобности распространяться в доказательствах, что практическая грамматика возможна не иначе, как под условием исторической, которая должна служить ей основанием. Как современный язык есть факт исторический, развивавшийся в течение столетий вместе с жизнью народа, так в свою очередь теория современного языка должна быть окончательным выводом из филологических исследований, которым подвергнуты литературные памятники в историческом их развитии. Строить теорию языка без этой предварительной филологической разработки то же самое, что заботиться об украшении кровли здания, у которого еще нет никакого фундамента».³⁸

Статья «Судьбы церковного языка» еще более значительна. Эта статья дает право включать Введенского в число тех передовых русских филологов, которые в 40—50 годы отстаивали материалистические принципы в языкознании. Введенский высоко оценивает молодую русскую науку о славянстве, выдвигая на первый план труды Востокова и Прейса. С грустью отмечая странное невнимание к Востокову, достойному стоять в одном ряду с лучшими европейскими учеными-филологами, Введенский ставит в заслугу Востокову прежде всего его труды по славяноведению и тот «историко-генетический метод», которого он придерживался. «Трудно, — говорит Введенский, — объяснить это странное невнимание к труду Востокова, который оценен первыми заграничными славистами и неизбежно должен был положить начало историко-генетической методе в области славянской филологии. . . Даже в настоящее время некоторые из русских филологов, вменяя себе за честь называться учениками Востокова, не имеют никакого понятия о его методе и простодушно мечтают о фантастическом организме языка, смешивая странным образом в одном и том же понятии Беккера, представителя философской методы, и В. Гумбольдта, который, своею положительностью, диаметрально противоположен Беккеру. Редким

³⁸ «Отечественные записки», 1848, т. 58, стр. 128.

исключением, в последнее время, был на этом поприще покойный Прейс, для которого славянская филология вообще и постепенное развитие церковного языка в частности сделали задачей всей его жизни».³⁹

Внимание к П. И. Прейсу, умершему в 1846 году в возрасте тридцати шести лет, тоже примечательно. Прейс был талантливым последователем Востокова, много сделавшим в изучении русских и славянских древностей. «Прейс, — писал Чернышевский, — один из первых славистов в Европе, оставил много сочинений; но почти все они хранились еще в рукописи, когда постигла его слишком ранняя смерть. Напечатаны им при жизни были только немногие и небольшие статьи, удивившие своей ученостью и глубокомыслием. Важность оставшихся в рукописи трудов его была несомненна» (З, 346).⁴⁰ Слова Чернышевского можно с успехом отнести и к Введенскому. Введенский — славист, который еще ждет своего исследователя. Даже те скудные данные, которые мы приводили в нашей работе, не претендующей на специальное изучение вопроса, свидетельствуют о широте научных познаний Введенского и разносторонности его кругозора. Важно, что Введенский сумел заметить в русской филологической науке все наиболее прогрессивное, свежее, он боролся против схоластов и рутинеров и сам вносил посильный вклад в славистику, которая тогда только начала складываться.

Статью «Судьбы церковного языка» Введенский написал в связи с выходом в свет историко-филологических исследований В. Билярского «О кирилловской части Реймского евангелия» и «О средне-болгарском вокализме, по патриаршему списку летописи Менасии», удостоенных Демидовской премии.

В. Билярский, в прошлом семинарист, прошедший суровую школу жизни, «нет сомнения, займет высокое место между представителями начинающейся славянской науки».⁴¹

Таким образом, Востоков, Прейс, потом Билярский — вот передовые русские ученые — слависты, которым следует подражать.

Славянская филология находится на пути овладения «историко-генетическим методом», она накапливает ценнейшие материалы, которые ждут обобщающих выводов.

Многочисленные древние славянские и русские памятники не должны стать «жертвой праздных буквоедов» и «замысловатых теорий». Они должны быть тщательно изучены, критически проверены, сравнены между собой и уже потом, на основе «исторической грамматики», археологии и этнографии, на этом твердом грунте, должна быть построена «философская история языка» и создана подлинно научная история письменности и литературы славянских народов. Таков вывод Введенского, таково его понимание «историко-генетического метода» в филологии.

«Славянская филология, — писал Введенский, — имеет перед собою множество памятников, с которыми нечего делать современной науке, если они не будут наперед обработаны по методике историко-генетической. Каж-

³⁹ «Отечественные записки», 1849, т. 63, стр. 58.

⁴⁰ См. исследование М. П. Алексеева «П. И. Прейс в работах над „Словом о полку Игореве“» («Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского Государственного университета», 1951, вып. 3, стр. 221—254). М. П. Алексеев высказывает предположение, что «Чернышевский, изучавший филологические дисциплины под руководством Срезневского, не мог не знать, что его наставник являлся как раз одним из инициаторов посмертного издания трудов Прейса и что не исключена возможность, что и сам Чернышевский в период своих занятий над лексикой русских летописей, через того же И. И. Срезневского, имел доступ к некоторым рукописям Прейса» (стр. 223).

⁴¹ «Отечественные записки», 1849, т. 63, стр. 69.

дый из этих памятников должен быть разобран отдельно, по частям, слитен с самим собою; иначе он сделается навсегда жертвой праздных буквеедов, которые, от нечего делать, привяжут к нему какую-нибудь замысловатую теорию, плод своего необузданного воображения. После этой отдельной разработки, филология обязана будет сделать сравнения между многими памятниками вместе, принадлежащими к известному разряду. Затем, все разряды вместе взятые представляют сами собой стройные материалы постройки прочного филологического здания, тогда и только тогда, но никак не прежде, дойдет дело до философских теорий языка. Все это очень хорошо понимал в свое время Прейс, понимает и г. Билярский, единственный в Петербурге последователь Прейса.

«Дело в том, что славянская филология только что начинается и пройдет довольно времени прежде, чем она явится перед публикой в строгой, систематической форме. Нечего думать до той поры ни об истории языка, ни об истории литературы, которая, не иначе как после исторической грамматики, должна быть окончательно плодом как вообще филологических исследований, так и частных философских теорий, построенных на твердом основании этих исследований». ⁴² Введенский желает применить тенденции современного ему языковедения к изучению литературы. В его статьях постоянно присутствует аналогия: сравнительная история языков, работающая на общее учение о языке («философская грамматика»), и сравнительная история литературы, работающая на всеобщую поэтику.

9

О большом кругозоре и понимании поэзии свидетельствуют статьи о Тредиаковском и Державине, появившиеся в «Северном обозрении» (1849) за подписью «И. Введенский». Статья о Державине — отрывок из «Истории русской литературы». «Напечатанная в прошлом году в „Северном обозрении“ моя статья о Державине, — признавался Введенский, — есть не что иное как отрывок из моего курса „Истории русской литературы“, составлением коего я занимаюсь постоянно в продолжении последних пяти лет. В этом же журнале я напечатал свою статью о Тредиаковском». ⁴³

Введенский выступает в защиту Тредиаковского, незаслуженно униженного и обесславленного современниками и литературными критиками. О Тредиаковском по справедливому мнению Введенского следует судить с исторической точки зрения, тогда многие его странности не покажутся странными и найдут оправдание. «Критики теории словесности, издаваясь над его бездарностью, присвоили себе какое-то странное право судить о нем как о писателе современном, и в этом заключается коренная причина их неумолимо строгих приговоров». ⁴⁴

Радищев и Пушкин увидели в Тредиаковском вполне оригинального русского ученого-филолога. Не называя Радищева по фамилии, Введенский ссылается на «великого человека», которому принадлежит честь защиты Тредиаковского от несправедливых нападений.

Введенский продолжает и развивает эту радищевскую реабилитацию Тредиаковского. «Говоря о филологических преобразованиях, сделанных Ломоносовым, мы, — пишет Введенский, — прославляем его преимущественно за то, что он *первый* отделил собственно русский язык от цер-

⁴² Там же, стр. 68—69.

⁴³ «Колосья», 1884, ноябрь, стр. 257—259.

⁴⁴ «Северное обозрение», 1849, т. II, стр. 433.

ковно-славянского, употреблявшегося в литературе до его времени: не подлежит однакож никакому сомнению, что эта мысль родилась первоначально в голове Тредиаковского». ⁴⁵ Введенский считает оригинальным и чрезвычайно смелым суждение Тредиаковского об органической связи тонического стихосложения с метрикой народной поэзии. Правда, Тредиаковский остановился на половине дороги в метрической реформе, но именно он обратился к самому источнику безыскусной русской поэзии, к народным русским старинным песням и сказкам и, естественно, пришел к заключению, что эти «безыскусные звуки должны служить существенным основанием для теории русского стиха». ⁴⁵ Следовательно, он был создателем теории русского тонического стихосложения.

Высоко ценит Введенский Тредиаковского как переводчика и теоретика перевода. В «Телемахиде» содержится «много безусловно хороших гекзаметров». Тредиаковский — поэт эпический, создатель «первой русской эпической поэмы». Это положение Введенского о Тредиаковском как создателе русского гекзаметра находит подтверждение в трудах советских литературоведов, в частности в исследованиях акад. А. С. Орлова и проф. Пумпянского. Тредиаковский был серьезным экспериментатором русского стиха, «создателем русского гекзаметра»; его «Телемахиды» — не уродливое произведение, а смелая попытка создать русскую эпическую поэму, «произведение оригинальное», «твердый памятник поэтической жизни» Тредиаковского.

Введенский понимает, что поэзия Тредиаковского далеко не равноценна по своему художественному составу, что многие его стихи отпугивают современного читателя обилием инверсий и сплошной латинизацией синтаксиса. Но и здесь не должно быть преувеличений: у Тредиаковского имеются счастливые находки. Прочитав из оды Державина «Персей и Андромеда» неудачные, тяжеловесные стихи («Частая сеча меча Сильна могуща плеча»), Введенский спрашивает:

«Что ж? Неужели у кого-нибудь достанет духу судить о Державине по этим виршам? Конечно, нет; а между тем всякий школьник вдоволь хохочет над Тредиаковским, вытаскивая из риторики Кошанского его несчастные стихи вроде следующих:

Плюнь на скуку,
Морску суку;
Держись черней, и знай штуку:
Стань отишно,
И не пышно,
Так не будет волн и слышно.

«Нет нужды, что это написано в первой молодости Тредиаковского, когда он еще сидел на семинарской скамейке: этого никто знать не хочет. Стихи нелепы, и этого довольно.

«Было бы гораздо справедливее, уважая память почтенного профессора, отыскивать в его произведениях лучшие стихи и на них основывать свой окончательный приговор. Начало этому уже сделано. Друг Пушкина, барон Дельвиг, восхищался, между прочим, следующим стихом: „Волны деля, корабль из очей ушел и сокрылся“». ⁴⁶

Введенский защищал Тредиаковского еще и потому, что тот был ученым-плебеем, сыном приходского священника, которого преследовали спесивые дворянские невежды. Не случайно свою статью Введенский закон-

⁴⁵ «Северное обозрение», 1849, т. II, стр. 437.

⁴⁶ Там же, стр. 443—444.

чил письмом Тредиаковского в Академию. «Мученик науки», ссылаясь на крайнюю бедность, просит президента прибавить жалования, чтобы не умереть с голоду: «Служить мог бы без дальней печали и сокрушения и прелебную мою фамилишку питать, не растворяя хлеб плачем».⁴⁷ Приводя это письмо Тредиаковского, Введенский замечает: «Мы не могли без трогательного умиления читать его Доношение, поданное президенту Академии наук». Подобный же мотив содержится в опубликованных нами письмах Введенского к Никитенко. Борьба за Тредиаковского в 50-е годы XIX века означала борьбу за право разночинца заниматься наукой, за демократизацию отечественной науки.

Образ Тредиаковского оказался близким тем разночинцам, выходцам из низов, которые своим горбом пробивали путь в науку и литературу, терпя постоянно нужду и лишения. Введенскому импонировало также и то, что Тредиаковский был великим тружеником, «мучеником науки». «Да, был он труженик неутомимый, добросовестный, полезный в самой высокой степени, труженик в благороднейшем значении этого слова. Он любил науку бескорыстно, с полным самоотвержением и трудился для нее без всяких внешних интересов».⁴⁸

Статья о Державине также предвосхищает многие наши высказывания о замечательном поэте XVIII века. Державин, как определяет Введенский, поэт неровный, со сбоями и перебоями в стихе. В его поэзии отчетливо заметны следы риторики, «надутости», «страшного гиперболизма». Великолепная ода «Водопад» испорчена «преувеличениями в изображении предмета» и «многословной моралью». В общем Державин заплатил дань духу времени, эстетике классицизма. Но при всем желании витийствовать и «парить», Державин «не мог с своей стороны принести посильной помощи богам Олимпа».⁴⁹ Введенский подчеркивает *самобытность* Державина. Эта самобытность дается поэту через «соприкосновение с действительным миром». В «Фелице» он не только не следует правилам пиитик, отуманенных классицизмом, но и «будто издевается над Апполоном с его музами, как впоследствии Пушкин в своем Онегине издевается над классическими правилами эпической поэмы».⁵⁰

Державин — предшественник Пушкина, а его поэзия на рубеже реализма. Введенский говорит об этом несколько иначе: «Он первый из русских лириков был в строгом смысле слова поэтом современного общества. Ни в одном из русских писателей восемнадцатого века не выразилась так полно и так ярко современная действительность, как в Державине».⁵¹

Если не знать, что эта характеристика Державина принадлежит Введенскому, то можно думать, что она взята из статей Белинского.

10

Совсем больной, прикованный к постели, Иринарх Введенский пишет рецензию на книгу М. А. Тулова «Руководство по знанию родов, видов и форм в поэзии» (Киев, 1853). Собственно говоря, это не рецензия, а большая статья, написанная умно, остроумно, порой с изяществом.⁵² Статья свидетельствует о широком кругозоре автора, о хорошем знании

⁴⁷ Там же, стр. 452.

⁴⁸ Там же, стр. 449.

⁴⁹ Там же, т. I, стр. 113.

⁵⁰ Там же, стр. 114—115.

⁵¹ Там же, стр. 124—125.

⁵² Опубликована в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1853 год.

мировой литературы и осведомленности в области эстетики, теории литературы; явственна также и общефилософская образованность автора. В этой статье речь идет не столько о книге Тулова, сколько об эстетических учениях, начиная с античной эстетики и кончая серединой XIX века, когда в Европе получила широкое распространение идеалистическая теория прекрасного. В компилятивном «Руководстве» Тулова превозносилась идея отвлеченной красоты, заимствованной из эстетики Гегеля. Прекрасное, по словам Тулова, заключено «в красоте первообразной, существующей независимо, абсолютно». Введенский совершенно точно устанавливает, откуда Тулов взял понятие о прекрасном, как проявлении абсолютной идеи, абсолютного духа — из работ немецких теоретиков 30-х годов. Тулов «нисколько не выяснил сущности прекрасного», он просто повторил основное положение немецких идеалистов-эстетиков, что «наши обыкновенные мысли и понятия» есть результат воображения и абсолютной идеи. Введенский отвечает эпигону гегелевской эстетики в России: «До сих пор всем было известно, что образование понятий и представлений принадлежит собственно рассудку, перерабатывающему известным способом впечатления, полученные через внешние впечатления». ⁵³ Единственная, правда, «великолепное открытие» Тулова, по ироническому замечанию Введенского, состояло в том, что он отождествил дурное, безобразное в действительности с комическим и сатирическим в искусстве. Нравственные уроды, изверги, предатели, лицемеры, ханжи, — все эти отрицательные явления действительности, как думает Тулов, «могут эстетически нам нравиться в искусстве». «Нет, г. автор, если ханжа, лицемер, скупец, злодей и т. д. внушают нам отвращение к действительной жизни, то, — пишет Введенский, — быть может, еще более это чувство усиливается в вас, как скоро рука художника воспроизведет перед нами эти типические образы со всеми безобразными подробностями, которые так часто в натуре ускользают от глаз поверхностного наблюдателя». ⁵⁴ Эстетически нравится не Тартюф, совершеннейший тип лицемера, не Плюшкин и Собакевич, а «творческая сила художника, то необыкновенное искусство, с каким создан этот тип, поразительно верный природе до самых мелких подробностей, ускользавших от вашего внимания». ⁵⁵ Содержание искусства не ограничивается прекрасным, художники-реалисты, изображая действительность в ее реальных противоречиях, не проходяй мимо уродливых явлений.

Идеалистическая эстетика учит на примере комического, что искусство примиряет с действительностью, с ее противоречиями. Комическое, «дурное» — в контексте действительности «дурное» — становится, мол, в контексте искусства симпатичным и т. д.

Материалистическая эстетика учит, что искусство еще более обостряет противоречия, чем это дано в действительности, делает дурное еще более дурным, вызывает презрение к нему и т. д. Ни о каком примирении и речи быть не может.

Эстетический момент лежит вовсе не в том, что «дурное» облагораживается через искусство. Эстетический момент заключен здесь только в форме: мы восхищаемся не уродливыми явлениями, якобы облагороженными, но тем, как умело и пронизательно раскрыл их и разоблачил художник. Не Собакевич нас радует, но Гоголь, обнаживший перед нами Собакевича. Все это очень важно для теории критического реализма. Задача художника не в том, чтобы затушевывать противоречия, но в том, чтобы

⁵³ «Отечественные записки», 1853, декабрь, стр. 51.

⁵⁴ Там же, стр. 52.

⁵⁵ Там же, стр. 53.

со всей остротой доводить их до нашего сознания. Замечания Введенского о комическом особенно интересны для выяснения его литературных позиций.

Здесь Введенский бесспорно выступает союзником Чернышевского в борьбе за теорию критического реализма. Для обоих показателей повышенный интерес к вопросам эстетики, критический взгляд на современные эстетические понятия. Подобно Чернышевскому Введенский ведет критику эстетических теорий, пропитанных ложно классическим духом и идеалистическим учением о прекрасном. Все его симпатии — на стороне крупнейших представителей эстетической мысли эпохи Просвещения. Введенский приветствует Лессинга, Гердера и Августа Шлегеля, которым принадлежит честь сокрушения ложноклассических правил;⁵⁶ они «первые обнаружили попытку сообщить теории словесности стройное историческое направление». Русская теория словесности тоже пережила ложноклассический период, период нормативной эстетики. Но у Введенского свой взгляд на теорию русского классицизма. Обычно возникновение классицизма в России связывали с петровской реформой. По Введенскому, классицизм проник в Россию значительно раньше, в эпоху господства схоластического «школьных» поэтик; при Петре только усилились литературные связи с Европой. Русский классицизм — «следствие естественного хода исторических обстоятельств». Эти «исторические обстоятельства» определили самобытные черты в теории русского классицизма. «Трудолюбивый профессор» Тредьяковский не подражал Буало и Роллену «безусловно», он «в отношении к своей науке ни на шаг не отставал от века». Заслуги Ломоносова как вполне оригинального теоретика литературы тоже весьма значительны. «Риторика» Ломоносова долгое время служила образцовым сочинением, и Кошанский в своей «Риторике» не только «не сделал ни одного шага вперед против Ломоносова», но и оказался гораздо ниже Ломоносова.

Главная мысль статьи Введенского состоит в доказательстве связи литературы с исторической действительностью. Важны его высказывания по поводу греков: призывают подражать им, а сами греки никому не подражали, кроме своей действительности. Греческая литература по своей природе национальна и указывает и другим литературам в этом отношении следовать за нею (мысли такого порядка высказывал еще Гердер).

Литература связана с действительностью, а теория литературы связана с литературой и через нее же с действительностью. Введенский стоит за связь теории литературы с историей литературы, причем очень тонко проводит различия между ними: для теории литературы нужен не весь материал истории литературы, но тот, где искусство поэзии достигло наивысшего развития. Теория литературы изучает опыт вершин, история литературы — опыт не одних лишь вершин, но и всех участников литературного движения. Эта мысль хотя и спорная, но заслуживает внимания. Статья направлена против умозрительной эстетики и поэтики. На Западе, где они господствовали (собственно в Германии), им приходит конец. Введенский ссылается на известного критика Менцеля. Менцель, хотя и в очень грубой форме, один из первых в Германии восстал против тенденции к отвлеченной красоте в искусстве, заговорил о практических потребностях современности, которые ждут ответа от литературы.⁵⁷

⁵⁶ При этом Введенский не различает, что Лессинг и Гердер полемизировали с классицизмом во имя совсем иных целей, нежели романтик Август Шлегель.

⁵⁷ В 30-х годах Менцель ушел из либерального лагеря, стал «доносчиком», выступал против деятелей «Молодой Германии».

Духовную природу человека нельзя постигнуть, не «исследовав наперед законов материальной природы». «Человек, рассматриваемый со стороны своей физической и духовной природы, — утверждает Введенский, — теснейшим образом связан с внешними явлениями окружающего его мира, и вы не отдадите себе отчета в его духовной и физической деятельности, если не объясните наперед законов видимой природы».⁵⁸ Таким образом, Введенский в критике современных эстетических теорий руководствуется основным положением материалистической философии, считая первичным материальную природу человека, «законы видимой природы»; духовная природа человека теснейшим образом связана с внешними явлениями окружающего мира, с «материальной природой». Понимая это единство «материального» и «духовного» начала человеческой жизни, Введенский распространяет свет этого единства на «философию искусств». «Искусства могут и должны иметь свою философию — кто в этом сомневается? Но такая философия, изложенная в правильной системе, возможна не иначе, как вследствие предварительного исследования путем историческим всех явлений изящного искусства».⁵⁹ Эстетика и психология творчества — это не наука о человеческой душе как источнике всех мыслей, чувствований и желаний. Основная цель эстетики «не может быть достигнута путем чистого умозрения, потому что такое умозрение, не основанное на фактах, всегда имеет вид праздно мечтательности, неудобоприлагаемой к явлениям действительной жизни».⁶⁰ В очень осторожной форме, но Введенский все же пришел к выводу, что «сильнейшим противодействием» идеалистической эстетики является материалистическая «философия искусств». Прекрасное существует в «действительной жизни», а не в «чистом умозрении» и не в «праздной мечтательности».

Введенский требует повсюду исторической, фактической почвы, выводов, которые следуют из тщательного изучения фактов. Введенский в этой статье — р е а л и с т, это очевидно. Это — реализм, но еще не материализм, и в этом, очевидно, отличие Введенского от Чернышевского, у которого за требованием фактичности, историчности и т. д. стоит осознанное философское мировоззрение. Примат объективной материальной действительности над сознанием диктует и особую научную методологию: исходить из объективного изучения этой действительности, из «фактов» и т. д. У Чернышевского это основное положение материалистической философии применено к «эстетическим убеждениям» в более последовательной и развернутой форме: «Уважение к действительной жизни, недоверчивость к априорическим гипотезам, к развитию науки из метафизических соображений — вот характер нового направления, господствующего во всех науках; мне кажется, что необходимо привести к этому общему знаменателю и наши эстетические убеждения».⁶¹ Такое совпадение мыслей тем более замечательно, что Введенский и Чернышевский в одно и то же время, в 1853 году, работали над эстетическими проблемами и даже в одной и той же квартире: в квартире Введенского, у Тучкова моста. Статья Введенского вызвала отклик в «Современнике» (1854, № 4). Фельетон «Тонкие критики (Письмо г. Введенскому по поводу его критики, помещенной в XII книжке „Отечественных записок“ 1853 г.)», подписанный *Z*, начинается с откровенного при-

⁵⁸ «Отечественные записки», 1853, декабрь, стр. 44.

⁵⁹ Там же, стр. 45.

⁶⁰ Там же, стр. 47.

⁶¹ Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Изд. «Искусство», М.—Л., 1939, стр. 4. В дальнейшем диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» цитируется по этому источнику.

знания, что фельетонист «Современника» давно забросил «скучные рассуждения эстетиков», «Руководства» Тулова тоже не читал и т. д. В статье Введенского фельетонист неожиданно обнаружил «редкий критический дар». Но эта похвала была сказана с явной иронией, иронически звучало и само название фельетона — «Тонкие критики». «Как! То, о чем иногда думали так долго и так много, — думали люди, имевшие несомненный вкус, и становились втупик, то вы, — восклицает анонимный автор в «Современнике», обращаясь к «тонкому критику» Введенскому, — решаете на двух-трех страничках, — решаете блистательно, не оставляя ни малейшего сомнения в самой туманной голове читателя! Да это верх совершенства! Вы являете миру такой редкий критический дар, перед которым и Лессинг, и Шиллер, и Гете (великие критики, по моему мнению) — пигмеи».⁶² Однако фельетонист и сам не прочь поговорить об эстетике. Критик «тонких критиков» возражает не против вообще эстетики, он не согласен с Введенским, который ратует за «сравнительную историко-критическую методу», и не боится в связи с эстетикой говорить об «эмпирических явлениях», т. е. об отношении искусства к действительности. Критик Z с недоумением восклицает: «И да здравствует Бэкон!» Он возражает против того, чтобы эстетики заглядывали в трактаты философов материалистов, чтобы философия «предписывала законы» искусству, ибо искусство существует для искусства и развивается по собственным законам, которые «ни от кого не зависят, кроме творчества и фантазии». Таким образом, в «Современнике» был взят под сомнение основной принцип материалистической эстетики. Ясно, что Чернышевский, работавший тогда над диссертацией «Эстетические отношения искусства к действительности», не мог не выступить в защиту Введенского, — этого требовала не только личная дружба, но и интересы общего дела. Сам Введенский в 1854 году по болезни не смог продолжить спор с «Современником». 28 апреля 1854 года он обратился с письмом в «Отечественные записки», в котором жаловался на состояние здоровья и признавался, что обстоятельства лишили его «в настоящую минуту физической возможности взяться за перо или книгу». И все же Введенский ответил автору «веселой статейки». Во-первых, он весьма ясно намекнул, что господин Z в молодости принадлежал к «эстетико-умозрительному — шарлатанскому направлению в науке», потом, перестав читать всякие исследования по теории словесности, «без всякого рационального направления и без всякой методы принялся рассуждать о явлениях изящного и обо всех дивных красотах в полуденном мире».

В «Отечественных записках» (1854, май) появилось это письмо Введенского и еще более обстоятельный ответ «критику-юмористу», автором которого был Чернышевский. Чернышевский дает понять, что Введенский написал свою статью по теории словесности не для «домашнего обихода», что он говорит о «самых элементарных истинах современной эстетики» и выражает требования, общепризнаваемые ныне всеми образованными людьми. Одно из требований состоит в том, что эстетики, пишущие статьи и трактаты о словесности и поэзии, должны «основательно» знать тот предмет, о котором они пишут. Эстетик из «Современника», затаивший свое имя под буквой Z, всего-навсего дилетант, которому не следовало бы и отвечать, но есть еще «доморощенные теоретики», которым полезно напомнить, что эстетика «требует основательного, ученого знакомства с словесностью». «Вся статья г. Z, — заключает Чернышевский, — носит грустные следы

⁶² «Современник», 1854, № 4, стр. 70.

решительного отсутствия всяких убеждений относительно вопросов, о которых в ней трактуется».⁶³

Единственный недостаток, который находит Чернышевский в статье Введенского, тот, что «она не довольно резко и ясно говорит о том, до какой степени жалки те теории словесности, против которых она направлена».⁶⁴ Этот недостаток исправит сам Чернышевский, посвятив диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» критике идеалистических теорий словесности.

О Введенском, о его лекциях, журнальных статьях и письме к Никитину можно было бы и не говорить так подробно, если бы не запись самого Чернышевского, сделанная 14 марта 1853 года в Саратове: «Буду писать все, что угодно. Главным образом, если на мой выбор, критические исследования о различного рода литературе и теории словесности. Может быть, даже, составлю учебник вместе с Введенским» (1, 513—514).⁶⁵ Эта запись убеждает нас в том, что Чернышевский дорожил соавторством Введенского, верил в его силы и знания, был согласен с его взглядами на литературу и искусство, иначе бы он не стал помышлять совместно писать книгу по теории словесности.

Сам замысел знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» возник в какой-то степени в дружеских беседах с Введенским. Напомним ход работы Чернышевского над магистерской диссертацией. В начале марта 1853 года, живя в Саратове, Чернышевский готовится к магистерским экзаменам, обдумывает тему диссертации, собирает материалы «об управлении слов», продолжает свои занятия по изучению лексики Ипатьевской летописи, начатой в университете под руководством профессора Срезневского. Летом 1853 года, перебравшись в Петербург и поселившись у Введенского, он окончательно избирает темой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». В сентябре он уже извещает отца о ходе работы над новой темой: «Диссертацию свою пишу об эстетике. . . По секрету можно сказать, что гг. здешние профессора словесности совершенно не занимались тем предметом, который взял я. . . и потому едва ли увидят, какое отношение мои мысли имеют к общеизвестному образу понятий об эстетических вопросах. . . Вообще у нас очень затмилась философия с тех пор, как умерли или замолкли люди, понимавшие философию и следившие за нею» (14, 242).

Университетские профессора совершенно не занимались тем предметом, которым решил заняться Чернышевский. У него были предшественники, сделавшие огромный вклад в материалистическую философию и эстетику, — это Белинский и Герцен. Но верно и то, что идеи Белинского и Герцена в пятидесятые годы носились в воздухе, на них воспитывалась передовая студенческая молодежь, они воодушевляли целую армию разночинцев. Диссертацию Чернышевского следует рассматривать на фоне тех дружеских литературных диспутов, о содержании которых мы можем догадываться по воспоминаниям современников. В пылу студенческих и кружковых споров вырабатывалось коллективное мнение по важнейшим вопросам науки и искусства, совсем противоположное мнению академическому, прививаемому профессорами Петербургского университета.

Едва ли нужно говорить о том, что лекции Введенского, его статьи в «Отечественных записках» и диссертация Чернышевского — произведе-

⁶³ «Современник», 1854, № 4, стр. 63.

⁶⁴ Там же, стр. 61.

⁶⁵ Разрядка наша, — В. Б.

ния несоизмеримые. Введенский говорит об отношении искусства к действительности как рядовой литератор-разночинец, испытавший влияние Фейербаха и Белинского; Чернышевский о том же самом пишет как гениальный мыслитель, открывающий новый этап в истории философской и эстетической мысли. Чернышевскому приходилось одновременно выступать и против дворянской эстетики, отрицавшей социальную природу художественного творчества и зависимость литературы от потребностей утилитарной действительности, а также и против вульгаризаторов идей Белинского, упрощенно понимавших общественное значение искусства и проблему народности в литературе.⁶⁶

⁶⁶ За последнее время, когда наша статья была закончена и находилась в печати, появились новые работы о молодом Чернышевском. Формированию политических и научных воззрений Чернышевского посвящена содержательная статья Д. К. Мотольской в «Ученых записках» Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена (1955, т. 120, «Формирование историко-литературных взглядов Н. Г. Чернышевского», стр. 199—230). Подробно касаясь ученических сочинений молодого Чернышевского, выполненных под руководством проф. И. И. Срезневского над Ипатьевской летописью и под руководством проф. А. В. Никитенко над темой «Об отношении поэзии к действительности» и т. д., Д. К. Мотольская в заключение пишет: «Так, уже в студенческие годы складываются у Чернышевского те эстетические принципы, которые лягут в основу его магистерской диссертации, да и всех последующих работ» (227). В кружок Введенского Чернышевский пришел теоретически подготовленным, самостоятельно мыслящим и не случайно он сразу же стал выделяться и первенствовать на «средах».

Об ученических и студенческих работах Чернышевского см. также статьи А. П. Медведева «Литературное ученичество Н. Г. Чернышевского» в «Ученых записках» Саратовского педагогического института (1940, вып. 5) и И. И. Корель «Н. Г. Чернышевский в Петербургском университете» [сб. «Н. Г. Чернышевский (1889—1939)», изд. Ленинградского Государственного университета, 1941]. А. П. Медведев в «Научном ежегоднике за 1954 год» (Саратов, 1955, стр. 162—167) опубликовал автореферат своей работы «Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского». Судя по автореферату, А. П. Медведевым написана интересная работа, появление которой в печати значительно расширит наши представления о кружке Введенского. Характеризуя состав кружка, А. П. Медведев справедливо выделяет А. А. Чумикова. А. А. Чумиков был убежденным последователем идей Белинского и активным распространителем знаменитого письма к Гоголю. Именно здесь, в кружке Введенского, Чернышевский «оказался в атмосфере, проникнутой культом Белинского и Герцена» (165). К тому же сам Введенский в 1847 г. «имел возможность лично общаться с великим критиком, так как с осени этого года стал в „Современнике“ помещать свои переводы Диккенса, которые очень хорошо принимались Белинским» (164). Нельзя не согласиться и с общим выводом А. П. Медведева: «Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что кружок демократической молодежи, группировавшейся вокруг И. И. Введенского и воспитанной на идеях Белинского и Герцена, в духовном развитии Чернышевского сыграл весьма значительную роль. Именно на „средах“ Введенского, а не в университетских аудиториях, Чернышевский заканчивал и шлифовал свое литературное и общественное образование. Это был последний выпускной курс его подготовки к жизни» (167).

В. Я. ПРОПП

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ ЗАПИСЕЙ ФОЛЬКЛОРА

Издание фольклорных текстов ведется в СССР в больших масштабах, и работа эта из года в год расширяется. Необходимо поставить вопрос о том, какими принципами следует руководствоваться при подготовке архивных или иных рукописей к печати. Следует или не следует подвергать имеющиеся записи той или иной редакционной обработке со стороны языка и способов его передачи? Какие виды редакционной обработки, если она необходима, допустимы и правильны и какие ошибочны или недопустимы? Вопросы эти в нашей издательской практике не только не решены, но и не поставлены.

Никаких единственно правильных принципов здесь быть не может. Характер обработки будет в каждом отдельном случае зависеть, с одной стороны, от характера записи и, соответственно, рукописи, с другой — от целей, в каких тексты издаются, от типа издания. Невозможно лишь отсутствие принципа.

Один из способов записи — это запись, сохраняющая по возможности все особенности языка и произношения исполнителя. Если такая запись сделана достаточно подготовленным собирателем, она может служить надежным материалом для изучения народного языка, в частности — его говоров. Такие же тексты, как максимально достоверные и заслуживающие доверия, могут служить основой для изучения стиля исполнителя. Прекрасным примером таких записей могут служить записи академика Шахматова. Например:

С-пѳд тоѳо камня, кáмня белоѳо,
С-под тоѳо кустушка ракитова
Пала-выпадала мать Ребра река,
Усьем пала в морѳ Черноѳ.¹

Образец сказочной записи Шахматова: «Не в каком чарьсвини, не в каком государьсвии, в таком, каком мы живѳм, жиѳ мужык да баба».²

Корректуру сказочных текстов держал сам Шахматов, и транскрипция полностью принадлежит ему.

В советское время этот способ записи применялся А. И. Никифоровым в его огромном собрании северных сказок, из которого пока опубликовано

¹ Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948, стр. 84. Заонежье.

² Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 219 (Олонецкая губерния). (В дальнейшем: Ончуков).

только 15 текстов.³ Образец записи А. И. Никифорова: «Не в котором царстве, не в котором государстве жыл король. У короля была дощья Марфа Прекрасна. Она росла в своём саду в терему за тяжолома замками. В ей сад нехто не являлса, в ейну крепость. Только были бабки, няньки. Она выростала, невестой стала, ходит по саду, гуляет с няньками, с мамками» (№ 1, стр. 151, Заонежье).

Такие записи ценны прежде всего для лингвиста. Если они сделаны умело, они дают важный материал для изучения местных говоров.

Однако данный способ, при всех его достоинствах, имеет ряд существенных недостатков, причем недостатков именно лингвистического порядка. Основной недостаток в том, что при быстрой записи невозможно уловить и правильно передать все звуковые особенности записываемой речи. Акад. Шахматов считал свои записи несовершенными. Передавая их для опубликования Ончукову, он его предупредил, что нередко, вследствие быстроты, с которой приходилось записывать, вместо точного обозначения звуков ставились привычные графические начертания (например: *л* вместо *у*, *л* вместо европейского *l*, *г* вместо *γ* и т. д.); привычными начертаниями обозначались также, как говорит Шахматов, «звуки неясно слышавшиеся в неударяемых слогах»; не было также системы в проставлении ударений и т. п.⁴ И действительно, в приведенных нами примерах бросается в глаза написание *живем* (*и*) наряду с *жыў* и *музык* (*ы*). Неясно, имеем ли мы здесь дело с колебанием произношения или непоследовательностью в транскрипции.

Такие же трудности испытывал Д. К. Зеленин. Он пишет: «Некоторые сказочники... совсем не умеют рассказывать свои сказки „под запись“: они все время и весьма сильно торопятся, так что записывать за ними не успеваешь».⁵

Такое высказывание заставляет фольклориста насторожиться. Оно показывает, что Д. К. Зеленин различает сказочников умеющих и не умеющих рассказывать «под запись». Однако входить в детали здесь нет возможности. Записывая сказочников, которые не умели приноровляться к записи, целью которой была точная фиксация произношения, Д. К. Зеленин был вынужден жертвовать принципом фонетической точности, и он также признает свои записи лишь условно и приблизительно верными, как это делает академик Шахматов: «Даже при условии двукратного выслушивания каждой сказки приходится следить главным образом за текстом сказки, а не за особенностями произношения сказочника... Точности произношения в таких случаях остаются неотмеченными». Д. К. Зеленин приводит и ряд других причин, почему он может ручаться «только за точную передачу текста сказки, а не произношения сказочника».⁶

В некоторых случаях собиратели, не успевая фиксировать речь исполнителя точно, обрабатывают полевые записи задним числом, вносят уточнения по памяти. Так делал Д. К. Зеленин, указывая при этом, что во многих случаях он не помнил, как произносились те или иные слова.

Можно с уверенностью сказать, что есть случаи, когда собиратели задним числом в погоне за «точностью» нарочито усиливали особенности местного произношения. Установить это можно только при сравнении по-

³ А. И. Никифоров. Победитель змея (из севернорусских сказок). «Советский фольклор», № 4—5, Изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 143—243.

⁴ Ончуков, стр. 201—202.

⁵ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914, стр. XIV.

⁶ Там же, стр. XIV—XVII.

левых записей с обработанными рукописями или рукописей с печатным текстом. Так, Афанасьев, готовя к печати архивную рукопись сказки о молодильных яблоках и живой воде, искусственно усилил аканье (в рукописи: один царь, обнищал, молодильными, колодезь, водою и пр.; в печатном тексте: адин царь, абнищал, маладильными, калодезь, вадою и пр.).⁷ Такой прием несомненно ошибочен и недопустим.

Можно было бы привести и ряд других высказываний, чтобы подтвердить правильность положения: в силу специфических условий записывания фольклорных (в особенности сказочных) текстов, возможна лишь приблизительная точность в передаче особенностей произношения исполнителя.

Это значит, что приведенный способ фиксации речи носит непоследовательный и компромиссный характер. Степень точности будет зависеть от условий записи, степени подготовки, добросовестности и мастерства записывающего. В случаях, когда благоприятных условий нет, более целесообразно довольствоваться упрощенным способом записи и не гоняться за сомнительной фонетической точностью, в особенности, если ради нее приходится останавливать и переспрашивать исполнителя или просить его говорить поменьше, вследствие чего нарушается качество исполнения.

Но, кроме описанных специфических трудностей, есть и другая причина, почему точность передачи фольклорных текстов носит лишь приблизительный характер. Дело в том, что средствами алфавита точная передача произношения вообще невозможна. В те годы, когда создавались приведенные записи, еще не была известна или еще не получила распространения так называемая международная система фонетической транскрипции, которая содержит достаточное количество условных знаков для обозначения звуков человеческой речи соответственно особенностям языков. Смешение фонетической и орфографической записи (что имеет место даже в лучших записях Шахматова и Зеленина) здесь квалифицировалось бы как грубая и совершенно невозможная и недопустимая ошибка.

С точки зрения принципов, выработанных современной фонетикой, приведенные записи страдают рядом весьма существенных недостатков. Основной — отсутствие последовательности, смешение фонетической и орфографической записи, вследствие чего далеко не всегда можно быть уверенным, что слово произносится именно так, как оно написано (например: колодда или колотца и т. д.). Аканье, оканье иногда ясны, иногда нет, так как фонетическая запись сбивается на орфографию. Отмечаются только наиболее заметные отклонения от литературной произносительной нормы. Имеется полное или частичное отсутствие обозначения придыханий, долготы, краткости или полукраткости, степени ударенности, качества произношения звуков, обозначаемых, например, через *e*, *л*, *г* и др., отсутствие обозначения всех случаев палатализации и т. д.

Записи Шахматова, Зеленина, Григорьева, Астаховой и других для своего времени представляли собой огромный шаг вперед и не потеряли ни своей фольклористической, ни своей лингвистической ценности. Мало того, несмотря на свои недостатки, этот способ по сегодняшний день может быть рекомендован в тех случаях, когда собиратель не получил достаточной лингвистической подготовки, чтобы дать более точную и более совершенную запись. Эти компромиссные записи часто окажутся более полезными, чем записи, в которых особенности языка исполнителя заменены языком собирателя. Независимо от того, как текст будет издаваться, печататься, во всех

⁷ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I—III. 1936—1940 (см.: т. II, № 171, стр. 584). (В дальнейшем: Афанасьев).

случаях он должен записываться настолько точно, насколько возможно это в каждом отдельном случае. Во всех случаях следует стремиться к максимально точной записи.

Однако в тех случаях, когда собиратель достаточно опытен и подготовлен, следует стремиться к более совершенной форме записи, чем та, которая была охарактеризована выше и которая господствовала в нашей фольклористике до последнего времени. Наша наука не может остановиться на тех результатах, которых достиг, например, Шахматов более 80 лет назад. В этом отношении необходимо сделать дальнейший шаг вперед. В настоящее время точная запись должна вестись средствами современной фонетической науки (в фонетической транскрипции по нормам, установленным в наших вузах: *v nastajǝššǝ'eje vr'ém'a tǝč'naja záp'is' dal'zná v'es't'is'sr'étstvam'i savr'em'énnaǝ fanet'ič'eskaǝ nauk'i*).

Следует с решительностью сказать, что на сегодняшний день запись средствами современной фонетической науки есть наиболее правильный и последовательный вид фонетически точной фиксации речи. Система эта не представляет собой чего-то застывшего, ограниченного (как алфавит), она допускает различные формы применения, различные варианты, она гибка. Так, в настоящее время в некоторых учебных пособиях по русскому языку для иностранцев фонетическая транскрипция проводится на базе русского алфавита. Международной системой фонетической транскрипции предусмотрено обозначение не только звуков, но и ударений, пауз и интонаций. Приведем образец транскрипции на базе русского алфавита.⁸

кагда́ ф тава́р^бищѣх саглас^бья на́ет ↑ |

на ла́т ↑ ѣх д^бѣла на́е пайд^бо́т ↓ |

Изучение диалектов русского языка в наше время ведется планомерно. Имеется подробно выработанный план охвата территории СССР диалектологическими экспедициями, в результате которых будет издан диалектологический атлас СССР. Фольклорист, желающий принести пользу этому делу, должен предварительно ознакомиться с тем, какая система транскрипции принята у нас для обозначения диалектов. Анархия и кустарничество должны уступить системе и последовательности. Все это показывает, что смешанная система записи в настоящее время уже не обладает той научной ценностью, которой она обладала, когда не было средств более точной и совершенной записи.

Но значит ли это, что фонетически точная запись с применением международной системы транскрипции есть единственная форма записи, имеющая научную ценность для фольклориста, и что все другие, в силу своей компромиссности, должны быть отвергнуты как невозможные или недопустимые? Ясно, что это не так; издавая все новые записи только по фонетической системе, мы совершили бы новую ошибку. Но отсюда вытекает также правомерность вопроса о том, чем же фольклорист может поступиться, если нельзя отстаивать фонетическую запись как единственно возможную и единственно научную при записывании и издании памятников народной поэзии?

Дать ответ на этот вопрос можно только в том случае, если встать на точку зрения, что из всех компонентов устной художественной речи звук как таковой, безотносительно к смыслу речи, обладает наименьшей художественной выразительностью и что поэтому принципом точности фикса-

⁸ Б. Братусь. Основы русского произношения. Л. 1955, стр. 193. (На китайском яз.).

ции звука можно пожертвовать. В противном случае придется признать научной только фонетическую систему записи. Для литературоведа, изучающего памятники народной поэзии с точки зрения их идейно-художественных ценностей, безразлично, будет ли слово еще обозначено орфографически или путем таких написаний, как: *ешче, ешчѣ, ешчо, јешчо, јшчѣ, јѣщѣ, јѣщ'ѣ* или как-нибудь иначе. Если же говорить о точной записи, то фольклорист прежде всего будет дорожить не точностью записи звуков, а естественностью и непринужденностью хода повествования и точностью его передачи, а также тем, что обычно не передается, — манерой исполнения, темпом, интонациями, паузами, жестами, мимикой, репликами аудиотехники. Такая точность возможна только при наличии звукозаписывающего аппарата или еще лучше — звукового кино.

Для массового читателя точная фонетическая запись не обладает привлекательностью. Более того, она нарушает плавность чтения и непосредственность художественного восприятия и наслаждения. Читатель быстро утомляется и прекращает чтение. Поэтому в тех случаях, когда памятники народной поэзии издаются не как материал для изучения языка, а как произведения национальной художественной культуры, в точной фонетической записи нет необходимости.

Какие же задачи возникают в связи с изложенным перед современным издателем фольклорных записей? В тех случаях, когда нет необходимости в издании фольклорных текстов в фонетической транскрипции, должны быть выработаны иные способы фиксации текста, по принципам, которые должны быть установлены для фольклорных текстов, издаваемых не в лингвистических целях. Иными словами: необходима какая-то обработка полевых и иных записей или архивных рукописей.

Совершенно очевидно, что такая обработка — очень трудное и ответственное дело и что она должна быть проведена осторожно и продуманно, чтобы не нарушить подлинности и художественности издаваемого памятника. Необходимо также оговорить, что могут быть особые случаи, когда архивные рукописи должны издаваться без всяких изменений, буква в букву, со всеми ошибками, но эти случаи здесь рассматриваться не будут.

В обычных случаях при издании записей (например, типа записей А. И. Никифорова) в первую очередь могут быть сняты все попытки передать обычное общерусское произношение слов не привычными для глаза орфографическими средствами, а применением русских букв по принципу «пиши, как слышишь». Примеры из собрания А. И. Никифорова: *живет, держишь, живой; чюдовище; уливаеця, закѣтитьця, прѣситце, ведеться, ведѣтьця*. Во всех этих и подобных случаях спокойно можно пользоваться орфографией, тем более, что приведенные начертания столь же условны, как и орфографические (точнее надо было бы писать: *жив'от, д'ержиш* и т. д.). То же касается, например, фиксации палатализации однофокусных круглощелевых («свистящих») согласных вроде: *рѣсьтѣт* (точнее было бы *рѣст'от*), *сьмерть, тесьть, сълеза, госьти, зьделали*, или аффрикаты *щ* в таких словах, как: *дочька, Ивановичь* и т. д. Не говоря уже о чрезвычайной непоследовательности (например, в слове *зьделали* не обозначена разница в произношении двух *л* — твердого и мягкого), в подобных написаниях нет необходимости, так как в русском языке звук *ч* всегда произносится мягко. В этих случаях (так же как и во многих других, которые здесь не оговариваются) без всякого ущерба для науки при издании фольклорных текстов можно обойтись средствами орфографии и соответственно редактировать издаваемые тексты.

То же относится к группам и сочетаниям согласных, весьма несовершенно передаваемых средствами орфографии и потому при попытках точной передачи речи иногда подвергаемых разным поправкам: *подъеждяют, уежайте, сонце, млаччюю, растрел* и др. (Все примеры из собрания Никифорова). Все эти и подобные им сочетания во всех случаях издания фольклорных текстов не в лингвистических целях могут передаваться орфографически.

Некоторые издатели (например, Григорьев в «Архангельских былинах») более или менее последовательно обозначают произношение глухих согласных: *фсе, фсех, погрел, веть, уш* и т. д. Необходимости в этом нет, и преобладающее большинство фольклористов (в их числе Шахматов) в этих случаях, как правило, придерживается привычных орфографических начертаний. Современные фольклористы в этих случаях также вполне могут довольствоваться средствами привычной орфографии.

Орфографический же принцип может быть применен при передаче редуцированных гласных. В ряде случаев делаются попытки уточнить их произношение: *чесы, спехнуть, заец, знаите, помени* и т. д. Во всех этих случаях можно обойтись средствами орфографии. Частный случай этого же явления представляет собой передача окончания *ый* через *ой*: *доброй молодец, серой волк, поганой, целой* и т. д., хотя в ряде случаев оно может рассматриваться как явление оканья.

Мы считаем, что нет необходимости передавать фрикативный заднеязычный звук *z* в отличие от взрывного через греческую гамму: *ауа, боуатый* (Никифоров), или через латинское *h* (Астахова), или через русское *х* (Карнаухова), в тех словах, в которых этот звук всегда произносится как фрикативный.

Таковы простейшие и более или менее бесспорные случаи, когда издатель фольклорных текстов (если они издаются не в специально лингвистических целях) без всякого ущерба для научности издания может пользоваться обычной орфографией и соответственно редактировать издаваемые записи. Случаи эти здесь не исчерпаны, они иллюстрируют самый принцип подачи текста: общерусское или близкое к нему произношение во всех случаях может передаваться орфографически.

Так обстоит дело с общерусскими, общенародными формами языка. Более труден другой вопрос — вопрос о местных или личных особенностях речи.

Большинство фольклорных записей обладает различными признаками диалектов, иногда выраженными ярко, иногда слабо. Крестьянская речь отличается особенностями, не свойственными общерусскому или литературному языку. Следует ли эти особенности сохранять, или нет?

Ответ на этот вопрос не может быть дан для всех подобных явлений одинаково.

Принципиально перевод с одного наречия на другое или перевод с диалекта на общерусский язык так же возможен и допустим, как перевод с древнерусского на современный или с одного языка на другой. Однако в пределах русского языка в таком «переводе» нет необходимости, так как любое русское наречие понятно любому русскому (для немецкого и других языков дело обстоит бы иначе). Кроме того, всякий перевод снижает своеобразие оригинала, отзывается на его стиле и часто снижает его художественные достоинства. Отсюда вытекает, что диалекты, как правило, должны быть сохранены.

Издание, в котором общерусские слова и общерусское произношение обозначаются орфографически, но в котором одновременно полностью

сохранены все особенности диалекта (в такой степени, в какой это графически возможно), есть для фольклориста во всех отношениях полноценное научное издание, и этот принцип редактирования может быть рекомендован как для изданий более широкого назначения, так и более узкого.

Здесь возможна, однако, и иная постановка вопроса: в какой степени такое сохранение не только возможно, но и необходимо как для целей фольклористического изучения, так и для изданий в целях популяризации памятников народной поэзии?

В этом отношении все будет зависеть от типа издания. Предусмотреть все типы издания в краткой статье нет возможности. Очевидно, однако, что, например, принципы издания академического типа с небольшим количеством филологически точно записанных текстов будут отличаться от принципов издания популярных сборников с большим количеством текстов, которые стремятся ознакомить читателей с художественными произведениями народного поэтического искусства. Так, большой том сказок, в котором последовательно будут сохранены и повторены на несколько сот страниц все особенности местного, личного и возрастного произношения, представил бы собой трудное и неудобное чтение. Подобные издания требуют такой текстологической редакции, которая облегчила бы чтение.

В этих целях может быть допущен разный подход к явлениям фонетического порядка, с одной стороны, и явлением словоизменения, лексики, словообразования и синтаксиса — с другой.

Мы сперва остановимся на фонетических особенностях диалектов. Здесь нет возможности уходить вглубь этого вопроса. Необходимо только подчеркнуть, что для каждого издания этот вопрос должен быть продуман и решен в соответствии с состоянием рукописи и характером записи, а также с целью издания. Само же по себе точное сохранение и точная передача всех звуков данного наречия для фольклориста не определяет ни ценности текста, ни ценности записи. Классический сборник Рыбникова, в котором эти особенности не отмечены, не теряет своей ценности от сравнения его со сборником Григорьева, где сделана попытка эти особенности сохранить и передать.

Если следовать принципу, что звук как таковой не есть признак художественности речи, нужно иметь смелость в некоторых изданиях отказываться от сохранения диалектальных особенностей произношения в фольклорных текстах. Приведем пример. Сказка № 63 (29) из сборника Афанасьева («Сказка пра аднаво аднабокава барана») в записи писателя Лажечникова имеет следующий вид: «У аднаво барина была многа животсины» и т. д. Чем такая запись лучше орфографической? И много ли почерпнет лингвист из того, что эта запись сделана в бывшей Тверской губернии?

Воронежская частушка в издании Елеонской напечатана так:

Ни брани мине, мамаша,
Што памаду пралила:
Стаял гуля пад акном —
Я бис памяти была.⁹

Эта и подобные ей частушки, переданные в этом сборнике «фонетически», не обладают преимущественной научной ценностью.

Сохранение всех особенностей произношения имело бы еще некоторый смысл, если бы запись была сделана умелой рукой. В огромном большинстве случаев этого нет. Но есть и другие причины, по которым можно

⁹ Е. Н. Елеонская. Сборник великорусских частушек. М., 1914, № 4522.

отказаться от точности в передаче звуков. Пример — фиксация цоканья в записях А. И. Никифорова. В одной из записей Никифорова есть два героя — братья Вод Водович и Иван Водович. А. И. Никифоров, сохраняя местное произношение, называет их Вод Водовиць и Иван Водовиць. Так как эти имена в разных падежах встречаются часто, они назойливо бросятся в глаза и тормозят процесс чтения и художественного восприятия у читателя, для которого данное наречие не является родным и который не изучает диалекта. В данном случае, учитывая, что у других сказителей данной местности цоканье не наблюдается и что в передаче Никифорова нет устойчивости (в сказке № 1 на 13 случаев *Водовиць* приходится 11 случаев *Водович*, причем неясно, имеем ли мы колебания в произношении или в написании), а также и то, что переданы далеко не все особенности произношения исполнителей, можно признать возможным отказаться от сохранения этой, как и других местных и личных особенностей произношения.

В тех случаях, когда издатель найдет возможным или необходимым элиминировать особенности местного или индивидуального произношения, об этом должна быть сделана оговорка. Мало того, желательно, чтобы в аппарате, приложенном к книге, были бы опубликованы образцы текстов в том виде, как они были записаны, в отличие от того, как они были отредактированы. Другими словами, читатель имеет право знать, по какому принципу редактировался язык данного издания и какова аргументация этого принципа, а издатель обязан эти принципы сообщить.

Вопрос о сохранении или отбрасывании особенностей местного произношения в каждом отдельном случае (издании) должен решаться заново, соответственно целям издания. Вопрос этот может решаться также различно в зависимости от того, будут ли издаваться собственные записи, или архивные рукописи разного достоинства, или перепечатываться уже напечатанные тексты. Разумеется, что рукопись, например, XVIII века будет издаваться по иным принципам, чем фольклорная запись малограмотного волостного писаря конца XIX века. Такие записи имеются в сборнике, например, Афанасьева, который подвергал эти рукописи предварительной правке.

Все изложенное позволяет нам фиксировать следующий принцип: возможен такой тип издания, при котором с точки зрения фольклористического изучения нет прямой необходимости в сохранении всех особенностей местного или индивидуального произношения. Вопрос о их сохранении или нивелировке должен решаться для каждого издания отдельно, приемы редактирования должны доводиться до сведения читателя в вводной статье или в примечаниях; безоговорочная и ничем не мотивированная нивелировка особенностей произношения ни в каких случаях не допустима.

Совершенно иначе дело обстоит с местными особенностями морфологии, лексики и синтаксиса. Чтобы решить вопрос о том, в какой степени их следует сохранять или нет, необходимо ясно сознавать, что значимое слово — уже совершенно иной компонент художественной речи, чем каждый из составляющих это слово звуков; слово вызывает представления, ассоциации и эмоции. Несомненно, что форма слова в этом отношении имеет значение. Местные или иные особенности словоизменения и словообразования, т. е. особенности морфологии, лексики и синтаксиса, проявляющиеся в необычных с точки зрения литературного языка формах склонений, спряжений, префиксации, суффиксации, управления и согласования и т. д., не могут быть нивелируемы под общерусские нормы. Правда, многие из таких форм будут восприниматься с точки зрения

господствующего литературного языка как ошибки, но это не меняет дела. Колоритность, выразительность, образность и своеобразие народного языка определяются в числе других факторов свободным обращением с общепринятыми грамматическими нормами. В этой связи вспоминаются слова Пушкина:

Как уст румяных без улыбки
 Без грамматической ошибки
 Я русской речи не люблю.

Приведем лишь два-три примера из сборника былин Париловой и Соймонова, заимствуя их из наблюдений, сделанных Г. Ф. Нефедовым.¹⁰

Местный падеж: на войны, на головы, на этой заставы; особенности творительного падежа: *которыма дорожкамы, за тема столамы за дубовыма*; особенности образования местоимений: к *егонной матушки, ейных слов, у его, с има*; инфинитив на *-ти*: *слушати, пахати, легчи*; деепричастие на *-учи* и *-ючи*: *сядучи, едаючи*; стяжение личных окончаний: *играт, похаживат* и т. д.

Хотя приведенные и многие другие особенности речи и не представляют собой результата собственного творческого обращения с языком, замена их литературными формами была бы совершенно недопустима.

Более ясно творческий характер обращения с языком выражается в области лексики. Смелые и неожиданные новообразования, придача словам необычных оттенков значения, свободное обращение с суффиксами и перенесение их к корням и основам, с которыми они неупотребительны, — все это нередко результат творческого, хотя и бессознательно творческого обращения с языком и составляет один из элементов словесно-художественного творчества народа. Вот несколько примеров из собрания Никифорова: *вершинок леса; давай меня в обручество; белота в лице снегу белого; сестра смолилась брату своему; бабка живо с печи свернулась; Иван стал слабнеть; дожил до возрастных лет; топот конин; у его не было ничем ничего; через долго времени*. Примеры из сказки «Терем мухи» (Аф. 82—84): *муха-шумиха; мышь из-за угла хмыстень; заяц — на поле свертень* и т. д. Такие примеры можно выписывать целыми страницами; их можно изучать лингвисту с точки зрения их местной или личной принадлежности, принципов словообразования и т. д., фольклористу — с точки зрения образности, меткости речи, языкового стиля.

Лингвист считает, что разъединение и различная трактовка особенностей фонетических и морфологических является невозможным и непозволительным приемом. Однако с этим можно и не согласиться. Можно заметить, что при переезде из одной местности в другую лица с ярко выраженными особенностями говора прежде всего отбрасывают те особенности, которые вызывают всеобщее внимание и насмешку, как, например, цоканье или чоканье, надолго сохраняя менее резко бросающиеся в глаза особенности словозменения. Таким образом, предусмотренный здесь случай жизненно возможен.

Другое возражение может состоять в том, что так переданная речь не соответствует тому, как она произносилась. Это несомненно так. Но компромиссные записи типа записи А. И. Никифорова также не соответствуют действительности. Вопрос упирается в то, что всякое буквенное обозначение есть обозначение условное — но в этом же дан и выход. Если в тексте (например, сборнике сказок одной местности) имеется ярко выра-

¹⁰ Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов. Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941 стр. 43—61.

женное аканье, или ярко выраженное чоканье, или цоканье, или другие особенности, об этом можно сказать во введении с приведением примеров и анализом этих явлений. Для лингвиста нет необходимости прочесть слова *лестница* или *чарь* 50 раз, если эти слова встречаются в книге 50 раз. Тем более в этом нет необходимости для фольклориста и рядового читателя. В этих случаях достаточно установить в введении, что для данной книги орфографическое *ц* есть условный знак диалектального *ч*. Также можно поступать и в других аналогичных случаях.

Таким образом, осторожно проведенная замена некоторых или даже всех диалектальных особенностей произношения общерусскими произносительными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики.

Наоборот, обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку. В большинстве случаев так называемая «литературная обработка» должна квалифицироваться как варварство, если речь идет об издании памятников народного творчества.

Говорить об этом приходится, так как подобная «литературная обработка» тянется (в разных формах) от XVIII века до наших дней. У Афанасьева встречаются такие фразы: «Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни» и пр.¹¹ Место записи, рассказчик и собиратель неизвестны, и Афанасьев был вынужден печатать рукопись такой, какой она поступила в его распоряжение. Принадлежит ли обработка самому рассказчику или собирателю — неясно. В иных случаях и сам Афанасьев сглаживал неровности языка, «олитературивал» текст, иногда же поступал наоборот: правил издаваемые им тексты «под народность».¹²

Отсюда вытекает принцип: нивелировка особенностей народной или местной речи в области морфологии, лексики, фразеологии и т. д. есть недопустимое явление при издании фольклорных текстов.

Это не значит, что всякая литературная обработка во всех случаях полностью запрещена. Она не только возможна, но и необходима, например, при издании сказок для детей. Известно, например, что братья Гримм в семи пожизненных изданиях своих знаменитых «Детских и домашних сказок» от издания к изданию подшлифовывали стиль и изложение. Работу эту производил Вильгельм Гримм. Он делал это с большим художественным вкусом, тактом и умением. Соединение народной простоты с художественной отшлифовкой составляет одно из достоинств этого сборника, вследствие чего он считается прекрасным образцом немецкого языка и читается в школах всего мира. Поступая так, Вильгельм следовал принципам народнически-романтической эстетики. Следуя этим же принципам, он в отдельных случаях сохранял диалект. Несмотря на все достоинства этого сборника, принципы языковой обработки, принятые Гриммами, в настоящее время не могут поддерживаться. Они были хороши в начале XIX века, они возможны для «детских сказок», но современные научные сборники должны следовать иным принципам.

¹¹ Афанасьев, т. II, № 104 (сказка «Василиса Прекрасная»).

¹² См., например: Афанасьев, т. I, №№ 27, 28 и др., стр. 526—530.

Если литературная обработка произведена в современном сборнике, претендующем на научность, притом без оговорок, втихомолку, она должна квалифицироваться как подделка, фальсификация. Фальсификацию представляют собой также всякого рода издания, в которых «исправляется» не только язык, но и стиль, и даже сюжет. В этом отношении у нас особенно неблагоприятно обстоит с переводами и «литературной обработкой» произведений фольклора народов СССР. В результате такой обработки издаваемые памятники часто теряют свой особый национальный колорит, а вместе с тем и свою научную ценность и достоверность, а часто и свой художественный характер.

Подводя итоги, можно установить следующие возможные типы фольклорных изданий с точки зрения редакционной обработки текста со стороны языка:

1) фонетически точная передача по системе международной фонетической транскрипции, примененной совершенно последовательно; применение ее на базе русского алфавита — один из возможных вариантов ее;

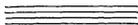
2) смешанная фонетически-орфографическая запись средствами русского алфавита с некоторыми добавлениями (гамма и пр.), при которой точность передачи достигается лишь приблизительно и лимитируется быстротой темпов фольклорных записей, а также состоянием науки ко времени записи (записи Шахматова, Зеленина, Никифорова и др.) и другими обстоятельствами;

3) та же относительно точная запись, но общерусские слова в обычном их произношении передаются орфографически;

4) из записи предыдущего типа удалены все или некоторые местные особенности произношения, препятствующие непосредственности художественного восприятия, с заменой их нормами общерусского произношения; соответствующая оговорка и полное раскрытие системы редакционной обработки должны быть доведены до читателя;

5) литературно обработанные записи различного назначения и различного качества.

Разумеется, что данная заметка не исчерпывает всех имеющихся возможностей и не разрешает тех разнообразных и иногда очень больших трудностей, с которыми приходится иметь дело при подготовке фольклорных текстов к печати. Цель ее — обратить на эти трудности внимание и наметить пути к их разрешению.

Т. А. ШУБ

БЫЛИНЫ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ НИЗОВЬЕВ РЕКИ ИНДИГИРКИ

Русскоустыинцы или «досельные», как себя сами называют русские старожилы низовьев реки Индигирки, представляют собой сравнительно небольшую, но довольно хорошо сохранившуюся этническую группу, с давних времен расселившуюся вдоль побережья Восточно-Сибирского моря на обширной территории Русско-Устьинского наслег¹ Аллаиховского района Якутской АССР.

С севера и северо-востока границы этого русского островка омываются Восточно-Сибирским морем, на юго-восток и юг тянется тундра Юкагирского наслег, где живут юкагизированные эвены из бывшего рода Дудке, с юго-запада и запада проходит граница Аллаиховского наслег, где живут якуты.

На огромном тундровом пространстве, «шендухе», в 13 800 квадратных километров небольшими оседлыми точками, расположенными вдоль основной коммуникационной линии реки Индигирки и ее проток — Галыжинской, Русско-Устьинской, Средней, Уларовой, Липиновой, разместились селения в 5—6 «дымов»: Осениново, Нижне-Толста, Станчик, Косово, Яр, Крута, Русское Устье, Лабазно, Полярное, Стариково, Федоровское, Кузьмичево, Горлышко, в которых живет старожилое русское население.

На январь 1947 года русское население насчитывало 312 человек, 92 хозяйства, объединенных в два колхоза: им. М. И. Калинина и им. К. Е. Ворошилова. Основное занятие — рыбный промысел («рыбачкой да кормимся да»), частично добыча песка и горностая, гусевание и собаководство.

До 1943 года и с незапамятных для местных жителей времен центром всего поселения было Русское Устье, входившее по дореволюционному административному делению после упраздненного Зашиверска (XVIII век) в состав Верхоянского округа Якутской области.

Современный центр наслег, селение Полярное, расположен на русско-устыинской протоке, возвышаясь над уровнем моря на 50—55 метров. Его координаты 71° 10' с. ш. и 149° 30' в. д. От Полярного до Якутска — 3277 километров, до районного центра поселка Чокурдах — 115 километров, до берега Восточно-Сибирского моря — около 75 километров. Основным средством передвижения зимой является собачий транспорт, летом — лодка с двухлопастным веслом.

¹ Административно-территориальная единица в Якутской АССР, соответствующая сельсовету.

Время появления русских в этих местах, к сожалению, точно еще не установлено: архивные документы, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, погибли частично в Зашиверске, частично при пожаре якутской воеводской канцелярии.

Открытие Индигирки — Собачьей реки — обычно относят к 1639 году. Около 1639 года Иван Ребров с казаками вышел из Яны в море и отправился «по морю на новую стороннюю на Индигирскую реку, а Собачья тож, для прииску новых земель». На Индигирке Ребров построил два острога и оставался здесь до 1640 года, когда он вернулся в Якутск. Принято считать, что Ребров «со товарищи» были первыми русскими в этих местах, что он и сам подчеркивает в своей челобитной: «...преж меня на тех тяжелых службах на Янге и на Собачьей не бывало никого — проведаль я те дальные службы».

В письменных документах Русское Устье начинает упоминаться только с 1739 года. Однако есть все основания предполагать, что русские появились здесь гораздо раньше, что это были предки современных «досельных», и не казаки, пришедшие с Яны или Лены за ясаком, а искатели новых земель и свободной жизни, прибывшие в эти безлюдные места в порядке вольной колонизации, которая уже в конце XVI—начале XVII века давала себя знать на всей территории Сибири.

Не случайно, что среди русских старожилов-стариков еще в начале века упорно жило предание, передаваемое из поколения в поколение, что предки их «прышли мором на кочах» будто еще при Иване Грозном, спасаясь от «одушья». Были будто бы все эти люди дворянских фамилий, а как «платить стали подати комиссару, то в мещане их и записали». Среди первых поселенцев были Чихачевы («а Чихачев из зыран (?!) родом был», — говорит предание), Шелуховские, Галызинские, Киселевы, Черемкины.² Имеются и некоторые другие доказательства, подтверждающие давность пребывания их в этих местах. Так, в 1912 году в архиве Русского Устья были найдены два документа. В одном, датированном 1831 годом, указывалось, что «предки наши, деды и отцы, имели жительство по реке Индигирке, с какого позволения вовсе нам неизвестно, впоследствии времени, опытностью от старших дознано нами токмо то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами». В другом документе, датированном 1832 годом, указывалось на то, что «постоянное жительство наше с предков, как опытностью от старших известно, более 150 лет».³

Недавние находки у восточных берегов Таймыра в заливе Симса и на острове Фаддея⁴ не оставляют сомнения в том, что русские в XVII веке уже знали путь в Сибирь с запада на восток. Не случайно и то, что находившееся в их распоряжении типичное для XVII века русское вооружение — лук, стрелы, колчан, копье с ратовьем — поныне бытуют у досельных и вовсе не как предметы музейные, а как орудия повседневного еще в недавнем времени употребления.

Все это дает нам основание утверждать, что «досельные русские» — первые насельники этого безлюдного, огромного края — появились у берегов Восточно-Сибирского моря гораздо ранее официальной даты упоминания Русского Устья, по всей вероятности в XVII веке, в самом начале или в первой половине его. Это были выходцы из русского Севера, Поморья

² См. статью Е. Ф. Скворцова «Русские на Индигирке» («Топографический и геодезический журнал», 1910, № 11, стр. 167).

³ «Землеведение», 1913, кн. IV, М., 1914, стр. 12.

⁴ См.: Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке. Сборник «Проблемы Арктики», 1943, № 2.

в широком смысле слова. Об этом говорит изучение вопроса колонизации в Сибирь. Еще П. Буцинский в своем исследовании утверждал, что основными засельщиками Сибири были северновеликоруссы — «преимущественно жители северных губерний. . . поморских городов Устюга Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор».⁵ Севернорусское происхождение «досельных» убедительно подтверждается фактами языка, этого «самого-воращего бытия народа»,⁶ многочисленными и непререкаемыми свидетельствами этнографии, о нем говорит и устное народное творчество, в частности былины.

Общеизвестно, что русское население Севера (Кемь, Онега, Архангельск) наиболее полно сохранило исконно русские бытовые черты, явилось ревнителем старых эпических традиций. Ведь именно здесь сохранялось и до сих пор еще живо устное предание старины. И что характерно, именно этот русский Север непосредственно перекликается в языке, остатках древнего быта, приверженности к заботливому охранению древней эпической традиции с русскими старожилами низовьев реки Индигирки.

Первыми сведениями об устном народном творчестве русских старожил низовьев реки Индигирки мы обязаны Ивану Александровичу Худякову, сосланному царским правительством «на поселение в отдаленнейшие места Сибири» и «водворенному в г. Верхоянске» в 1867 году.

Здесь от одного жителя селения Русское Устье на Индигирке им было записано 8 сказок, 2 былины: «Алеша» и «Царь Елизар» (неполный вариант былины «Наезд литовцев»), а также небольшой отрывок из исторической песни о Милославском.⁷ Как и все публикации Худякова, они сделаны очень тщательно и хорошо.

Примерно через 45 лет, в 1912 году, непосредственно в самом центре расселения русских старожил низовьев реки Индигирки оказался ссыльный В. М. Зензинов, записавший 2 отрывка из былин: «О двух братьях волховничках», «Тит царь и Данилышко Игнатъевич», 10 бытовых песен и 2 небольшие сказки апокрифического характера.⁸ Зензинов фольклористом не был, его интересовала преимущественно этнография, а поэтому его записи не полны и не исчерпывающи. Это лишь некоторая иллюстрация к историко-этнографическому очерку.

В 1931 году якутский краевед Модест Кротов, побывавший в этих местах с экспедицией Наркомводпути, записал отрывок из былины «Королевское» (по сюжету близка к «Наезду литовцев») и 14 песен по большей

⁵ П. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 231.

⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), М., 1940, стр. 23 — Но вот интересный факт, сообщенный мне геологом В. Ф. Григорьевым (Якутская мерзлотная станция АН СССР): «Когда я в 1935 году прибыл на Индигирку с партией рабочих, принятых в Архангельске и происходящих из района Мезени, то их крайне поразил тот факт, что здесь говорят точно так же, как у них дома».

⁷ Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. «Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии», т. 1, вып. 3, Иркутск, 1899.

⁸ Старинные люди у Холодного океана (Русское Устье Якутской области Верхоянского округа). «Этнографическое обозрение», 1913, № 1—2, стр. 126; см. также отдельное издание (М., 1914).

части книжного происхождения, занесенных сюда, очевидно, сравнительно недавно.⁹

Наша экспедиция, предпринятая Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской АССР в 1946 году по инициативе Института русского языка Академии Наук СССР, в состав которой входили, кроме автора этих строк, также и Н. М. Алексеев и Н. А. Габышев, имела своей целью изучение языка, устного творчества и быта старожилых русского населения низовьев реки Индигирки.

Находясь сравнительно длительное время среди «досельных», объездив все места их расселения на территории наслега, мы имели возможность более обстоятельно ознакомиться с жизнью, бытом местного населения и записать основные образцы поныне бытующих жанров устного народного творчества: 11 былинных сюжетов в разных вариантах, полностью и частично, как они сохранились в устах певцов, 62 сказки (из них только 6 на местные темы, очевидные заимствования у соседей, юкагизированных эвенков из рода Дудке), свыше 100 различных песен, среди которых много исторических («Скопин», «Ермак», «Сынок Стеньки Разина», «Милославский» и др.), большое число загадок, пословиц, поговорок, всевозможных частушек.

Характерной особенностью устного народного творчества «досельных» является то, что оно проникнуто большой любовью ко всему русскому, неотъемлемой частицей которого они себя чувствуют. Значительная и многолетняя отдаленность от основных жизненных и культурных центров страны, от всего родного, большая территориальная разбросанность, примитивные до сравнительно недавнего времени формы почти замкнутого натурального хозяйства, суровые природные условия, иноязычное окружение, — все это, при огромной цементирующей силе национального самосознания, укрепляло сопротивляемость, устойчивость, не приводило к ассимиляции и, несомненно, способствовало сохранению традиций старины как в языке, так и в устном народном творчестве, в особенности в былинном жанре.

Пионеры освоения приполярной тундры и необжитых берегов Северно-Ледовитого океана, они, говоря словами В. Г. Белинского, с «особенной любовью и особенным старанием хранят памятники своей первобытной родины»,¹⁰ находя большое удовлетворение в слушании и сказывании старин (булей), песен, сказок о подвигах, находчивости и смелости простых русских людей, богатырей народных, заступников за землю русскую.

В длинные зимние вечера, в дни, когда не светит солнце, а таких дней в году — 56, съезжаются они со всех концов разбросанного на много сотен километров наслега, чтобы еще раз послушать, казалось, давно всем известные старины, песни, сказки. С неослабным вниманием следят они за голосом и речью певца, рассказчика, слово в слово повторяют про себя, подпевают, одобряющими возгласами поддерживают любимых богатырей, разгадывают давным-давно разгаданные загадки, удивляются силе богатырской, подвигам былинных и сказочных героев, живут этими бережно хранимыми образами старинного русского народного устного творчества, которые им еще продолжают доставлять художественное наслаждение.

⁹ Из досельных песен 1931 года. Рукопись хранится в Научно-исследовательском институте языка и литературы Якутского филиала Академии Наук СССР; см. также: На просторах Индигирки. Якутск, 1934.

¹⁰ В. Г. Белинский. О древних российских стихотворениях. Собрание сочинений, т. VI, СПб., 1903, стр. 382.

У «досельных» устная поэтическая традиция еще не отделилась от знания. Былинным чудесам, сказочным перевоплощениям, даже явным нелепицам здесь еще благоговейно верят, и если уже не как ныне существующему, то как несомненно существовавшему. Этим чудесным все полно вокруг: и «сушетка» за печкой, и «шендушной» в тундре, и «хозяйка» в воде. Зная былинку о «Садко», ее предпочитают, однако, не петь, будучи уверенными в том, что это вызовет «погоду», приведет к несчастью.

Знанием старин, сказок здесь гордятся, это считается признаком «образованности», но профессиональных сказителей, сказочников здесь нет, как и вообще на всем русском древнем Севере,¹¹ в отличие от соседствующих эвенков и якутов, у которых искусство сказывания хотя и широко распространено, но не является столь массовым.

Сказывать здесь умеет почти каждый, ибо он это знает, на этом воспитан, «с травы слышал» и в условиях большой территориальной разбросанности сам становится сказителем. Этому способствует и ряд других обстоятельств: проживание нескольких семей (обычно трех-четырех) под одной крышей, в одном зимнике, коллективные формы труда летом (гусевание, рыбная ловля).

Былины, исторические песни к местным условиям почти не приспосабливаются, в них не вкладывается иное, локальное содержание, и если в загадках и пословицах появляется местный колорит, если в сказках вместо дворцов — юрты, вместо палат — горницы, вместо печей — камельки, вместо карет — нарты и т. п., то в былинах мы ничего подобного не находим. Здесь сохраняется чуждая пониманию топонимика, названия давно исчезнувших предметов обихода, ставших уже непонятными, и настолько, что значение таких слов, как «индрик», «борзумецкой», «воску ярово», «мошкалинова рубгшечка», «окошечко косящато» и «берчат рукав» никто объяснить не может.

Многочисленная передача из уст в уста при стремлении непременно сохранить полноту и цельность сюжета зачастую приводит к обезличиванию, высушиванию образов, картин, описаний. Былина начинает терять свой размер, напевность, поэтические средства и превращается в бывальщину, сказку. В сказке «Святогор и богатырь» объединены рассказ об исцелении Ильи Муромца с содержанием былины «Святогор и гроб». У многих былин давно утеряны начала. Так, нет обычного начала и в былине об Алеше Поповиче и Змее Тугарине. Нет целых кусков в середине, нет концов. Общеизвестная мастерица петь старины, воспринятые ею еще от деда, Анна Николаевна Шкулева с огорчением замечает: «А што ещо, то мне оно неведомо. Сказывали досель ещо, да уж не знаю я, не оскорбится».

Стремление сохранить былинку зачастую приводит к созданию своеобразного мозаичного контекста с рядом неожиданных переходов, немотивированных вставок, в которых без труда узнаешь отрывки из других былин, то ли связанных между собой общностью их героев, то ли общностью судьбы действующих лиц. Однако таких примеров сравнительно немного.

Эпическая традиция здесь очень устойчива. За период почти в 80 лет, отделяющий нашу запись былины «Олеша и Тугарин» от записи И. А. Худякова, почти неизменным остался весь текст, а ведь сменилось не одно поколение. Эта устойчивость находит свое выражение и в том, что в старые формы не вкладывается новое содержание, а новых былин здесь не

¹¹ См.: Н. Е. О н ч у к о в. Печорские былины. СПб., 1914, стр. XX.

создают. Образы легендарных богатырей, рассказы об их подвигах сохраняются здесь, как это было показано В. С. Миллером, и для «новых записей былин в Якутской области»,¹² в своей наиболее древней редакции, более близкой к предполагаемой первоначальной.

Этому благоприятствует и отношение, бережное и заботливое, которое проявляется самими слушателями, не допускающими какого-либо отступления от уже давно установившегося текста и клеймящих постыдным словом «вракунство» всякую попытку изменить или добавить от себя что-либо в сюжете былины.

Былины бытуют среди «досельных» индигирцев как предмет национальной гордости. И не только за пленительность образов любят их местные старожилы. Основное достоинство их в том, что это «песни русские», исконные, сближающие их с далеким, смутно осознаваемым, но глубоко родным. Само слово «русский» здесь произносится с большой гордостью за народ, страну, на крайних северных форпостах которой на протяжении многих поколений стоят, как на боевом посту, русские люди.

Но новое постепенно и неумолимо берет верх, старое глохнет, вытесняется. То, что в течение столетий способствовало сохранению былинной традиции древнего русского Севера в этих местах, под напором новых форм жизни постепенно уничтожается, и этот сколок «Исландии русского эпоса» на северо-востоке Сибири исчезает постепенно.

Вместе с расширяющимися экономическими связями, растущим товарным хозяйством, новыми формами общественных отношений значительные изменения претерпевает и устное творчество, меняется его характер. Уже пересказываются сказки и легенды соседних эвенков, юкагиров, якутов, появляется сатирическая частушка, созданная на местном материале. Молодежь охотно распекает современные революционные и массовые советские песни, пропагандируемые школой.

Былинный репертуар «досельных» сейчас уже не столь богат и разнообразен, каким он был, очевидно, раньше. Мотивы многих старин, как и исторических песен, уже позабыты. «Прошлые годы разны да песни на разной голос пели, — сокрушаясь сообщает Семен Петрович Киселев, — а топер и вокшу забулися, ще один голос поём да».

Из былин сравнительно полно представлены: «Олеша и Тугарин», «Данилышко Игнатич и Тит», «Добрыня Никитич и Марья Изославна», «Царь Елизар и племянники короля Ячмана» (вариант былины «Наезд литовцев»), «Садко», «Федор сын Кольчевской» — в них сохранены основные сюжетные линии. От былин же «Дюк Степанович», «Олеша и Параня», «Илья Муромец и Идолище», «Суровец и Пурга-сар» и духовного стиха «Калика перехожая» («Голубиная книга») сохранились лишь сравнительно небольшие отрывки, не создающие целостного впечатления.

Лучшим сказителем среди русских старожилов низовьев реки Индигирки был, безусловно, недавно умерший Семен Петрович Киселев, 1885 года рождения, неграмотный, в прошлом батрак, родом из села Косухино. Он знал 11 былин, полностью и в отрывках, 60 различных сказок, бывальщин, много исторических и бытовых песен, загадок, пословиц, поговорок. За ним следуют: Чикачев Семен Егорович, 1868 года рождения, человек бывалый, ездивший на Яну и Колыму, неграмотный, родом из села Кузьмичево, Галыжинский Федор Митрофанович, 1889 года рождения, неграмотный, родом из Русского Устья, Черемкина Пелагея Нико-

¹² В. С. Миллер Новые записи былин в Якутской области. «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3, стр. 86.

лаевна, урожденная Шкулева, 1908 года рождения, неграмотная, родом из села Косухино, Чикачев Иван Николаевич, 1910 года рождения, малограмотный, родом из села Кузьмичево, и Шкулева Анна Николаевна, 1904 года рождения, малограмотная, родом из села Якутское жильё.

СПИСОК ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

	Стр.
1. Олеша и Тугарин	213
2. Олеша Попович и Тугарин	215
3. Олеша Попович и Параня	217
4. Добрыня Микитич и Марья Елизаветовна	218
5. Добрыня Микитич и Марья Изославна	219
6. Михайлушка и Змеядишо	221
7. Племенники короля Ячмана и сар Елизар	222
8. Данилышко Игнатъич и Чит	224
9. Данилышко Игнатъич и Чит	226
10. Илья Муровец (Отрывок)	227
11. Дюк Степанович (Отрывок)	227
12. Калига	228
13. Калига перѣхожая (Отрывок)	229
14. Садко	230
15. Садко	231
16. Сурович Иванович и Пурга-сар	232
17. Хвѣдор сын Кольчешкой	233

ОЛЕША И ТУГАРИН

Олеша да Ефимша разговарывали:
«Ох ти, гой еси, Ефимша, слуга верная,
Ми поедем на Украйну-реку».

Ефимшо-то отвичает:

- 5 «Ой ти, ласковый хожаин мой, приветливый,
Не поедем, не поедем на Украйну-реку,
На Украйне баби заманчивые,
Нам за бабьими гүзнами залежаться будьот,
Пойдет про наш славушка недобрая,
10 Недобрая слава, нехорошая.
Ми поедём, поедём княжу Солнишко Владимиру,
Ми посмотрим душечку кнегинушку Апраксию,
Ми посмотрим Тугарина Жмеёвича.
Как поездочку держали княжу Владимиру,
15 Как ражъяхались они княжу Владимиру.

Принесли тут Тугарина на дубовой на доске,
В головах у него тридцать богатырей,
В ногах-ти у него други тридцать.
Посадили Тугарина на часовую кровачь.

- 20 Склал тут Тугарин ножку под гузно,
Белы ручки кнегине в пазушок.
Шидели на пиру гости пьяны-вѣшелы,
Принесли Тугарину пол-трѣчка ведра.
Випивает Тугарин единым духом.
25 Белую лебедь на закусточку
Брошает Тугарин за онну шóку,
Ещё косточки, суставочки виплѣвывает
Принесли Олеше пол-трѣчка ведра.

- Сам он откушал и Ефимше подавал;
 30 «Ох ти, чай еш, ти, Ефимша, слуга верная,
 Сам ти надкушай и сторону подай.
 Ти не будь, не будь Тугарина-Жмеевича.
 Ти будь Олешеньки Поповича.
 Ох ти, вспомлишь ли, Ефимша, спамятуешь,
 35 Как у нашего у швета, у бачушка,
 У Леонтия-попа, сына ростовского,
 Как була, була собака жанная,
 По хотонам-чи ¹³ собака-то шаталася,
 По подлавицам собака волочилася,
 40 Лебедино кошти грызла, подавилася,
 Помои-чи хлебала, захлебалася,
 От тово же собаке шмерчь случилася.
 А тому же Тугарину то же будьот —
 От нашево плеча молодецково,
 45 От нашево колена богатырсково».
 Тут Тугарин темнеет, ласно чемная ночь,
 На буйной главе кудрецы дубровушкой шумет,
 Выдергиват кинжалищо булатное,
 Стреляет Олешу во белы груди.
 50 Ещо в ту пору Ефимша у них подвертох бул,
 Не допускает до Олешинных белый грудей,
 Вихвативаёт кинжалищо булатное.
 «Ох ти, ласковой мой хозяин, мой приветливой,
 Сам шутку отвичишь, али мне велишь?»
 55 — «Я сам не хочу и чибе не велю,
 Не хочу кровяничь палаты сарские,
 Не хочу скверничь столы дубовые,
 Еще завтра со собакой перэведаяшь
 На том поле, на поле, на Куликовом».

 60 За Тугарина ручаются тридцать богатырей,
 За Олешиньку ручается его дядёка, Владимир-княж,
 А вместе с ним Ефимша, слуга верная.
 Пошёл Олеша во божжью серковь,
 Стал служить молебны великие:
 65 «Мать божжья, пречиста богородица,
 Когда шьедёмся с Тугариным на поле, на Куликовом,
 Нанеши тучу, тучу грозную,
 С тема були дождями, со мокрыма,
 С тема були снегами, со белыма.
 70 Подмочи у Тугарина крылья гумажные,
 Чтобы пал Тугарин на сыру жемлю».
 Шьехались они на поле, на Куликовом,
 Надлетыват Тугарин-от Жмеевич.
 Олешина-та молитва богу дохонная —
 75 Упала туча грозная, грозная
 Со тема була дождями, со мокрыма,
 С тема була снегами, со белыма,
 Подмочила у Тугарина крылья гумажные,

¹³ Хотон (якутск.) — хлев, стойло.

- Ешо пал-то Тугарин на сыру жемлю;
 80 «Хочешь, Олеша, огнем чеба шпало,
 Хочешь, Олеша, дымом задушу,
 Хочешь, Олеша, жмеям чеба скормлю».
 Тут спрговорэт Олешинька Попович блад:
 «За чеба ручались тридцать богатырэй,
 85 Оглянись, хочат чеба по плечь голову срубичь».
 Стал тут Тугарин поворачиваться.
 Докамеж Тугарин поворачивался,
 Струбляет Олеша у Тугарина по плеч голову.
 Шял тут Олеша на Тугариново коня.
 90 Своево-ту коня поводу повёл,
 А Тугаринову голову на востром копье повез.
 Виходила душечка кнегиноушка Апракшия:
 «Знать-то ясно сокола по полётчке,
 Тугарина Жмеевича по поездочке;
 95 Едет-то Тугарин на Олешинином коне,
 Своево-то коня в поводу ведёт,
 Олешину голову на востром копье вежёт».
 Тут спрговорэт Ефимша, слуга верная;
 «Душечка кнегиноушка, ошибаетесь,
 100 Знать-то ясного сокола по полеточке,
 Олешиньку Поповича по поездочке,
 Едет Олеша на Тугариновом коне,
 Своево коня в поводу ведет,
 Тугаринову голову на востром копье вежёт».
 105 Как ражъяхался Олешинька Попович блад,
 Стреляет ¹⁴ Тугаринову голову . . .
 «А не назвать чеба, дядёко Владимир-княж,
 Назвать чеба только свонником,
 Не назвать чеба четушку, кнегиноушку,
 А назвать только сукой гожевою и бесхвостую».

(Записано со слов Киселева Семена Петровича, 1885 года рождения, в 1946 году в селе Косухино).

ОЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

- Ешо були на пиру пьяны-вешелы.
 Охто хвастал богачеством,
 Охто хвастал молодой женой,
 Охто хвастал доброй лошадыю своёй,
 5 Охто хвастал своей силушкой.

 Восставал Олешинька Попович,
 На рэзвы ножки ставал Олешинька Попович:
 «У попа, — говурит, — була собачинна жанная-прежанная,
 10 По подлавицам ходила,
 Лебедино кости грызла, подавилася.
 И, — говурит, — Тугарину это тоже будёт».

¹⁴ Бросаёт.

- Вот Тугарин озлился на Олешиньку, ласко чѣмная ночь.
У Тугарина на буйной голове кудерцы добровушкой шумет.
- 15 Ещо хочет у Олеша пронзить белу грудь.
Нанес на Олешу свой вострый меч пронзить белу грудь.
У Олеша була она слуга верная.
Не допускает слуга до Олешиных, до белых грудей,
И хватает ево острый меч.
- 20 Ещо спроговорэл слуга верная:
«Ти хожяин, ти хожяин ти прыласковый,
Али ти Тугарину шутку отшучишь, либо я отшучу?».
Ещо спроговорил Олешинька Попович:
«Я сам не хочу и чибе не вѣлю.
- 25 Не хочу, — говорит, — я кровяничь столы дубовые
И не хочу скверничь палаточки кнегинины,
Ещо завтра поутру со собашечкой перѣведаюшь,
На том на поле, на Куликовом».
За Тугарина ручается триста богатырев,
30 А за Олешу ручается один — слуга верная, неизменная.
Да другой дяденько ево Ефимича-то.
Виходил Олеша, пошел во божию серкву:
«Ещо нанеши, мать ти божья, прѣчиста богородица,
Нанеши завтра поутру тучу грозную,
- 35 С тема белыми снегами, со белыма.
Со дождями, со мокрыма —
Стобы промокли у Тугарина крылишки гумазные,
Стоб упал би и упал Тугарин на сиру землю».
Ещо поутру съезжались на том поле, на Куликовом.
- 40 Вдруг упала туча грозная,
С тема белыми снегами, со белыми,
Со дождями, со мокрыми.
Ещо подмокли у Тугарина крылишки гумазные,
Ещо пал-упал Тугарин на сиру землю.
- 45 Ещо спроговорэл-от Тугарин Жмеевич:
«Если хочешь, я чибя живком схвачу,
Если хочешь, Олешинька, я чибя дымом задушу,
Если хочешь, Олешинька, я чибя жмеям скормлю».
Он видергивает копьѣ вострое, —
- 50 Аживаются жмеи огненные.
Спроговорэл Олешинька Попович:
«Ай ти, — говорит, — Тугарин-ти Жмеевич,
Вот, — говорит, — которы вчера ручались —
Тристо богатырев —
- 55 Хотат, — говорит, — с чибя струбичь по плеч голову».
Он, Тугарин, поворачивался назать —
В ту пору струбил Олеша по плеч голову Тугарину.
Ещо пал-упал Тугарин на сиру землю.
Ещо Тугаринову голову на востром копьѣ повез,
- 60 Тугаринову лошадь в поводу повел.
Вот выходит Аринушка-Маринушка:
«Знать, — говорит, — доброво молодца, Тугарина Жмеевича.
По поездочке, по походочке —
Олешину голову на востром копьѣ везет,
- 65 Олешину лошадь в поводу ведет».

- Вот выходит Олешин дяденько Ефимча-то:
 «Врэшь, — говорит, — Мотя, ошибаешься,
 Знать, — говорит, — по поездочке, походочке
 Доброво молодца Олешиньку Поповича.
 70 Тугаринову голову на востром копье везет,
 Тугаринову лошадь в поводу ведет».
 Опеть выходит Аринушка-Маринушка:
 «Знать, — говорит, — доброво молодца Тугарина Жмеевича
 По поездочке, по походочке —
 75 Олешину голову на востром копье везет,
 Олешину лошадь в поводу ведет».
 Вот выходит опеть дяденько Ефимча-то:
 «Врэшь, — говорит, — сука, б. . ., ошибаешься,
 Знать, — говорит, — по поездочке, походочке
 80 Доброво молодца Олешиньку Поповича.
 Тугаринову голову на востром копье везет,
 Тугаринову лошадь в поводу ведет».
 Пръезжает Олешинька Попович —
 Тугаринову голову на востром копье пръвез,
 85 Тугаринову лошадь в поводу пръвел.
 Ещо спроговорэл дяде-то, Ефимча-то-че:
 «Кабы не була би, — говорит, — ти моя тетушка —
 Я би назвал чебя сукой, б. . .,
 Сукой гончеватой да бесхвостой».

(Записано со слов Галыжинского Федора Митрофановича, 1889 года рождения, в 1946 году в селе Коусухино)

ОЛЕША ПОПОВИЧ И ПАРАНЯ

- Олешинька блад Попович
 Сам на камешке сидел,
 Свой булат ножик точил,
 Поросковюшку грожил.
 5 Он хватал бенну Параню
 За русу из косу.
 Он хлестал бенну Параню
 По румяной по щеке,
 По жемчужиной по серге.
 10 Он пинал бенну Параню
 Сафьянным сапогом,
 Белометным каблуком.
 Швечера бенна Параня
 Очень трунная больна.
 15 Со полуночи Параня
 Призвала себе попа, исповедалашя,
 Сто во тяжки во грехах спакаялашя. . .
 На угоре, косогоре
 Большой колокол звонят,
 20 Парасковью хоронят.

(Записано со слов Пелаген Николаевны Черемкиной, урожденной Шкулевой, 1908 года рождения, в 1946 году в селе Федоровское)

ДОБРЫНЯ МИКИТИЧ И МАРЬЯ ЕЛИЗАСТОВНА

Жил Микита девяносто лет, состарился, прѣставился:
Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо богатство, вше
количество.

- Оставалось у него незна вдова Омельфа Тимофеевна,
Оставалось чадо милое, спорождѣнное,
5 Оставался Добрыня в девятих летах.
Отдавала его матушка в грамоте учить
Тем хидрым-мудрым учителям.
Хорошо Добрыне грамота издавалась.
Он приходит к ронной матушке.
10 Ещо кланяется ронной матушке пониженочко:
«Ох ти, матушка моя, ти, родимая,
Дай мне благословенье яхать во чисто поле,
Как штрэлячь-убивачь гушей-лебедей,
Ещо ту учицу, сероучицу».
15 Отдавала матушка благословение
Ещо стала к нему наказывать:
«Ещо, дитятко мое, доедешь ко Почай-реке.
Изымут чиба жары петровские, солнцепѣки меженские.
Скидывай со шеба вше шветно плаччо,
20 Клади на луку на шедельную,
Не скидывай со шеба пухову шляпу,
Набивай черну шляпу хрущата песка
Полным-полно, девяносто пудов».
Ещо стала к нему наказывать:
25 «Может захочется чибе покупатися —
Заплуйвай, Добрыня, за перву струю,
Заплуйвай ты, Добрыня, за втору струю,
Не заплуйвай, Добрыня, за трэччыю струю.
Вше трэча струя бистрым-бистра».
30 Давала к нему тры парьика,
Тры слуги верные, слуги неизменные —
Ещо первую слугу под востру саблю,
Вторую слугу под востро копье,
Ещо трэччыю слугу под тугой лучок.
35 Давала матушка благословенье.
Ещо кланялся пониженочко
С буйной голови до сирой земли.
Ещо яхал да Добрыня во чисто поле.
Как штрэлял-убивал гушей-лебедей,
40 Ещо ту було чицу шероучицу.
Он доехал ко Почай-реке.
Изняли жары петровские, солнцепѣки меженские.
Скидывает со шиба вше шветно плаччо,
Кладет на луку на шедельную,
45 Не скидывал со шиба пухову шляпу.
Скидывает со шиба черну шляпу,
Набиват шляпу хрущата песка.
Набил хрущата песка девяносто пуд.
Захотелося Добрыне покупатися,
50 Заплуйвал Добрыня за перву струю.

- Не заплувал Добрыня за трэччыю струю.
 Ещо спроговорели три слуги верные, неизменные:
 «Ещо не чеш ти, хожяин наш прыласковый,
 Не чеш твоя хвала молодецкая,
 55 Не вислуга твоя богатырская».
 Заплуват Добрыня за втору струю,
 Понесло их в пещору белокаменну.
 Ещо стали налетывачь орленочки да воскурковачь.
 Ещо спроговорэли тры слуги верные, неизменные:
 60 «Заплувай, Добрыня, за трэччыю струю».
 Ещо заплувал Добрыня за трэччыю струю,
 Понесло их в пещору белокаменну.
 Ещо тут струя бистрым очень бистрая.
 Ещо перносило их ко Марье ко Елизастовной.
 65 Выходила Марья Елизастовна,
 Подаставила свой берчат в руках,
 Ещо кланялся пониженечко:
 «Ещо здравствуй, моя тётушка родимая!».
 Ещо расплакалася Марья Елизастовна:
 70 «Несто прыяхал, мое дитятко родимое, Добрынюшко?»
 Чиба жмеина живком хвачит».
 Прылетат змея огненный:
 «Выходи, Добрынюшка!
 Если хочешь, Добрынюшка, я чиба живком хвачу,
 75 Если хочешь, Добрынюшка, я чиба жмеям скормлю,
 Ещо хочешь Добрыня, дымом задушу».
 Выходил Добрынюшка, ещо падал на коленочки,
 Ставал Добрыня на резвы ноги,
 Ещо поскакивачь стал Добрыня белым горнаком;
 80 Ещо стали налетывачь орленочки да воскуркувачь.
 Он видергиват черну шляпу,
 Штрэляет Добрыня жмею во белы груди
 И пропарыват белу грудь.
 Ещо стали слуги верные штрэлячь из туга лука.
 85 «Выходи, моя чётушка родимая,
 Остался от Микиты один отраштель,
 Чтобы не прыяхать по ронную свою по чёточку».
 Прыезжает ко своей ронной матушке,
 Ещо кланяется понижёночко:
 90 «Ещо здравствуй, моя ронна матушка,
 Я привез свою ронну четушку родимую».

(Записано со слов Чикачева Семена Егоровича, 1868 года рождения, в 1946 году в селе Кузьмичево)

ДОБРЫНЯ МИКИТИЧ И МАРЬЯ ИЗОСЛАВНА

- Жил-то Микита девяносто лет Новатёр жемле,
 Состарылся Микита, перэставился.
 Оставалось у Микиты вщё жиччо-быччо, вщё богачество,
 Оставалось у Микиты молода жена,
 5 Чесна вдова Амелфа Тимофеевна,
 Да во бладых летах Добрынюшко Микитов блад.

- Отдавала ево матушка грамоту учить,
 Ещо тем хидрым мудрэцам, мудрым учителям.
 Хорошо к нему грамота давалася.
- 10 Приходит Добрыня своей матушке:
 «Ох ти, матушка моя, ти, родимая,
 Дай мне благословение великоё
 Яхать-пояхать во чисто поле,
 Штрэлячь-убивачь гушей-лебедей,
 15 Ещо ту малу чицу, шероучитцу,
 Искачь-поискачь братца названного
 Тою було Илья Муровца».
- «Ох ти гой еси, мое дитятко,
 Доедёшь, мое дитятко, ко Почай-рэке,
 20 Изымут чибя жары петровские,
 Как те сонцепеки меженские.
 Захочется чибе, Добрыня, покупатися,
 Скидывай ти со шибя вщё шветно плаччо,
 Золот чуден крест со сопочкою.
- 26 Клади на луку на шедельную,
 Набивай шляпу хрущата песка,
 Как не мало, не велико девяносто пуд.
 Заплуйвай ти, Добрыня, за перву струю,
 Заплуйвай ти, Добрыня, за втору струю,
 30 Не заплуйвай, Добрыня, за трэччу струю —
 Трэчча струя бистрым-бистра,
 Понешёт чибя во пещеры, во белокаменны,
 К тому було Змеюнище-Лиходеюшшо,
 К той було Марье Изославной»...
- 35 «Вшегды буду заплуйвачь я за трэччыю струю».
- • • • •
 «Ох ти, бог с тобой, моё дитятко».
- Пояхал Добрыня во чисто поле.
 Штрэлячь-убивачь гушей-лебедей,
 40 Вшю ту малу чицу, шероучицу.
 Дояхал Добрыня ко Почай-реке.
 Изняли ево жары петровские,
 Ещо те сонцепеки меженские,
 Захотелося Добрыне покупатися.
- 45 Скидыват со шеба вщё шветно плаччо,
 Золот чуден крест со сопочкою.
 Кладет на луку на шедельную.
 Набиват шляпу хрущата песка
 Как не мало, не много девяносто пуд.
- 50 Заплуйват Добрыня за перву струю,
 Заплуйват Добрыня за втору струю.
 «Как не чесць моя, хвала молодецкая,
 Как не вислуга моя богатырская.
 Попробую заплуйвачь за трэччыю струю».
- 55 Заплуйват Добрыня за трэччыю струю,
 Трэчча струя була бистрым-бистра,
 Понесла ево во пещеры белокаменны,
 К этому було Змеюнищу-Лиходеюшшу,
 К той було Марьи Изославной.

- 60 Как надлётыват Змеюнищо-Лиходеюшшо:
 «Хочешь, Добрыня, огнем чиба спалю,
 Хочешь, Добрыня, дымом задушу,
 Хочешь, Добрыня, жмеям чиба скормлю».
 Скидыват Добрынюшка со головы шляпу,
 65 Стрэлят Змеюнища во белы груди,
 Пропарыват у Змеюнища белы груди,
 Ещо падает Змеюнищо во шинё моро.
 Подплуват Добрыня Марья Изославной:
 «Виходи же, Марья Изославна»...
 70
 «Уж не этот ли мой, этот суженой».

(Записано со слов Киселева Семена Петровича, 1885 года рождения,
 в 1946 году в селе Косухино)

МИХАЙЛУШКА И ЗМЕЯДИЩО

- Жил-то Микита девяносто лет,
 Состарылся Микита, прэставился.
 Оставалось у Микиты вше жиччо-быччо, вше имущество,
 Оставалась у Микиты молода жена,
 5 Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
 Со тем було со чадушком, со Михайлушком.
 Отдавала ево матушка в ученицо,
 Хидрым-мудрым учителям.
 Хорошо-то к нему грамота издавалася.
 10 Прыходит он ко ронной матушке:
 «Отпусти меня, матушка, во чисто поле.
 Штрэлячь-убивачь гушей-лебедей,
 Малую чицу-шероучицу».
 Дает ему матушка благословёнье
 15 С буйной голови до сирой земли:
 «Беры, мое дитятко, лошадь добрую,
 Саблю острую, беры копые бурзуменское,
 Беры, мое дитятко, двои фарточки.
 Там изнимут чиба жары петровские,
 20 Сонцепеки меженские.
 Захочется чибе покупатися,
 Скидывай ты, дитятко, вше шветно плаччо,
 Клади на луку пошедельную.
 Не скидывай ти, дитятку, черно шляпу.
 25 Заплуйвай ти, Михайло, во перву струю,
 Заплуйвай ти, Михайло, во втору струю,
 Не заплуйвай ти, Михайло, во трэчью струю».
 Ну как пояхал Михайлушко во чисто поле,
 Он брал свою лошадь добрую,
 30 Брал копые бурзуменское,
 Брал с собой саблю вострую,
 Брал с собой двое фарточки.
 Вот как изняли ево жары петровские,
 Сонцепеки изняли меженские.
 35 Захотелося к нему покупатися:

Скидыват Михайлушко вшѣ шветно плаччо,
 Кладет на луку на шедельную.
 Не скидывал Михайлушко черну шляпу.
 Заплуват Михайлушко во перву струю,
 40 Заплуват Михайлушко во хтору струю.
 «Ну, не чешь твоя хвала молодецкая,
 Не вислуга твоя богатырская,
 Заплуйвай ти Михайлушко во треччыю струю!».
 Богатырско ево шерцо разгорелося,
 45 Могучие ево плечи рашпиралися.
 Заплуват Михайлушко во треччыю струю.
 Треччыя струя вшем бистрым-бистра.
 Понесло его в пещоры белокаменные,
 Разлетелось по нево Жмеядишо-Лихорадишо.
 50 «Хочешь ти, Михайлушко, я живком сгложу,
 Если хочешь ти, Михайлушко, я огнем спажу,
 Если хочешь ти, Михайлушко, я жмеям скормлю».
 Скидыват-то Михайлушко ту черну шляпу,
 Насыпат эту шляпу хрущата песака,
 55 Штрэляет Жмеядишо по белой груде,
 Расшикает у Жмеядиша чоботы железные,
 Роняет Жмеядишо на сирю землю.

(Записано со слов Чикачева Семена Егоровича, 1868 года рождения, в 1946 году в селе Кузьмичево)

ПЛЕМЕННИКИ КОРОЛЯ ЯЧМАНА И САР ЕЛИЗАР

Ещо було-те було два гостя богатые,
 Королевские два племенника.
 Не пьют, не едят, хлеба не кушают.
 Тут спроговорэл к нема их дядеко —
 5 Ячман-король Ячмонайлович:
 «Ви пошто ни пииче, не едите, хлеба не кушаече?
 На кого зла-лиха ви думаече?
 На меня, на дядю, на Ячмана-короля?
 Али на четку свою благоверную?
 10 Али на шестру свою родимую?».
 «Ми не пьем, не едим, хлеба не кушаем,
 Ни на ково зла-лиха ми не думаем,
 Ми хочем бежать под Бернец город,
 Полон полонить хочем Марию Елизаровну,
 15 Со тем було чадом, со Михайлушком».
 Тут спроговорэт их дядико Ячман-король:
 «Ещо сар Елизар он хидёр-мудёр.
 Не мало раз я, король, бегивал,
 Не мало раз я, король, силу тёрывал,
 20 Едва я сам, король, убегивал».
 «Ох ти, гой еси, наш дядёко,
 Дай нам силушку сорок тысяч, вшю охотную».
 Тут раздернулась занавис берчатая,
 Виходила их шестрица родимая,
 25 Подходила своему дядёко приближешенько,

- Кланялась ему понизёхонько:
 «Ох ти, гой еси, мой дядёко;
 Отдай им силушку невольную,
 Отдай к ним силушку невольную — сорок тысяч».
- 8 Подбежали они под Бернец-город,
 Полонь полонили Марию Елизаровну
 Со тем було со чадом, со Михайлушком.
 Тут ражъехался сар Елизарович,
 Стал он своей силушке наказывачь:
- 35 «Ох ти, гой еси, моя силушка,
 Во первой раз черен ворон воскуркает —
 Ещё вша моя силушка коней хватай,
 Второй раз черен ворон воскуркиват —
 Вша моя силушка коней шеллай,
 40 Трэччий раз ворон воскуркиват —
 Вша моя силушка татар плини,
 Татар плини, как лес клони!».
 Обертываца он шерым волком.
 Побежал шерой волк во чисто поле,
 45 У добрых коней жилки вше повидергал.
 Обертываца он белым горнаком,
 У тугих лучков чечивочки повиперэдал,
 У калиных стрел верошки вше повикушал,
 У ружей кремешечки повидергал.
- 50 Воскакиват белый горнак во белый шачёр.
 Тут спроговорэт Михайлушко, чадо милое:
 «Уж какой, мамо, белый горначек».
 Тут спроговорэт Мария Елизаровна:
 «Это ведь не белый горнак, твой дядеко».
- 55 Ещё в ту пору от сна татары пробудилися,
 Стали белого горначка похватывачь.
 Ещё стал тут белый горначек поскакивачь
 Стало белому горначку тугошенько.
 Вискакиват к своей шестрице под берчат рукав.
- 60 Виходила Мария Елизаровна из белого шатра,
 Випущала белого горначка.
 Побежал белый горнак во чисто поле,
 Обертываца он черным вороном.
 Стал черен ворон покуркивачь —
- 65 И вша ево силушка коней хватат,
 Второй раз черен ворон покуркиват
 Вша ево силушка коней шедлат.
 Трэччий раз черен ворон покуркиват —
 Вша ево силушка татар плинит.
- 70 Татар плинит, как лес клонит.
 Вшех татар она виплинила.
 И ти чех королевских племенников он живком хвачил,
 У онново руку изломал и ногу изломал.
 У другово глаза оба викопал.
- 75 Посадил он хромого на слепого
 И отправил Ячману-королю.

(Записано со слов Киселева Семена Петровича, 1885 года рождения,
 в 1946 году в селе Косухино)

ДАНИЛЫШКО ИГНАТЬИЧ И ЧИТ

Как от той було стороночки восточной,
 Подымалася туча богатая, туча грозная, гражь великая.
 Ещо едет-то Чит, похваляется:

«Русалимскую церку вижегу, виплиню,
 5 Русалимский монастыр весь на дым вожьму,
 Сарá Тимофея в полон полоню,
 Сарыцу кнегину на шеба вожьму.
 Еще сорок сарэй, сорок королей,
 Под кажным саром по тры тысеци,
 10 Под кажным королем да по тры тысеци,
 Подо мной-то, под Читом и щёту нет.
 Ещо сам-то я, Чит-то, Китобрата звер».

.
 Сар сделал пир да на весь он мир.
 Про вшех он про княжей, про боярэй,
 15 Про ту полонницу вшу удалю.

.
 От пэрэнного стола как ответу нет,
 От сэрэнного стола — да колесом пошел,
 Швет по имони Данилушко Игнатъевич.
 Он стовал-то на ноженьки, на резвые,
 20 Как на те-то, на сапожки зелен сафьян.
 «Как служил я сарам-сарэвичам,
 Как служил я королям-королевичам,
 Как тапероче Данилушко старый старык,
 Старый-ти старык, девеносто лет.
 25 Не могу-то я, Данилушко, на коне сидечь,
 Не могу-то я, Данилушко, копьем шурмовачь.
 Во чистом поле стоял дуб рокитовой.
 У сырова-то дуба один бтраштель —
 У меня есть, у Данилушке, чадо милое,
 30 Швет по имено Михайлушко Данильевич.
 Как таперича Михайлушку двенадцать лет.
 Кабы бул-то Михайлушко пятнадцать лет,
 Он съездил би во чисто поле,
 Постоял би за веру хрыстианскую».

.
 35 Как не стук застучал, братцы, во черэме;
 «Поди-ка, Михайлушко, чиба сар зовёт».
 Тут расплакался Михайлушко Данильевич:
 «Ужо хто про меня да как сару сказал?»
 «Пошто он зовет, про то не ўзнато».
 40 Подвозили карэту златокованну:
 Как не стук застучал, братцы, во черэмэ,
 Как ражьехался Михайлушко Данильевич
 Он и крест-то кладет да по-ученому,
 Поклон-то дает по-писанному.
 45 Ещо княжу, кнегине по особице.
 Тут спроговорэл-то Данилушко Игнатъевич:
 «Ох ти го ишя, ти мое дйтятко,
 Ещо пьяненьким я делом призахвастался.

- Ещо шъезди, мое дитятко, во чисто поле.
- 50 Ты постой-ка за веру хрыстианскую,
 Как с бело-то денька до чёмной ночи,
 С чёмной-то ночи до бела денька,
 С бела-то денька до чёмной ночи.
 Потом поворачивай коня, коня на-круто!».
- 55 Пояхал Михайлушко во чисто поле,
 Как наезжает ещо на силушку бесщотную,
 Ещо стал-то по силушке наезживачь,
 Как с бело-то денька до чёмной ноченьки,
 С чёмной-то ноченьки до бела денька,
- 60 С бела-то денька до чёмной ночки,
 С чёмной и ночки до бела денька.
 Ещо во ту пору Михайлушко поранили,
 Поворачиват коня, да коня по-круто.
 Как не стук и застучал, братцы, во черэмэ.
- 65 Как вискакиват Данилушко Игнатъевич,
 Разбежался лошадь богатырская,
 Ещо брал он ево во белы ручки,
 Как уношит ево во божью церку,
 Кладет он ево да под святы образа,
- 70 Затеплил швечу воску ярову:
 «Как буди оживешь, то швеча горы,
 Как будэ помрэшь, то швеча сгоры».
 Сам выходит не дверми, не воротами,
 Как виламыват стену каменну.
- 75 Не берэт он в руки саблю вострую,
 Не берэт он копье борзуменское.
 Во чистом поле стоял дуб, да дуб рокитовой,
 У сырова-то дуба один отроштель,
 Сорывал дуб, дуб ис корэню,
- 80 Как наезжат ещо на силушку бесщотную.
 Ещо стал-то по силушке поездивачь,
 Стал-ти он дубом-че помаживачь.
 Пэрэд он махнет — пэрэулочки,
 Как назать-то махнет — часты улочки.
- 85 Как зверино ещо шерце возверылося,
 Могучие плеча размахалися.
 Эту-ту же-то шилу вшю-то скошил,
 Самово того Читу живком хвачил,
 Он привезыват коню, коню в торока.
- 90 Как татарские жилы че не сорвутся,
 Как татарские кошты не изломатся.
 Как не стук застучал, братцы, во чэрэмэ,
 Как ражъехался Данилушко Игнатъевич,
 Брошился он это-то он во божью церку —
- 95 Как потухла швеча-то воску ярово.
 Прэставился Михайлушко Данильевич.
 Сам выходит не дверми, не воротами,
 Как виламыват каменную стену:
 «Ох ти, сар, пьешь, ешь да прохладзедешша,
- 100 Ти не знаешь про несгодушку немалую,
 Не малую, не великую.

Как померкло мое красно-солнишко,
 Улетела звезда поднебестная,
 Преставился Михайлушко Данильевич».
 105 Сам бросался, кидался о кирпичёвой мос,
 Ево косточки, суставчики не спозналися.

(Записано со слов Киселева Семена Петровича, 1885 года рождения,
 в 1946 году в селе Косухино)

ДАНИЛЫШКО ИГНАТЬИЧ И ЧИТ

Едёт Чит, похваляеца:
 «Ещё тот город вижгу, виплиню,
 И тово сара во полон полоню».
 Тут сар прыздумался.
 5 Призывает своих княжей-боярэй и думных шенаторэй:
 «Хто бы съездил из вас к Читу сопротивником,
 Постоял би за вдов, за широт, за бежмужвенных
 И за веру хрестиянскую и за ту серку¹⁵ божию».
 Ис перенного стола ответу нет.
 10 Ис серенного стола колесом посло.
 Ис заннего стола тут вставал
 Старык стар за девяносто лет...
 «Если я, — говорит, — Данилышко Игнатьич,
 Ещо съездил би я Читу сопротивником —
 15 Не могу я, Данилушко, на коне сидеть,
 Не могу я, Данилышко, копьём шурмовачь.
 Как есть, — говорит, — в чистом поле онно дерво,
 У этово дерва один отростель,
 А у меня, у Данилышка, онно чадо милое,
 20 Швет по имони Михайлышко.
 Он би съездил, — говорит, — Читу сопротивником,
 Сево Михайлышку двенадцать лет.
 Не могёт Михайлышко на коне сидеть,
 Не могёт Михайлышко копьём владеть.
 25 Було би, — говорит — Михайлышку пятнадцать лет,
 Он би съездил Читу сопротивником,
 Постоял би за веру хрестиянскую».
 Приводили Михайлушка за белы руки,
 И отправили Михайлушка Читу сопротивником.
 30 Тут наказыват очес ронной:
 «Ти поедешь, Михайлышко,
 Во чисто поле Читу сопротивником,
 Ти руби, плини с белá денька до чёмной ночки,
 С чёмной ночки до белá денька,
 35 А потом, Михайлышко, приворачивай коня назать».
 Тут пояхал Михайлышко во чисто поле,
 Он рубит и плинит, как траву косит,
 С бела денька до чёмной ночки,
 С чёмной ночки до бела денька,
 40 С бела денька до чёмной ночки —
 Тут Михайлышко поранили.

¹⁵ Церковь.

Прыворачиват коня обратно,
 Пръезжает во висок черэм.
 Тут очес ево ронной расплакался,
 45 И отнёс Михайлышко во божью серку,
 И зажѣг к иконам воску-ярову свечу:
 «Как свеча моя гори и Михайлышко лежи!».
 А сам пошел во чисто поле.
 Сорвал дерво из самово корэня
 50 И пояхал Читу сопровотивником.
 И вижгал, виплинил вшю силушку,
 И Чита самово живком прывез.
 Побежал во божью серку —
 Швеча догорела и Михайлышко перѣставилса...

(Записано со слов Ивана Николаевича Чикачева, 1910 года рождения, в 1946 году в селе Полярное)

ИЛЬЯ МУРОВЕЦ

(Отрывок)

Илля Муровец по кораблю прохаживат,
 Злаченные свои пуговки разглаживат,
 Во каждой во пуговке по индрокку и по лютому льву.
 Ево индрыки раскичелиши,
 5 Лютые зверы озверѣлиши.
 Подходил кораблик ко берэгу,
 Выходит Илюша на сухой берэг,
 Пошел Илюша по чисту полю.
 Как раз они с Калигой повстрѣчались,
 10 Шветлым плаччѣм поменялиса,
 Стростками поменялиса.
 Калигино плаччѣ было по-узко,
 Калигино стростка була по-легка.
 Подошел Идолищо Поганому
 15 Стал по калинову мосту прохаживачь
 Стал калиновый мост поскрыпивачь.
 Тут спроговорѣт Идолищо Поганое:
 «Ой ты, гой еси, Илля Муровец,
 Много ли хлеба кушаешь?».
 20 «Я кушаю по трѣ прошвиры, по трѣ серковные».
 Ударил этово-то Идолища Поганово,
 Своей этой-то стросточкой, —
 Сымает у Идолища по плеч голову...

(Записано со слов Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 года рождения, в 1946 году в селе Полярное)

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

(Отрывок)

Как издалече, из чиста поля,
 Из того из городу из Хвалынсково,
 Не ишню сокол вилетывал,

- Выезжал удалой доброй молодец,
 5 Боярский сын Дюк Степанович.
 Дюк на шивочке, Дюк на бурочке.
 Трой годочки, трои травочки
 На любименьком жерэбеночке.
 Как у Дюка були три особенки,¹⁶
 10 На тры колчата кибирчата калены стрэлы.
 Поутру рано Дюк стрэлки стрэлят,
 К вечеру поздно Дюк стрэлки жбират.
 Где стрэла стоит, тут швеча горит воску ярово.
 Вшем стрэлкам цены ведает —
 15 Каждая стрэла по петі рублей.
 Только трэм стрэлкам цены не ведает —
 Во ушках були стрэлки саденные¹⁷
 По камешку по алатару, по яхонту,
 Пероныма перышками орлиныма.
 20 Не того орла шизово, как тово орла Камсково.
 Летает по шиню мору,
 Выпархиват перья в шине моро,
 Бегают гости — корабельщики,
 Собирают перышки орлиные,
 25 Вывожат каменну Москву
 Княжем, боярам на подарочек,
 Старым старикам усы торжичь,¹⁸
 Молодым молодушкам порты кроичь...

(Записано со слов Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 года рождения, в 1946 году в селе Полярное)

КАЛИГА

- Шел Калига с горы на гору, на высокую.
 У Калиги шуба кормажин сукна,
 У Калиги шапка черных соболей,
 У Калиги-то сапожки зеленой сафьян,
 5 У Калиги посошок кипарис-дрэво,
 Кипарис-дрэво — вшем дрэвам дрэво.
 Увидат Калига — стоят тры сара:
 Федошейко сар Федошеевич,
 Волотамен сар Волотаманович,
 10 Кудрэванко сар Кудрэванович.
 Випадала книга голубельной швет,
 Навокруг-то книга сорок сажень,
 Вишину та книга тры печатные.
 Спроговорэт Калига:
 15 «Федошейко, сар Федошеевич,
 Ти беры-то книгу единой рукой,
 И читай-то книгу на единый дух».
 «Мне не вжячь будёт, не прочать будёт».
 Спроговорэт Калига:
 20 «Кудрэванко, сар Кудрэванович,

¹⁶ Стрелы.

¹⁷ Всаженные.

¹⁸ Брить.

- Ти беры-то книгу единой рукой,
 И читай-то книгу на единый дух».
 «Мне не вжячь будёт книгу, не прочать».
 Спроговорэт Калига:
 25 «Волотомен, сар Волотаманович,
 Ти беры-то книгу единой рукой,
 И читай-то книгу на единый дух».
 «Мне не вжячь будёт книгу, не прочать».
 Берэт Калига книгу единой рукой,
 30 И читает книгу на единый дух:
 Отчего зачался у нас белой швет,
 Отчего зачалось красно солнишко
 И отчего зачалось часты звездочки,
 Отчего зачалось маць плакунь-трава —
 35 Отгово от поту, от конинново,
 И от въздыхания человекчево.
 (Записано со слов Шкулевой Анны Николаевны, 1904 года рождения,
 в 1946 году в селе Поляное)

КАЛИГА ПЕРЭХОЖАЯ

(Отрывок)

- Не кобель-трава¹⁹ в поле шатаеца.
 Не вешна вода разливаеца.
 Шла то наша Калига перэхожая, перэезжая,
 У Калиги шуба кармазин сукна,
 5 У Калиги стротка кипарыс-дрэво.
 Попадает Калига на гору, гору высокую,
 Увидал Калига — ходят тры сара:
 Кудрэванка сар Кудрэванович,
 Федосеев сар Федосеевич,
 10 Болотомен сар Болотомонович.
 Усак от той було стороночки восточною,
 Подымалась туча грозная —
 Випадала книга голубельный швет.
 В длину книга сороких сажень,
 15 В ширину книга тридцатих сажень,
 В толщину книга печатну сажень.
 Тут спроговорят Калиге эти тры сара:
 «Читай, Калига, эту ту книгу».
 Тут спроговорэл Калига эчичэм трэм сарам:
 20 «Хочь мне вжячь будьот, не поднячь будьот,
 Хочь читачь будьот, не прочитачь будьот».
 «Читай, Калига, хочь и тры листа».
 Читал Калига эти тры листы ровно тры года.
 Писал эту книгу сам Исус Хрыстос.
 25 От этой книги вжялся белой швет,
 От этой книги красно солнишко,
 От этой книги как шине моро,
 От этой книги как плакунь-трава»...
 (Записано со слов Черемкиной Пелаген Николаевны, 1908 года рождения,
 в 1946 году в селе Полярное)

¹⁹ Ковыль-трава.

САДКО

- Ещё жил Садко-купец, гость богатой.
 Не мало раз Садко по морю бегивал,
 Морсково сара ничем не дарывал,
 Чужие дары, пошлины ничем не оплачивал.
- 5 Ещё останавливал-то корап серди шиня мора.
 Ещё спроговорэл Садко-купец, гость богатой:
 «Ви, дружиночки храбрые, ещё сядем
 Во единой круг, во большо место,
 Сделаем жерэбьи легкие из чистово белово сёрэбра,
- 10 Ещё брошимче —
 Ещё чей ли жерэбий будет повёртывати,
 Ещё чей ли будет посерэть струей,
 Ещё чей ли будет жерэбий, как ключ ко дну».
 Они шяли, дружиночко храбрые,
- 15 Во единой круг, во большо место,
 Бросали жерэбий в шине моро.
 Увжа вше жерэбьи плавают,
 Садково жерэбий — как ключ ко дну.
 Ещё спроговорэл купец, гость богатой, Иван Васильевич:
- 20 «Не мало раз Садко по мору бегивал,
 Морсково сара ничем не одарывал,
 Чужие дары, пошлины не оплачивал.
 Сам знаю, сам я ведаю.
 Ещё сядёмте, рэбятушки,
- 25 Во единой круг, во большо место
 И сделаемче жерэбьи из чистово, из красново золота.
 Ещё брошимче —
 Ещё чей ли жерэбий будет повертывати,
 Ещё чей ли будет посерэть струей,
- 30 Ещё чей ли будет жерэбий, как ключ ко дну».
 Шяли они во единой круг, во большо место.
 Ещё сделали жерэбьи легкие, из чистово красново золота,
 Бросали жерэбий в шине моро.
 Вше жерэбьи плавают,
- 35 Садково жерэбий — как ключ ко дну.
 Ещё спроговорэл купец, гость богатой, Иван Васильевич:
 «Сам я знаю, сам я ведаю.
 Ещё сядемче, рэбетушки,
 Во единой круг, во большё место
- 40 И сделаемче жерэбьи легкие
 Из тово, из белово дерэва, кипарыс-дрэва.
 Шяли они во единой круг, во большо место,
 Сделали они жерэбьи легкие
 Из тово, из белово дерэва, кипарыс-дрэва,
- 45 Бросали жерэбий во шине моро.
 Вше жерэбьи плавают,
 Садково жерэбий — как ключ ко дну.
 Ещё спроговорэл Садко-купец, гость богатой:
 «Сам я знаю, сам я ведаю.
- 50 Не мало раз Садко — я по мору бегивал,
 Морскова сара ничем не одарывал,

- Чужие дары, пошлины не оплачивал.
 С уделу Садку написано, от бога назначено, —
 Сделайте, — говорит, — бочку хрустальную,
 55 Брошайте меня, Садко, во шинее моро».
 Сделали бочку хрустальную,
 Бросали Садко во шинее моро.
 В ту пору Садку прыдрэмалося, прыгуснулося,
 Вот привиделося Садко сон-сновидение:
 60 Прыходили Садку сорок невест,
 Попрэди идет девушка-красавица,
 Позать нее идет девица-чернавица.
 Ещо спроговорэл морской сар:
 «Беры, — говурыт, — Садко, девицу-красавицу».
 65 «Не вожьму, Садко, девицу-красавицу,
 Вожьму, Садко, девицу-чернавицу».
-
 Видергивали Садко из шиня моро.
 Побежал-то корап по шиню моро.

(Записано со слов Галыжинского Федора Митрофановича, 1889 года рождения, в 1946 году в селе Федоровском)

САДКО

- «Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем мы жерэбьи лёгкие,
 Из того, из чиста из золота.
 Брошим во моро во Хвалынское.
 5 Чей будет жерэбий сплувачь поверх воды?
 Чей будет жерэбий сплувачь посередь воды?».
 Вше жерэбьи поплавливают.
 Садково-то жерэбий — как ключ ко дну.
 Ту пору Садок запечалился:
 10 «На роду мне, Садку, написано,
 Суждено мне, Садку, доставалося,
 Дары були, послины — не плачивал.
 Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем ми жерэбьи лёгкие,
 15 Из тово, из чиста из сёрэбра,
 Брошим во моро во Хвалынское.
 Чей будет жерэбий сплувачь поверх воды?
 Чей будет жерэбий сплувачь посередь воды?».
 Вше жерэбьи поплавливают,
 20 Садково-то жерэбий как ключ ко дну.
 В ту пору Садок запечалился:
 «На роду мне, Садку, написано,
 Суждено мне, Садку доставалося,
 Дары були, послины — не плачивал. —
 25 Собирайтесь, дружинки, во един кружок,
 Сделаем ми жерэбьи лёгкие,
 Из тово, из дерэва, кипарыс-дрэво,
 Брошим во моро во Хвалынское.
 Чей будет жерэбий сплувачь поверх воды?»

30 Чей будет жерэбий сплывачь посередь воды?».

Вше жерэбьи поплавливают,
Садково-то жерэбий — как ключ ко дну.

В ту пору Садок запечалился:

«На роду мне, Садку, написано,

35 Суждено мне, Садку, доставалось,
Дары були, послины — не плачивал.

Сделайте бочку хрустальную,
Спусчите во моро Хвалынское»...

Сделали бочку хрустальную,

40 Спустили во моро во Хвалынское

.
Сновидение Садку провидалось —

Поперэди идет дэвица-красавица,

Позады идёт дэвица-чернавица.

45 «Не беры, Садок, дэвицу-красавицу,

Ти беры, Садок, дэвицу-чернавицу».

(Записано со слов Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 года рождения,
в 1946 году в селе Полярное)

СУРОВИЧ ИВАНОВИЧ И ПУРГА-САР

Ещо громы грэмэли, ещо молоньи сверкали,

Була земля трасение —

На небе-че родился свечол мешец,

Ещо на Руши родился силён богатыр —

5 Славный Сурович Иванович,

Яруславной воль Яруславович.

Тут спроговорэт он ронной матушке:

«Ох ты, мать моя, родимая,

Не пленай меня в пеленочку камчатую,

10 Не клади мне сголовычико пуховоё,

Набивай мне шляпу хрущата песка,

Как не мало, не велико — девяносто пуд.

А лучче съезжу я во чисто поле,

Штрэлячь стану, убивачь гушей-лебедей».

15 Давала мать к нему благословенье великое,

Ещо ехать во чисто поле,

Как штрэлячь-убивачь гушей-лебедей.

Он яхал и пояхал во чисто поле.

Как штрэлял-убивал гушей-лебедей,

20 Он увидел на дубу чицу-ворона,

Он видергиват свой лук, как из тула-ча,

Ту киберчату калину стрэлу.

Ещо кладет на чечивочку, на шелкову,

Ещо хочет прострэличь чицу-ворона,

25 Ещо хочет кровь проличь по сыру дубу,

Ещо хочет перья распорхачь по чисто полю.

Тут спроговорэл чица-ворона:

«Не штрэляй, — говурит, — Сурович Иванович,

Моя черная мяша не исть будёшь,

30 Мою черную кровь не пичь будёшь.

- Не порхай мои перья во чисто полю,
 Не проливай мою кровь по сыру дубу.
 Я тебе скажу несгодочку не малую, не великую —
 На Смородине-реке стоит Пурга-сар,
 35 Не пропускает не конново, не пешево,
 Ни казную чицу политучую,
 Ни кажного звера порыскучево».
 Не штрэлял Сурович Иванович черна ворона,
 Поворачивал коня круто-накруто,
 40 Ещо яхал ево силушку бесцотную,
 Ещо стал ево силушку покашивачь.
 Ево вострая сабля притупилася,
 Ево копьё борзумецко прызагнулося —
 Он хватил татару, стал помахивачь,
 45 Стал татару прыговарывачь:
 «Татарские жилы не оторвуца,
 Татарское тело не поторкаеца,
 Татарские кости не проломяца».
 Как перёт татаром махнёт — часты улицы метёт,
 50 Как назать махнёт — перэулицы метёт.
 И чи чем татаром силу вшю прыбил.
 Ещо белая рыба перпужалася,
 Во глубокие стана собиралася;
 Ещо волки, оленя за круты горы пошли,
 55 Ещо звер котобраз на гору бежал,
 Сам шпину изломал.
 Вот пеганок-воронок он в лес побежал,
 Само ногу изломал!
 Вот Аринушка-Маринушка, ево матушка,
 60 Она волшебница була,
 Виходила на красноё, на крыльцо,
 Узнавала через швое волшебство:
 «Ещо на Руши родился богатыр,
 Ещо на небе-че родился швечол мешец,
 65 Ещо по имони ему — Сурович Иванович,
 По другому Яруславович».
 Само Пургу-сара живком хватал,
 Поворачивал коня круто-накруто,
 Пръезжает своей ронной матушке.

(Записано со слов Черемкиной Пелагеи Николаевны, 1908 года рождения, в 1946 году в селе Полярное)

ХВЭДОР СЫН КОЛЫЧЕСКОЙ

- На пиру були пьяны-вешелы:
 Охто хвастает добрым конём,
 Охто хвастает молодой женой,
 Охто хвастает жиччьём-быччьём, богачеством.
 5 Ещо два братца, два волховника, ничем не хвастают.
 Тут ставал княжь на рэзвы ножки:
 «А ти, два братца, два волховника,
 Почему не хвастаетё ни жиччьём-быччьём, не богачеством?»

- Они говурат: «Чем будем ми хвастачь?
 10 Ещо у нас есть онна шестрыца Софья Волховнишна,
 Швэчол мешец не прошветил,
 Красно-солнишко не обогрэло,
 Добрые люди не уздрэли».
 Тут ставал ис шерэнного стола Хвэдор сын Колыческой:
 15 «Ох ви, два братца, два волховника,
 Ни пустым ли местом хвастаете?
 Ещо я знаю вашу шестрыцу Софью Волховнишну,
 Я в полуношную пору в онной сорочке бес поясу».
 И вибегат Хвэдор на улицу,
 20 Убегает к Софье Волховнишне во висок черэм.
 Говурит он к ней: «На пиру були пьяны-вешелы,
 Пьянским делом прызахвастались».
 Говурит она: «Понапрасно, Хвэдор, хвастаёшь,
 А чипер к нам живым не бучь».
 25 Пръезжали два братца во висок черэм и крычат
 «Ох ти, сукин сын, Хвэдор Колыческий,
 Виходи на улицу, ми убичь хочем чибя,
 А в доме кровяничь не хочем».
 Тут виходит Хвэдор сын Колыческой,
 30 Подкололи на два ножичка булатные.
 А Софья Волховнишна в шенях на петле качается.
 Тут спроговорат два братца:
 «Ми не ланна так сделали —
 Лучче би Хвэдора иной город сослали,
 35 А шестрыцу свою во крэкких руках дэражали».

(Записано со слов Чикачева Ивана Николаевича, 1910 года рождения, в 1946 году в селе Полярное)

В науке накопилось уже довольно большое число всевозможных свидетельств об очень ранних связях северных (приполярных) якутов с первоначальным русским населением этих мест, представленным сейчас старокустынцами на Индигирке и колымчанами, — этими замечательными хранителями древней русской эпической традиции.²⁰

Одним из таких ярких свидетельств тесной культурной связи русского населения края с его аборигенными насельниками является бытование элементов древнейшего русского былинного эпоса в устном народном творчестве нижнеленских якутов.

В 1943 году между Булуном и Жиганском, в низовьях р. Лены, в 60 километрах выше Жиганска, на о. Курун работала Ленская историко-археологическая экспедиция (руководитель проф. А. П. Окладников). Здесь со слов широко известного в этих местах всеми уважаемого сказителя (олонхосута) Николая Иннокентьевича Петрова, в возрасте 90 лет, по прозвищу «огочен» (молодец), была записана былина-сказка, слышанная им «от дедов», о похождениях воинственных витязей эпоса местных племен — морских хосунах.²¹

²⁰ См.: А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943.

²¹ Выражаю благодарность проф. А. П. Окладникову, предоставившему мне для опубликования текст этой записи.

Этот рассказ о встрече Ильджи (Ильи) Муромца и Сильбирэя (Святогора), которого и «земля поднять не может», оказался контаминацией двух русских былинных сюжетов, объединенных общностью основного героя — Сильбирэя — Святогора: в повествование «Святогор и гроб» введен весьма редкий в былинной традиции рассказ — побывальщина «Святогор и тяга земная».²²

Весьма примечательно и то, что в сознании якутского сказителя, владеющего, быть может, не более чем одним десятком общеупотребительных русских слов, известные богатыри русского былинного эпоса выступают уже как свои родные, таежные герои — хосуны, уважаемые и любимые, наравне с такими, как Гэмперэ, Двабыл, Бееленчен, Юнгкээбил, а былины об Илье Муромце и Святогоре-богатыре вошли в архаический хосунный эпос как его органическая составная часть.

В переводе на русский язык краткое изложение содержания этой былины-сказки таково.

ИЛЬДЖА МУРОМЕЦ И СИЛЬБИРЭЙ

Ильджа Муромец-богатырь на своем добром богатырском коне ехал по морю. В то время было много каменных крепостей, которые одну за другой брал знаменитый богатырь Ильджа Муромец.

Однажды на своем богатырском пути встречает он другого витязя из его же богатырского колена по имени Сильбирэй — земля его не выдерживает — поздоровались, обменялись богатырскими приветствиями. Ильджа Муромец и говорит ему: «Давай, объединим свои силы, будем родными братьями, вместе поедем». Согласился тот. Вместе и поехали. Ильджа-богатырь с конем своим не могут выдержать дыхания богатырского коня Сильбирэя: если дохнет конь — далеко улетают, если вдохнет — прямо в рот к нему летят.

На самом берегу морском стоит громадина — замок каменный. У этого замка громадного встречают богатыри старика седого, дряхлого, который несет с собой суму переметную. Поздоровались. Старик тот и предлагает Сильбирэю-богатырю поднять его переметную суму. Старик при этом с такой легкостью снял суму и положил ее на землю, что богатырь Сильбирэй даже возмутился: как ему, знаменитому богатырю, предлагают поднять столь незначительную вещь. Хотел было сначала кончиком кнута, сидя на богатырском коне, поднять эту суму — ничего не вышло. Слез тогда с коня, попробовал кончиком мизинца, а потом по очереди всеми пальцами, начиная с мизинца сначала левой руки, а потом правой, а затем запел по соловьиному, свистнул по-богатырски, напряг всю свою богатырскую силу, натужился, поднял суму и погруз в землю по колена.

Вот и говорит ему тот старик: «Ты, богатырь святой земли русской, раньше считал себя самым сильным и думал, что можешь землю, по которой ходишь, имея опору, повернуть с запада на восток и с востока на запад. Ан вон не смог поднять и одной четверти земли нашей».

Ильджа Муромец стоял в сторонке, улыбался... Попроцались со стариком, разъехались. Вдруг слышат где-то в лесу стук топора. Какой-то дровосек дрова рубит, по лесу эхо отдается. Поехали богатыри туда. Вдруг подъезжают они к большому гробу, а он раскрытый лежит. Богатырь Сильбирэй и говорит Ильдже: «Слезай с коня и попробуй-ка в гробу по-

²² См.: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, записанные летом 1871 г., т. III. Изд. 4-е, М., 1951, № 273; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, М., 1909, № 86; Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, № 63.

лежать». Соскочил Ильджа с коня богатырского и залез. Оказался в том гробу он маленьким, как кусок мяса. Посмотрел Сильбирэй-богатырь и говорит: «Выходи из гроба, Ильджа, теперь я сам туда лягу». Слез он со своего богатырского коня и тоже в гроб залез. А гроб, оказывается, был как раз по его богатырским размерам, будто нарочно для него и сделан. Попросил тогда Сильбирэй-богатырь Ильджу Муромца гроб крышкой закрыть. Сделал это Ильджа. «Ну, теперь открывай», — сказал Сильбирэй-богатырь. Стал Ильджа открывать, а открыть не может. Велит тогда Сильбирэй-богатырь взять его богатырский батас²³ и ударить им по гробу. Ильджа Муромец тот батас богатырский и поднять не может. Лежит Сильбирэй-богатырь в гробу и говорит: «Ты, Ильджа, слабый совсем. Сам я буду теперь в гробу силы напрягать и гроб разобью. А если нет, то белая пена изо рта моего выйдет, а ты, Ильджа, возьми ее концом пальца и проглоти, тогда ты совсем другой станешь».

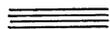
Сделал Ильджа, как ему Сильбирэй посоветовал, и стал еще более сильным богатырем. Легко поднял он тогда палицу богатырскую Сильбирэя, но только ударил по гробу, как вдруг опоясал гроб железный обруч. Три раза ударил — и три обруча появились.

Сказал тогда Сильбирэй-богатырь: «Видно встретили мы бога, старика Николу. Это он, оказывается, сделал для меня гроб этот. Теперь понимаю я, конец моей жизни настал, судьба моя пришла, и я умираю. Пена из гроба моего выйдет красного цвета, проглоти ее, и еще сильнее будешь — средней силы богатырем будешь, и еще пена из гроба моего выйдет — проглоти и ее, и такой же великий богатырь, как сам я, будешь, и судьба такая же у тебя будет». Все.

²³ Меч (арханч.).

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

17—20 ноября 1953 года в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР, состоялось совещание по вопросам изучения русского народного поэтического творчества, организованное Институтом русской литературы совместно с Институтом мировой литературы Академии Наук СССР. Совещание было вызвано настоятельной потребностью в широком обсуждении важнейших проблем советской фольклористики.

В совещании участвовало 250 человек: сотрудники научно-исследовательских институтов Всесоюзной Академии Наук, ее филиалов и академий наук союзных республик, преподаватели высших учебных заведений и работники домов народного творчества. Всего было представлено 47 организаций из разных городов Советского Союза.

О действительно назревшей потребности в таком совещании фольклористов свидетельствуют развернувшиеся оживленные прения. Особенно следует отметить активное участие в совещании большой группы работников литературной самодеятельности — методистов домов народного творчества, которые впервые были так широко представлены на академическом совещании.

Внимание участников совещания было сосредоточено на двух центральных проблемах: на проблеме советского народнопоэтического творчества (его природа, характерные особенности, задачи и методы его изучения) и на проблеме истории русского народного творчества и его периодизации.

Выделение первой проблемы в качестве основной было обусловлено особой ее важностью в развитии социалистической культуры и искусства. Между тем именно в освещении этой проблемы наметилось особенно серьезное отставание советской фольклористики. Не были выяснены до конца самая природа советского народнопоэтического творчества, его взаимоотношение с литературой и традиционным фольклором. Это приводило к ряду ошибок как в теоретических, так и в исторических научных трудах, а также отрицательно сказывалось на практической работе по собиранию и публикации фольклора и по руководству художественной самодеятельностью. В 1952 году в связи с выходом в свет «Очерков русского народнопоэтического творчества советской эпохи», изданных Институтом русской литературы Академии Наук СССР, вокруг проблемы советского народного творчества в нашей печати развернулась дискуссия, которая обнаружила большие теоретические разногласия, отсутствие единства и ясности в понимании природы народной поэзии советской эпохи. Встала задача продолжить дискуссию в широком собрании исследователей фольклора и практических работников в этой области с целью выяснить самые основные из

вопросов, касающихся данной проблемы, и наметить дальнейшие пути к их решению.

В Академии Наук СССР, ее филиалах и союзных академиях развернулась в последние годы работа по написанию истории фольклора русского и братских народов СССР. Осенью 1953 года вышел из печати подготовленный фольклористами совместно со специалистами по древней литературе первый том истории русского фольклора (Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков, М.—Л., 1953); написаны 1-я и 2-я книги второго тома этого же издания, охватывающие период со второй половины XVIII века до 1917 года. Упомянутые выше «Очерки народно-поэтического творчества советской эпохи» тоже явились опытом рассмотрения фольклорного материала по историческим периодам. Таким образом, пришла пора обменяться опытом, достигнутым уже в различных научных коллективах, подвергнуть широкому обсуждению принятые в выполненных работах принципы периодизации народного творчества, обсудить многие другие сложные вопросы, возникшие перед исследователями.

Вместе с тем ощущалась также потребность обменяться опытом преподавания в высших учебных заведениях курса русского народного творчества по программам 1949—1953 годов, построенным по историческому принципу.

На совещании был поставлен и обсужден ряд других важнейших вопросов: о борьбе с пережитками враждебной идеологии в науке о народном творчестве, об эстетическом значении и художественном мастерстве произведений фольклора, о взаимодействии литературы и народной поэзии, о значении и методах изучения наследия классического фольклора и наследия революционно-демократической фольклористики и т. д.

На секционном заседании делегаций Союзных республик обсуждались вопросы координации научной работы.

Совещание было открыто членом-корреспондентом Академии Наук Н. Ф. Бельчиковым,¹ подчеркнувшим значение широкого и живого обмена мнений, на основе свободной критики и самокритики, по вопросам изучения народного творчества. Советские фольклористы провели, сказал Н. Ф. Бельчиков, за последние годы большую методологическую перестройку своей работы. Они подвергли критическому пересмотру весь материал народного творчества с точки зрения выражения в нем передовых, подлинно демократических черт. Изложению материала придан исторический аспект, раскрыты связи с эпохой и этапами развития народной жизни. Достижением надо считать проведенную советскими фольклористами борьбу против школы заимствования, которая игнорировала национальные живые черты содержания и формы фольклора. Однако советская фольклористика еще не достигла той высоты, какая требуется от нее сейчас нашей общественностью. Дело изучения поэтического народного творчества продолжает отставать от жизни. Многие важные теоретические вопросы еще слабо освещены, и живые процессы в области народного поэтического творчества недостаточно изучены.

Самый термин «народное творчество» нуждается в уточнении. Не внешний признак — массовость, а внутренний — идейно-художественные достоинства — определяет народность. В каком направлении движется развитие фольклора, в чем его будущее, в какие отношения фольклор вступает с литературой — классической и советской, какие жанры живут, в чем их

¹ Изложение содержания докладов и выступлений сделано по стенограмме совещания.

отличия от жанров классического фольклора, — все эти вопросы требуют более глубокого и всестороннего исследования. Недостаточно учитывается современными фольклористами неопределимое значение марксистского учения о диалектическом единстве национальной формы и социалистического содержания для освещения судеб народного творчества нашей эпохи. Н. Ф. Бельчиков пожелал участникам совещания творческих успехов в предстоящей работе, которая должна помочь делу серьезной перестройки и улучшения советской науки о народном творчестве.

С первым докладом, посвященным задачам советской науки о народном творчестве, выступила доктор филологических наук А. М. Астахова.

В докладе отмечалось, что задача всемерного развития социалистической культуры налагает на литературоведов и фольклористов обязательство глубокого изучения процессов, совершающихся в литературе и народном творчестве. В науке о народном поэтическом творчестве много неразрешенных теоретических вопросов, и это часто приводит к крупным ошибкам в конкретных исследованиях и в работе по собиранию и публикации фольклорных произведений. В последнее время остро встал вопрос об определении самого понятия «народное творчество» применительно к советской действительности. Вопрос этот неразрывно связан с целым рядом важнейших проблем — взаимодействия народной поэзии и литературы, непрофессионального и профессионального словесного искусства, коллективного и индивидуального творчества. Невыясненность всех этих вопросов сказалась и сказывается в смешении разнокачественных по происхождению и бытованию материалов, во включении в область народного творчества всех произведений, созданных непрофессиональными поэтами, а также произведений, стоящих на низком художественном уровне и т. п.

Большое общественно-политическое значение народного творчества обязывает фольклористов глубоко критически относиться к произведениям, возникающим и бытующим в широких массах, и заботиться о строгом, принципиальном выделении произведений, которые можно назвать подлинно народными. При отборе материала для публикаций необходимо руководиться критерием идейно-художественной полноценности произведений. В целях выявления и пропаганды всего ценного, создаваемого в народных массах, следует шире развернуть собирательскую работу по современному народному творчеству, критически пересмотрев ее методику. Нужно установить более тесную связь, на основе взаимопомощи, с организациями и работниками, руководящими художественной самодеятельностью. В свете задач культурного строительства и коммунистического воспитания большое значение приобретает проблема народно-поэтического наследия; все прогрессивное, передовое в нем следует изучать и широко пропагандировать.

В том же направлении нужно вести изучение и фольклора братских народов Советского Союза. Особо значителен здесь вопрос об эпическом наследии, в оценке которого были допущены серьезные ошибки. Важным вопросом в области национального фольклора является вопрос о переводе его образцов на русский язык, что необходимо и в целях повышения научной разработки поэтического достояния народов, и для творческого обмена, и для углубления культурных связей, способствующих укреплению дружбы народов.

Задача дальнейшего развития и подъема социалистической культуры требует разработки вопросов эстетики и художественного мастерства. Это один из самых отстающих участков фольклористики. В центре должен

стать вопрос о своеобразии художественных средств фольклора в связи со спецификой его природы и со спецификой отдельных жанров. Значением народной поэзии в развитии советской литературы определяется важность изучения того, как творчески использовался фольклор классиками русской литературы и используется советскими писателями.

К числу важнейших и еще не разрешенных проблем фольклористики принадлежит научное построение истории народного творчества. То, что сделано и делается в этой области, — лишь первые опыты, нуждающиеся в серьезных поправках. Марксистское учение о характере и роли надстроечных явлений помогает постигнуть закономерности развития народного творчества и его активную действенную роль в освободительной борьбе народа в прошлом и в строительстве коммунистического общества в наше время. Сравнительное изучение фольклора других славянских народов может помочь выяснению генезиса и особенностей исторического развития отдельных явлений русского фольклора.

При разрешении ряда проблем фольклористики важны учет, освоение и дальнейшая разработка положительных результатов предшествующих изучений. Особенно важно изучить и освоить наследие революционно-демократической фольклористики и продолжить и углубить изучение теоретического наследия А. М. Горького. Вместе с тем в докладе указывалось на необходимость острой критики антинародных течений в области зарубежной фольклористики.

Второй доклад — «Проблемы изучения советского народного поэтического творчества» — прочитал доктор исторических наук В. И. Чичеров. В разработке проблема советского народного творчества, говорил В. И. Чичеров, фольклористами были допущены серьезные ошибки. Явления поэтического народного творчества брались статично, вне их развития или угасания; из простого перечня записанных и не оцененных надлежащим образом произведений делался вывод о развитии в современности всех видов и жанров народного творчества, как бы архаичны и далеки от социалистической действительности они ни были. Так, многие фольклористы утверждали ошибочное положение о продолжающемся развитии сказочного эпоса в целом, включая сюда и волшебную сказку, говорили о том, что на основе былин, исторических песен и притчаний создается советский стихотворный эпос и т. п. Фольклористы игнорировали понятие коллективности художественного творчества как главного признака фольклора, и это приводило к стиранию границ фольклора и литературы и к необоснованному расширению понятия народного творчества, к которому стали относить любые произведения непрофессиональных поэтов, случайные воспоминания рассказчиков и т. п. Другой ошибкой в подходе к народному творчеству явилось отсутствие строго эстетического критерия, вследствие чего в понятие народного творчества включали стилизации под него, стихи отдельных авторов, не представляющие никакой художественной ценности. Эти ошибки проявлялись во многих работах и в особенности обнаружались в «Очерках народнопоэтического творчества советской эпохи».

В. И. Чичеров напомнил основное понимание народной поэзии как коллективного творчества народных масс, имеющего художественную ценность. При этом понятие коллективности нельзя брать внеисторично, видеть в ней что-то неизменное во все времена и у всех народов. В. И. Чичеров остановился на особых чертах коллективного творчества в доклассовом обществе, на соотношении коллективного и индивидуального творчества в условиях классовых отношений и классовой борьбы, на изменчивости и различном удельном весе сопутствующих коллективному началу признаков

фольклора: анонимности, массовости распространения, традиционности и устности. Советская социалистическая действительность создает необходимые условия для развития и индивидуального и коллективного творчества трудового народа во всех областях жизни, в том числе и в области поэтического творчества. Все более интенсивным становится взаимовлияние литературы и народного творчества, однако их сближение в условиях советской действительности приводит не к поглощению первой второй, а к гармоническому соединению и содействует расцвету как творчества писателей, так и творчества мастеров народного искусства. Коллективное творчество современности создается устным и письменным путем; сочетание этих путей — принципиально новая черта в создании и бытовании народнопоэтических произведений. Докладчик в особенности подчеркнул важное значение эстетического критерия в изучении народного творчества. Новые пути изучения советского фольклора, на которые встает сейчас фольклористика, требуют утверждения понятия народного творчества как оценочного, идентичного определению «подлинно народное искусство». К народной поэзии должно относить только те произведения коллективного творчества, которые действительно ценны в идейном и художественном отношении. Поэтому характерной чертой работы исследователей, собирателей и публикаторов народного творчества должны стать оценка художественных достоинств текстов, создаваемых трудящимися массами, и вскрытие их недостатков.

Далее докладчик остановился на проявлениях коллективного творчества в условиях советской действительности. Они многообразны: это шлифовка в процессе исполнения, коллективность при создании произведения, коллективная разработка художественного образа и т. д. Рост культуры, широкое распространение радио и книги, не препятствуя проявлению коллективного творчества, создали новые условия и формы его бытования, сделали устность лишь одной из возможных форм распространения произведений, выявляющей исполнительское мастерство. Однако совсем снимать устность как одну из форм создания и бытования фольклора нельзя. Проблему устности надо поставить в связь с важным вопросом культуры русской речи, традициями которой вправе гордиться русский народ. С советским народным творчеством нельзя объединять фольклор традиционный, входящий в культурное наследство, хотя он и связан с новым творчеством трудящихся, испытывая влияние нового сознания и новой социалистической эстетики: традиция в нем все же преобладает над элементами, вносимыми современностью. В. И. Чичеров признал правильной и своевременной критику в нашей печати стилизаций, подделок под фольклор, но осудил нигилистическое отрицание писателем Н. П. Леонтьевым самого существования советского фольклора.²

В докладах доктора филологических наук М. О. Скрипиля («Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества X—XVII веков») и кандидата филологических наук А. Н. Лозановой («Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества от XVIII века до кануна Великого Октября») были изложены основные принципы построения истории народного творчества, которые легли в основу двух томов коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество».

² Доклад В. И. Чичерова с небольшими изменениями напечатан в журнале «Новый мир» (1954, № 8, стр. 203—216); см. также сокращенное изложение доклада: В. И. Чичеров. О народном творчестве. «Литературная газета», 1953, 17 ноября.

В содокладе А. Д. Соймонова предложен проект периодизации советского народного творчества.³

В содокладе В. М. Сидельникова рассмотрен вопрос о преподавании народнопоэтического творчества в высших учебных заведениях.

В. М. Сидельников отметил крупнейший методологический недостаток прежних программ и учебников, заключающийся в жанровом принципе построения курса народного творчества. Это вело, по его словам, к формализму, к игнорированию процесса развития народной поэзии. В. М. Сидельников подчеркнул необходимость коренным образом перестроить преподавание курса народного поэтического творчества. Последнее не может изучаться вне истории общей народной культуры, частью которой народная поэзия является. Ее следует изучать в тесной связи с литературой, музыкой, изобразительными искусствами, народными танцами и играми и, прежде всего, в связи с историей самого народа. Новые программы, вышедшие в 1949—1952 годах, явились попытками построить курс поэтического творчества русского народа в историческом плане. Однако, несмотря на правильную постановку вопроса, они содержат ряд недостатков. Одни из них (программы С. И. Василенка для филологических факультетов университетов 1949 года и Н. В. Водовозова для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов 1950 года) отличаются дробностью периодизации, что затрудняет преподавание. Другие программы (П. Д. Ухова для университетского курса 1951 и 1952 годов), наоборот, слишком укрупняют разделы исторических эпох, объединяя весь материал народной поэзии до 1861 года в рубрику «Народная поэзия эпохи феодализма», так что в сущности возвращают к чтению курса по жанрам. Таким образом, необходимо работать над усовершенствованием программ, построенных по историческому принципу, над более четким распределением фольклорного материала по периодам. В. М. Сидельников предлагает следующую наметку курса лекций: введение, где дается общее понятие о народнопоэтическом творчестве, пять разделов — народнопоэтическое творчество X—XV веков, XVI—XVII века, XVIII век, XIX — начало XX века (до 1917 года) и советское народное поэтическое творчество. Каждый раздел строится примерно по следующему плану: историческая характеристика общей культуры эпохи, характеристика фольклора в целом с выделением ведущего жанра для той или иной эпохи, подробное освещение специфических особенностей ведущего жанра; характеристика создателей и носителей произведений народной поэзии и значение устного народного творчества в развитии художественной литературы.

Исторический принцип построения курса требует изучения каждого произведения с учетом тех условий, в которых оно возникло и бытовало. При выяснении генезиса произведений могут помочь памятники древнерусской письменности, заключающие следы древнего фольклора. Исторический принцип изучения фольклора должен лечь в основу вузовских учебных пособий. В помощь учащимся надо издать специальные сборники фольклорных материалов (былин, сказок, песен и т. д.), включая в эти сборники в первую очередь произведения отразившие настроения социального протеста и борьбу народа за свое освобождение. При составлении сборников следует быть требовательными к идейно-художественному уровню материала. Необходимо издать ряд научно-популярных книжек о разных видах народной поэзии и о ее создателях и исполнителях.

³ Доклады М. О. Скрипиля и А. Н. Лозановой и содоклад А. Д. Соймонова публикуются в настоящем выпуске «Русского фольклора».

Выступления по вопросам, затронутым двумя первыми докладами.⁴ Кандидат филологических наук Н. Ф. Бабушкин (Томск) указал, что самой насущной задачей фольклористики является разработка, на основе марксистской методологии, теории устного народного творчества как специфической формы общественного сознания. Незаботанностью эстетических основ народного творчества в известной степени объясняется возникновение теорий, ставящих под сомнение наличие его в советский период.

Далее Н. Ф. Бабушкин развил мысль о неустанном творчестве народа в слове и о значении этого творчества в политической борьбе нашей партии. В качестве примера Н. Ф. Бабушкин привел случай использования В. И. Лениным в докладе на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (январь, 1918 года) образного выражения одной старой крестьянки, сказавшей, что «теперь не надо бояться человека с ружьем»: когда в лесу ей встретился человек с ружьем, он не отнял от нее хворост, а еще прибавил ей. «Когда я это услышал, — говорил Ленин в докладе, — я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: „диктаторы“, „наильники“ и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров».⁵

Этот пример показывает, как Ленин умел из повседневной, простой разговорной речи выбирать жемчужины народного творчества, как он умел из одной-двух фраз, иногда брошенных в разговоре, выделить тот образ, который возникает в живой народной речи в силу умения народа схватывать факты в их типическом значении. Пример этот наглядно свидетельствует также, что незначително ставить абстрактную проблему, есть ли народное творчество в советский период, или нет его: следует только прислушаться к повседневной речи народа во время его труда и отдыха. Изучение фактов использования народного творчества в борьбе нашей партии за коммунизм поможет разрешению некоторых вопросов теории народного творчества.

В заключение Н. Ф. Бабушкин коснулся вопроса об оценке «Очерков народнопоэтического творчества советской эпохи», изданных Институтом русской литературы (М.—Л., 1952). Не следует, говорил он, снимать критических замечаний по поводу этой книги. Но, учитывая недостатки, можно ли ставить вопрос о том, что книга не нужна? Такая критика просто вредна; она зачеркивает труд исследователей, пусть пока и несовершенный. Хотя «Очерки» и страдают большими недостатками, но они принесли известную пользу: до их появления совершенно было нечем пользоваться по советскому народному творчеству.

О недостаточной теоретической зрелости науки о фольклоре говорил также кандидат филологических наук В. Н. Кнейчер (Харьков). Эта незрелость приводит часто к неверным положениям и выводам. Неправильно положение о невозможности существования волшебной сказки с советским содержанием, выдвинутое в докладе В. И. Чичерова. Можно ли

⁴ Порядок помещаемых выступлений не совпадает с фактическим порядком выступлений на совещании, он продиктован стремлением сгруппировать выступления по характеру затронутых в них вопросов.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 420—421.

так легко отбрасывать жанр народной поэзии, широко вошедший в быт и сознание миллионов людей? Неправильно и положение о массовости как лишь внешнем признаке фольклора, выдвинутое во вступительном слове. Именно в массовости, широкой распространенности — сила и значение подлинно народного произведения. К чему приводит теоретическая шаткость и незрелость, свидетельствуют статьи Н. П. Леонтьева «Затылком к будущему» и «Волхование и шаманство», особенно вторая, в которой автор говорит о невозможности развития советского фольклора. Нельзя силой навязать какое-либо явление сверху, нельзя упразднить насильственно прошлое, традиции которого живут в настоящем. Наша народная поэзия — это и прошлое и настоящее. Расцвет народного поэтического творчества неизбежен, он обусловлен всемирно-историческими победами Великого Октября. Умозрительные положения Н. П. Леонтьева терпят крах при проверке практикой. Объективные факты говорят о том, что в нашей стране широко создаются различные жанры народной поэзии: песни, частушки, сказки и т. д. Нельзя, подобно Н. П. Леонтьеву, говорить о том, что литература целиком и полностью вытеснила фольклор. Конечно, письменная литература стала достоянием широких народных масс, но происходит процесс не вытеснения устной поэзии литературой, а бурного развития обоих видов поэтического творчества в их взаимодействии. Мнение о затухании народной поэзии в наше время противоречит самой природе социалистического быта. Н. П. Леонтьев поднял в печати ряд острых вопросов, он внес элемент дискуссии, способствуя тем самым оживлению в науке о фольклоре. Однако ошибки самого Леонтьева, недопустимый нигилизм его превалируют над верными суждениями.

В. Н. Кнейчер указал на необходимость добиться создания печатного органа, который ставил бы назревшие вопросы фольклористики и служил для обмена опытом работы фольклористов различных республик.

Доктор филологических наук В. Я. Пропп (Ленинград) уделил внимание вопросу об эстетических оценках произведений народной поэзии. Наше отношение к художественным качествам изучаемых произведений, говорил он, должно быть определенным, но это не значит, что мы должны оценивать фольклорные произведения на свой вкус, потому что можно впасть в субъективизм. Важно не то, нравится ли мне или другому ученому данное произведение, а то, нравится ли оно народу и почему нравится. Нужно изучить требования народной эстетики. Народу нравится не то, что имеет безукоризненный ритм или нормальные падежные окончания, а то, что обладает внутренней силой, что зажигает, вызывает волю к борьбе. В. Я. Пропп привел в пример песню «На Нижнетагильском заводе», в которой встречается грамматически неправильно построенные фразы, но которая ярко свидетельствует о растущем в третий период освободительной борьбы революционном сознании рабочих масс. Песня нравилась рабочим, потому что выражала их чувства и стремления, призывала к борьбе. Она должна быть предметом научного изучения, хотя с точки зрения эстетической стилистики это только плохие стихи. Но в своих оценках мы не должны исходить из норм какой-то абсолютной эстетики или только эстетики сегодняшнего дня, а руководствоваться критерием исторической ценности данного произведения. Такому отношению к народному творчеству учат революционные демократы и Горький. Неправильно высмеивание, например, недостатков отдельных частушек и песен эпохи гражданской войны или полное зачеркивание творчества М. С. Крюковой или П. И. Рябинина. Использование для нового содержания старых форм было

необходимо и закономерно. Ошибка авторов «Очерков народнопоэтического творчества советской эпохи» состоит не в том, что они публиковали и изучали материал неполноценный с точки зрения современных требований, а в том, что они не отнеслись к нему научно-критически и не отметили отсутствие исторических перспектив его дальнейшего развития.

В. Я. Пропп остановился также на вопросе о том, что должно быть предметом изучения в фольклористике. Критики, упрекая авторов «Очерков» в слишком расширительном понимании фольклора, чрезмерно сужали его рамки, так как подходили подчас с меркой старых представлений о фольклоре. Такие замечательные произведения народного творчества, как записанная Н. В. Новиковым автобиография сказочника Ф. П. Господарева, как рассказы о Чапаеве, собранные в книге Т. М. Акимовой, с точки зрения академической науки старого типа (ее склонны разделять и некоторые наши современники) не должны быть изучаемы фольклористами. Такой взгляд неверен. Хотя с революцией исчезла противоположность между умственным и физическим трудом, но разница между ними осталась. То, что создает человек умственного труда, не может быть причислено к фольклору, хотя бы обладало признаком народности. Наоборот, то, что создают люди физического труда, должно стать предметом фольклористики, хотя бы и не подходило под рамки академического понимания фольклора.

Кандидат филологических наук А. Н. Нечаев (Москва) остановился на устном исполнении как особенности фольклора, определяющей его специфику. Он считает совершенно неверной точку зрения Н. П. Леонтьева, утверждавшего в своей статье «Волхование и шаманство» («Новый мир», 1953, № 8), что при всеобщей грамотности понятие устность как один из признаков фольклора звучит анахронизмом. Н. Леонтьев спутал, по словам А. Н. Нечаева, устность создания и распространения с устностью исполнения. Если при современных средствах художественного общения устность создания и распространения в широких народных массах поэтических произведений, действительно, не обязательна, то фольклорными становятся только те из них, которые перейдут в массовое устное исполнение. А для этого они должны иметь большое общественно значимое содержание, обобщающее мысли и чувства широчайших народных масс и облеченное в общенародную и общедоступную поэтическую форму. Создаваясь, распространяясь и исполняясь в силу исторических и социальных условий в течение многих веков только устным путем, народная поэзия выработала особую систему художественно-образительных средств, определяемых устностью исполнения и содействующих устному исполнению. Характерная особенность произведений фольклора как традиционного, так и современного заключается в том, что наибольшая их художественная полноценность проявляется в момент исполнения, когда они как бы заново воссоздаются. Отсюда вытекает и коллективная природа народной поэзии, обусловленная неустанной коллективной шлифовкой в процессе устного исполнения.

Творческая активность народных масс, участие их в искусстве, выражающиеся в устном творческом воспроизведении, не исчезают в советскую эпоху, а, наоборот, проявляются с новой силой. Это сказалось в громадном расцвете песенного творчества советского народа. Морально-политическое единство советского народа и единство его эстетического сознания сделали несущественным для советского фольклора вопрос, в какой среде рождаются те или иные поэтические произведения. Для их вхождения в фольклор необходимо, чтобы они выражали общенародные идеи, представления и чувства, чтобы лирическим героем был народ, а не отдельный индивидуум

с его личными переживаниями (что возможно для профессиональной поэзии); эти произведения должны отвечать возможностям массового устного, а не профессионального исполнения. При этом не имеет значения, созданы ли эти свойства и особенности сознательно композитором и поэтом, или песня получила их в процессе бытования. Если композитору и поэту удастся создать песню, отвечающую требованиям массового устного исполнения, она принимается и исполняется народом часто без изменений («Катюша», «За окном черемуха колышется»). Иногда песня изменяется в соответствии с требованиями фольклора как искусства устноисполнительского. Это могут быть: сокращения текста, замена отдельных слов или строк, вызванная художественной шлифовкой, уточнением образов, переосмыслением.⁶

Кандидат филологических наук Э. В. Померанцева (Москва) тоже отметила устность и коллективность в их объединении как основные особенности фольклора, сохраняемые в современности. Устность — отнюдь не только техническое понятие, как это представляется многим исследователям. Устность есть осуществление особой коллективности фольклора, так как делает возможным сотворчество исполнителя с аудиторией. Устностью определяется и та шлифовка в массах, которая характеризует жизнь фольклорного произведения. Фольклор тесно связан с так называемой самодеятельной литературой. Это одна из форм творчества народа, имеющая огромное значение. Но это не фольклор, который является лишь небольшой особой частью самодеятельного поэтического творчества. В наше время несомненно сужается область фольклора, меняется удельный вес отдельных жанров. Ведущие жанры советского фольклора — песня, частушка, пословица и в какой-то мере устный рассказ. Однако, признавая несомненное сужение фольклора в наше время, необходимо и расширить область того, что мы называем советским фольклором. Традиционный фольклор, который живет в устах советских сказочников и песенников, нельзя рассматривать только как культурное наследие. Фольклор этот живет живой жизнью, изменяется, отражает советскую действительность, приобретает новое качество.

В. С. Бахтин (Петрозаводск) подверг критике статью Н. П. Леонтьева «Шаманство и волшебство» за отрицание существования советского фольклора. Нельзя растворять понятия фольклора и литературы в едином понятии советской литературы. Необходимо и можно выделить фольклор — народное творчество, как особый предмет науки, из круга смежных явлений. Его определяющей чертой будет коллективность, связанная с устным бытованием. Другой тип массового проявления творческих сил народа — литературная самодеятельность: стихи начинающих поэтов, сказки и сказы мастеров традиционного фольклора и т. п. Это — два разных типа творчества, и объединять их в одно понятие нельзя. Каждый из них требует и особых методов исследования. Так, изучение текстов литературной самодеятельности почти ничем не будет отличаться от работы литературоведов или литературных критиков.

Несмотря на самые тесные связи народного творчества и литературы, нельзя говорить о полном слиянии этих двух форм творчества. В фольклоре одни жанры, возможно, отомрут, возникнут другие, но именно по-

⁶ Эти мысли А. Н. Нечаев изложил и в печатных своих выступлениях. См. следующие работы А. Нечаева и Н. Рыбаковой: Изучать подлинное творчество народа. «Литературная газета», 1953, 30 июня; О некоторых проблемах фольклористики. «Советская этнография», 1953, № 3; О пользе критики и вреде нигилизма. «Новый мир», 1954, № 8.

тому, что фольклор имеет свою специфику и свои цели, можно говорить о длительном его существовании.⁷

Аналогичные положения высказал кандидат филологических наук П. Д. Ухов (Москва), указавший, что неправильно причислять к народному творчеству всякое массовое индивидуальное творчество, в частности, устные рассказы о Чапаеве, как это сделал в своем выступлении В. Я. Пропп. Эти рассказы являются лишь прекрасными документами эпохи. Народное творчество — творчество коллектива. Коллективными произведения становятся в процессе устной передачи, при которой исполнитель совершенно пренебрегает авторским правом; в исполняемые произведения он вносит изменения, улучшает их.

На примерах творческой обработки народом стихотворений «Думы беглеца» Д. Давыдова, «Ванька Ключник» В. Крестовского и других литературных произведений П. Д. Ухов показал, в каком направлении идет изменение народом авторского текста.

Помимо таких художественных особенностей народных песен, как сюжетность, наличие конфликта, особенно следует отметить дидактичность. Последняя отнюдь не выражена в форме авторской декларации, а заложена в самом содержании произведения.

О том, что нельзя отождествлять фольклор с искусством масс в целом, говорил и кандидат филологических наук В. Е. Гусев (Челябинск). Ключом к определению специфики фольклора является соотношение в словесном искусстве двух начал — коллективного и индивидуального. Фольклор — творчество коллективное, и это отличает его от литературы. Однако неверно думать, что и в коммунистическом обществе будет существовать эти две особые формы народного искусства — коллективное и индивидуально-профессиональное. В бесклассовом обществе расцветает единое искусство народных масс, в котором сольются индивидуальное и коллективное начала. Но мы присутствуем только при начале этого процесса, и нелепо было бы сейчас отрицать наличие двух форм поэтического творчества.

В. Е. Гусев присоединился к тем, кто выдвигал проблему изучения эстетики творцов фольклора. Но ее нужно изучать не для того, чтобы выискивать эстетические критерии, отличные от существующих в литературе, а для того, чтобы установить принципиальное сходство с передовой эстетикой русской литературы, прежде всего — с революционно-демократической эстетикой.

Кандидат филологических наук В. Ю. Крупянская (Москва) выступила против безоговорочного утверждения, что понятие народного творчества — понятие оценочное. Идеино-художественный критерий в подходе к произведениям народнопоэтического творчества необходим, но в исторической перспективе. Подход к абсолютной мерке, внеисторический, неблагоприятно сказывается на издании и изучении фольклорных материалов, так как выключает многие из них, важные для изучения развития народной поэзии. В оценку произведений народнопоэтического творчества должен прежде всего входить критерий их общественной функции, а следовательно, вопрос о творческом освоении того или иного произведения коллективом является одним из основных и существенных для фольклора, причем его нельзя смешивать с вопросом о массовости распространения.

⁷ Подробнее см. работы В. С. Бахтина: О некоторых проблемах фольклористики. «Советская этнография», 1953, № 2; О творчестве коллективном и индивидуальном (Заметки фольклориста). «На рубеже», Петрозаводск, 1954, № 3.

Применение этих критериев оградит от незакономерного расширения рамок фольклора. Такое расширение помешало авторам «Очерков» вскрыть закономерности в развитии советского народного поэтического творчества. Вместе с тем нельзя игнорировать значение самодеятельной поэзии, рост ее — одно из характерных явлений эпохи. Наоборот, фольклористам надо держать более тесную связь с домами народного творчества и помогать им в руководстве художественной самодеятельностью, тем более, что там, где она поставлена хорошо, обычно интенсивно развивается и советский фольклор. Но сама по себе художественная самодеятельность — особый и специальный вопрос для исследования.

Одним из основных определяющих специфику фольклора моментов является метод его создания: в определенном сотворчестве с коллективом (например, рождение сказки в определенной аудитории), в теснейшей связи с бытом народа, его художественной практикой (например, рождение частушки в связи с игрой, пляской и т. п.). Таким образом, при характерной для советского фольклора тенденции к сближению с литературой народное поэтическое творчество имеет свою специфику, свои особенности, раскрывающиеся в сложном процессе его создания, исполнения, бытования.

В противовес тем, кто пытался выделить советский фольклор как особое явление современного словесного искусства, кандидат филологических наук К. В. Чистов (Петрозаводск) говорил о невозможности и ненужности расчленять поэтическое творчество советского народа на «литературное» и «фольклорное», «устное» и «письменное», отыскивать каждое из этих явлений в «химически чистом виде». В богатой и многообразной социалистической культуре все формы проявления словесного творчества находятся в органическом взаимодействии. Изучать одну из них в отрыве от остальных, вне их взаимодействия, принципиально неверно. Советский народ — это все трудящиеся нашей страны, его творчество едино по своей идейной направленности и становится все более и более единым по своей художественной форме. Однако практически пользуются, и это вполне возможно, термином «народное творчество» в более узком его значении, имея в виду массовое самодеятельное словесно-художественное творчество народа, в какой бы форме (похожей или непохожей на литературную) оно ни протекало. Фольклористика должна ставить перед собой две основные задачи: 1) изучение литературно-художественного репертуара советского народа; 2) изучение всех форм и видов массового (непрофессионального) поэтического творчества в их взаимосвязи и в связи с различными видами профессионального искусства, что не исключает изучения отдельных форм — их природы, специфики, общественного значения и т. д.

Отмечая постоянное взаимодействие профессионального и массового искусства, В. К. Чистов указывает, что в недалеком будущем они срастутся еще теснее, так как дальнейшее развитие советской литературы будет сопровождаться углублением ее народности, а самодеятельное массовое искусство будет все более приближаться к профессиональному уровню мастерства. Литературоведение и фольклористика неизбежно и окончательно сольются, образовав единую науку о литературном творчестве и литературной жизни советского народа.

К. В. Чистов остановился также на выдвинутом в докладе В. И. Чичерова положении о том, что понятие «народное творчество» есть понятие оценочное. Нельзя согласиться, сказал он, что только лучшее может быть объектом изучения. Объектом изучения должна быть вся область художественного творчества народа, во всей сложности ее форм и видов. Это не

значит, что пропагандировать можно все без разбора. По вопросу о соотношении в массовом словесном творчестве индивидуального и коллективного К. В. Чистов указал на постоянное и тесное их сочетание в творческом процессе.

В заключение К. В. Чистов остановился на статье Н. П. Леонтьева «Волхование и шаманство». В статье этой есть рациональное зерно. Верна мысль о том, что нельзя всякую стилизацию под народное произведение объявлять народным творчеством и видеть в ней отражение народного мировоззрения. В то же время статья изобилует крайностями и фактическими ошибками. Н. П. Леонтьев смешал воедино честных творцов, сказителей старшего поколения, успешно или подчас неуспешно творящих, с откровенными халтурщиками и стилизаторами; не смог разглядеть исторической закономерности появления стихотворных сказов и «новин» в 1930-е годы. Статья показывает, что ее автор не отказался от ряда положений статьи «Затылком к будущему», опубликованной им в 1948 году, отличающейся нигилистическим отношением к классическому наследию русского народного творчества. Статья «Волхование и шаманство» вызывает недоумение полным отсутствием перспектив, какой бы то ни было положительной программы. Создается впечатление, что ошибки отдельных фольклористов заставляют автора чуть ли не всю науку о народном творчестве объявлять лженаукой. Ничего не может быть вреднее таких попыток. Перед наукой о русском народном творчестве стоят большие задачи: создать научную историю народного творчества с древнейшей поры до наших дней; показать роль и значение народного творчества в формировании и развитии великой русской литературы и в истории советской литературы; объяснить глубочайшие изменения природы народного творчества и его взаимоотношений с другими явлениями культуры, происшедшие в советскую эпоху.⁸

Кандидат филологических наук А. М. Кинько (Киев) тоже посвятил свое выступление вопросу о природе современного народного творчества и предмете советской фольклористики. Основной специфический признак советского народного творчества, вытекающий из условий жизни трудящихся, это его самодеятельный характер. Это — творчество коллективное по способу создания и особенно воссозданию, массовое по характеру исполнения и распространения. Творческое освоение народом поэтического произведения, созданного отдельным рабочим, колхозником, интеллигентом или группой трудящихся, является важнейшей чертой народной поэзии. Произведения народного творчества совершенствуются коллективом. Но подчеркнув коллективное начало как один из определяющих признаков народного творчества, А. М. Кинько отметил в качестве важнейшей задачи советской фольклористики собирание и изучение на равных правах и коллективного и индивидуального самодеятельного творчества трудящихся. Надо учесть, говорил он, что интересно, нужно народу индивидуальное произведение рабочего, колхозника, интеллигента, как правило, попадает в коллектив. Индивидуальное самодеятельное творчество есть та почва, на которой вырастает коллективное творчество.

Творцами народной поэзии являются трудящиеся, которые принимают участие во всех отраслях общественной практики, и это определяет все характерные особенности народного творчества. Производственный труд советских людей и их поэтическое творчество находятся в органическом

⁸ Более подробное развитие тех же мыслей есть в статье К. В. Чистова «О некоторых проблемах фольклористики» («Советская этнография», 1954, № 2).

единстве. В качестве примера А. М. Кинько привел жизненный и творческий путь старого коммуниста Степана Шуплика из Черниговской области, колхозницы Параски Амбросий из Черновицкой области, колхозницы Фросины Карпенко из Петропавловского района, мастера Павла Дмитриева-Кабанова.

А. М. Кинько остановился также на вопросе об устности народного творчества. В наше время устная речь перестала быть единственным средством, при помощи которого народ оформляет свои чувства, мысли, желания и стремления. Наряду с устной речью таким средством стала письменная речь. Но устная традиция поэтического творчества не умерла. Она бессмертна в том смысле, в каком вечен живой, звучащий человеческий язык. Поэтому неправы те, кто объявляет устность главным признаком народного творчества и в современности. Но неизмеримо больше неправы те, кто, отмечая интенсивное развитие письменного пути закрепления творчества в слове, говорит об угасании народного поэтического творчества, как это сделал, например, Н. П. Леонтьев.

Кандидат филологических наук В. П. Аникин (Москва) подчеркнул необходимость учитывать в вопросе о современном народном поэтическом творчестве новые условия его создания и распространения. Показателем того, что фольклор в прошлом создавался коллективно, является единство его стиля. Оно образовалось в результате совместной работы многих творцов при устной передаче произведений из поколения в поколение. В процессе коллективного труда в народном творчестве выражены и закреплены социально-исторический опыт народа, отражены его подлинные чаяния и ожидания. Только коллективным творчеством можно объяснить высокое совершенство народнопоэтических произведений, слагавшихся на протяжении веков. В советских условиях сохранились исторически сложившиеся в прошлом определенные формы коллективной творческой работы (частушки, пословицы и поговорки, устный рассказ и др.). Наряду с этим в массовом творчестве народа наблюдается широкий поток произведений, созданных индивидуально. Это — новая форма художественного творчества народных масс, требующая особой методики изучения. Необходимо улучшить руководство художественной самодеятельностью, обеспечить помощь со стороны творческих писательских организаций, укрепить дома народного творчества работниками с более высоким теоретическим уровнем.

Значение народнопоэтической культуры для развития советской литературы обязывает фольклористов помочь писателям путем глубокого теоретического изучения народной поэзии, освоить богатый опыт творческой работы народа.⁹

Кандидат филологических наук Б. П. Кирдан (Москва) отметил, что на современном этапе развития советского народнопоэтического творчества прежние определение фольклора как устного творчества трудового народа представляется несколько ограниченным. Произведения массового творчества трудящихся имеют наряду с устным и письменное происхождение. Вместе с тем нельзя относить к народнопоэтическому творчеству произведения, созданные советскими писателями и поэтами, только потому, что они прочно вошли в устный репертуар советского народа. Следует глубже изучать вопрос о характере изменений авторской песни в процессе ее устного бытования.

⁹ Мысли о коллективном начале в народном творчестве развиты в статье В. П. Аникина «О специфических особенностях народного творчества» («Советская этнография», 1953, № 4).

Б. П. Кирдан особо подчеркнул значение эстетического критерия при собирании и публикации произведений народнопоэтического творчества. Угроза идейно-эстетического умаления образцов народнопоэтического творчества значительно меньше угрозы наводнения публикаций низкопробными, псевдонародными текстами. Что касается нового творчества сказителей, в котором, действительно, имеется целый ряд недостатков, то нельзя его зачеркивать целиком. К оценке творческой деятельности сказителей, творящих на основе тех языковых и поэтических традиций, на которых они воспитывались, необходимо подходить дифференцированно. Совершенно был бы неправильным упрек в адрес, например, А. Суховерховой и А. Гладкобродовой, которые сочиняли песни и сказы, развивая народную песенную лирику русского Севера. От оригинальных произведений надо отличать стилизации под старинные формы. У М. С. Крюковой имеются и замечательное произведение «Каменна Москва вся проплакала» и такая «новина», как «О филостохе Ломоносове», которую невозможно читать. Нельзя также увлекаться переделками, перелицовками ранее существовавших песен. Это явление — не движение вперед в развитии народной песни, и с ним надо бороться. Часть недостатков в публикации и изучении народнопоэтического творчества проистекает от неудачной организации работы по собиранию фольклора. Нельзя ограничиваться кратковременными экспедициями, в течение которых трудно записать полный репертуар. Для более глубокого изучения народнопоэтического творчества в процессе его бытования необходимо сочетать экспедиции со стационарной собирательской работой. Нужно усилить связь центральных научно-исследовательских институтов с местными фольклористами.

П. Д. Галкин (Свердловский областной дом народного творчества) указал на огромную потребность, ощущаемую областными домами народного творчества, в постоянной связи с центральными научно-исследовательскими организациями. В Свердловском доме народного творчества имеется большое количество фольклорных материалов, собранных его сотрудниками, а также Уральским университетом им. А. М. Горького и Уральской Государственной консерваторией. Но все эти материалы лежат без движения, сотрудники Дома народного творчества не всегда могут разобраться в степени их научной ценности. Часто бывает необходима научная консультация по вопросам, связанным с практикой, со стороны лиц, ведущих исследовательскую работу по фольклору. Помощь, которую оказывает Всесоюзный Дом народного творчества, недостаточна. Отсутствие квалифицированной помощи приводит к привлечению в качестве рецензентов иногда случайных людей, которые дают противоречивую оценку созданным на периферии произведениям, допускают неудачную правку текстов, обедняя их в художественном отношении.

П. Д. Галкин сообщил о той повседневной работе, которую Свердловский дом народного творчества проводит со сказителями, собирателями фольклора, представителями литературной самодеятельности. Для большего развития массового движения по созданию современных песен проводятся семинары творческих групп хоровых коллективов, а также для отдельных исполнителей, обладающих композиторскими способностями. В творческом общении друг с другом они создают новые песни, которые прочно входят в репертуар самодеятельных хоровых коллективов, а некоторые получают распространение и за их пределами. Так, «Песня уральцев о мире» создавалась на семинаре в 1950 году и, распетая колхозницами Белоярского района Свердловской области, стала не только одной из любимых песен самодеятельных коллективов, многократно исполнявшаяся

на смотрах сельской и городской художественной самодеятельности, районных и городских праздниках песни, но и получила широкое бытование в других областях Урала. На семинаре в 1951 году была создана песня «От холодного синего моря» (о старом и новом Урале), в 1953—1954 годах было создано 10 песен. П. Д. Галкин назвал имена наиболее выдающихся создателей новых песен — Е. П. Ключниковой и К. С. Копысовой — и сообщил некоторые характерные черты их жизни и творчества. Песни обеих пестельниц пользуются большой популярностью, в особенности песни Е. П. Ключниковой. Имеются случаи записи ее песен в новых вариантах, что свидетельствует о дальнейшей творческой жизни этих песен. Исполнение ее песни «Звездочка» Уральским народным хором в демократической Польше в 1952 году сопровождалось большим успехом. Книга К. С. Копысовой «Уральские песни и сказания», изданная областным издательством в 1947 году, стала библиографической редкостью и требует переиздания.

Необходима помощь центральных организаций для усиления собирания фольклорного наследия прошлого. В частности, в ряде районов старшее поколение хранит старые горняцкие сказы и предания, породившие сказовое творчество П. П. Бажова. Запись их важна не только с чисто фольклористической точки зрения, но и для изучения взаимодействия литературы и фольклора. Но одними местными силами проводить эту работу трудно.

С развернутым выступлением о литературной самодеятельности как современном народном творчестве выступила А. К. Мореева (Москва, Всесоюзный Дом народного творчества им. Н. К. Крупской). Органически вбирая лучшие достижения советской литературы, фольклорного и литературного наследия, современное народное творчество в своем развитии выходит из рамок фольклора в прежнем его понимании, давно ставших для него тесными.

Устность создания и распространения произведений перестала быть характерной для творчества широких масс советской страны. Также и творчество сказителей, явившееся в свое время живым откликом выдающихся представителей фольклорного наследия на советскую действительность и продолжающее выполнять в ряде случаев положительную роль, в целом сейчас не может быть отнесено к типическому явлению. Неизмеримо расширяются содержание, тематика, жанры, стиль современного народного творчества. А. К. Мореева привела ряд примеров художественных достижений литературной самодеятельности. В недрах ее рождаются тексты и напевы новых песен и частушек. Широко известны стихотворения грузчицы завода хлебоизделий Вальской из г. Тихвина. Ее песня «Дитя народа» о Волго-Донском канале исполняется Государственным Волжским народным хором. Украинские песни на тексты домохозяйки Е. Ключниковой исполнялись по радио и на IV Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте. Шахтер А. Тимченко создает глубоко патриотические стихи о своем шахтерском трудовом коллективе, о любимой Родине. Способные, одаренные люди ведут большую культурно-массовую работу в колхозах и на заводах, многие из них — постоянные участники художественно-агитационных бригад. Остроумные басни и сатирические стихи на местные темы сочиняют колхозник П. Канавский из Житомирской области и техник завода «Запорожсталь» В. Ермилов.

Несмотря, однако, на широкое развитие литературной самодеятельности, ей не уделяется должного внимания со стороны организаций, ведающих вопросами культуры и искусства, а также со стороны научной и писательской общественности. Если, например, домам народного творчества вменяется в обязанность заниматься развитием музыкальной самодеятель-

ности и изобразительного искусства путем семинаров, смотров и текущей кружковой учебы, то работа с представителями литературного творчества широких масс ведется в ряде домов народного творчества как незаконная. Причиной такого положения в большой мере является отсутствие теоретической ясности в вопросах современной народной поэзии. Кроме культа устности в определении специфики словесного народного творчества, имеет место и другая вредная тенденция — огульно оценивать самодеятельное творчество трудящихся как искусство неполноценное и считать, что только профессиональное искусство — народно, только оно в советской стране выражает интересы народа, только оно может получить его признание. Советская профессиональная литература, став всенародным достижением, не только не вытесняет собой мощного потока самодеятельного творчества трудящихся, а, наоборот, способствует его расцвету. Поэтому глубоко ошибаются те критики, которые неоспоримый факт народности лучших образцов профессиональной литературы используют как довод против признания прав на народность передового самодеятельного творчества широких масс. Представителям научной мысли необходимо вплотную заняться изучением современных процессов художественного творчества широких масс, разработкой проблемы взаимоотношения профессионального искусства и художественной самодеятельности, раскрытием специфики советского народного творчества.

О необходимости более тесной связи науки с практикой говорил также А. А. Жуков (Ленинградский областной дом народного творчества). Свое выступление он посвятил вопросам литературной самодеятельности. Полностью присоединившись к основным положениям выступления А. К. Мореевой, А. А. Жуков говорил, что фольклористика не может существовать в отрыве от изучения литературной самодеятельности; он подчеркнул необходимость координировать деятельность домов народного творчества с научно-исследовательскими учреждениями, Союзом советских писателей и Союзом советских композиторов. Организация комплексных экспедиций, совместное собрание и издание лучших образцов народнопоэтического творчества, совместное проведение конкурсов, совместная разработка методики будут благоприятствовать развитию фольклористики. Но чтобы дома народного творчества могли усилить работу по собиранию и изучению творчества широких народных масс, включая литературную самодеятельность, они должны быть укреплены соответствующими кадрами.

Кандидат филологических наук М. Г. К и т а й н и к (Свердловск) говорил о большом развитии современного народного творчества. Концепция развития советского фольклора, которую намечает Н. Леонтьев в своей статье «Волхование и шаманство», полностью оторвана от жизни. По этой концепции получается, что народная поэзия развивается в начале 1930-х годов, затем происходит спад, после чего в Великую Отечественную войну обнаруживается временный подъем народной поэзии, объясняющийся тем, что на фронте не было якобы условий для письменной фиксации. Значит тыловой фольклор полностью снимается. Начисто отрицается и народная песня послевоенных лет. В противоположность этим утверждениям большой материал, собранный на местах краеведами и многочисленными экспедициями, говорит о том, что народная поэзия в устной и письменной форме занимает значительное место в быту народа, связана с другими явлениями культуры, играет большую воспитательную роль.

Ярчайшее проявление народной поэзии наших лет — устный рассказ. Рабочие Урала в своих рассказах поднимаются порой до больших художественных обобщений. Советская эпоха внесла в содержание рассказов,

в художественные образы, в способы раскрытия явлений много нового, своеобразного. Но это не исчезновение границ между фольклором и литературой. Рассказы отмечены своеобразными чертами народного творчества, не позволяющими отождествлять их с рассказами писателей. Широко развивается на Урале и современное народное песенное творчество. Сотнями тысяч трудящихся Урала поются новые песни, складывающиеся в народных хорах (Украинский народный хор, хор Белоярского района и др.).

Важнейшей задачей фольклористики является изучение громадного фактического материала, накопленного краеведами, архивами, университетами, институтами периферии. Необходимо также изучение того, как писатель разрабатывает образы, возникающие в глубинных лабораториях народного творчества. Необходим журнал, специально посвященный изучению народного творчества.

В. Ф. Шурыгин (Смоленск, Музей краеведения) остановился в своем выступлении на устном рассказе, который он определил как основной эпический жанр советского народного творчества. В. Ф. Шурыгин отметил жизненность в наше время устного рассказа, многообразие его видов, повторяемость отдельных сюжетов как признак их фольклорности, варьирование рассказов; указал на важность и большой интерес изучения поэтики устных рассказов. В. Ф. Шурыгин отметил также как характерное явление современности возникновение песен из переключки частушек. Все это живой поток устного поэтического творчества, который следует внимательно изучать.

В связи с этим В. Ф. Шурыгин укорял фольклористов научно-исследовательских учреждений за их оторванность от живых процессов, происходящих в народном творчестве, следствием чего часто и являются теоретические ошибки. Для разрешения проблем, вставших перед наукой о народном творчестве, В. Ф. Шурыгин призвал к активному вмешательству фольклористов в процессы устного поэтического творчества.

По вопросу коллективного и индивидуального начала в фольклоре высказалась также В. С. Бобкова (Киев). Можно отметить три вида современного поэтического творчества советского народа: 1) безыменную поэзию, распространяющуюся устно и путем публикации в сборниках, журналах и т. п.; 2) творчество индивидуальных мастеров; 3) профессиональную литературу. Указанные виды словесного искусства составляют устное и литературное творчество советского народа. К народному творчеству должно быть отнесено, кроме произведений первой группы, и творчество индивидуальных мастеров, которых следовало бы именовать «народными поэтами». Этот термин, указывающий на принадлежность к широкому народным массам, более удачен, чем термин «самодеятельное поэтическое творчество», полностью не покрывающий явление, о котором идет речь.

Резкой грани между коллективным и индивидуальным началами в тех случаях коллективного творчества, которые приводил В. И. Чичеров, не существует. Если, например, в селе Лученко существует звено колхозниц, создающих новые песни, — это как будто факт творчества коллективного. Но звено состоит из отдельных личностей: Мария Самчук, Олена Чижук и другие, которые являются авторами текстов. Девушки, которые переключались частушками во время работы, — о них говорилось в докладе В. И. Чичерова, — также являются индивидуальными авторами.

В. С. Бобкова указала на отрицательное воздействие, какое имела статья Н. П. Леонтьева на местах, вызвавшая тенденцию свертывать

фольклористическую работу. По мнению В. С. Бобковой, журнал «Новый мир» допустил большую ошибку, поместив статью Н. П. Леонтьева.

Кандидат филологических наук С. И. Василенок (Москва) не согласился с последним положением В. С. Бобковой. Статья Н. П. Леонтьева сыграла свою положительную роль. Блестящим же опровержением его нигилистических положений являются материалы, подобные тем, которые заключает книга участника партизанского движения в Великую Отечественную войну И. В. Гуторова — «Борьба и творчество народных мстителей». Эта книга показала, что народ боролся не только силой своего оружия, но и словом, художественным творчеством. С. И. Василенок подчеркнул как главный недостаток фольклористических исследований антиисторизм. Антиисторизмом обусловлена между прочим неправильная трактовка советского фольклора в «Очерках народнопоэтического творчества советской эпохи», он сказался также в издании фольклорных сборников, к которым до сих пор не применяется принцип рассмотрения фольклора по эпохам.

Член-корреспондент Академии наук Белорусской ССР И. В. Г у т о р о в сообщил новые интересные материалы по партизанскому фольклору, свидетельствующие о жизненности советского фольклора, о многообразии его форм и видов. Указав на необходимость глубокого изучения партизанского фольклора, И. В. Гуторов призвал присутствующих, а через них и всех фольклористов нашей родины, к участию в разработке имеющихся в белорусских архивах богатейших материалов по истории народного творчества Великой Отечественной войны.

Кандидат филологических наук Н. М. Э л и а ш (Старый Оскол) подчеркнула правильность положения докладчика В. И. Чичерова о необходимости борьбы со стилизациями и о воспитательном влиянии традиционного фольклора на широкие массы народа. В то же время проблема коллективности в докладе недостаточно раскрыта.

Н. М. Элиаш отметила неудовлетворительное положение с изданием материалов по советской народной поэзии. Научных изданий совсем нет, и это, может быть, одна из причин некоторых недостатков «Очерков». Неблагополучно и с изданием дооктябрьского фольклора. Ценнейшие сборники представляют библиографическую редкость. Некоторые из старых сборников надо пересмотреть и переиздать с исправлениями.

На вопросе о соотношении литературы и фольклора специально остановился кандидат филологических наук Н. Г. Д ж у с о е в (Ленинград). После того, как произошло разделение труда, что привело к возможности возникновения индивидуального творчества, фольклор продолжал развиваться параллельно с развитием литературы. Отличие их усматривается только в различии художественной системы поэтики и эстетики. Поэтому нельзя согласиться с В. И. Чичеровым, что признаками фольклора являются коллективность народного творчества и связанные с ней устность бытования, массовость, анонимность и некоторые другие признаки. Их Н. Г. Джусоев не считает качественными признаками, раскрывающими художественную природу фольклора. Раскрытие же последней представляет чрезвычайно важную задачу, так как писатель только тогда и будет великим писателем, когда он будет знать выразительные средства словесного искусства народа и будет умело ими пользоваться.

Чтобы понять, каково соотношение в художественном обиходе народа фольклора и литературы, необходимо учесть весь материал, которым обслуживаются идейно-эстетические потребности народа, невзирая на то, к коллективному или индивидуальному творчеству относится произведение.

Кандидат филологических наук А. М. Новикова (Москва) возражала против тенденции сливать воедино понятия фольклора и литературы. Многие по-новому сближают сейчас обе эти области поэтического искусства. Трудящиеся получили широкую возможность печатать свои произведения; из народной среды выдвигаются профессиональные мастера поэтического слова, писатели, поэты. Но все эти явления не снимают жизненной необходимости устного поэтического творчества, его ценности и важности для народной жизни. Вместе с тем в народном творчестве много новых явлений — новые формы бытования, новое восприятие. Положительная сторона «Очерков народнопоэтического творчества советской эпохи» и заключается в том, что авторы их старались охватить все эти новые явления в жизни народного творчества в советскую эпоху, объяснить, например, вопросы соотношения самодеятельности и народной поэзии, устного и письменного в последней и др. С этой стороны, «Очерки» имеют большое значение для педагогических целей — для студентов и культработников. Однако в «Очерках» главные явления остались невыделенными, не были отграничены от второстепенных, что составляет основной и крупный недостаток книги; ряд важных вопросов вследствие этого не нашел в ней полного и четкого разрешения. Работа по теоретическому освещению явлений народного творчества советской эпохи еще впереди.

А. М. Новикова подчеркнула огромное значение для изучения народного творчества точной записи. Она напомнила позицию в этом вопросе В. Г. Белинского, который приветствовал в свое время появление сборников именно не переработанных, представляющих издание произведений подлинно народных, в том виде, как они записаны из уст народа.

Кандидат филологических наук Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси) указала, что решающее значение для определения специфики народного творчества как своеобразной формы искусства имеет раскрытие понятия народности в различных общественных формациях. Зародившись на заре развития человечества, еще в доклассовом обществе, устное поэтическое творчество имело общенародный характер. Оно служило общим интересам человеческого коллектива. После разделения общества на классы искусство становится выразителем интересов двух основных антагонистически настроенных классов, при этом устное творчество остается в основном выразителем интересов угнетенного класса, широких трудовых масс и поэтому сохраняет свой общенародный и коллективный характер. При этом коллективность должна пониматься, с одной стороны, как бы в «горизонтальной» плоскости, в смысле широкого распространения памятника в различных группах народов в одну эпоху, с другой стороны — как бы «вертикально», поскольку характерные явления фольклора являются художественным опытом, переходящим от одного поколения к другому. Коллективность в этом понимании остается основным определяющим признаком народного творчества и в советскую эпоху. Оно отличается от дореволюционного своим идейно-художественным содержанием, но сохраняет свою специфику как особая форма образного отражения действительности. Приняв коллективность как основной признак фольклора, мы не можем все стихи, сочиняемые начинающими поэтами, автобиографические рассказы и тому подобное причислять к фольклору. Это материалы литературной самодеятельности, и ими должен заниматься Союз писателей.

Можно ли говорить о том, что советское народное творчество сузилось, что оно отмирает? Конечно, нет. Но оно как коллективное творчество не может создаваться быстро. На некоторых этапах, когда случались события, вызывавшие особенно глубокие переживания народных масс, коллективное

творчество проявлялось более интенсивно (период коллективизации, Великая Отечественная война). К вопросу о судьбе в советскую эпоху отдельных жанров надо подходить осторожно, так как она различна в разных местах в зависимости от особенностей общественного развития и силы традиции. Так, в центральных районах Грузии сказительство постепенно исчезает, в Сванетии оно живет.

Признавая коллективное начало как определяющий признак народного творчества, нельзя отрицать роль индивидуального начала — личного вклада отдельных выдающихся сказителей и певцов. Но главное все же в их творчестве то, что они являются носителями коллективного опыта предшествующих поколений.

При решении общетеоретических проблем истории народного творчества неоценимым вкладом являются материалы фольклора многочисленных народов нашей страны. Это выдвигает необходимость издания серии сборников по фольклору народов нашей страны.

Природе современного народного творчества было посвящено и выступление кандидата филологических наук Б. Н. Путилова (Грозный). Нельзя согласиться с теми, говорил он, кто пытается воздвигнуть непродоходимую стену между старым, дооктябрьским, и новым, советским, фольклором. Такой стены в действительности не было и нет. Коллективное творчество советской эпохи имеет свои качественные особенности: изменились содержание и идейная направленность народного поэтического творчества, условия его существования и развития, его взаимоотношение с литературой, самый удельный вес фольклора в современной народной культуре. Однако основные общие признаки, по которым произведения собственно народного творчества объективно выделяются среди всего огромного круга явлений искусства, остаются и на сегодня. Этими общими специфическими признаками фольклора являются, в их совокупности, народность происхождения, народность бытования, народность формы и, главное, народность содержания. Понятие «народность» в применении к фольклору не совпадает с содержанием этого понятия в области литературы, где оно является наивысшей оценкой, указанием на организующую связь с самыми передовыми идеями эпохи, с жизнью и стремлениями народа. Понятие «народность» по отношению к фольклору охватывает не только вопросы идейно-художественного уровня, но и имеет в виду произведения, которые создаются непосредственно в народной среде, в коллективе и живут здесь интенсивной жизнью в специфических условиях (устность, анонимность, изменчивость). Эти общие признаки характеризуют и современное народное творчество. Смыкаясь в идейном отношении с советской литературой, народное творчество отличается от нее способами создания, формами бытования, художественной спецификой. Поэтому неверно расширительно толковать специфику советского фольклора, включать, например, все то, что в словесной форме отражает современное народное мировоззрение. Это приводит к растворению фольклористики в некоем «народознании». Также неверно рассматривать литературную самодеятельность, т. е. работу начинающих поэтов и прозаиков, как главную линию народного творчества, тогда как она и коллективное художественное творчество — явления различные по самой своей природе. Ошибочна и точка зрения тех, которые в качестве решающего признака народного творчества выдвигают только признак коллективной шифровки, вследствие чего относят к народному творчеству все песни советских поэтов и композиторов, усвоенные и поющиеся народными массами с некоторыми отклонениями от авторского текста. В данном случае ошибочно

смешивается народный песенный репертуар с народным творчеством, а своеобразная редакция народом усвоенных авторских текстов с длительной шлифовкой народом своих произведений.

К тому кругу вопросов теории фольклора, которые выдвинуты в докладе «Задачи советской фольклористики», следует добавить еще разработку проблемы образа положительного героя в русском классическом народнопоэтическом творчестве, выдвинутой еще революционными демократами. Обобщение народного художественного опыта в этой области может помочь советской литературе в успешном овладении ею традициями передового искусства прошлого.¹⁰

Кандидат филологических наук Э. Н. Куприянова (Ленинград) указала на большое значение изучения устного творчества народов Севера для постановки и разрешения ряда общих теоретических вопросов фольклористики. Дореволюционная поэзия своими корнями уходит в глубокую древность, отражает первобытное мировоззрение, раскрывает отношения, характерные для периодов матриархата и патриархата, показывает разложение первобытно-общинного строя, вызванное проникновением феодально-крепостнических отношений. То, что нельзя разрешить на материале европейского фольклора, можно увидеть на материале фольклора народов Севера. Изучение этой поэзии поможет глубже понять некоторые явления в творчестве народов, ушедших дальше в своем историческом развитии. Велико и художественное значение творчества народов Севера, которое в течение многих веков было единственным средством удовлетворения эстетических запросов. Оно с успехом используется в создании учебной переводной и оригинальной художественной литературы народов Севера.

Творчество народов Севера богато и разнообразно по содержанию и формам, что обусловлено характером хозяйственной деятельности трудящихся народов Севера, способствовавшей развитию творческой фантазии (охота, связанная с риском для жизни, рыбная ловля, требовавшая постоянных передвижений по рекам, озерам, морям и т. п.).

Народное творчество живет у народов Севера полнокровной жизнью и до сих пор. Широко распространено у них искусство сказителей-мастеров, слава о которых идет далеко за пределы их родного стойбища, района. На творчестве каждого из народов Севера сказались экономические и культурные связи с соседними народами и большое благотворное влияние русского фольклора. Наряду с сохранением и развитием старого наследия наблюдается возникновение новых произведений о счастливой, радостной жизни в Советском Союзе.

Все это делает творчество народов Севера интересным и важным для изучения. Последнее, однако, еще мало подвинуто. Собранный большой фольклорный материал как следует теоретически не осмыслен. Неотложная задача — публикация его.

Доктор филологических наук П. Г. Богатырев (Москва) остановился на роли и значении русского фольклора, а также русской, украинской и советской фольклористики в развитии культуры братских славянских народов. Уже в начале XIX века в славянские страны проникают сборники русского фольклора, вслед за чем в славянских странах начинают печататься произведения русского, украинского и белорусского фольклора (например, сборник песен Челаковского, сборник сказок Эרבена и др.). На

¹⁰ В более развернутом виде см. те же положения в статье Б. Н. Путилова «О современном народнопоэтическом творчестве» («Звезда», 1954, № 2).

славянскую фольклористику в XIX веке, помимо русской академической фольклористики, оказали свое воздействие и русские революционные демократы (например, на работы Любена Каравелова); на современное изучение фольклора в славянских странах весьма значительное влияние оказывает советская фольклористика. В частности, под ее влиянием ведется изучение рабочего фольклора в Чехословакии и Болгарии.

Изучение фольклора славянских народов и знакомство с исследованиями славянских ученых может помочь в разрешении некоторых общих теоретических проблем. В этом плане интересны, например, работы Люб. Андрейчина о языке и стиле народных болгарских песен, Станислава Черника о форме польской народной песни, Ю. Горака о юморе и сатире чешской народной поэзии, материалы по чешскому народному кукольному театру и др. Изучение народных славянских легенд может также помочь решить важные вопросы при рассмотрении русского фольклора. Так, чешская легенда Козьмы Пражского о призвании на княжеский престол родоначальника династии Пржемысловцев пахаря Пржемысла, помещенная в чешской хронике XI века, опровергает выдвинутое в книге «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, стр. 157) положение о том, что родоначальников династии народные легенды обычно выводили со стороны, потому что выведение их из собственной страны неизбежно должно было возвести «знатный род» к какому-то «незнатному» родоначальнику.

П. Б. Богатырев подчеркнул необходимость разработки вопроса о реализме в фольклоре, не всегда верно освещаемого (например, неверное противопоставление образов исторических песен как более реалистических былинным образам), а также вопроса о проявлениях в фольклоре коллективного начала, который не получил достаточного освещения в докладе В. И. Чичерова.

Кандидат филологических наук Ф. И. Лавров (Киев) посвятил свое выступление вопросу об изучении народной сатиры. Если в литературоведении, говорил он, теоретическая разработка вопросов сатиры была до сих пор в некотором пренебрежении, то в фольклористике и вовсе не уделялось им внимания. Между тем с самых ранних этапов развития человеческого общества сатира имела большое социальное значение. Признание этого мы находим в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые не только подчеркивали положительную роль сатиры и юмора в классовой борьбе, но и использовали острую, разящую сатиру литературных и фольклорных произведений против своих идейных противников. Труды классиков марксизма-ленинизма поэтому имеют в изучении вопросов народной сатиры большое общеметодологическое значение. Перед фольклористами стоит задача глубокого изучения советской народной сатиры и великих традиций народной сатиры прошлого. Следует изучить художественные средства народных сатирических произведений, приемы типизации, раскрыть выраженные в них народные идеалы.

Кандидат филологических наук Б. Ф. Егоров (Тарту) говорил о значении глубокого изучения наследия революционных демократов для разрешения ряда основных проблем, стоящих перед советской фольклористикой. Перисдизация народного творчества, вопросы формы, особенности языка и стиля народного творчества, проблема народности, методика фольклорных записей в той или иной степени затрагивались революционными демократами. Большой материал о революционных демократах, еще не раскрытый исследователями, хранят архивы. В качестве примера Б. Ф. Егоров приводит неопубликованные записи А. Татариновой лекций по русской литературе, которые читал ей Добролюбов. Сам Добролюбов просматривал эти

записи и корректировал их; эти правки рукой Добролюбова дают право считать отредактированные места выражением его взглядов. Огромный интерес представляют записи по народному творчеству, раскрывающие революционно-демократические взгляды в этой области. Б. Ф. Егоров внес предложение о создании коллективного труда по истории русской и советской фольклористики.

Кандидат филологических наук И. М. Колесни́цкая (Ленинград) отметила необходимость изучения наследия революционных демократов для решения теоретических вопросов, касающихся специфики художественного мастерства народной поэзии и до сих пор слабо разработанных. Разрешение же этих вопросов чрезвычайно важно для советской литературы и искусства. Наука о народном творчестве должна показать, чему можно и нужно учиться деятелям искусства нашей эпохи у народной поэзии и что не может являться образцом, заслуживающим использования. Изучение принципов революционно-демократической эстетики в применении к народной поэзии может помочь в разрешении поставленного вопроса. Поинтому, глубже, должна ставиться тема «литература и фольклор». Важно не только устанавливать близость творчества того или иного писателя или группы писателей к народному творчеству (это привело к появлению ряда однотипных работ), но необходимо вскрывать творческое своеобразие писателей в обращении их к народному творчеству, рассматривать это обращение в плане изучения художественных методов писателя в целом. Только такое изучение вопроса будет иметь живое практическое значение для современных деятелей искусства, стремящихся учиться на произведениях народной поэзии.

Кандидат филологических наук Р. Р. Гельга́рдт (Молотов) указал, что слабая разработка вопросов художественного мастерства в фольклоре в известной степени обусловлена ошибочными представлениями о профиле фольклористической работы и отрывом науки о фольклоре от других филологических дисциплин, в частности от лингвистики. Произведения народнословесного искусства не анализируются во всей их сложности, как особого рода идеологическая надстройка, но привлекаются подчас лишь в роли иллюстративного материала. Общенародный язык и факты жизни становятся эстетически значимыми, когда художник слова или творческий коллектив превращает их в материал литературного или фольклорного произведения. Идеино-художественные задачи определяют собой целенаправленный отбор как жизненных фактов, так и средств языкового выражения; это и подлежит изучению литературоведа или фольклориста. Факты, полученные в результате анализа языка в органической связи его с идейным содержанием, могут быть объективной основой критерия идейно-художественной полноценности произведения народного творчества. Одним из недостатков первого тома коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» является то, что вопросы языка и стилия включены во «Введение», а не составляют органической части анализа материала в томе. Было бы целесообразно в повестку дня следующего фольклорного совещания поставить специальные доклады по вопросам марксистской эстетики слова и художественного мастерства в фольклоре.

Р. Р. Гельга́рдт отметил необходимость издания фольклористического журнала, а также больших сборников статей и материалов по фольклору.

Выступления по докладам о периодизации. Кандидат филологических наук А. М. Кинько (Киев) отметил, что коллектив фольклористов Пушкинского дома стоит на правильном пути в разработке

вопросов периодизации. В частности, совершенно правильно решается вопрос о фольклорно-литературных взаимоотношениях в их историческом развитии. Четко поставлен вопрос в выступлении А. Д. Соймонова о качественно новых взаимоотношениях литературы и фольклора на различных этапах развития советского общества. Здесь нет того противопоставления литературы и народного творчества, которое прозвучало в некоторых других выступлениях: советское народное творчество и советская литература рассматриваются как одинаково важные части надстройки над социалистическим базисом. Однако предложенная периодизация нуждается в некоторых доработках. Так, например, необходимо разрешить проблему творца фольклора, совершенно не затронутую в докладах: при рассмотрении каждой общественно-экономической формации следует определить, кто являлся создателем народно-поэтических произведений, каково было его мировоззрение, каковы сильные и слабые стороны его сознания на каждом этапе, а также основные черты его творческого метода.

Кандидат филологических наук И. П. Цапенко (Львов) указал на трудности в определении периодизации развития народного поэтического творчества, причем трудности эти увеличиваются по мере удаления вглубь веков. В этом случае необходимы своего рода археологические изыскания, позволяющие представить творчество народа самых отдаленных периодов его развития. Периодизация, принятая в коллективном труде «Русское народное поэтическое творчество», имеет тот недостаток, что она не учитывает творчество доклассового общества, к которому несомненно восходит большое количество фольклорных жанров. Чтобы определить генезис этих жанров и прийти к правильным выводам, необходим сравнительный материал по фольклору других народов, в особенности по славянскому фольклору. Для установления правильной периодизации необходимо полное представление об объеме материала исследования: определить генезис как фольклора вообще, так и фольклора определенного периода, затем выделить материал, влившийся в имевшийся состав фольклора в данный исторический период, и далее уяснить, что представляет собой весь состав фольклора данного периода, включая как новые произведения, так и старые, изменившие свою общественную функцию. При периодизации следует учитывать также образную систему творчества ранних периодов; она нередко помогает определить ту формацию, при которой возникла та или иная группа народнопоэтических произведений. Здесь большую помощь могут оказать те данные по истории развития языка, которые сопутствуют развитию художественного мышления.

И. П. Цапенко отметил также разницу в функциях слова в литературе и фольклоре. В то время, как у писателя для конкретизации значения слова величайшую роль играет система тропов и фигур речи, мастер фольклора, находящийся в непосредственном контакте с аудиторией, может пользоваться такими средствами выразительности, как мимика, театрализация и др. На освещение этой стороны вопроса и должны быть первоначально направлены усилия исследователей, раскрывающих эстетическую ценность фольклорных произведений.

Кандидат филологических наук В. Ю. Крупянская (Москва) признала правильным укрупнение периодов, которое было предложено в сокладе А. Соймонова. Но, по ее словам, необходимо выделить как особый период в развитии фольклора Великую Отечественную войну, потому что народнопоэтическое творчество в этот период развивалось в специфических условиях. Кроме того, многие процессы в развитии народнопоэтического творчества шли более ускоренно. В. Ю. Крупянская предложила

также не выделять в отдельный период поэтическое творчество времен Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, а рассматривать его как этап переходного времени от капитализма к социализму. Удачным, по мнению В. Ю. Крупянской, является привлечение традиционного фольклора для характеристики народного поэтического творчества двух первых этапов. Это дает возможность показать влияние поэзии рабочего класса на творчество широких кругов трудящихся.

Кандидат филологических наук Г. С. Сухобрус (Киев), признав значительные успехи ленинградских фольклористов в области периодизации народнопоэтического творчества, отметила наличие в предлагаемой периодизации некоторых недочетов, вытекающих из неправильной тенденции прикрепления фольклора к определенным столетиям. По мнению Г. С. Сухобруса, в силу специфических особенностей бытования народной поэзии, творчески перерабатываемой на протяжении столетий, периодизацию ее возможно и следует строить только по общественно-экономическим формациям. При этом надо концентрировать внимание на темах, идеях и образах, которые обусловлены типическими событиями данной эпохи, характерным для нее общественным бытием трудящихся. Так, например, очень распространенные у восточнославянских народов сказки о доле раньше по чисто формальным признакам (наличие фантастических образов мифологического характера) относили к волшебным сказкам. Более глубокий анализ образов говорит о том, что эти сказки являются ярко выраженными социально-бытовыми сказками, относящимися к историческому периоду феодально-капиталистических отношений. При периодизации необходимо также постоянно иметь в виду возможность проникновения в устнопоэтический репертуар народа фальсификаторских, антинародных песен. Такова, например, песня «Прокльоны Хмельницкого», опубликованная Кулишом в сборнике «Записки о Южной Руси» и перекочевавшая в сборник В. Антоновича и М. Драгоманова «Исторические песни малорусского народа».

Сравнительное изучение русского и украинского народнопоэтического творчества может во многих случаях способствовать правильному восприятию идейного смысла народнопоэтических произведений. Так, одной из наиболее распространенных героико-патриотических тем русских и украинских народных легенд эпохи феодализма была тема антикрепостнических крестьянских восстаний. Отдельные руководители их и целые коллективы народных мстителей в русском и украинском фольклоре изображаются однотипно, одинаково наделены идеальными чертами.

Кандидат филологических наук Я. Витольд (Рига) сообщил о работе института этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР по проблеме периодизации и классификации латышского фольклора. Эта проблема имеет свои трудности. Ввиду отсутствия ранних записей относительно периода до XVII века возможны пока только гипотезы о сравнительной древности различных песенных жанров и отдельных песен. Проследить историю латышской народной песни на широком материале можно лишь, начиная с XIX века. В разрешении вопросов периодизации определились два основных принципа хронологизации: принцип возникновения, применение которого возможно лишь при периодизации материалов позднего происхождения, и принцип отражения — отнесение произведения к той эпохе, которую оно, повидимому, отражает; при этом исторические границы явлений определяются «не раньше такого-то и не позже такого-то времени» — так называемая «интервальная» хронологизация. А. Озол подготовлен макет «Истории латышского народного

поэтического творчества», которая войдет в подготовляемую Институтом литературы и языка Академии наук Латвийской ССР «Историю латышской литературы». В макете дан анализ отдельных явлений латышского народного поэтического творчества по основным периодам истории Латвии: латышский фольклор периода первобытно-родового общества; фольклор периода феодализма в Латвии — а) периода раннего феодализма с IX по XIII век, б) периода развития феодализма с XIII по XVII век, в) периода позднего феодализма с 30 годов XVII века до середины XIX века; фольклор периода капитализма; фольклор советского периода. Однако эта схема периодизации еще не применима в публикациях материалов. В подготовляемом Институтом четырехтомном сборнике избранных материалов латышской народной песни материал будет расположен по трем периодам: феодализм, капитализм и советский период.

Перед латышскими фольклористами стоит задача изучения взаимосвязей латышского и восточнославянского (русского, белорусского, украинского) фольклора, латышского и литовского, латышского и эстонского. Можно указать ряд явлений, говорящих об очень давней близости латышского и восточнославянского народного музыкально-поэтического творчества (в песнях обрядовых, жнивных, толочных и др.). Одним из особо важных вопросов в сравнительном изучении латышского и славянского песенного фольклора является вопрос о развитии ладовой структуры мелодий народных песен; в ней много общих особенностей между латышской и русской, украинской, белорусской, а также литовской народными песнями. Имеются также общие черты русского и некоторых видов латышского народного многоголосья. Эта общая близость интонационного строя латышских и восточнославянских народных песен позволяет ставить вопрос общего этногенеза и длительной культурной общности этих народов. Общность исторической жизни латышского народа с русским с XVIII века породила некоторые общие песенные жанры, например рекрутские прощальные песни. К периоду с XVIII века относится, по видимому, и фольклоризация в латышском народе отдельных русских, украинских и белорусских песен. Так, в латышском музыкальном фольклоре живут с творческими изменениями некоторые напевы, которые можно найти в известном сборнике И. Прача. Источниками революционных песен латышского пролетариата являются прежде всего русские революционные песни, наряду с которыми развивалось собственное творчество латышского пролетариата и революционного крестьянства. Распространение в буржуазной Латвии в среде трудящихся советских песен, а также создание новых песен, призывавших к свержению власти буржуазии, к установлению советской власти, явилось дальнейшим этапом в развитии латышского народного песенного творчества. В годы Великой Отечественной войны в песенном творчестве латышского народа наблюдаются процессы, аналогичные процессам, происходящим в русских песнях.

Я. Витолинь подчеркнул значение только что вышедшего из печати первого тома «Русского народного поэтического творчества», но выразил сожаление, что в эту книгу не включено исследование развития русского музыкально-песенного фольклора и что вообще лирической бытовой песне уделено крайне мало внимания.

В связи с основными задачами периодизации доктор филологических наук П. Г. Богатырев (Москва) подверг критике первый том труда «Русское народное поэтическое творчество». Одной из сильных сторон рассмотрения фольклора по периодам является, по словам П. Г. Богатырева, возможность показать взаимосвязь всех жанров фольклора в тот или

иной период. Первый том этой взаимосвязи не вскрывает, в нем рассматриваются по преимуществу былины и исторические песни, лишь с некоторым привлечением других жанров русского фольклора. Этот недостаток — отсутствие показа взаимосвязи всех явлений фольклора — П. Г. Богатырев считает не случайным, он вытекает из того, что авторы не считались со спецификой каждого жанра. Между тем периодизация для былины может быть иной, чем периодизация для пословицы или исторической песни. Это осложняет показ явлений фольклора, имеющих каждое свою периодизацию, в их взаимосвязи.

Другим крупным недостатком первого тома является малое внимание к художественной специфике фольклорных жанров. Авторы порой удовлетворяются констатированием того, что первоначальная художественная форма жанра неизвестна в силу отсутствия ранних записей. Однако, отмечает П. Г. Богатырев, если мы хотим говорить о развитии художественного произведения или целого жанра со времени его возникновения, первоначальная форма должна быть восстановлена, хотя бы гипотетически. Недостатком этого тома следует считать и то, что о фольклоре Киевской Руси как об основе дальнейшего развития русского, украинского и белорусского фольклора говорится только декларативно. Следовало это показать, опираясь в некоторых случаях на факты, приводимые К. Мошинским в его труде «Kultura ludowa sloviań», и на факты, приведенные в труде Л. Нидерле «Život starých slovanů».

П. Г. Богатырев отметил также правомерность и необходимость, наряду с изучением фольклора по периодам, вести изучение его по жанрам при обязательном, конечно, показе исторического развития жанра. Такое параллельное изучение фольклора в двух направлениях несомненно будет плодотворным.

Кандидат филологических наук Т. М. Акимова (Саратов) указала на большое значение работы, которую провел коллектив фольклористов Пушкинского дома, подготовив издание «Русского народного поэтического творчества». Особенно важно то, что в основу издания положен исторический принцип, представленный как конкретный метод исследования. Жаркий спор, разгоревшийся вокруг «Очерков русского народно-поэтического творчества советской эпохи», объясняется главным образом остротой поставленных в них вопросов. Авторы «Очерков» собрали огромный материал, исторически, социально и политически его осмыслили. Многое в этом осмыслении остается еще спорным, но важно, что положено начало разработке существенных вопросов изучения советского фольклора. В первом томе «Русского народного поэтического творчества» исключительно ценны первые разделы, посвященные периоду раннего феодализма и периоду феодальной раздробленности до татаро-монгольского нашествия. Конкретные произведения, сюжеты и образы пришлое восставливать на основании летописных упоминаний или усматривать в отрывках разных письменных памятников как пересказы устных произведений народного творчества.

Наиболее убедительным и конкретным по анализу является раздел, посвященный историческим, топонимическим, фамильным и другим преданиям и легендам. Выводы этой части работы, касающиеся установления типов преданий и связи их с исторической действительностью и ростом сознания народа, свежи, оригинальны и вполне обоснованы. Наоборот, ряд возражений вызывают главы о былинах. Несколько натянутым является определение основной идеи сказания о Кожемяке как идеи превосходства мирного труда над узкопрофессиональным, военным. Вступление

Кожемяки в дружину князя Владимира представлено ведь в предании как идеал достижений героя. Прославление боевого подвига при защите родины несомненно составляет пафос сказания. Более отчетливо идея апофеоза крестьянского труда выражена в былинах о Микуле и об исцелении Ильи Муромца. Но последняя неудачно привлечена автором для доказательства того, что тема труда была ведущей в ранних былинах, так как сама эта былина позднего происхождения. Выдвигая тему труда как ведущую в ранних былинах, Д. С. Лихачев упустил из виду природу былинного эпоса. Стремление выдвинуть на первое место тему труда связано с уклоном исследователя в некоторый социологизм. Он напрасно так настойчиво подчеркивает народное происхождение дяди князя Владимира Добрыни — прототипа былинного Добрыни Никитича. Цитата из варианта П. А. Калинина, приведенная в подтверждение мысли о том, что и в народном восприятии Добрыня Никитич — крестьянского происхождения, в последнем не убеждает, так как в целом ряде других вариантов герой называется то сыном «богатого гостя», то «роду княженецкого».

Очень спорной в характеристике народной поэзии периода раннего феодализма представляется попытка снять религиозность в сознании масс XI—XII веков, замалчивая тем самым его ограниченность. Это представление о безрелигиозности в сознании народных масс тех веков послужило, повидимому, причиной того, что в книге почти полностью обойдена календарная обрядовая поэзия. Отсюда также и ошибочная трактовка жанровой природы «плача Ярославны» как только лирической песни. Недостатки первого тома «Русского народного поэтического творчества», книги в целом значительной и полезной, заключаются, кроме того, в чрезмерной дробности в установлении периодов развития народной поэзии (особенно в первых разделах), в выключении из исследования ряда жанров, несомненно существовавших в ту эпоху (необходима была их характеристика, хотя бы в плане гипотетическом), в подмене в ряде случаев анализа собственно фольклора анализом материалов средневековой литературы, в некоторой недооценке художественной природы и специфики фольклора.

В докладах по периодизации, представленных на обсуждение, следует отметить слабую разработку вопроса о развитии народной поэзии в XVIII веке.

Кандидат филологических наук В. А. Тонков (Воронеж) говорил о трудностях и недостатках преподавания курса народного творчества по существующим программам. Хронологическое приурочение произведений устной поэзии затрудняется отсутствием записей до XVIII века и особенностями жизни фольклора — его непрерывной творческой переработкой на протяжении многих столетий. Преподавателям приходится искусственно подгонять многие произведения под известный строго ограниченный период и, кроме того, изучать не столько тексты произведений, сколько особенности культуры того или иного века. Произведения фольклора становятся только некоторой иллюстрацией к изучаемому периоду, и цельного представления о жанре студенты не получают. Следует отказаться от практики изучения народного творчества в рамках дробных исторических периодов, так как при таком изучении специфика фольклора совершенно исчезает.

Кандидат филологических наук Э. В. Померанцева (Москва) обратила внимание присутствующих на неудачи в чтении курса народного творчества в историческом разрезе. Основная причина в том, что большинство преподавателей читает курс по новой программе формально, не изме-

нив всей концепции курса. Начинают с фольклора эпохи феодализма, и в этот раздел относят все жанры. Далее читают фольклор эпохи капитализма, и здесь ведется разговор только о частушках и рабочем фольклоре. Затем читают советский фольклор. У студентов вследствие такого распределения материала создается впечатление, что вся жизнь традиционных жанров кончается с феодализмом. Указанный недостаток в чтении лекций обусловлен тем, что нет пособий и исследований, которые помогли бы преподавателям в построении исторического курса. Первоочередной задачей поэтому является создание монографий, посвященных историческому рассмотрению отдельных жанров. Предложенные коллективом Пушкинского дома проекты периодизации являются более или менее убедительными схемами исторического развития русского общества, которые иллюстрируются фольклорными текстами. Однако, если фольклор в историческом разрезе не дается, то следует вообще взять под сомнение целесообразность построения вузовского курса по этапам его развития. Вследствие дробления материала по эпохам не удастся дать целостного представления о фольклоре, о его жанрах. Неясно, где и как при историческом построении курса давать анализ поэтической формы. На данном этапе развития фольклористики курс следует строить таким образом: сперва давать краткий очерк исторического развития фольклора, указывая основные тенденции для каждого этапа его развития; во второй части следует вести обзор по жанрам, давая литературоведческий анализ художественных особенностей фольклора.

К. А. Назаретская (Казань) выступила по вопросу о постановке преподавания курса народного творчества в вузах. Основная трудность в преподавании этого курса состоит в том, что он отнесен к первому семестру первого курса, когда студент, только что прошедший со школьной скамьи, теоретически недостаточно подготовлен для освоения сложных проблем предмета. Целесообразно перенести преподавание народного творчества во второй семестр и читать его после курса теории литературы. Совершенно необходимо разработать программу практических занятий, в постановке которых в разных вузах наблюдается разнობой. Большим тормозом в преподавании, особенно на местах, является отсутствие методических пособий и сборников текстов. Чтобы поднять научный уровень преподавания, необходимо теснейшее сотрудничество ученых исследователей с педагогами-практиками путем периодических совещаний по вопросам преподавания.

Кандидат филологических наук Э. С. Литвин (Ленинград) указала, что генетическая связь отдельных произведений и целых жанров с определенными эпохами, общая последовательность явлений и их идейная преемственность, примерные хронологические рамки, в которых они исторически развивались, в основном уже наметились. Опыт коллектива, работавшего над томами «Русского народного поэтического творчества», обобщенный в докладах М. О. Скрипила и А. Н. Лозановой, а также ряд статей, опубликованных за последние годы, это показывают. Однако все усилия были направлены на прикрепление произведений народного творчества к конкретной исторической действительности. Поэтому в первую очередь решалась проблема отражения исторической действительности в фольклоре. Но проблемы развития русского народного творчества по определенным этапам должны связываться также и со становлением самого художественного метода народного творчества, со становлением и развитием реализма. В связи с задачами изучения художественного метода классического фольклора необходимо уточнить вопрос о смене бы-

лины исторической песней. Часто мы противопоставляем типизацию действительности в былине конкретности и документальности исторической песни. На самом деле нужно говорить о смене одного способа типизации другим способом. В этой смене находит свое выражение внутреннее идейно-художественное обогащение народного творчества. В искусстве, постепенно превращающемся в реалистическое, формы и способы типизации могут быть различными. Способ типизации с помощью фантастики, с помощью гиперболы — первый, более древний для народного творчества способ. Для своего времени он был прогрессивен, он позволял объединять целые эпохи и многочисленные события, отбрасывая конкретные индивидуальные черты и подчеркивая общее. Гипербола служила также и формой выражения народной оценки изображаемых жизненных явлений. На более высокой ступени исторического развития народа этот способ типизации действительности начинает сопровождаться, а позднее сменяться новым способом создания типического образа, заключающимся в отборе и закреплении подлинных черт самой конкретной исторической действительности. Переход от былины к исторической песне является, таким образом, не отказом от типизации и заменой ее фактографией, а переходом от типизации целых эпох к типизации отдельных важнейших событий, от типизации на основе фантастики к типизации на основе подлинных фактов. Одновременно складывается новая форма типизации характера. От обобщения лишь исключительного, идеального, героического, через передачу типического в образах выдающихся исторических деятелей намечается типизация массового, широко распространенного (образы рядового солдата, безыменного бедняка или батрака, обыкновенного рабочего).

В периодизации русского фольклора надо найти место и хронологические рамки для процесса циклизации в области различных видов народного творчества. В результате циклизации появляется собирательный образ, одни черты которого раскрываются в одном произведении, другие — в другом. Здесь — одна из конкретных форм проявления коллективного начала, имеющая место и в советском фольклоре (сложение, например, известного цикла песен, частушек и поговорок о трактористе, циклизация рассказов и песен о руководителях партизанского движения — Ковпаке и Заслонове и т. п.). В связи с проблемой циклизации и собирательного образа по-иному встает вопрос об идейно-художественном критерии оценки произведений народного творчества. Далеко не каждое из них является полностью законченным и завершенным. Только в группе произведений, в целом цикле подчас полностью раскрываются тема и образы. Если судить о художественном качестве методом выделения отдельных примеров, далеко не всегда получаются правильные выводы.

В докладе А. Н. Лозановой слишком бегло прозвучала проблема фольклоризма, а некоторые положения, связанные с ней, оказались неправильными, например, утверждение о том, что в литературе XVIII века фольклорные элементы используются только иллюстративно. Уже в XVIII веке начинается борьба вокруг народного творчества и намечается линия более глубокого его использования в литературе.

Признавая большие трудности в построении курса народного творчества на основе исторической периодизации, все же следует такому построению отдать предпочтение перед построением, основанным на принципе обзора жанров. Приняв последний принцип построения, пришлось бы проследивать развитие каждого жанра в отдельности, что повлекло бы множество повторений, возвращения к одной и той же эпохе, освеще-

ние основных жанров народного творчества вне их связей друг с другом. Путь для преодоления трудностей нового построения курса — это отказ от дробной периодизации, рассмотрение материала по большим периодам — эпохам, имеющим свою экономическую, социальную и культурную специфику. Чтобы получить более целостное представление о том или ином жанре, надо более подробно рассматривать его в рамках одной определенной эпохи, именно той, когда он наиболее широко использовался народом и когда складывались его основные идейные тенденции и особенности художественного оформления. В дальнейшем изложении можно отмечать наиболее существенные изменения в нем и его судьбе. В плане улучшения преподавания истории народного творчества в высшей школе следовало бы историографическую часть курса, которая в силу своей сложности не может быть по-настоящему освоена студентами в самом начале первого семестра, перенести в конец курса народного творчества или даже выделить ее и перенести на старшие курсы.

Ю. Н. Сидорова (Москва) признала правильными основные принципы предложенной периодизации. Но в обоих докладах не была раскрыта органическая связь между XVII и XVIII веками. В. И. Ленин говорил о XVII веке как о новом периоде русской истории. В докладах же этот период оказался по существу опущенным. При характеристике фольклорного развития во второй половине XVIII века недостаточно был выделен фольклор о Пугачеве. Следует усилить материал, характеризующий развитие рабочего фольклора в XIX веке. Ничего не было сказано о народной драме, о том, к какому периоду следует отнести ее развитие. Слишком большое внимание было уделено духовным стихам. Говоря о практике преподавания фольклора по историческим периодам его развития, Ю. Н. Сидорова подчеркнула трудность такого построения курса при отсутствии конкретных исследований по истории развития отдельных жанров и отсутствии надлежащих учебников и хрестоматий. В то же время она признала такое рассмотрение фольклора единственно возможным, а стремление некоторых товарищей уйти от исторического принципа в построении лекций — неправильным. Из частных вопросов преподавания фольклора Ю. Н. Сидорова остановилась на вопросе, затронутом в выступлении Э. С. Литвин (об историографическом разделе курса). Сославшись на свой опыт, Ю. Н. Сидорова высказала мысль о том, что этот раздел, несмотря на всю его сложность, надо давать на первом году обучения, но под конец курса народного творчества, когда студенты будут больше подготовлены к восприятию материала этого раздела.

Кандидат филологических наук А. М. Новикова (Москва) отметила некоторые пробелы в постановке вопроса о периодизации процесса взаимодействия литературы и фольклора. В докладе А. Н. Лозановой при правильном выделении основных периодов в развитии процесса эти периоды не получили, по словам А. М. Новиковой, достаточно четких, конкретных исторических очертаний. Кроме того, в докладе было выдвинуто ставшее традиционным, но ошибочное положение о том, что с конца XVIII века до эпохи декабризма в состав произведений народного творчества вошли многие стихотворения поэтов XVIII—начала XIX века. Однако это не так. Хотя внешние условия и были благоприятными для перехода литературных песен в народ, сами эти стихотворения не могли заинтересовать в большой степени народные массы: они были далеки по своему содержанию от народной жизни, узки по своей тематике (преимущественно любовной), стиль их был тоже далек от реализма народной песни. Утверждение о широком распространении тех или иных стихотво-

рений часто основывалось на том, что поэты использовали в них начальные строки народных песен («Чем тебя я оскорбила» Сумарокова, «Выйду я на реченьку» Неледицкого-Мелецкого). Но эти песни в народе не бытовали, а бытовали народные песни, которые послужили для них художественными образцами.

Е. А. Тудоровская (Ленинград) посвятила свое выступление вопросу о периодизации волшебной сказки. Так как в волшебной сказке обычно нет указаний на какие-либо определенные исторические события, то судить о происхождении сказки в ту или иную эпоху можно лишь по тому, какая реальная действительность в ней отразилась, каков характер выраженного в ней мировоззрения. Главная ошибка буржуазных фольклористических школ по отношению к сказке заключалась в том, что все мотивы сказок всех народностей приводились в связь с глубиной древностью, иной раз совершенно насильственно. Между тем волшебные сказки народов, принадлежащих к развитому классовому обществу, всегда основаны на представлениях социальной борьбы. Однако при анализе сказок можно встретить эпизоды, чуждые столкновениям социальных интересов. В таких эпизодах герой сказки встречается с каким-либо волшебным существом и вступает с ним в борьбу. Здесь — отголосок древних, доклассовых представлений. Иногда, впрочем очень редко, среди русских сказок можно встретить и целые сюжеты без какого-либо классового конфликта. Таким образом, определяются два крупных социально-экономических периода народной жизни, к которым можно приурочить возникновение той или иной сказки: доклассовый (родовой) и классовый (феодално-крепостнический). В эпоху капитализма новая волшебная сказка уже не создавалась. В анализе доклассовых элементов волшебной сказки надо опираться на теорию А. М. Горького о трудовом происхождении сказки. Труд древних людей — это непосредственная борьба с природой. Производственными отношениями людей в родовой период было единство родового коллектива в труде, что определяло собой и формы первобытной социальной жизни. В специфических общественных условиях сложилось и мировоззрение, отложившееся в древних сказках. Далее Е. А. Тудоровская намечает основные черты этого мировоззрения. В них человеческий род выступает как единый трудовой коллектив, где каждый член его прежде всего должен заботиться о благе всего рода. В древнейших сказочных сюжетах всегда можно видеть, как человек, член рода, вступает в борьбу с так называемыми «хозяевами» стихий и побеждает их или преодолевает их козни; весь род оказывает ему поддержку в этой борьбе. В сказках, записанных в XVIII—XX веках, отзвуки древних доклассовых представлений целиком подчинились новому, классовому мировоззрению сказочников. Поэтому выделение сказочных сюжетов, относящихся к доклассовому периоду, следует производить, привлекая сказки других народов, сохранивших в той или иной мере черты родового быта, учитывая при этом национальные отличия в развитии разных народностей, обусловившие специфику представлений.

В качестве примера такого сравнительного изучения волшебной сказки с целью выделения древнейшей ее основы Е. А. Тудоровская привела конкретный анализ сказки «Морозко» и сходных с нею ненецкой сказки «Котура» и кетской — «Осес». В этих двух последних сказках сюжет заключается в том, что отец в лютую пургу посылает своих дочерей, одну за другой, в чум к волшебному хозяину, очевидно к «хозяину пурги», чтобы тот взял дочь в жены и за то послал людям тепло. Отправляя дочерей, отец дает указание, как следует вести себя по дороге и в чуме хозяина.

Но только последняя, младшая дочь угождает своему чудесному жениху. Старшие дочери обнаруживают свой дурной нрав — жестокость, эгоизм, лень, и хозяин пурги убивает их. В сказке отразились представления родового периода: девушки, нарушающие веления рода из личных побуждений, гибнут. Спасается сама и приносит благо всему роду та, которая обнаруживает смелость, находчивость, покорность роду, выдержку в исполнении его велений. Сопоставляя с этими сказками русскую сказку «Морозко», Е. А. Тудоровская выделяет в ней черты классового мировоззрения трудового народа, затем обращается к фигуре Морозки, которая не входит в изображенную сказкой социальную действительность, и к фантастическому эпизоду отправки девушек в лес. Сопоставляя «Морозко» с охотничьими сказками об отправке девушек в жены «хозяину пурги», Е. А. Тудоровская сделала предположение о наличии у славян-земледельцев аналогичной сказки об отдаче девушек замуж за «хозяина мороза». Создатели сказки о Морозко, возникшей уже в классовый период, рассказывая о преследовании падчерицы мачехой, частично использовали как материал старую сказку доклассового общества.

Кандидат филологических наук Л. С. Шептаев (Ленинград) остановился на проблеме систематизации и периодизации песен о Степане Разине. Огромное значение песен о Разине, которые представляют важный этап в развитии русского народного творчества, выдвигает задачу тщательного собирания и учета этой поэзии, а также всех следов затерянных для науки отдельных произведений разинского цикла. Кроме песен, непосредственно отразивших события восстания, необходимо брать на учет песни и других циклов — «разбойничьи», казачьи, песни о Ермаке, которые часто срastaются с именем Разина. Необходимо регистрировать песни, перешедшие в прозаические рассказы-предания, которые местами сохранили следы своего песенного происхождения (такова, например, песня «Разинцы жалуются на Волгу»). Следует также брать на учет сюжеты исчезнувших и пока не записанных песен о Степане Разине, следы которых имеются в некоторых литературных или устнопоэтических памятниках (такова, например, песня о шубе, которую отбирает у Разина астраханский воевода). Помимо известных сборников, надо обследовать журнальные публикации, публикации в «Губернских ведомостях» и «Памятных книжках» разных губерний, просмотреть все рукописные фонды. Периодизация должна основываться на глубоком изучении каждой отдельной песни, ее идейного содержания, ее связи с событиями, отраженного в ней сознания народа, на исследовании вопроса о времени (а иногда и месте) происхождения и т. д. Л. С. Шептаев подчеркнул, что историческое приурочение песен обычно производилось односторонне, исходя только из исторических деталей, сохранившихся в песне, без тщательного изучения идейного содержания песни, что должно быть на первом плане.

Кандидат филологических наук П. Г. Ширяева (Ленинград) предложила свои соображения по изучению песенной народной поэзии периода 1895—1917 годов. Ведущей поэзией в этот период является песенное творчество пролетариата, формировавшегося с середины XIX века. Крестьянство к этому времени имело сложившуюся богатую песенную культуру. Обе линии народного песенного творчества развивались не изолированно друг от друга. Задача исследователя рассмотреть песенное творчество пролетариата и крестьянства во взаимосвязи, изучить как общие, так и отличительные черты рабочей и крестьянской песни. Изучая идейно-художественное содержание рабочей песни, следует уяснить роль образной системы крестьянской песенной культуры как одного из источников ху-

дожественного мастерства рабочей песни. Исследуя крестьянскую песню этого периода, необходимо проследить воздействие на нее идейного содержания пролетарской поэзии и новых приемов типизации действительности. Изучение народной песенной поэзии данного этапа ставит также перед исследователем задачи — раскрыть процесс взаимообогащения фольклора и литературы, осветить проблему коллективного и индивидуального в создании новых песен, рождавшихся в огне революционной борьбы народа, проследить изменения в языке песенной поэзии, которые возникли под воздействием новых общественных и экономических условий.

Доктор филологических наук К. А. Сихарулидзе (Тбилиси) в связи с поставленной в докладе А. Н. Лозановой задачей изучения процессов взаимовлияний народной поэзии и литературы сообщила ряд фактов, характеризующих отношение к народному творчеству великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе. Восприняв литературно-эстетические взгляды русских революционных демократов, Илья Чавчавадзе стал одним из видных инициаторов собирания, изучения и популяризации грузинского народного творчества во второй половине XIX века. Народное творчество он рассматривал как сильнейшее оружие в борьбе за возрождение грузинской нации, как источник демократических идей. Илья Чавчавадзе возглавил начавшееся движение по собиранию народного творчества. Он входил в непосредственное общение с исполнителями народной поэзии, производил от них записи, которые затем печатал на страницах «Кребули» и «Иверии». Он посвятил ряд специальных статей вопросам народного творчества («Относительно обычаев народа», «Грузинская народная музыка» и др.). В своей художественной практике Илья Чавчавадзе широко использовал народное творчество в целях социальных обличений (стихотворения «Пахарь», «Рассказ нищего», поэма «Несколько картин, или случай из жизни разбойника», «Отшельник» и др.). Некоторые из таких произведений Ильи Чавчавадзе вошли в народ, известны их фольклорные варианты. Подобно русским революционерам-демократам Илья Чавчавадзе боролся против консервативно-реакционных взглядов на литературу и искусство, пользуясь при этом местными выражениями и образами народной поэзии. Илья Чавчавадзе считал народную поэзию одним из источников обогащения родного языка. В борьбе против варваризмов и архаизмов в литературном языке он призывал своих соотечественников к глубокому изучению народного языка.

В заключительном слове доктор филологических наук В. Г. Базанов (Ленинград) отметил значение проведенной дискуссии, которая помогла уточнить и углубить ряд вопросов по изучению народного поэтического творчества. В фольклористике, как в любой другой области научных знаний, сказал В. Г. Базанов, могут и должны возникать разные мнения и взгляды. Но важно, чтобы при этом советских фольклористов всегда объединяло одно руководящее стремление к познанию объективных законов развития народнопоэтического творчества и чтобы их мнения и взгляды плодотворно сказывались на развитии науки.

Трудно согласиться с выводами Н. П. Леонтьева, сказал В. Г. Базанов, но нельзя также совсем отрицать значения его статей в «Новом мире», которые безусловно способствовали развитию творческой дискуссии.

В докладах и выступлениях были поставлены важные теоретические проблемы советской фольклористики. Значительные коррективы внесены в проблему сказительства. Теперь сложилось единодушное мнение: на определенном этапе и в определенных условиях сказительское творчество сыграло свою положительную роль. Но в свое время многие фольклористы

не заметили ограниченности и переходности данного явления в народном поэтическом творчестве, преувеличили эстетическую ценность ряда сказительских произведений. С этой стороны, наш прежний опыт требует критики, но в то же время нельзя не учитывать национального своеобразия отдельных поэтических культур. В некоторых областях Советского Союза сказители до сих пор являются «соединительным звеном» между традиционным фольклором и новой литературой.

На совещании много внимания было уделено определению предмета и метода фольклористики. В этом отношении совещание пока не дало ощутительных результатов. Народнопоэтическое творчество в советскую эпоху еще не вполне конкретно определилось как предмет научного изучения. Правильно определить содержание и судьбу советского фольклора можно только в том случае, если мы расширим само понятие фольклора до понятия художественной самодеятельности советского народа. Дело фольклористов своевременно зафиксировать и изучить все те процессы в поэтическом творчестве народа, которые происходят и будут происходить на наших глазах. Отсюда встает вопрос о координации работы между академическими учреждениями и культурно-просветительными и творческими организациями. Кроме того, необходимо расширить границы нашей науки, что можно сделать в содружестве с этнографией, изучающей быт и культуру советских народов.

На совещании намечались и другие конкретные задачи, стоящие перед советской фольклористикой: изучение классического наследия и в жанровом его составе и в связи с исторической периодизацией, создание коллективного труда по истории отечественной фольклористики, изучение взаимоотношений литературы и фольклора, систематическое издание памятников классической народной поэзии как русской, так и всех братских народов Советского Союза.

Участники совещания уточнили вопрос о важности историко-сравнительного метода в фольклористике, правильное использование которого дает возможность устанавливать общие процессы, не растворяя в этом общем всего индивидуального, национального.

Большую роль совещание сыграло в объединении кадров советских фольклористов, работающих во всех концах Советского Союза. В дальнейшем академические учреждения, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) и Институт мировой литературы, должны стать центрами советской фольклористики, поддерживающими и осуществляющими творческую связь между фольклористами.

Совещание по вопросам изучения народного поэтического творчества несомненно явилось плодотворным. На совещании был поставлен и обсужден ряд важных вопросов советской фольклористики, были определены ее ближайшие задачи, намечены некоторые пути их разрешения. Совещание прошло при большой активности его участников.

В течение четырех дней работы совещания невозможно было, конечно, охватить все нерешенные фольклористикой проблемы, да это и не было целью совещания. Невозможно было также все поставленные на рассмотрение вопросы осветить с одинаковой полнотой и глубиной. Но проблемы, выдвинутые в докладах как центральные — проблема советского народного поэтического творчества и проблема его истории и периодизации — были подробно обсуждены.

Как и можно было ожидать, особенно большое внимание было уделено первой из названных проблем. Совещание единодушно осудило наметившиеся в последнее время тенденции к отрицанию существования в условиях социалистической действительности народного поэтического творчества, получившие резкое выражение в статье Н. П. Леонтьева «Волхование и шаманство» («Новый мир», 1953, № 8). Выступавшие подчеркивали наличие и неослабевающую роль в нашу эпоху народного поэтического творчества, или фольклора, как особого проявления творческих сил народа, как творчества, имеющего свою специфику, отличную от специфики литературы, и поэтому с ней не сливающегося, хотя между этими двумя формами словесного искусства и происходит постоянное, все усиливающееся взаимодействие и взаимообогащение.

Выяснению этой специфики советского народного творчества и — шире — выяснению самого понятия «народное поэтическое творчество» и была посвящена наиболее значительная часть выступлений. По мнению многих выступавших, именно отсутствие четких представлений о природе советского народного творчества и привело к тем ошибкам, которыми отмечен ряд работ по фольклору.

В качестве основной, определяющей черты народного творчества большинство выступивших по вопросу о советском фольклоре, соглашаясь с В. И. Чичеровым, справедливо указывало коллективное начало, обуславливающее общенародность творчества. На раскрытие форм проявления коллективного начала в условиях социалистической действительности и были преимущественно направлены выступления.

Вместе с тем на совещании обнаружилась ошибочная тенденция к неправомерному расширению понятия советского народного творчества, к включению в это понятие всех произведений литературной самодеятельности, следовательно и произведений вполне индивидуальных (К. В. Чистов, В. Г. Базанов, А. К. Мореева, А. А. Жуков). Их выступления, однако, имели несомненное значение в том смысле, что они подчеркнули близкое соприкосновение друг с другом этих двух областей массового поэтического творчества — народной поэзии и литературной самодеятельности — и указали на невозможность изучения первой в отрыве от изучения второй, так как в недрах литературной самодеятельности часто и возникают произведения, которые входят затем в широкий поэтический обиход и становятся подлинно народными.

О важности внимания к индивидуальному самодеятельному творчеству, как к почве, на которой вырастает творчество коллективное, говорили и некоторые другие выступавшие (А. Ф. Кинько, В. С. Бобкова, П. Д. Галкин), приводившие конкретные примеры такого происхождения подлинно народных, творчески освоенных коллективом произведений. Положение о необходимости изучения явлений народного творчества в тесной связи с литературной самодеятельностью было принято всеми участниками совещания.

Кроме указанного выше расширенного понимания фольклора, спорной следует признать высказанную В. Я. Проппом мысль, что одним из определяющих моментов для выделения объекта фольклористических исследований является принадлежность авторов к людям физического труда. Такое, с одной стороны, тоже расширенное, а с другой, наоборот, суженное понимание фольклора стирает основной его признак — коллективность. В то же время нельзя не согласиться с утверждением В. Я. Проппа о необходимости записи и изучения всего художественно ценного, что создается в среде людей физического труда, хотя бы оно и не поступало в массовое

пользование: так близко соприкасаются в данной среде индивидуальное и коллективное.

Если в определении основного признака народного поэтического творчества вообще и советской народной поэзии в частности большинство участников (за исключением тех, кто выступил с указанной выше точкой зрения на народное творчество как массовое непрофессиональное словесное искусство) было единодушным, то в раскрытии понятия коллективности применительно к советскому народному творчеству обнаружилось расхождение.

В. И. Чичеров в своем докладе уже указал на некоторые формы проявления коллективного творчества в условиях советской действительности, подчеркнув многообразие этих форм. В. И. Чичеров говорил о коллективной шлифовке произведений в процессе исполнения, о различных случаях коллективной работы над созданием новых текстов и мелодий, о коллективной разработке художественного образа, об импровизациях, при которых используется поэтический опыт народа и таким образом органически сливается коллективное с индивидуальным.

Часть выступавших развивала эти положения. Указывали, например, конкретные проявления коллективного творчества при самом создании новых произведений. В особенности же останавливались на шлифовке коллективом при устном распространении произведений. Некоторые даже придавали этому моменту первенствующее значение, считая творческое освоение коллективом того или иного произведения определяющей чертой фольклора (В. Ю. Крупянская, Э. В. Померанцева, В. С. Бахтин, А. Н. Нечаев). Это побуждало некоторых из них чрезмерно подчеркивать устность как неперемное якобы условие для осуществления коллективности в творчестве, в то время как устность, безусловно сохраняющаяся и в современной народной поэзии и играющая в ней видную роль, все же не составляет уже обязательного признака современного народного творчества, подобно тому, как это было в дооктябрьском фольклоре.

В интересном, но спорном выступлении А. Н. Нечаева устность исполнения была выдвинута в качестве определяющей особенности традиционного и современного народного творчества в силу того, что наибольшая художественная полноценность — и в этом А. Н. Нечаев безусловно прав — проявляется именно в момент исполнения. Но из этой правильной посылки А. Н. Нечаев делает незаконмерные и ошибочные выводы: для него теряет всякое значение вопрос о происхождении того или иного произведения; важно лишь поступление данного произведения в массовый поэтический обиход, его судьба в бытовании. Таким образом, ошибочность высказанных А. Н. Нечаевым взглядов на коллективный характер современного народного творчества в том, что одна, безусловно важная его сторона — жизнь в исполнении — берется не как существенный или даже один из основных признаков фольклора, а как единственно определяющий его специфику.

Вместе с тем следует согласиться с А. Н. Нечаевым, что при раскрытии природы народного поэтического творчества необходимо учитывать эту специфическую черту как очень важное проявление коллективной природы фольклора.

Также имело положительное значение само возвращение в указанных выступлениях к вопросу об устности, о ее роли в осуществлении коллективности. Важно было подчеркнуть ошибочность представлений о том, что устность в распространении фольклора связана якобы только с былой неграмотностью трудовых масс. Но в выступлениях по вопросу об устности

при правильном выделении этой черты фольклора как существенной особенности его жизни было ошибочным стремление свести коллективный характер народного творчества только к устному его бытованию, т. е. ошибочной явилась, как и в упомянутом выступлении А. Н. Нечаева, известная односторонность в определении специфики фольклора.

Заслуживают внимания попытки раскрыть само понятие народности фольклора. Таково выступление Е. Б. Вирсаладзе, подчеркивавшей общенародность произведений фольклора, обусловленную, с одной стороны, широким распространением в народных массах, с другой, воплощением в этих произведениях художественного опыта поколений. Примерно в этом же русле шло выступление Б. Н. Путилова, говорившего, что понятие народности фольклора предполагает его непосредственное происхождение в народной среде, а также его интенсивную жизнь в коллективе, притом в специфических условиях устности, анонимности и изменчивости. Народное происхождение и бытование в народной среде и обуславливает выражение народной идеологии в своеобразной художественной форме.

Однако подчеркивание происхождения произведений в народных массах как обязательного условия того, чтобы они считались народными, приводит к выключению из этого понятия таких произведений, которые вносятся извне (часто писателями-профессионалами), но творчески освоены народом.

Хотя в освещении природы советского народного творчества и не было достигнуто полного единства мнений, но все же наметились некоторые общие линии. Это прежде всего утверждение о наличии в словесном искусстве нашего времени таких явлений, которые можно и следует определять термином «народное поэтическое творчество» или «фольклор» в отличие от других явлений, объединяемых понятием «литература». Большинство выступавших не сливало этих явлений народного творчества с литературной самодеятельностью, хотя и указывало на их постоянное взаимодействие и отсутствие резких между ними граней. Как основной признак народного творчества было выделено его коллективное начало, были отмечены и показаны на конкретных примерах различные формы и проявления коллективности, а также некоторые условия, непосредственно ее определяющие или помогающие ее выявлению.

В связи с проблемой коллективного и индивидуального в фольклоре встал вопрос о тех произведениях народных сказителей, которые, хотя и основаны на коллективном художественном опыте народа, не поступают, однако, в массовое народное пользование и живут только в книге и радиопередачах с именами их авторов, подобно литературным произведениям. Вопрос о том, относить ли эти произведения полностью к явлениям литературной самодеятельности, или считать их в какой-то мере принадлежащими к области народного творчества, остался недостаточно проясненным, именно в связи с тем, что и само понятие коллективного начала в народном творчестве в применении к современной действительности не было раскрыто до конца. Многие, впрочем, подчеркивая творческое освоение и шлифовку коллективом как обязательный признак народного творчества, вывели данные явления за его пределы.

Но совершенно единодушно было отношение присутствующих к искусственным стилизациям под фольклор, к фальсификациям фольклора. Осуждая их, совещание признало правильным и своевременным разоблачение их в статье Н. П. Леонтьева. Однако некоторыми было справедливо указано, что с фальсификаторами и стилизаторами народного творчества не-

допустимо смешивать, как то было сделано Н. П. Леонтьевым, честных творцов новых произведений — М. С. Крюкову, М. Р. Голубкову, М. М. Коргуева, И. Т. Фофанова и других мастеров народного поэтического творчества, пытавшихся создавать новые произведения на темы советской действительности, используя привычные им средства традиционного фольклора. Говорили, что к этому явлению сказительства надо подходить исторически, что создание сказки и эпоса с использованием традиционных эпических и сказочных художественных средств в 1930-е годы было явлением закономерным. Но, конечно, ошибкой было культивирование в свое время фольклористами и писателями произведений, архаизирующих современное творчество, а также замалчивание того, что эта линия создания новых произведений не имеет перспектив творческого развития.

Также в связи с проблемой коллективного и индивидуального в фольклоре не раз дебатировался неясный вопрос об устном рассказе как жанре современного народного творчества. Совершенно правильно указывалось некоторыми (например, П. Д. Уховым), что нельзя всякий устный рассказ относить к сфере художественного творчества и к фольклору. Многие рассказы представляют лишь исторические документы эпохи или продукт творчества индивидуального и имеют соответственный интерес и значение. Но каковы те признаки, по которым из массы записанных и записываемых устных рассказов можно выделить подлинно фольклорные, — этот вопрос так попрежнему и остался невыясненным.

Раскрытие природы советского народного творчества связывалось в докладах и выступлениях с вопросом о его взаимоотношении с литературой при социализме и его судьбой в коммунистическом обществе.

Признание коллективного начала как основной, определяющей черты народного поэтического творчества выделило его как особую форму словесного искусства, отличную от литературы и развивающуюся параллельно ей. Однако здесь речь шла отнюдь не о противопоставлении фольклора и литературы. Эти два проявления творческих сил советского народа едины в своих идейных устремлениях, они взаимно дополняют и обогащают друг друга. В этом вопросе расхождения не было, так же как и в признании огромного значения каждой из этих областей. Было признано, что процесс их взаимодействия и взаимообогащения получит в будущем еще большее усиление. Поскольку большинством мнений утверждалось наличие особой специфики народного творчества в его коллективности, тем самым признавалось, что нет никаких оснований предполагать в будущем полное поглощение фольклора литературой.

Большое внимание было уделено вопросу о художественных требованиях к произведениям народного творчества. Необходимость применения к ним эстетического критерия была признана всеми, и с этой точки зрения справедливо указывались допущенные в сборниках материалов и в исследованиях ошибки: публикации материалов, которые нельзя отнести к области художественного творчества. Однако выдвинутое В. И. Чичеровым безоговорочное положение о народном творчестве как понятии оценочном вызвало возражения. Указывалось на опасность субъективных оценок и эстетского отрицания фольклора при применении к произведениям народного поэтического творчества эстетических норм нашего времени вне исторической перспективы, без учета общественного звучания этих произведений и эстетического восприятия их самой народной средой (В. Я. Пропп, В. Ю. Крупянская). Правильно также говорилось о том, что нельзя смешивать понятие «народности» в применении к явлениям

литературы, где это понятие заключает в себе наивысшую оценку, с понятием «народности» в применении к фольклору, где оно указывает на принадлежность широкому народным массам.

Вопрос об идейно-художественном критерии примкнул, таким образом, к общей проблеме изучения эстетики создателей и исполнителей произведений народного творчества, выдвинутой на совещании. О необходимости разработки этой совсем неизученной области фольклора, о важности раскрытия специфики художественного мастерства народной поэзии говорили многие. В изучении художественного мастерства в фольклоре были выделены специальные задачи — раскрытие способов типизации действительности в соответствии с жанровой спецификой (в докладе А. М. Астаховой), изучение особенностей художественного языка фольклора (Р. Р. Гельгардт), художественных средств народной сатиры (Ф. И. Лавров), становления и развития в фольклоре образа положительного героя (Б. Н. Путилов). С изучением художественного мастерства связывалась проблема обращения к народной поэзии представителей классической русской и советской литератур (И. М. Колесницкая), при этом отмечалось значение наследия революционно-демократической эстетики для решения вопросов мастерства в фольклоре.

О необходимости изучения фольклористического наследия революционных демократов для решения и других важнейших теоретических вопросов тоже говорили выступавшие, подтверждавшие свои положения на материале конкретных исследований (Б. Ф. Егоров, К. А. Сихарулидзе, В. Е. Гусев).

Ценными были постановка вопроса об изучении фольклора славянских народов и показ того значения, какое имеет это изучение для разрешения проблем художественной специфики и истории русского фольклора (П. Г. Богатырев).

Во многих выступлениях, так же как в докладах, подчеркивалась необходимость преодоления теоретического отставания фольклористики, поднятия ее на более высокий теоретический уровень на основе глубокого применения марксистско-ленинской методологии.

Содержательными были выступления и по докладам, посвященным периодизации народного поэтического творчества. Основные принципы предложенной периодизации не встретили возражений и были одобрены. Вместе с тем были указаны некоторые пробелы и недостатки и сделан ряд ценных предложений относительно того, как улучшить периодизацию, используя в целях ее уточнения специфические особенности фольклора (Т. М. Акимова, И. П. Цапенко, А. М. Новикова, Г. С. Сухобрус, Э. С. Литвин и др.). В содокладе А. Д. Соймонова был дан проект периодизации советского народного творчества, представивший известный шаг вперед по сравнению с периодизацией, принятой в «Очерках народнопоэтического творчества советской эпохи», и с другими предшествующими опытами периодизации. Основным в этом проекте явилось стремление дать периодизацию в соответствии с фактическим развитием самой народной поэзии как формы общественного сознания, принимая во внимание специфику художественного творчества и то обстоятельство, что художественные произведения не всегда возникают по следам исторических событий и являются непосредственным откликом на них.

В выступлениях был подвергнут критике построенный по историческому принципу первый том коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество», вскрыты его некоторые недостатки и пробелы при признании общей ценности проделанной работы над построением истории фольклора

X—начала XVIII веков. Правильно были указаны такие, например, недостатки, как отсутствие (для ранних эпох) разработки вопроса о других жанрах фольклора, помимо исторических, как отдельные случаи модернизации народного сознания, некоторые элементы социологизации. Было отмечено также известное пренебрежение вопросами художественной специфики народного творчества. К сожалению, недостаток времени, а также то обстоятельство, что первый том, вышедший ко времени совещания из печати, не мог быть еще основательно проанализирован многими участниками совещания, не позволили развернуть более широко критику этого тома.

В выступлениях было сообщено об опытах работы по истории и периодизации фольклора некоторых братских народов Советского Союза. Эти сообщения показали, что в разных концах нашей страны фольклористическая мысль идет в основном одними и теми же путями. Коллективность и единство в разработке проблемы истории фольклора внушают уверенность в конечном плодотворном ее разрешении. В речи Я. Витолия, посвященной вопросам периодизации латышского фольклора, было выдвинуто интересное положение о необходимости учета при периодизации песен их музыкальных особенностей.

Некоторые из выступавших поделились своими соображениями относительно разработки отдельных частных вопросов истории народного поэтического творчества: Е. А. Тудоровская — о принципах и путях периодизации волшебной сказки, Л. С. Шептаев — о систематизации и периодизации песен о Степане Разине, П. Г. Ширяева — об изучении устного творчества пролетариата и крестьянской народной поэзии на третьем этапе освободительного движения в их тесном взаимодействии и идейно-художественном взаимообогащении, Г. С. Сухобрус — об изучении общих черт в развитии героико-патриотической поэзии русского и украинского народов.

Горячее обсуждение вызвал вопрос о практическом применении периодизации в вузовском преподавании курса народного творчества. Большие трудности, которые приходится преодолевать преподавателям, переходящим от прежнего рассмотрения фольклора по жанрам к рассмотрению его по историческим периодам, в связи с самой спецификой фольклора при неразработанности вопросов истории фольклора, отсутствия надлежащих пособий и т. п., побуждают, как известно, некоторых преподавателей скептически отнестись к целесообразности перестройки курса по этапам развития фольклора. Эта тенденция прозвучала в выступлениях некоторых товарищей и на совещании — В. А. Тонкова, Э. В. Померанцевой. Э. В. Померанцева предложила процесс исторического развития фольклора изложить в кратком обзорном очерке, предпослав его детальному рассмотрению фольклора, последнее же проводить по жанрам, но с обязательным применением исторического принципа при рассмотрении каждого из них.

В противовес таким скептическим высказываниям другие выступавшие говорили о предпочтительности построения курса по историческим этапам, несмотря на то, что преподавание по периодам представляет значительные трудности (В. М. Сидельников, обосновавший необходимость такого построения, Э. С. Литвин и др.).

Ввиду того, что вопросы преподавания фольклора не могли занять должного места на совещании, присутствующие выразили единодушное желание об организации специального совещания по данному вопросу.

Совещание носило характер свободной развернутой дискуссии. На нем был выдвинут и в той или иной мере освещен ряд важнейших задач и во-

просов фольклористики. Не по всем вопросам достигнута полная договоренность, но все же наметились некоторые общие решения. Было высказано много серьезных и интересных мыслей по поднятым вопросам, дан богатый материал для раздумья, дан толчок для последующей работы.

Это значение состоявшегося совещания было подчеркнуто многими из собравшихся и нашло отражение в принятой резолюции.

Участниками совещания был внесен ряд конкретных предложений организационного характера, направленных на поддержание постоянной связи между фольклористами союзных и автономных республик и областей и координации их работы.

А. М. Астахова.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СЕКТОР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР В 1954—1955 ГОДЫ

Сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) в 1954—1955 годах сосредоточил свое внимание на разработке двух основных проблем, связанных, во-первых, с созданием «Свода русского фольклора» и, во-вторых, с изучением взаимоотношения русской советской литературы и народнопоэтического творчества.

«Свод русского фольклора» — стержневая тема Сектора по крайней мере на две ближайшие пятилетки (1956—1965 годы). «Свод» явится многотомным изданием, в котором должны быть: а) сведены воедино по отдельным жанрам фольклорные материалы, рассыпанные по многочисленным периодическим изданиям и рукописным хранилищам и вследствие этого слабо входящие в научный оборот, и б) переизданы на новых методологических основах классические сборники русского фольклора, ставшие в настоящее время библиографической редкостью. Потребность в «Своде русского фольклора» давно ощущалась нашей наукой и общественностью, и не случайно вопрос о нем ставили еще М. Горький и А. Н. Толстой. Однако их идея, к сожалению, до сих пор осталась не осуществленной. Между тем отсутствие свода материала русского фольклора, выполненного на строго научной основе, отрицательно сказывается как на дальнейшем развитии русской фольклористики, так и в практике научно-педагогической работы.

Разработан проект шести серий сборников (былины, исторические песни, сказки, лирические песни, причитания и рабочий фольклор).

В результате работы над проблемой взаимоотношения русской советской литературы и народнопоэтического творчества подготовлен к печати сборник статей «Фольклор в русской советской литературе».

Выясняя идейно-художественные задачи обращения того или иного писателя к народной поэзии в связи с общей направленностью его творчества, авторы статей стремились показать роль народной поэзии в создании художественных образов, в обрисовке типичных явлений изображаемой действительности, в выработке особенностей языка и стиля писателя.

Помимо подготовки «Свода русского фольклора» и исследования проблемы взаимоотношения фольклора и русской советской литературы, Сектор проводил работу над вторым томом (кн. 1 и 2) очерков «Русское народное поэтическое творчество» и над первым выпуском сборника «Русский фольклор. Материалы и исследования».

Подготовлены также следующие пять фольклорных сборников:

1. «Песни крестьянских войн и восстаний». В сборник входит 90 песен с напевами. В нем впервые дается свод музыкальных записей песен об

антикрепостнических освободительных движениях и войнах в России XVI—начала XIX века: песен о «вольных людях», о дружинах Ермака, о Степане Разине и Пугачеве, антикрепостнических безыменных песен, песен против аракеевщины. Сборник составлен по неопубликованным материалам фонограмм-архива Института русской литературы Академии Наук СССР и по печатным источникам от конца XVIII века до наших дней, зачастую малодоступным и библиографически редким.

2. «Пословицы и поговорки русского народа». Сборник имеет целью помочь широким читательским массам ознакомиться с лучшими образцами русского народного пословично-поговорочного творчества, быть пособием для политико-массовой и культурной работы советских пропагандистов и агитаторов и служить материалом для научно-исследовательской работы.

В сборник включены избранные пословицы и поговорки (3000 номеров), извлеченные как из печатных, так и рукописных источников и систематизированные по историко-тематическому признаку. Сборник имеет два раздела: в первый входят пословицы и поговорки записи конца XVII—начала XX века, во второй — пословицы и поговорки, созданные в условиях советской исторической действительности.

Сборник открывается вступительной статьей, снабжен библиографическим указателем основной литературы по пословицам и поговоркам и комментарием, в котором освещается происхождение некоторых пословиц и поговорок и разъясняется значение устаревших и непонятных слов.

3. «Песни Поволжья. Выпуск 1. Песни Куйбышевской области». В сборник входит часть песенных текстов, собранных экспедициями Сектора в Куйбышевскую область в течение 1948, 1953 и 1954 годов. Все песни даются с соответствующим нотным материалом. Сборник делится на две части: в первую входят песни, созданные в наше время, во вторую — традиционные крестьянские песни. Во вступительной статье к сборнику дается характеристика песен Куйбышевской области и приводятся сведения о их живом бытовании среди населения.

4. «Русские лирические частушки». Сборник содержит свыше 60 номеров музыкальных записей частушек, отобранных из материалов фонограмм-архива Сектора. Тексты с напевами располагаются по областям — Московской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Куйбышевской и др., внутри областей — по темам.

5. «Волжские частушки». В сборник вошли 522 лучшие частушки из 1500, записанных фольклорной экспедицией Сектора народного творчества в Куйбышевской области (1953—1954 годы). Сборник опубликован в 1955 году Куйбышевским книжным издательством.

На рабочих заседаниях Сектора обсуждались вопросы, связанные с подготовкой проспекта «Свода русского фольклора» и приложений к нему, и ряд статей по народной сатире: Н. П. Колпаковой — «Сатира в русской народной частушке», П. Г. Ширяевой — «Сатирическая песенная поэзия русских рабочих дооктябрьской эпохи», А. Н. Лозановой — «Сатира в народной драме (по записи XIX века)», Н. В. Новикова — «Сатира в русской волшебной сказке записи XIX—начала XX века», А. М. Астаховой — «Сатира и юмор в русском былинном эпосе» и Г. Г. Шаповаловой — «Сатира в русских народных пословицах и поговорках».

В 1954—1955 годах Сектор организовал две экспедиции по записи произведений народного песенного творчества: в 1954 году — в Поволжье (Куйбышевскую область) и в 1955 году — в район среднего течения реки Печоры (Усть-Цилемский район Коми АССР).

Экспедиция в Куйбышевскую область продолжала собирательскую работу, начатую Сектором в 1953 году. Целью экспедиции являлось собирание и изучение произведений русского народного устнопоэтического и музыкального творчества Куйбышевской области в их современном бытовании. В состав экспедиции входили сотрудники Сектора: Ф. В. Соколов, Н. П. Колпакова и Б. М. Добровольский. За время с 1 июля по 24 августа экспедиция произвела 1352 текстовых, 169 магнитофонных и 45 нотных записей в 14 населенных пунктах Кинель-Черкасского, Елховского, Богатовского и Новодевиченского районов Куйбышевской области и в самом г. Куйбышеве.

Богатый песенный материал выявлен в селениях Кураповка (колхоз им. Чапаева, Богатовский район) и Марьевка (Кинель-Черкасский район), где имеются хоры и прекрасные знатоки и исполнительницы старинных русских народных песен (А. С. Субочева, Е. М. Шуваева, А. С. Давыдова, А. С. Ельчанина, М. С. Шадамкина, А. К. Перелыгина, М. С. Гроздылева, А. А. Кузнецова, П. А. Знаменщикова и др.). В г. Куйбышеве от талантливой певицы Е. К. Медянцева записано 24 русских старинных песни и несколько современных, созданных ею самой.

Экспедиция в район среднего течения реки Печоры была проведена с 3 июня по 21 августа 1955 года. В ней приняли участие: сотрудники Сектора — Ф. В. Соколов, Н. П. Колпакова, В. В. Коргузалов, аспирантка Института русской литературы З. И. Власова и прикомандированный от Академии художеств студент 5-го курса Л. В. Коргузалов.

Собирательской работой было охвачено 24 населенных пункта, расположенных по реке Печоре и ее притокам Цильме и Пижме. В результате 37-дневной полевой работы экспедиция произвела 358 магнитофонных и свыше 1600 текстовых записей. Среди записанных материалов 27 былин, свыше 500 песен, около 1000 частушек. Большой и интересный в научном отношении фольклорный материал, собранный экспедицией, дает возможность установить не только общую картину современного бытования народного песенного творчества в одном из районов русского Севера, но и проследить за теми изменениями, которые произошли в бытовании фольклора этих мест за последние 25 лет. Такая задача вполне осуществима, так как в фонограмм-архиве и в архиве Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР хранятся фонографические и текстовые записи, сделанные в 1929 году в окрестностях Усть-Цильмы группой ленинградских фольклористов.

Летом того же 1955 года Сектор командировал Б. М. Добровольского в г. Горький для участия в фольклорной экспедиции студентов Горьковского Государственного университета. Б. М. Добровольский возглавил группу студентов-фольклористов, работающую в Семеновском районе Горьковской области. За сравнительно короткий срок (со 2 по 15 июля) эта группа произвела около 80 музыкальных записей песен на магнитофон, среди них записи эпической песни «Илья Муромец на Соколе-корабле» (41 стих), нескольких исторических песен («Не пыль во поле пылит», «Платов», «Поле чистое турецкое») и песни на слова стихотворения М. Горького «Легенда о Марко».

На открытых заседаниях Сектора были прочитаны следующие доклады: 1) Б. Л. Рифтина (Ленинград) — «Новые материалы по дунганской народной песне дооктябрьского периода», 2) Б. Б. Вахтина (Ленинград) — «Эпические сказания национальных меньшинств южного Китая», 3) А. В. Позднеева (Москва) — «Устная лирическая песня первой поло-

вины XVIII века (по рукописным сборникам)», 4) В. М. Жирмунского (Ленинград) — «Немецкие демократические песни (сборник академика Вольфганга Штейнитца» (*Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten*, Bd. 1. Berlin. Akademie — Verlag, 1954), 5) К. В. Чистова (Петрозаводск) — «Заметки о сборнике Ончукова „Северные сказки“» и 6) В. И. Чичерова (Москва) — Сообщение о поездке в январе — феврале 1955 года в Чехословацкую народную республику.

Н. В. Новиков.

В октябре 1954 года состоялось коллективное обсуждение хрестоматии «Устное поэтическое творчество русского народа», составленной В. М. Сидельниковым и С. И. Василенком (М., 1954). В обсуждении приняли участие научные сотрудники Института, преподаватели вузов Ленинграда и других городов и представители ленинградской общественности.

В связи с анализом хрестоматии были поставлены принципиальные вопросы о типе и характере учебно-педагогического издания по русскому народному поэтическому творчеству.

Открывая заседание, председательствующий М. О. Скрипиль подчеркнул, что одной из важнейших задач в деле воспитания специалистов является создание полноценных учебно-педагогических пособий, построенных на прочной основе марксистско-ленинской методологии. Каждое учебное пособие, заявил он, должно удовлетворять прежде всего трем основным требованиям: во-первых, быть строгим и четким по отбору материала, во-вторых, иметь глубоко продуманную систему подачи материала и, в-третьих, отличаться безупречным научным аппаратом.

Исторический подход к материалу является важнейшим требованием в любой науке. Поэтому естественно, что почти все участники совещания обратили внимание более всего на то, как этот исторический принцип применяется составителями хрестоматии.

На проблеме периодизации как основе исторического принципа исследования остановились В. Я. Пропп, А. М. Астахова, Б. Н. Путилов и другие участники совещания. В. Я. Пропп указал на две возможные линии в разрешении этой проблемы: 1) периодизация безотносительно к материалу народного творчества и 2) выделение периодов, ясно и четко отраженных в самой народной поэзии. Однако, сказал он, авторы хрестоматии не провели последовательно ни одной из указанных линий исторической периодизации. Игнорируя специфику фольклора и упрощая процесс его возникновения и бытования, они допустили серьезную методологическую ошибку в прикреплении тех или иных жанров народного творчества к определенной эпохе, не считаясь с интенсивной жизнью этих жанров в другие исторические периоды. А. М. Астахова отметила дробность и произвольный характер периодизации в хрестоматии и то, что исторический принцип совершенно отсутствует в разделе советского фольклора. За основу распределения материала, сказал Б. Н. Путилов, составители хрестоматии берут различные признаки: в одном случае — время возникновения жанра, в другом — время рождения данного сюжета, в третьем — наиболее характерные черты идеологии, в четвертом — время записи текста, в пятом — время наибольшего развития жанра. Эти признаки настолько различны, что исторический принцип лишается своего смысла. На несправедливое противопоставление исторического принципа организации материала по жанрам указали составителям П. К. Амиров и В. Ю. Крупянская. Они подчеркнули, что жанр не только форма и нет основания избегать жанрового распреде-

ления материала в тех случаях, когда это представляет определенные удобства. Все выступавшие отметили большие трудности в создании подлинно научной периодизации, подчеркивая, что эта задача не может быть выполнена одним-двумя авторами — для ее осуществления нужны коллективные усилия всех наших фольклористов.

В ходе обсуждения остро встал вопрос об отборе и подаче материала в хрестоматии. А. М. Астахова, Э. С. Литвин, В. Ю. Крупянская, П. Г. Ширяева и другие говорили о том, что отбор фольклорных текстов в обсуждаемой хрестоматии недостаточно строг и нередко произволен: слабо представлена свадебная поэзия, скудны разделы исторической песни и сказки; почти нет произведений, отражающих антирелигиозные, антиклерикальные воззрения русского народа; плохо представлен советский фольклор, недостаточно разработан раздел рабочего фольклора.

Серьезные возражения вызвала система подачи теоретического материала в хрестоматии. В расположении теоретического материала у составителей повторилась та же ошибка, что и в отношении фольклорных текстов. Они искусственно разрывают то, что в действительности органически связано. Белинский и Чернышевский относятся к различным этапам революционно-освободительного движения, но это не дает оснований относить их к различным общественно-экономическим формациям, между тем составители относят Белинского к эпохе разложения феодализма, а Чернышевского — к эпохе капитализма. На это обстоятельство указывали И. М. Колесницкая, В. Я. Пропп и др.

Много критических замечаний вызвал научный аппарат хрестоматии, особенно ее вступительная статья, которая к тому же написана в дискуссионном порядке, что, как сказала Э. С. Литвин, недопустимо в учебно-педагогическом издании. Во вступительной статье не разъяснен принцип отбора и расположения материала в хрестоматии, обойдены и многие принципиальные вопросы теоретического порядка (например, вопрос развития и движения фольклора). Нарекания вызвала, в частности, библиография, составленная небрежно, с пропусками важнейших изданий по русскому фольклору и не носящая рекомендательный характер.

Большинство участников совещания пришло к выводу, что новая хрестоматия, несмотря на отдельные положительные моменты, далеко не представляет образцового учебно-педагогического издания. Она не только не восполняет пробелов, имевшихся в предшествующих хрестоматиях, но в целом ряде случаев отступает от их достижений. Собрание подчеркнуло необходимость дальнейшей работы над хрестоматией с тем, чтобы осуществить ее второе издание, и выразило пожелание устраивать творческие обсуждения вопросов преподавания фольклора в высших учебных заведениях страны и в будущем.

С. И. Василенок и В. М. Сидельников, выступившие в заключение заседания, признали справедливость большей части критических замечаний и выразили готовность учесть их в своей дальнейшей работе над хрестоматией.

19 октября 1954 года было проведено обсуждение рукописи сборника «Избранные пословицы, поговорки и присловия русского народа» и рецензий Гослитиздата на этот сборник.

Совещание имело целью обсудить вопрос о характере и типе научно-популярного сборника пословиц.

Выступления главным образом сосредоточились на обсуждении следующих основных проблем: отбор, организация и расположение материала,

специфика пословиц как фольклорного жанра, связь пословиц с литературными источниками.

Обсуждаемый сборник представлял собой попытку организации материала при сочетании тематического и исторического принципов. Значительная часть недостатков этого сборника была обусловлена зачастую неудачным осуществлением этих принципов.

На большие трудности в осуществлении исторического принципа указал В. Я. Пропп. Он подчеркнул обусловленность характера применения этого принципа самим типом составляемого сборника. В научно-популярном сборнике, призванном дать лишь избранные, созвучные нашей эпохе пословицы, проведение исторического принципа должно быть иным, нежели в научном академическом издании. Если в последнем исследователь обязан давать пословицу в исторически различных вариантах, отражающих ее жизнь и развитие, то в научно-популярном сборнике такая обстоятельность может оказаться излишним балластом. Трудности увеличиваются и тем, что осуществление исторического принципа влечет за собой необходимость определения времени возникновения пословицы, что не всегда возможно и в известном смысле дезорганизует структуру научно-популярного сборника.

А. М. Астахова отметила, что применение исторического принципа в данном сборнике не достигает цели, не дает представления об историческом развитии пословиц, и предложила расположить материал по двум большим разделам: пословицы дооктябрьского периода и пословицы советского периода. А. М. Астахова не согласилась с рецензентами, которые, отвергая тематический принцип, предлагают заменить его предметно-алфавитным. В большинстве случаев, сказала она, пословицы могут быть расположены по тематическим рубрикам, но необходимо более серьезно продумать эти рубрики. Об этом же на совещании говорили А. Н. Лозанова, Н. В. Новиков и др.

Большое место в обсуждении занял вопрос о принципах отбора пословиц. Отмечалось, что в сборник попали малоценные в художественном отношении пословицы. Это объясняется стремлением составителей дать и варианты, показывающие историческую жизнь пословицы, но являющиеся сами по себе во многих случаях малохудожественными. Здесь опять-таки сказалась нечеткость в определении самого типа сборника. Публикация вариантов, естественная в академическом издании, неприемлема для научно-популярного сборника, так как, не давая в полном объеме представления об историческом развитии пословицы, она ограничивает возможность привлечения максимального количества действительно художественного материала, т. е. не удовлетворяет основным требованиям научно-популярного издания.

Выступавшие указывали на необходимость строгого эстетического критерия в отборе материала. Избитые и вышедшие из употребления пословицы не должны иметь места в сборнике избранных пословиц.

Оживленное обсуждение вызвал вопрос о пословицах и поговорках литературного происхождения. Рецензенты издательства признали включение в сборник такого рода материалов неправомерным. Особенно они возражали против афористичных газетных заголовков, а также крылатых слов, введенных в употребление поэтами. Подавляющее большинство участников совещания отвергло эту точку зрения, считая, что влияние литературной речи на создание пословиц, особенно в наше время, является объективным процессом.

О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов.

В ноябре 1954 года был заслушан доклад Б. Б. Вахтина «Изучение фольклора в Китайской Народной Республике». Б. Б. Вахтин познакомил собравшихся с основными этапами развития современной китайской фольклористики и подчеркнул, что изучение народного творчества в новом Китае преследует цель активно, действенно помогать великой культурной революции, совершающейся в этой дружественной нам стране.

После доклада собравшиеся прослушали несколько китайских народных песен, записанных на магнитофон.

Совещание приняло специальное обращение к фольклористам Китайской Народной Республики, выразив в нем стремление установить творческие связи между советскими и китайскими исследователями фольклора.

Живейший интерес советской фольклористической общественности вызвало заседание Сектора, состоявшееся 1—2 февраля 1955 года. Заседание обсудило учебное пособие для вузов «Русское народное поэтическое творчество» под общей редакцией проф. П. Г. Богатырева (М., 1954) и заслушало доклад П. Г. Богатырева «Современная фольклористика славянских стран».

В работе заседания участвовали фольклористы Москвы, Ленинграда, Харькова, Воронежа, Саратова, Таллина, Риги, Петрозаводска и других городов Советского Союза, а также ряд товарищей из авторского коллектива учебника (П. Г. Богатырев, Э. В. Померанцева, И. М. Колесницкая, П. Д. Ухов, В. К. Соколова, А. М. Новикова, В. Ю. Крупянская, С. И. Минц).

По единодушному заключению выступавших, книга «Русское народное поэтическое творчество» несомненно относится к достижениям советской фольклористики. В ней не только подводятся итоги, но и заново творчески разрабатываются многие вопросы нашей науки.

Одним из значительных достоинств книги, о которых говорили М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, Б. Н. Путилов и другие, является то, что в каждой главе авторы стремятся рассматривать явления фольклора в их историческом развитии по этапам или периодам. Именно так построены главы, посвященные характеристике различных жанров народного творчества.

На методических достоинствах книги останавливались в своих выступлениях Э. С. Литвин и А. М. Акимова. Авторам «Русского народного поэтического творчества», отметили они, успешно удалось создать то, к чему они стремились, — учебное пособие, в котором очень четко продумано построение, распределение материала по главам и внешнее оформление. По содержанию и изложению книга доходчива до читателя, ее язык прост и ясен, формулировки сравнительно легко запоминаются.

Отмечая эти и некоторые другие положительные моменты книги, участники заседания вместе с тем высказали много ценных критических замечаний и пожеланий. В выступлениях А. М. Астаховой, Д. М. Молдавского, В. А. Тонкова, И. М. Колесницкой было указано на отсутствие в книге очерка о советской фольклористике. В. А. Тонков говорил о неоправданном пропуске главы «Детский фольклор» (Колыбельные и детские песни), которая была бы весьма полезной, особенно для студентов педагогических вузов. Д. М. Молдавский обратил внимание на полнейшее замалчивание в учебнике легенд и духовных стихов. Задача советских фольклористов не замалчивать эти жанры, а научно их объяснить.

Других выступавших — Э. С. Литвин, И. М. Колесницкую, С. Г. Лазутина — не вполне удовлетворил раздел советского фольклора, где недоста-

точно анализируются сами произведения, не в полной мере раскрывается специфика отдельных жанров, слабо освещаются их художественные качества.

На недостатках «Введения» останавливались Н. И. Кравцов, Б. Ф. Егоров, А. М. Астахова и др. Во «Введении», сказал Н. И. Кравцов, не затрагивается вопрос о специфике русской народной поэзии как особой системы отражения действительности; несколько упрощенно трактуются взаимоотношения литературы и фольклора. На недостаточную терминологическую ясность во «Введении» указал Б. Ф. Егоров. «Реализм», «типичность», «народность» и другие понятия определены слабо и подчас сбивчиво. Глава «Роль индивидуальности творцов и исполнителей фольклора» написана бегло и внеисторично. По мнению А. М. Астаховой, во «Введении» обязательно необходимо наметить основные линии исторического развития фольклора.

Выступавшие указали и на другие существенные недостатки книги «Русское народное поэтическое творчество», как то: отсутствие рекомендательной библиографии, нарушение в отдельных местах последовательности в порядке освещения вопросов (например, в историографической части критика мифологической теории Добролюбовым и Чернышевским дается до объяснения этой теории); недостаточное внимание авторов к художественной форме, поэтике и языку фольклорных произведений, дублирование некоторых моментов (например, о собирании и изучении жанров народного творчества говорится и в историографической части книги и во втором ее разделе, где рассматриваются сами жанры), декларативность отдельных положений.

Как при обсуждении хрестоматии «Устное поэтическое творчество русского народа», так и при обсуждении учебного пособия «Русское народное поэтическое творчество» было выдвинуто много общих проблем и вопросов (о природе советского фольклора, о взаимоотношении литературы и фольклора, о принципах исторического изучения народного творчества и др.), еще не решенных советской наукой. Неразрешенность ряда проблем и вопросов советской фольклористики, как отмечалось на совещании, естественно сказалась весьма отрицательно на учебном пособии. Совещание вынесло специальную резолюцию, в которой положительно оценило новое учебное пособие и указало на необходимость его переиздания с учетом высказанных критических замечаний и пожеланий.

В докладе «Современная фольклористика славянских стран народной демократии» П. Г. Богатырев сделал развернутый научный обзор собирательской и исследовательской деятельности фольклористов Чехословакии, Польши и Болгарии.

Н. В. Новиков.

СЕКТОР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА НАРОДОВ СССР
ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. ГОРЬКОГО АН СССР

Сектор народного творчества народов СССР был создан в Институте мировой литературы им. Горького АН СССР (ИМЛИ) в 1953 году.

В 1954 году в план координационных работ, проводимых Академией Наук СССР и академиями наук союзных республик, была включена тема «Эпос народов СССР», руководство которой по Академии Наук СССР было возложено на сектор народного творчества Института мировой литературы. С целью объединить научные силы республик и выяснить, что сделано в области собирания и изучения эпоса в СССР, а вместе с тем опре-

делить направление дальнейшей работы Институт мировой литературы совместно с Институтом востоковедения АН СССР в июне 1954 года в Москве организовал Всесоюзное Совецание по вопросам работы над эпосом народов СССР. Совецание открылось вступительным словом члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса; были заслушаны и обсуждены доклады В. И. Чичерова — «Вопросы изучения эпоса народов СССР» (опубликован в журнале «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1955, № 1) и А. К. Боровкова — «К вопросу о народности эпоса (на материале эпоса народов Средней Азии)». Помимо названных докладов, на совещании были сделаны сообщения, содержащие характеристику национального эпоса народов СССР и осветившие состояние работы над ним в республиках.

Совещание внесло много ценного для установления верного взгляда на эпос в целом и на отдельные эпические произведения, а также наметило дальнейшие пути их собирания и изучения. Было принято решение об организации в 1955 и 1956 годах региональных совещаний с приглашением ученых из разных республик СССР (по эпосу восточных славян, по нарскому эпосу, по эпосу об Аламыше, по «малому эпосу» киргизов). Материалы, доложенные на совещании, было решено обработать в статьи и издать отдельным томом «Трудов совещания по эпосу народов СССР».¹

Работа по проблемам эпоса после совещания 1954 года шла в республиках в соответствии с принятыми делегатами совещания решениями. В соответствии с этими же решениями в июне 1955 года было проведено в Киеве Совещание по эпосу восточнославянских народов. Совещание организовано Институтом мировой литературы Академии Наук СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. На совещании были прочитаны доклады академика В. В. Виноградова — «Задачи изучения эпоса славянских народов», профессора В. И. Чичерова — «Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен», действительного члена АН УССР М. Ф. Рыльского — «Итоги работ и задачи изучения украинских дум и исторических песен», кандидата филологических наук Ф. И. Лаврова — «Творцы и исполнители дум и исторических песен» и сообщение К. П. Кабашникова — «Традиции восточнославянского эпоса в белорусском фольклоре». Совещание имело целью обобщить выполненную учеными работу, охарактеризовать споры, возникающие в результате изучения героического и исторического эпоса восточных славян, обсудить вопросы специфики исследуемых жанров и их истории.

Особое место на совещании занял вопрос об историко-сравнительном изучении эпоса славянских народов и народов СССР (доклад профессора Н. И. Кравцова). В связи с докладом выступили представители ряда национальных республик — Грузии, Карелии, Эстонии, Мордовии, Молдавии, а также специалисты по эпосу зарубежных славян. Выступления раскрыли органические связи эпического творчества славян и народов СССР.

Особенно острой была дискуссия по вопросу о возможностях возрождения в современности жанров былин и дум и о путях развития эпических жанров. Участники совещания ознакомились с исполнением дум и исторических песен кобзарями и с записями на магнитофон былин в исполнении советских артистов.

¹ «Труды» были подготовлены институтом и сданы в Издательство Академии Наук СССР в 1955 году. Отчет о совещании по эпосу народов СССР см. в журналах «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка» (1954, № 5) и «Советская этнография» (1955, № 1).

В соответствии с решениями совещания выступления участников его были обработаны в статьи и объединены в «Трудах совещания по эпосу восточных славян».²

В настоящее время идет подготовка к следующим республиканским и общесоюзному совещанию по эпосу народов СССР. Предполагается провести совещание в Москве по проблемам текстологии и издания эпоса, на Северном Кавказе по нартскому эпосу осетин, кабардинцев, абхазцев и народов Дагестана, в Средней Азии по эпосу об Алпамыше и другим эпическим сказаниям.

В секторе народного творчества народов СССР Института мировой литературы им. М. Горького над русскими былинами и историческими песнями продолжают работать В. И. Чичеров (в связи с работой над монографией «Русское народное творчество в период формирования нации») и Н. Н. Велецкая («Изучение и переводы русских былин в Чехословакии»). И. С. Брагинский пишет исследование об эпических сказаниях и песнях таджиков. И. В. Пухов работает над монографией «Героический эпос якутов — олонхо». Героические и исторические песни народов Дагестана затрагиваются в работах, выполняемых У. Б. Долгат («Сатира и юмор в народном творчестве Дагестана», «Художественные особенности дагестанской народной песни»).

Параллельно с работой по героическому и историческому эпосу сотрудники Сектора изучают произведения других жанров народного творчества. Так, А. Н. Нечаев работает над монографией о художественных особенностях русских народных сказок; В. М. Сидельников разрабатывает проблему стиля народной песенной лирики; Б. П. Кирдан готовит исследование на тему «Пословицы и поговорки восточных славян».

Подготовлен и утвержден к изданию сборник «Вопросы народного поэтического творчества». В сборнике объединены статьи, рассматривающие вопросы отражения действительности в народном творчестве, общественно-воспитательной роли фольклора в прошлом и настоящем. Одной из особенностей сборника является изучение проблем путем параллельного рассмотрения русского фольклора и фольклора народов СССР.

Научная проблематика, разрабатываемая Сектором, отражена также в докладах, прочитанных на его заседаниях. В 1954 и 1955 годах, помимо работ, вошедших в подготовленные Сектором издания, были заслушаны и обсуждены доклады по вопросам русского и национального фольклора: А. Н. Нечаева «Пути развития советского сказковедения», А. В. Позднеева «Русские песни начала XVIII века», Л. Элиасова «Советская народная поэзия «Забайкалья», И. В. Пухова «Идеи и образы олонхо Говорова „Млдью Сильный“», К. Давлетова «Специфика художественного образа в народном героическом эпосе», Л. Сауки «Сатира и юмор в литовской песенной лирике», В. Д. Кузьминой «Русская народная драма XVIII века», Б. Л. Рифтина «О современной китайской фольклористике», И. М. Шептунова «Современное состояние науки о народном творчестве в Болгарии», В. И. Чичерова «Работы в области фольклора в Чехословакии» (отчетный доклад о поездке в Чехословакию в 1955 году), Н. Н. Велецкой «Собирание и исследование фольклора в Чехословакии в 1954 году (критико-библиографический обзор)», У. Б. Долгат «Композиционные приемы и художественные особенности дагестанских лирических песен», Е. Б. Вирсаладзе «Вопросы изучения грузинского эпоса» и др. Ряд заседаний Сектора

² Отчет о совещании см. в журналах «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка» (1956, № 1) и «Советская этнография» (1955, № 4).

был посвящен обсуждению подготавливаемых к печати и вышедших из печати работ. Так были обсуждены: «Украинский дореволюционный фольклор» (сборник подготовлен к изданию Институтом искусствоведения фольклора и этнографии Академии наук УССР), «Очерки по казахскому фольклору советского периода» (работа, выполненная Институтом литературы и языка Казахской Академии наук), монография В. Я. Проппа «Русский героический эпос» и др.

Сектор народного творчества народов СССР Института мировой литературы за время своей работы установил научные связи не только с институтами Советского Союза, но и с отдельными научными учреждениями за пределами его. Сотрудники сектора переписываются и обмениваются литературой с некоторыми фольклористами Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Югославии и других стран. В 1955 г. Чехословацкая Академия наук пригласила заведующего Сектором В. И. Чичерова в Чехословакию для ознакомления с работой в области фольклора и консультирования по вопросам собирания и изучения народной поэзии. За месяц пребывания в Чехословакии В. И. Чичеров провел ряд консультаций, ознакомился с работой научных учреждений, исследующих фольклор в Чехии, Моравии, Словакии, прочитал лекции и сделал доклады на темы: «Вопросы изучения народного эпоса» (опубликовано в журнале «Československá ethnografie» — III, 1955, № 3), «Борьба советской фольклористики с пережитками либерально-буржуазных теорий» (опубликовано в журнале «Český lid» — 1955, №№ 4 и 5), «Русские народные былины», «Некоторые проблемы современного народного творчества» и «О специфических чертах народного творчества».

И. М. Шотт.

КАФЕДРА ФОЛЬКЛОРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Характер и направление научно-исследовательской работы кафедры фольклора Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова определяются в первую очередь учебно-педагогическими задачами.

В 1954 году кафедра фольклора разработала новую программу изучения русского народнопоэтического творчества для филологических факультетов университетов, в основу которой был положен принцип исторического построения курса.

В связи с тем, что программа вызвала много возражений и что многие ее недостатки стали очевидны при практическом ее осуществлении и самим авторам, коллектив кафедры снова пересмотрел программу курса «Русское народнопоэтическое творчество» и в 1955 году разработал новый ее вариант, в котором исторический принцип проведен более четко и последовательно.

В 1954 году Издательством Московского Государственного университета была выпущена хрестоматия «Устное поэтическое творчество русского народа», составленная С. И. Василенком и В. М. Сидельниковым. Книга эта вызвала много споров как на специальных совещаниях, посвященных ее обсуждению (в Московском университете и в Институте литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР), так и на страницах периодической печати.¹

¹ См.: В. П. Аникин. О новой хрестоматии по фольклору. «Новый мир», 1955, № 4; Н. Ф. Бабушкин. Новая хрестоматия по русскому народнопоэтическому твор-

В настоящее время перед коллективом кафедры стоит задача создания учебника, полностью соответствующего принятой программе. В 1954 году кафедрой был подготовлен проспект такого учебника, в 1955 году написаны основные его главы. Работа над учебником будет закончена в 1956 году.

В 1954—1955 годах подготовлено и сдано в производство «Методическое письмо» по курсу народнопоэтического творчества для студентов-заочников Московского университета (автор П. Д. Ухов). Члены кафедры (Э. В. Померанцева, П. Д. Ухов, В. И. Чичеров) приняли участие и в коллективном труде — учебном пособии «Русское народное поэтическое творчество», вышедшем под редакцией профессора П. Г. Богатырева в 1954 году.² В связи с 200-летием Московского университета кафедрой подготовлена и сдана в производство «История фольклористики в Московском университете». На Всесоюзном Советании по эпосу восточных славян (Киев, июнь 1955 года) были сделаны сообщения П. Д. Ухова об эпитете в былинах, В. П. Аникина о принципах публикации былин, С. И. Василенка о традиционном эпосе в современности и Э. В. Померанцевой о судьбах эпоса.

Многokратно как в докладах В. И. Чичерова, так и в выступлениях других членов кафедры (Аникина, Василенка) ставился вопрос о коллективной природе фольклора, о взаимоотношении в нем индивидуального и коллективного начала. Этот вопрос был затронут и в сообщениях Э. В. Померанцевой о творчестве воронежской сказочницы А. Н. Корольковой в секции народного творчества Союза советских писателей и Государственного Литературного музея. Члены кафедры (доцент Э. В. Померанцева и аспирант Н. И. Савушкина) приняли участие в совещании, посвященном природным и культурным ресурсам Вологодской области, где выступили с докладами об итогах и задачах собирания и изучения вологодского фольклора.

Научные интересы членов кафедры характеризуются также опубликованными ими за 1954—1955 годы статьями. Следует назвать статьи Л. М. Земляновой «Фольклор горняков Англии» («Советская этнография», 1954, № 4) и «Прогрессивная общественность Англии в борьбе за прогрессивную фольклористику» («Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1954, вып. 5), В. П. Аникина «Обсуждение вопросов советского народного творчества в МГУ» («Советская этнография», 1954, № 1), а также рецензии В. П. Аникина, Н. И. Савушкиной, Э. В. Померанцевой в «Советской этнографии», «Известиях СССР, Отделении литературы и языка», «Литературной газете» и «Новом мире».

Все члены кафедры в 1954—1955 годы, помимо работы над учебником, продолжали работу и над своими индивидуальными темами: В. П. Аникин изучал советскую литературную сказку, П. Д. Ухов поэтику былин, Э. В. Померанцева историю русской сказки.

Считая, что учебно-педагогическая и теоретическая работа по фольклору должна быть теснейшим образом увязана с полевой работой, кафедра фольклора осуществляет ежегодно в зимние и летние студенческие каникулы фольклорные экспедиции. Кафедра приступила к подготовке к печати собранных студенческими экспедициями материалов.

Аспирантами кафедры Н. И. Савушкиной, Н. С. Полещук и Л. П. Шведовой в 1954 году на основе материалов, собранных экспедициями кафедры

честву. «Вестник Высшей школы», 1955, № 1; Б. Н. Путилов. Против упрощений. «Звезда», 1955, № 3.

² См. рецензии: Б. Н. Путилов, «Советская этнография», 1955, № 2; С. Г. Лазутин, «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1955, № 4; Д. М. Молдавский, «Звезда», 1955, № 10.

в 1946—1953 годах; составлен сборник «Колхозная частушка» (8 авторских листов).

Вступительной статьей сборника явилась дипломная работа студентки Ж. Витеньон «Лирический герой советской частушки». Сборник сдан в печать.

Летом 1954 года была проведена четвертая по счету экспедиция в Вологодскую область, завершившая работу кафедры по собиранию вологодского фольклора. В экспедиции, работавшей в Грязевецком районе, приняли участие, кроме студентов и аспирантов Московского Государственного университета, студенты Государственной Консерватории и Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

Результатом двухгодичного изучения и собирания вологодского фольклора явилась книга «Песни и сказки Вологодской области», вышедшая в Вологде в 1955 году. Помимо записей университетских экспедиций, в нее вошли материалы Государственного Литературного музея и других архивов.

В 1954—1955 годы были проведены три экспедиции в Ярославскую область: в колхозы Ростовского, Борисоглебского и Толбухинского районов, в Пошехонье и в Ярославль на фабрику «Красный Перекоп».

В общей сложности этими экспедициями в Ярославской области записано 700 песен, 3800 частушек, 65 сказок, много пословиц, загадок, рассказов и т. д. В настоящее время участники ярославских экспедиций заняты подготовкой к печати сборника «Песни и сказки Ярославской области», намеченного к изданию в 1957 году.

Э. В. Померанцева.

СЕКТОР ФОЛЬКЛОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Сектор фольклора Государственного Литературного музея (Москва) является, с одной стороны, научно-экспозиционным отделом музея, разрабатывающим темы, связанные с вопросом взаимоотношения фольклора и литературы, с другой, научным хранилищем материалов устнопоэтического народного творчества и фондовой базой для экспозиции фольклора в Музее литературы.

Будучи одним из самых крупных в Союзе научных хранилищ народного поэтического творчества, Сектор фольклора Гослитмузея обслуживает своими собраниями московских и приезжих научных работников, аспирантов и студентов.

Пополнение фольклорного архива Гослитмузея производится путем экспедиций, приобретения отдельных собраний и систематической переписки с собирателями и исполнителями фольклора. В 1955 году начата работа по выявлению собраний материалов устнопоэтического народного творчества в архивах краеведческих музеев и домов народного творчества и перепечатки их для архива Гослитмузея.

На 1 января 1954 года наличие архива равнялось 83 286 номерам произведений устнопоэтического народного творчества. В 1954—1955 годах Сектор фольклора Гослитмузея состоял в переписке с 40 собирателями из разных мест (Москва и Московская область; Архангельская, Свердловская и Омская области; Куйбышевская и Сталинградская; Костромская, Владимирская, Тульская, Воронежская, Харьковская, Тамбовская, Краснодарская и Ташкентская области; Литовская ССР; Карельская, Марийская и Мордовская АССР). Из них 20 человек систематически присылали

в Музей свои записи; остальные обращались в Сектор фольклора за консультациями по вопросам собирания, хранения и систематизации произведений народного творчества или присылали на отзыв рукописные фольклорные сборники и исследования. Всего за 1954—1955 годы архив собрал 2054 листа (11 178 номеров) фольклорных материалов, из которых песен 731, сказок 70, преданий 7, частушек 784, пословиц 8150, загадок 1390, плачей 4, обрядового фольклора 41 и одна народная драма. В числе собранных материалов преобладает русское народное устнопоэтическое творчество.

Среди собранного за это время материала особого внимания заслуживают записи русских сказок (37 номеров; около 500 листов), присланные из Дукштынского района Литовской ССР А. А. Ямбровским, и собрание песен (67 номеров) и сказок (10 номеров) Омской области, полученное от учителя-краеведа И. С. Коровкина-Купалова. Сказки записаны в 1953 году в деревне Красноярской от А. С. Кожемякиной, превосходной сказочницы.

В настоящем году Сектор фольклора Гослитмузея приобрел также неопубликованные фотографии М. С. Крюковой, М. Р. Голубковой и автограф М. С. Крюковой — текст ее новины о Белом море.

В 1955 году был закончен каталог эпоса (былин, исторических песен) из основных коллекций архива Гослитмузея. Результатом этой работы было сообщение «Русская эпическая песня в архиве Государственного музея», сделанное заведующей сектором фольклора С. И. Минц на Советании по изучению эпоса восточных славян, состоявшемся в июне 1955 года в Киеве. В сообщении были охарактеризованы наиболее ценные записи былин и исторических песен из фонда Д. П. Ознобишина (первая четверть XIX века), архива Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1890—1900 годы), собраний Н. Ф. Покровского в Нижегородской и Саратовской губерниях (1901—1902 годы), А. А. Савельева в Приангарье (1910—1917 годы), а также из материалов экспедиций советского времени. Сообщалось также о неопубликованных и уникальных текстах былин и исторических песен, хранящихся в этих собраниях, например о неизвестной до сих пор «Песне о Пугачевском бою» (фонд Д. П. Ознобишина), повествующей о боях за крепость Озерную. В архиве Литературного музея хранятся также 22 былины, записанные А. В. Марковым в 1909 году в Кемском уезде Архангельской области и нигде не опубликованные, редкий вариант былины о Птицах, записанный в Нижегородской губернии в 1901 году, исторические песни о Севастопольской обороне 1854—1855 годов и песни об освободительных войнах на Балканах.

В октябре 1955 года на заседании отдела XIX века Гослитмузея заведующей Сектором фольклора С. И. Минц был сделан доклад на тему «Песнь о Пугачевском бою». В докладе был дан исторический комментарий песни, сделана попытка определить социальную среду, в которой песня эта возникла. Внимание докладчика особенно привлек яркий и правдивый образ Пугачева в этой песне, отличающий ее в ряду известных песен пугачевского цикла.

В своей работе архив Гослитмузея тесно связан с Кафедрой фольклора Московского Государственного университета. Ежегодно на семинарах по народному творчеству научные сотрудники Музея выступают с сообщениями о фольклорных собраниях Гослитмузея. В 1954—1955 годы были сделаны доклады на темы: «Фольклорный архив Гослитмузея и его собрания», «Записи сказок в архиве Гослитмузея», «Русская эпическая песня в архиве Гослитмузея».

Сектор фольклора Гослитмузея совместно с Кафедрой фольклора Московского университета подготовил к печати сборник «Сказки и песни Вологодской области», вышедший в 1955 году в Областном вологодском издательстве. В основу сборника легли материалы фольклорного архива Государственного Литературного музея, в котором хранятся записи экспедиций и отдельных собирателей, работавших в Вологодской области в советское время, а также материалы экспедиций в Вологодскую область студентов Московского Государственного университета в 1953 и 1954 годах. В настоящее время Сектор фольклора Гослитмузея совместно с Кафедрой фольклора Московского Государственного университета готовит к печати сборник фольклора Ярославской области на основе материалов экспедиций Гослитмузея в 1924 и 1938—1940 годах и экспедиций Московского Государственного университета в 1954 и 1955 годах в Ярославскую область. Сектор фольклора участвовал в 1954—1955 годах в подготовке экспозиции Отдела литературы периода Великой Отечественной войны в теме «Народное поэтическое творчество Великой Отечественной войны». В экспозиции темы показаны документальные и изобразительные материалы, собранные в годы Великой Отечественной войны Государственным Музеем и хранящиеся в фольклорном его архиве: фронтовые и партизанские газеты и листовки, песенники, записи песен и частушек военных лет, письма, дневники, альбомы и рисунки фронтовиков, а также основные публикации фольклора военных лет.

На основе опыта экспозиционной работы научными сотрудниками музея М. И. Костровой и С. И. Минц в 1954 году была написана статья «Место фольклора в экспозиции литературных музеев» для сборника методических статей по вопросам литературной экспозиции. Сборник подготовлен к печати Государственным Литературным музеем. Статья М. И. Костровой и С. И. Минц касается основных принципов показа, содержания и методов экспозиции в литературных музеях разного типа устнопоэтического народного творчества как самостоятельной темы и как вопроса фольклоризма отдельного писателя.

С. И. Минц.

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР

Коллектив фольклористов Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР на протяжении последних двух лет (1954—1955 годы) в основном работал над завершением двухтомного учебного пособия по фольклору «Украинское народное поэтическое творчество» (дооктябрьский и советский периоды). Помимо этого, сотрудниками Отдела словесного фольклора института написаны монографические исследования.

А. М. Кинько в своей работе «Развитие реализма в народном песенном творчестве советской Украины» раскрывает основные черты, специфические особенности и главнейшие этапы развития социалистического реализма в народном песенном творчестве советской Украины, исследует особенности творческого метода, основные черты поэтического стиля, проблемы взаимовлияния и взаимообогащения народного песенного творчества и профессиональной поэзии, значение этого процесса для развития социалистического реализма. Отдельный раздел автор посвящает разоблачению

буржуазно-националистической «теории» об отмирании художественного творчества народа в советскую эпоху.

Темой монографии Ф. И. Лаврова является сатира и юмор в украинском народном поэтическом творчестве. Ф. И. Лавров проследживает возникновение и основные этапы развития украинской народной сатиры и юмора, использование народной сатиры как важного идеологического оружия в борьбе народа с внутренними и внешними врагами, ее роль в украинской литературе. Особое место в исследовании уделяется советской народной сатире.

Г. С. Сухобрус работает над темой «Основные черты общности русского и украинского народного поэтического творчества». Главное внимание уделяется исследованию родства и общности, постоянного взаимодействия произведений народной поэзии русского и украинского народов.

В исследовании В. С. Бобковой «Значение народного поэтического творчества в развитии украинской советской литературы послевоенных лет» обобщается положительный опыт советских писателей Украины в творческом использовании фольклора и подвергаются критике имеющиеся недостатки в области фольклорно-литературных отношений.

В монографии В. Г. Хоменко «Значение народного поэтического творчества в украинской драматургии второй половины XIX века» раскрываются идейные и художественные богатства народного поэтического творчества и показывается его роль в борьбе представителей демократического направления театра и драматургии 70—90-х годов (М. Старицкий, М. Кропивницкий, М. Тобилевич) за критический реализм, за реалистический народный украинский национальный театр и драматургию. Другое исследование В. Г. Хоменко посвящается разработке темы «Антирелигиозные мотивы в украинском народном поэтическом творчестве».

П. Д. Павлій работает над изучением украинского героического эпоса — народных дум, М. П. Лиждой — над изучением украинских советских народных пословиц и поговорок. И. Я. Лазаревич занимается разработкой темы «Образ передового человека в украинском народном поэтическом творчестве».

Над темой «Советский патриотизм в украинском народном песенном творчестве периода завершения построения социализма» работает аспирант И. П. Березовский.

За последние два года вышли из печати очерки «Українська народна поетична творчість» («Радянська школа», Київ, 1955), «Кобзар Остап Вересай» Ф. И. Лаврова (Вид. Акад. Наук УРСР, Київ, 1955) и «Наукові записки» (т. III, Інст. Мистецтвознавства, фольклору, та етнографії, Вид. Акад. Наук УРСР, Київ, 1954).

К 300-летию воссоединения Украины с Россией подготовлены и изданы «Дружба народів СРСР в українській народнопоетичній творчості» М. М. Шестопал (Київ, 1955. Тов. для поширення політ. та наук. знань УРСР) и «Богдан Хмельницький в народній творчості» А. М. Кинько.

В 1954—1955 годах под редакцией действительного члена Академии наук УССР М. Ф. Рыльского вышли из печати фольклорные сборники: «Українські народні прислів'я та приказки» (Вид. Акад. Наук УРСР, Київ, 1955), «Українські народні думи та історичні пісні» (Вид. Акад. Наук УРСР, Київ, 1955), «Народні співці Радянської України» (Вид. Акад. Наук УРСР, Київ, 1955).

Фольклористы отдела музыки и музыкального фольклора издали большой сборник в двух частях «Українські народні пісні», сборник «Народні музичні інструменти на Україні» («Мистецтво», Київ 1955). Переиздана

работа талантливого украинского композитора Н. В. Лысенко «Характеристика музыкальных особенностей украинских дум і пісень, виконуваних кобзарем Вересаєм» (подготовил к печати Н. М. Гордейчук — «Мистецтво», Київ, 1955).

Под редакцией Н. М. Гордейчука вышел из печати сборник «М. В. Лысенко про народну пісню і про народність в музиці» («Мистецтво», Київ, 1955). А. И. Гуменюк подготовил к печати сборник «Украинские народные танцы» и опубликовал методическое пособие «Український народний хор» («Мистецтво», Київ, 1955). В 1955 году вышел из печати большой сборник «Українські радянські народні пісні» («Мистецтво», Київ, 1955) и брошюра Ф. И. Лаврова «Радянський патріотизм в українській народній поетичній творчості» (Київ, 1955, Тов. для поширення політ. та наук. знань УРСР).

В издательстве находится монография А. М. Кинько «Дружба двух братских народов в украинском народном творчестве».

Редакционная коллегия заканчивает редактирование материала очередного тома «Научных записок». Сдана в печать работа Ф. И. Лаврова «Посібник по збиранню і записуванню української народної поетичної творчості». Ф. И. Лавров подготовил к печати также брошюру на тему: «Коммунистическая партия Советского Союза в украинском народном поэтическом творчестве». В ближайшее время будут переданы в издательство сборники: «Українські народні ліричні пісні» (дооктябрьский и советский периоды), «Велика дружба» (народные песни о дружбе русского и украинского народов). Готовится также к печати сборник антирелигиозного фольклора.

В 1954—1955 годах фольклористами словесниками и музыковедами института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР проведена большая экспедиционная работа по сбору дооктябрьского и советского фольклора. Почти все экспедиции были комплексными, они проводились совместно с этнографами института. За эти годы были организованы экспедиции в Киевскую, Полтавскую, Сталинскую, Одесскую, Днепровскую, Черниговскую, Черновицкую, Измаильскую, Черкасскую и другие области Украины.

Ф. И. Лавров.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В МОРДОВИИ

за 1954—1955 годы

Работа по собиранию и изучению устного народного творчества в Мордовии проводится главным образом Мордовским научно-исследовательским институтом и его Сектором литературы и фольклора. Начиная с 1936 года, институт организует ежегодные экспедиции и другие выезды в районы республики для собирания произведений мордовского фольклора. За сравнительно короткий срок, с 1936 года, в своих рукописных фондах институт сконцентрировал большое количество фольклорного материала, в том числе более 1000 сказок, около 8000 песен, более 10 000 пословиц. На основе этого материала институт издал до Великой Отечественной войны и в период войны восемь фольклорных сборников — один на русском языке и семь на мордовском.

В послевоенное время также была проделана значительная работа по собиранию материала, по переводам мордовских текстов на русский язык, по изучению сказки, песни, пословицы, сказительского творчества.

В 1954 году Сектором литературы и фольклора проведена большая работа по сборанию и обработке музыкального мордовского фольклора. От участников сельской художественной самодеятельности, хоровых коллективов районных и сельских клубов записано на магнитофонную пленку более 300 мордовских и русских песен и 20 плясовых наигрышей, исполненных одни на баяне, другие на скрипке.

Записанные на пленку песни и наигрыши были расшифрованы и переложены на ноты.

На основе этого материала, а также песен, записанных в предыдущие годы, составлен и сдан в Государственное музыкальное издательство (Москва) сборник «Мордовские народные песни» объемом в 25 листов. Мордовские песенные тексты снабжены построчно-смысловыми переводами на русский язык и подробными комментариями. К сборнику предпослано предисловие, знакомящее русского читателя с тематикой и жанровым разнообразием мордовской народной песни. Вместе с тем в предисловии и в комментариях, написанных кандидатом филологических наук Л. Кавтаськиным совместно с мордовскими композиторами Л. Кирюковым и Г. Сураевым-Королевым, даны краткие сведения о мордовской народной музыке.

В сборник «Мордовские народные песни» входит 100 песен с текстами и 50 песенно-музыкальных вариантов и плясовых наигрышей, в их числе имеются и песни дореволюционные и песни советского времени, включая современные частушки. По жанровому составу сборник разнообразен; кроме необрядовых песен, в качестве образцов приводятся две свадебные песни. В сборнике будут напечатаны эпические сказочные песни, исполняемые хором, исторические песни о борьбе мордовского народа против ногайских кочевников и татаро-монгольских завоевателей, о крестьянском восстании, возглавляемом Е. Пугачевым. В сборник входит большое количество лирических и балладных песен, среди которых особенно интересны песни о крепостничестве, о солдатчине, шуточные, сатирические, плясовые. Значительный раздел представляют собой массовые народные советские песни, различной формы частушки, припевки.

В 1954 году в Мордовском книжном издательстве напечатан сборник «Мокшень пословицат» (Мокша-мордовские пословицы) на мокша-мордовском языке (объем 3,8 листа). Составитель сборника К. Т. Самородов снабдил книгу предисловием, в котором характеризуются мордовские дореволюционные и советские пословицы, даются краткие сведения о сборании и изучении мордовских пословиц до и после Октябрьской революции.

В 1954 году в том же издательстве вышел иллюстрированный сборник «Мордовские народные сказки» на русском языке (объем 4,5 листа), составленный доцентом А. Маскаевым. В сборник входят 16 традиционных сказок.

В 1955 году в Мордовском книжном издательстве вышел сборник «Мордовские народные песни» на русском языке, составленный Л. Кавтаськиным. Это переводы песен с эрзя и мокша мордовских языков. Всего в сборник «Мордовские народные песни» вошло 88 произведений, из них 17 массовых песен советского периода, 70 песен традиционных необрядовых и одно свадебное причитание невесты.

Подготовлен к изданию сборник «Эрзянь валмуворкст» (Эрзя-мордовские пословицы и поговорки) объемом в 3 листа на эрзя-мордовском языке, составленный К. Самородовым.

В 1955 году рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института пополнился новыми записями пословиц и песен, собранных

в эрзя и мокша мордовских населенных пунктах Мордовии, а также записанных от коллективов — участников смотра сельской художественной самодеятельности. В собирательской работе мордовских фольклористов в 1955 году, как и в 1954 году, обращалось большое внимание на запись русского фольклора, бытующего в мордовских и в соседних с ними русских населенных пунктах. Эти записи представляют собой замечательный материал для исследований русско-мордовских отношений в области фольклора.

В июне 1955 года в Киеве на Всесоюзном Совещании по восточнославянскому историческому эпосу заведующим Сектором литературы и фольклора Мордовского научно-исследовательского института А. Маскаевым сделано сообщение «О русско-мордовских отношениях в области народного эпоса».

А. И. Маскаев.

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В КОМИ АССР

До XIX века фольклор коми никто не записывал и не изучал. Правда, в 70-х годах XVIII века русский ученый Иван Лепехин, побывавший в Коми крае, сообщил сюжет коми-пермяцкого сказания о Перебогатыре, весьма близкого к коми-зырянским сказкам. Однако вплоть до 30—40-х годов прошлого столетия науке не был известен ни один текст устнопоэтических произведений коми. Заслуга открытия для науки фольклора коми по праву принадлежит русскому ученому Н. И. Надеждину, записавшему в 30-х годах XIX столетия, в годы своей усть-сысольской политической ссылки, два свадебных причитания. Опубликованные им свадебные причитания (Альманах «Утренняя заря», 1839) были также первыми переводами фольклора коми на русский язык. Как известно, это начинание Н. И. Надеждина было горячо одобрено В. Г. Белинским.

В течение более столетней истории собирания и изучения фольклора коми достигнуты известные успехи. Большая заслуга принадлежит в этом деле русским писателям П. И. Мельникову-Печерскому, Ф. А. Арсеньеву, А. В. Круглову, а также фольклористам Н. Е. Ончукову, Ф. М. Истомину и А. Д. Григорьеву.

В середине XIX века в изучение фольклора активно включился и первый поэт-демократ коми И. А. Куратов, в своем творчестве опиравшийся на прогрессивные традиции национального фольклора.

В годы первой мировой войны вышли три фольклорных сборника Ю. Вихмана и А. Цембера на немецком и коми языках.

Но только с победой Великой Октябрьской социалистической революции собирание и изучение фольклора народа коми стало делом большой общественной значимости. Уже в первые годы советской власти фольклористы А. С. Сидоров и П. А. Анисимов, писатели В. Савин и П. Доронин собрали значительный фольклорный материал, часть которого опубликована в песенном сборнике П. Анисимова «Коми песни» (1926 год), несколько позднее — в фольклорных сборниках П. Доронина (1938—1939 годы). Другая часть фольклорных текстов, выявленных этими фольклористами-энтузиастами, а также под их руководством учащейся молодежью, вошла в фольклорный фонд Коми краеведческого музея.

Сборник П. Анисимова «Коми песни» был одним из первых музыкальных сборников национального фольклора. Одновременно с П. Ани-

симво́вым венский музыкант Р. Лах издал на немецком языке сборник народных песен Коми.

В 1930-е годы, накануне Первого съезда советских писателей, писательская бригада, направленная для собирания коми и ненецкого фольклора на европейский север страны, подготовила к печати и издала в Архангельске сборник народных сказок коми в переводе на русский язык (1938 год). А накануне Великой Отечественной войны фольклорист И. А. Осипов издал сборник «Вишерские песни и сказки» (1941 год). Этот сборник явился серьезным вкладом в науку изучения фольклора коми. Впервые в соответствии с требованиями фольклористической науки была дана подробная научная паспортизация записанных текстов, раскрыты условия бытования и своеобразие фольклора коми, влияние на него русского фольклора.

В последующие военные и послевоенные годы происходило главным образом накопление фольклорного материала. Публикация же этого материала ограничивалась короткими статьями на страницах местного журнала «Северная звезда» и «Лингвистического сборника» Коми филиала Академии Наук СССР.

В настоящее время выявление и изучение национального фольклора сосредоточено в Коми филиале Академии Наук СССР, имеющем в своем составе Отдел языка, литературы и истории, а также в Коми отделении Союза советских писателей и в Коми доме народного творчества. В послевоенный период в различные районы Коми АССР (Устькуломский, Помоздинский, Удорский, Прилузский, Устьвымский, Железнодорожный, Троицко-Печорский, Сыктывдинский и др.) были направлены лингвистические и этнографические экспедиции. Наряду с выполнением основных своих задач — изучением языка и быта коми — эти экспедиции собрали немало фольклорных текстов. Научные сотрудники Коми филиала Академии Наук СССР Н. А. Колегова, А. С. Сидоров, Д. А. Тимушев, В. А. Сорвачева, Т. И. Жилина, М. А. Сахарова записали новые варианты сказок («мойдкыв»), песен («сыланкыв»), свадебных причитаний («бёрдодчанкыв»), преданий, загадок («тёдкыв»), пословиц и поговорок («кывйёз»), частушек («дженьыд сыланкывяс») и произведений других фольклорных жанров, сообщили данные о бытовании их в народе. А. С. Сидоров собрал во время своей лингвистической экспедиции по Ижме образцы ранее не известных науке коми трудовых песен (1944 год) и опубликовал их в «Лингвистическом сборнике» Коми филиала Академии Наук СССР (1952 год). Д. А. и Н. Д. Тимушевы также впервые записали образцы коми эпических песен «Красивый Роман», описывающих подвиг жены Романа, хитростью, умом и выдержкой победившей татар.

Одновременно с лингвистическими и этнографическими экспедициями (в Железнодорожном, Удорском, Помоздинском, Прилузском, Устьвымском и Устькуломском районах) в последнее десятилетие (1946—1956 годы) работали специальные фольклористические экспедиции (Г. А. Федоров, Ф. В. Плесовский, А. Осипов, С. Пятиев и др.). Во время экспедиции в Железнодорожный район (1956 год) писатель Г. А. Федоров не только записал большое число старинных коми народных песен и новых частушек, но и создал вместе с певцами новые песенные произведения, бытовавшие долгое время в разных районах республики. Таков, например, созданный Г. А. Федоровым совместно со сказительницей М. Пархачевой «Сказ о Ленине». В 1951 году фольклористы Ф. Плесовский, С. Пятиев и композитор А. Осипов собрали песенный материал в Помоздинском районе. Им, так же как и А. Сидорову, удалось записать неизвестные в других

районах песни, среди которых интерес представляет оригинальная трудовая песня «Гөрим ми гөрим» (Пашем, мы пашем), а также эпические песни о «Красивом Романе» и «Федоре Кироне». В то же время в Прилузском и Устьвымском районах А. Микушев записал самобытные трудовые, рекрутские и солдатские песни, а также сделал наблюдения над процессом возникновения новых песенных произведений.

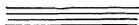
Во время фольклорной экспедиции Коми филиала Академии Наук СССР в начале 1956 года в Устькуломский район было записано свыше 1200 словесных текстов разных фольклорных жанров; из них коми народных песен и частушек — 900, кроме того, свадебные причитания, загадки, пословицы, поговорки, сказки и предания.

Наряду с накоплением материала в послевоенное время с помощью ленинградских фольклористов возобновлялось научное исследование разных жанров коми фольклора, начатое фактически еще накануне войны И. А. Осиповым. На материале коми сказок научный сотрудник Коми филиала Академии Наук СССР Ф. В. Плесовский за годы прохождения аспирантуры в Институте русской литературы Академии Наук СССР подготовил и защитил в 1951 году кандидатскую диссертацию «Сказки народа Коми» (научный руководитель профессор доктор филологических наук В. Я. Пропп). В том же институте А. К. Микушев (научный руководитель профессор доктор филологических наук А. М. Астахова) подготовил и защитил в 1953 году кандидатскую диссертацию «Песенное творчество народа коми советской эпохи».

В последнее время в Коми АССР оживляется публикация коми фольклора. В 1956 году Коми филиал Академии Наук СССР издал книгу А. К. Микушева «Песенное творчество народа коми», в которой исследуются традиционное наследие и советские произведения народно-песенного творчества коми и рассматриваются вопросы художественной самодеятельности в годы советской власти. Ф. В. Плесовским на материале лингвистических и фольклорных экспедиций сотрудников Коми филиала АН СССР подготовлен и издан сборник «Коми сказки, песни и пословицы», включающий основные жанры коми фольклора. Подготовлен к печати фольклорно-музыкальный сборник С. Кондратьева «Коми народные песни».

В настоящее время коми фольклористы наряду с дальнейшим сбором фольклорного материала работают над вопросами фольклорных связей народов пермской группы восточных финно-угров. На материале коми-зырянского и удмуртского фольклора они изучают фольклорные связи этих народов, а также на материале коми-зырянской культуры рассматривают вопросы литературно-фольклорных взаимоотношений в культуре младописьменных народов.

А. Микушев.

А. М. АСТАХОВА

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В июле 1956 года исполнилось 70 лет со дня рождения и 35 лет со времени начала научной деятельности известного советского фольклориста, профессора Анны Михайловны Астаховой. Имя А. М. Астаховой стоит в кругу имен тех исследователей, которые внесли большой вклад в дело развития советской науки о народном поэтическом творчестве. Научные труды А. М. Астаховой прочно вошли в историю отечественной фольклористики.

Книги и статьи А. М. Астаховой известны каждому, кто только начинает знакомиться с вопросами фольклора, с его материалами. Известны работы Астаховой и за пределами Советского Союза — в славянских и других зарубежных странах.

Первые годы после окончания Высшего женского педагогического института Анна Михайловна посвятила преподавательской работе в средней школе. С 1923 года началась ее педагогическая деятельность в вузе — на Высших курсах искусствознания при Государственном Институте истории искусств (ГИИИ). Изучением фольклора Анна Михайловна начала заниматься в 1921 году. С 1926 года разворачивается ее научно-исследовательская экспедиционная деятельность. В течение ряда лет А. М. Астахова руководит собирательской работой и выездами групп научных работников-фольклористов на русский Север — в Заонежье и в другие районы Карелии; затем на Пинегу, на Мезень и Печору, в Поморье. Большое количество материалов по народной поэзии записано Анной Михайловной и другими собирателями под ее руководством в Московской и Ленинградской областях. С целью изучения фольклора отдаленных районов, условий сохранения и развития его Анна Михайловна выезжала в Восточную Сибирь (Тарбагатайский район).

За время экспедиционной работы в различных областях РСФСР ею собрано свыше 10 000 народных произведений. Все эти материалы находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. С 1932 года А. М. Астахова состоит действительным членом Государственного Географического общества. Еще в 1931 году Анна Михайловна была приглашена на работу в Академию Наук СССР — в Институт по изучению народов (ИПИН), который в 1933 году слился с Институтом антропологии, этнографии и археологии (ИАЭ) АН СССР. В 1939 году Отдел фольклора (ныне Сектор народного творчества) был переведен из ИАЭ в Институт русской литературы АН СССР, где Анна Михайловна и в настоящее время продолжает работать.

В 1935 году Квалификационной Комиссией Президиума Академии Наук А. М. Астаховой была присуждена ученая степень кандидата филологи-

ческих наук без защиты диссертации, а в декабре 1944 года ею была защищена докторская диссертация на тему: «Северный период в истории русской былины». Анна Михайловна всегда была одним из ведущих работников Сектора народного творчества. Ее трудами и под ее руководством было создано фольклорное рукописное хранилище, переданное ныне как самостоятельный фонд в Рукописный отдел Института русской литературы; в значительной мере усилиями Анны Михайловны основана и библиотека фольклорно-справочного кабинета.

Неутомимый исследователь, Анна Михайловна являлась душой многих конференций, совещаний и дискуссий по фольклору, на которых она выступала с ответственными докладами. Почти во всех изданиях Сектора Анна Михайловна Астахова принимает самое активное участие и как автор отдельных статей и как редактор. Научные сборники «Советский фольклор», редактировавшиеся М. К. Азадовским (№№ 1, 2—3, 4—5, 6, 7, М.—Л., 1934—1941 гг.), — создавались и выходили при самом деятельном ее участии: она писала статьи и рецензии, просматривала присланные материалы, вела переписку с авторами, организовывала отдел хроники.

Огромная работа проведена А. М. Астаховой в связи с написанием целых разделов и редактированием коллективных трудов Сектора, «Очерков»: Народное поэтическое творчество Советской эпохи, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953; Русское народное поэтическое творчество, т. I (X—начало XVIII вв.). Изд. АН СССР, М.—Л., 1953; Русское народное поэтическое творчество, т. II (XVIII в. — канун Великого Октября), кн. 1 и 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, 1956.

В настоящее время Анна Михайловна принимает участие как автор и редактор в сборниках «Русский фольклор. Материалы и исследования», а также в сборнике статей, посвященных проблеме «Фольклор и советская литература». Научные интересы А. М. Астаховой многогранны. В течение 30 лет она занимается русским былинным эпосом. Особое значение ее работы в этой области приобретают в связи с тем, что былинку Севера Анна Михайловна имела возможность изучать не только по литературе, но и на местах, в условиях непосредственного общения со сказителями и народными певцами. И потому непреходящую ценность приобретают ее работы, посвященные вопросам сохранения и развития эпического наследия в советское время. См., например: Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951; Былинная традиция на современном Севере. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934; Русский былинный эпос на Севере. 1948; см. также главы о русском былинном эпосе в книге: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1 и 2. М.—Л., 1955 и 1956 гг. Знакомясь с работами А. М. Астаховой, легко убедиться, что ее интересы не ограничиваются только занятиями по русскому былинному эпосу (хотя эти занятия и составляют основную часть ее исследований), Анна Михайловна изучает и собирает также исторические и лирические песни, частушки, рабочий фольклор, заговоры, фольклор Великой Отечественной войны. В области советского творчества ей принадлежит ряд работ, ставящих задачу осветить процессы сложения и развития новых произведений.

В военные годы (1941—1942) в блокированном Ленинграде Анна Михайловна продолжала свои занятия, сочетая их с выполнением оборонных работ. Переехав в Казань, куда было эвакуировано основное ядро Института русской литературы, А. М. Астахова подготовила докторскую диссертацию, активно участвовала в научных заседаниях и конференциях, вела

обширную переписку с фольклористами Советского Союза, стремясь в тяжелые годы сохранить научные связи Сектора. По возвращении в Ленинград Анна Михайловна включилась в восстановительные работы по институту.

В связи с проблематикой военного времени А. М. Астаховой были написаны работы: *Защита отечества в народных песнях*. Л., 1941 (совместно с В. А. Кравчинской); *Народное творчество Великой Отечественной войны в свете общей проблемы советского фольклора* (рукопись); отредактирован ряд сборников, содержащих материалы фольклора Великой Отечественной войны.

Тесно связана деятельность А. М. Астаховой с Карело-Финским научно-исследовательским институтом культуры, преобразованным теперь в Институт литературы и языка Карельского филиала Академии Наук СССР. Многие издания по фольклору вышли при ближайшем ее участии. См., например: *Старая и новая Карелия в частушке*. Составители А. М. Астахова и Н. П. Колпакова. Гос. изд. «Кирья», Петрозаводск, 1937; *Былины П. И. Рябина-Андреева*. Подготовка текстов, статья и примечания В. Г. Базанова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Каргосиздат, Петрозаводск, 1940. Под общей редакцией А. М. Астаховой и В. Г. Базанова в 1945—1948 годах был выпущен ряд фольклорных сборников серии «Библиотека русского фольклора Карелии»: *Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье*. Подготовка текстов, статьи и примечания А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. Петрозаводск, 1948; *Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева*. Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948; *Сказитель Ф. А. Коначков*. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948 и др.

После войны (в 1945 году) Анна Михайловна возобновила преподавательскую деятельность в вузе (Государственный Педагогический институт). Одновременно в Институте русской литературы она активно взялась за работу по подготовке научных кадров. Ряд молодых фольклористов прошли аспирантуру под руководством профессора Астаховой и успешно защитили диссертации, проявив себя подлинными исследователями.

Каждый фольклорист, когда-либо работавший вместе с А. М. Астаховой, проникается к ней искренним уважением и любовью. В лице Анны Михайловны Астаховой мы имеем замечательного исследователя, всегда готового помочь другому своими знаниями и советами. Принципиальная и исключительно скромная, А. М. Астахова является примером для молодых ученых.

СПИСОК РАБОТ А. М. АСТАХОВОЙ

1926

1. Из истории и ритмики хорея. — Сборник «Поэтика», Academia, Л., 1926, стр. 54—65.
2. Былина в Заонежье. — Сборник «Крестьянское искусство СССР», I, Academia, Л., 1927, стр. 77—103.

1928

3. Заговорное искусство на р. Пинеге. — Сборник «Крестьянское искусство СССР», II, Academia, Л., 1928, стр. 33—76.

1931

4. Дискуссия о сущности и задачах фольклора. — «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 239—242.
5. Фольклорная секция Института по изучению народов СССР Академии Наук. — «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 242—248. [Соавтор Е. В. Гиппиус].

1932

6. Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды. — «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 141—145. [Соавтор. Э. В. Эвальд].

1933

7. Былины об Илье Муромце и Василии Буслаевиче. [Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой]. Огиз, Л.—М., 1933, 84 стр. — Серия «Школьная библиотека классиков».

1934

3. Былинная традиция на современном Севере. — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 401—412.
9. Старая рабочая песня. — «Резец», 1934, № 5, обложка, стр. 3.
10. Фольклор гражданской войны. — «Советский фольклор», № 1, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 9—39.
11. Рецензия на книгу: С. Мирер и В. Боровик. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. Под ред. М. В. Морозова. ГИХЛ, М.—Л., 1931, 454 стр. — «Советский фольклор», № 1, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 192—194.
12. Рецензия на книгу: Партизаны. Сборник статей партизанских и «красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен. Чита, 1929. — «Советский фольклор», № 1, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 191—192.
13. Фольклорная секция ИАЭ АН СССР в 1932 г. и первой половине 1933 г. — «Советский фольклор», № 1, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 202—204. [Без подписи].
14. Старая рабочая песня. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 201—203. [Соавтор П. Г. Ширяева]; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 13—15.
15. Карельские фольклорные экспедиции 1931—1933 гг. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 215—219; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 29—33.
16. Азербайджан. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 210; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 22.
17. Туркмения. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 210. [Без подписи]; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 25.
18. Узбекистан. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 214. [Без подписи]; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 26.
19. Конференция по фольклору. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 208—209. [Без подписи]; то же: «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 20—21.
20. Проект программы по собиранию и изучению фольклора гражданской войны. — «Фольклор. Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии Акад. Наук СССР». Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 27—28. [Без подписи. Соавтор М. К. Азадовский].
21. Фольклорные экспедиции. — Газ. «За социалистическую науку». Орган парткомитета, Президиума и месткома АН СССР, Л., 1934, № 11, 21 апреля, стр. 2.
22. Фольклорная конференция. — Газ. «За социалистическую науку». Орган парткомитета, Президиума и месткома АН СССР, Л., 1934, № 23, 22 августа, стр. 2.
23. Частушка современной Карелии. — «Начало», альманах карельских писателей, кн. 2, Петрозаводск, 1934, стр. 39—43.

1935

24. Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурято-Монгольской АССР. — «Советская этнография», 1935, № 1, стр. 122—123.

25. К новым записям былин в Поморье. — «Советский фольклор», № 2—3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 153—158.
26. Рукописное хранилище при Фольклорной секции ИАЭ АН СССР. — «Советский фольклор», № 2—3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 435—440.
27. М. В. Каминская. (Некролог). — «Советский фольклор», № 2—3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 462.
28. Эпическая поэзия. Малая серия библиотеки поэта, вып. 1, общ. ред. М. Азадовского. Изд. «Советский писатель», 1935, 461 стр. [Соавтор Н. П. Андреев].

1936

29. Фольклорная секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР за 1935 г. — «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 147—149.
30. Богатыри русских былин. — Газ. «Смена», 1936, 27 ноября, стр. 3.
31. Московские фольклорные экспедиции 1934—1936 гг. — «Советский фольклор», № 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 437—440.
32. И. В. Костоловский (Некролог). — «Советский фольклор», № 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 444—446.

1937

33. Русские богатыри. — Газ. «Пионерская Правда», 1937, № 4, 8 января, стр. 3—4.
34. Старая и новая Карелия в частушке (сборник частушек). Гос. Изд. «Кирья», Петрозаводск, 1937, 160 стр. [Соавтор Н. П. Колпакова].

1938

35. Народные песни Вологодской области. Сборник фонографич. записей под ред. Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальд. Записи текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой. Музык. записи В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Изд. АН СССР — Музгиз, Л., 1938.
36. Русский народный эпос в Карелии. — Газ. «Красная Карелия», Петрозаводск, 1938, 12 июля.
37. Былиги Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, 655 стр. — Серия «Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора», I.

1939

38. Беломорская сказительница М. С. Крюкова. — «Советский фольклор», № 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 176—213.
39. Работа по собиранию песен Ленинградской и Вологодской областей. — «Советский фольклор», № 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 218—219.
40. Беломорская фольклорная экспедиция. — «Советский фольклор», № 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 219—220.
41. Русский героический эпос и современные былины. — «Советский фольклор». Сборник статей фольклорной секции. Лен. отд. Союза советских писателей, Гослитиздат, Л., 1939, стр. 124—147.
42. Народы славят великую картину социализма. — Газ. «Социалистическая связь», М., 1939, 5 декабря.

1940

43. От редактора. — В кн.: Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940, стр. 3—5.

1941

44. Речь на Первом съезде писателей КФССР. — «На рубеже», Петрозаводск, 1941, № 1—2, стр. 63—65.
45. Памяти Заонежской сказительницы Н. С. Богдановой. (Некролог). — «Советский фольклор», № 7, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 239—243.
46. Беломорская сказительница М. С. Крюкова (тезисы доклада на фольклорной конференции, 7—11 июня 1938 г.). — «Советский фольклор», № 7, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 247—248.
47. Фольклорная комиссия при Институте этнографии АН СССР в 1937—1938 гг. — «Советский фольклор», № 7, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 267—271.
48. Былины в Карело-Финской ССР. — «Фольклор Карело-Финской ССР». Сборник статей, вып. 1, под ред. проф. Н. П. Андреева. Петрозаводск, 1941, стр. 5—46.

49. Защита отечества в народных песнях. Под ред. Л. А. Плоткина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, 32 стр. — Инст. литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Общественная серия. [Соавтор — В. А. Кравчинская].
50. Предисловие к кн.: Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, стр. 3—5.

1945

51. Северный период в истории русской былины. — Академия Наук СССР, Отделение литературы и языка, Рефераты Научно-исследовательских работ за 1944 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 11—12.

1946

52. Повесть об одной женской судьбе. Рец. на книгу: М. Голубкова. Два века в полвека. Изд. «Советский писатель», 1946, 328 стр. Газ. «Ленинградская правда», 1946, № 136, 12 июня.

1947

53. Рец. на книгу: «Радуга-дуга». Сборник сказок, песенок, загадок и пословиц. Составила и обработала Ирина Карнаухова. Рисунки А. Я. Якобсон. Детгиз, М.—Л., 1946, 160 стр. — Газ. «Ленинградская правда», 1947, № 54, 6 марта.
54. Северные исторические песни. Подготовка текста, статья и примечания А. Астаховой. Петрозаводск, 1947, 67 стр. Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.
55. Собрание и изучение русского фольклора Карелии за 15 лет. — Материалы юбилейной сессии Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, стр. 74—92.
56. Рец. на книгу: Русский народный эпос. Сводный текст. Составил доктор филологических наук проф. Н. В. Водовозов. Послесловие доктора филологических наук проф. С. К. Шамбинаго. Гослитиздат, М., 1947, 448 стр. — «Советская книга», 1947, № 11, стр. 95—100.
57. Избранные былины. Подготовка текста, статья и примечания А. Астаховой. Петрозаводск, 1947, 141 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.

1948

58. Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948, 148 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.
59. Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примечания А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. Предисловие М. Азадовского, Петрозаводск, 1948, 92 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.
60. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, 396 стр.

1949

61. Фольклор Великой Отечественной войны. — «Труды Второго Всесоюзного географического съезда», т. III, М., 1949, стр. 382—392.

1950

62. Предисловие к кн.: Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Под ред. А. М. Астаховой. Музыкальная ред. Ф. А. Рубцова. Музгиз, Л.—М., 1950, стр. 5—8.

1951

63. Былины Севера, т. II, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, 847, стр. — Серия «Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора», II.
64. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве. — «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», т. X, вып. 6. М.—Л., 1951, стр. 533—546.

65. Устное народное творчество. — Программа по курсу «Русская литература» для исторических факультетов педагогических институтов. М., 1951, стр. 7—13. [Без подписи].

1952

66. Введение к кн.: Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 9—60. [Соавтор И. П. Дмитраков].
67. Народное творчество в период завершения строительства социалистического общества. — Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи, гл. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 185—345. [Соавтор С. И. Минин].

1953

68. Введение в кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 101—118.

1954

69. Крюкова, Аграфена Матвеевна. — БСЭ, 2-е изд., т. 23, стр. 565.
70. Крюкова, Марфа Семеновна. — БСЭ, 2-е изд., т. 23, стр. 566.
71. Вопросы народного поэтического творчества. Собрание в Институте русской литературы Академии Наук СССР. — «Вестник Академии Наук СССР», 1954, № 2, стр. 112—115.

1955

72. Былинный эпос. — Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 129—206.
73. Ранняя историческая песня в середине XVIII и первой половине XIX века. — Там же, стр. 274—281.
74. Бытовая сказка. — Там же, стр. 368—373. [Соавтор Е. Ф. Тарасенкова].
75. Сказочники. — Там же, стр. 374—378.
76. Заключение. — Там же, стр. 537—540.

1956

77. Жизнь народной сказки после 1861 года. — Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 193—196. [Соавтор Е. А. Тудоровская].
78. Сказочники второй половины XIX и начала XX века. — Там же, стр. 222—237.
79. Былинный эпос. — Там же, стр. 238—299.
80. Заключение. — Там же, стр. 491—512.
81. Серия «Русские былины». — Свод русского фольклора. Л., 1956, стр. 5—22.
82. Народное творчество. — 50 лет Пушкинского Дома. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 130—149.
83. Исследования советского времени о роли фольклора в русской литературе. — Вопросы советской литературы, IV, Фольклор в русской советской литературе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 288—329.
84. Собрание по вопросам изучения русского народнопоэтического творчества. — Русский фольклор. Материалы и исследования, 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 239—281.

ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. М. АСТАХОВОЙ

1940

85. Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Петрозаводск, 1940, 143 стр.

1941

86. Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941, 512 стр.

1948

87. Сказитель Ф. А. Коначков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948, 210 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.

1949

88. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I, изд. 4-е. Подготовка текста и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, 735 стр.

1950

89. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II, изд. 4-е. Подготовка текста и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 811 стр.
90. Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Музыкальная редакция Ф. А. Рубцова. Музгиз, Л.—М., 1950, 244 стр.

1951

91. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, изд. 4-е. Подготовка текста и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, 670 стр.

1952

92. Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, 542 стр. [Соредакторы И. П. Дмитриков, А. Н. Лозанова].

1955

93. Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, 543 стр. [Соредакторы Д. С. Лихачев — отв. ред., А. Н. Лозанова; в главной редакции — В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Дмитриков].

1956

94. Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, 513 стр. [Соредакторы Д. С. Лихачев — отв. ред., А. Н. Лозанова; в главной редакции — В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Дмитриков].
95. Вопросы советской литературы, IV, Фольклор в русской советской литературе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, 424 стр. [Соредакторы Б. Н. Путилов, М. О. Скрипиль — отв. ред., В. В. Тимофеева].
96. Русский фольклор. Материалы и исследования, 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, 347 стр. [Соредакторы В. Г. Базанов, М. О. Скрипиль — отв. ред.].

Кроме того, А. М. Астахова принимала участие:

1945

97. Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова, Петрозаводск, 1945, 128 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.
98. В. Г. Базанов. За «ключей проволокой». Из дневника собирателя народной словесности. Гос. Изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1945, 71 стр. (Отв. ред.).

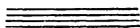
1947

99. В. Базанов. Народная словесность Карелии. Гос. Изд. Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, 279 стр. (Ред.).
100. Русские сказки Карелии (старые записи). Подготовка текстов, статья и комментарий М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947, 246 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.
101. Фольклор Советской Карелии. Подготовка текстов к печати и примечания А. Беллановой и А. Разумовой. Вступ. статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947, 137 стр. — Серия «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова.

1953

102. Русское народное поэтическое творчество т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVII веков. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, 540 стр. (чл. главной редакции).

БИБЛИОГРАФИЯ

**БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИЙ
ПО ПРОБЛЕМАМ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

(1949—1955 годы)

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

Настоящая библиография не претендует на исчерпывающую полноту. Она является первым опытом подбора и систематизации авторефератов диссертационных работ 1949—1955 годов, связанных с проблемами народного поэтического творчества. Авторефераты диссертаций просматривались по обязательному экземпляру книжной палаты с последующей проверкой по «Книжной летописи».

Материал в библиографии разделен на шесть больших рубрик: 1) Традиционное народное поэтическое творчество; 2) Народное поэтическое творчество советской эпохи; 3) История фольклористики; 4) Лингвистическое изучение народного поэтического творчества; 5) Преподавание народного поэтического творчества; 6) Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством. Каждый раздел имеет подразделы, построенные по жанрово-тематическому принципу. При достаточном количестве авторефератов по какой-либо теме они дополнительно делятся на группы по национальному признаку исследуемого в них материала (русское народное поэтическое творчество, творчество народов СССР и народов мира).

Такое деление, помимо удобства пользования библиографическим указателем, показывает степень изученности того или иного вопроса, таким образом подсказывая темы исследования народной поэзии с филологической, исторической, философской, лингвистической, этнографической, педагогической и искусствоведческой точек зрения.

Важность проблем фольклора и фольклористики и недостаточная их разработанность определили помещение в настоящей библиографии авторефератов диссертаций, лишь частично посвященных народнопоэтической тематике.

В VI раздел — «Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством» — не включены авторефераты работ, в которых диалектная и просторечная лексика в стиле того или иного писателя изучаются только в лингвистическом плане. Составителем регистрировались авторефераты исследований, рассматривающих художественную функцию использования писателями образной народнопоэтической речи.

Материал в разделах располагается в алфавитном порядке. К библиографии приложены указатели имен и народов, фольклор и фольклористика которых исследуются в приведенных авторефератах диссертаций.

I. ТРАДИЦИОННОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Общие вопросы

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

1. **Былов В. М.** Русские исторические песни, сказки и предания петровской эпохи. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
2. **Велецкая Н. Н.** Москва в народных песнях и преданиях о защите Родины. На степень кандидата историч. наук. М., 1951, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Отзыв:

Корбе О. Защита диссертаций в институте этнографии. Сов. этнография, 1951, № 4, стр. 20—21.

3. **Домановский Л. В.** Освободительное движение первой четверти XIX века в народном творчестве. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 18 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
4. **Карелина Т. С.** Образ Ивана Грозного в литературе XVI века и народном творчестве. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 14 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).

Стр. 9—14: образ Ивана Грозного в фольклоре.

См. также №№ 240, 280, 286.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СССР

5. **Алиева Д. А.** Отражение дружбы азербайджанского и грузинского народов в их литературных взаимосвязях в XIX веке. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 19 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).

Стр. 8, 9: обзор грузинского и азербайджанского фольклора; использование его кавказскими писателями XIX века.

6. **Амонов Р.** Очерк устного народного творчества таджиков Кулябской области (Сари-хосор). На степень кандидата филол. наук. Сталинабад, 1953, 28 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова. — Акад. Наук Тадж. ССР, Инст. языка и литер.).
7. **Антонян Г. Г.** Армяно-азербайджанские литературные связи в XIX—XX вв. На степень доктора филол. наук. Ереван, 1955, 29 стр. (Ереванский Гос. унив. им. В. М. Молотова).

Стр. 5—7: связь армянского и азербайджанского фольклора; стр. 9, 17—20: взаимоотношение литературы и фольклора; стр. 10: творчество Саят-Новы.

8. **Араслы Г. Т.** Азербайджанская литература XVII—XVIII веков. На степень доктора филол. наук. Баку, 1954, 25 стр. (Азербайджанский Гос. унив. им. С. М. Кирова).

Стр. 5—8, 10, 14—17, 22, 24, 25: обзор фольклора XVII—XVIII веков и творчества ашугов; связь азербайджанской литературы с устной поэзией.

9. **Давкараев Н.** Очерки по истории каракалпакской литературы. На степень кандидата филол. наук. М., Изд. Акад. Наук СССР, 1950, 70 стр.

Стр. 9—22: обзор каракалпакского фольклора.

10. **Какишвили Г. А.** Образ народного героя Арсена в грузинской литературе. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 16 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).

Стр. 7: образ Арсена в грузинском народном творчестве.

11. **Камалов С.** Каракалпаки в Хивинском ханстве до присоединения к России. (Историко-этнографический очерк). На степень кандидата историч. наук. М., 1953, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Стр. 9, 10: устное народное творчество как исторический источник.

12. **Киреев А. Н.** Проблема национальной формы в советской литературе. (Вопросы единства национальной формы и социалистического содержания): На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС).
Стр. 8, 9: ошибки в изучении классического фольклорного наследия народов СССР.
13. **Котляров Б. Я.** Развитие скрипичного искусства в Молдавии. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 17 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 8, 9: скрипка в фольклоре Молдавии.
14. **Окрошидзе Т. Д.** Основные виды грузинской народной трудовой поэзии. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1953, 17 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
15. **Петрухин А. И.** Материализм и атеизм в устном народном творчестве чуваш. На степень кандидата философск. наук. Казань, 1954, 22 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
16. **Пинчук С. П.** Образ Богдана Хмельницкого в украинской литературе XVII—XVIII веков. На степень кандидата филол. наук. Львов, 1954, 17 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).
Стр. 14—16: образ Хмельницкого в фольклоре.
17. **Сеидов Ф.** Метрика азербайджанской поэзии. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1955, 16 стр. (Акад. Наук Азербайдж. ССР).
Стр. 5, 6, 13: исследование образцов фольклора.
18. **Смирнова Н. С.** Очерки казахской литературы XVIII века. (Устное творчество казахов среднего и старшего жузов). На степень доктора филол. наук. Алма-Ата, 1951, 42 стр. (Акад. Наук Казахск. ССР, Инст. языка и литер.).
19. **Унгвицкая М.** Хакасское стихосложение. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 15 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Обзор фольклорного материала.
20. **Цанава А. В.** Основные вопросы грузинской мествирской поэзии. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1949, 19 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
См. также № 303.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА

21. **Гирс Г. Ф.** Становление и развитие современной художественной прозы на пушту в Афганистане. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
Стр. 5, 6: обзор афганского фольклора.
22. **Итс Р. Ф.** Народ мяо. (Историко-этнографический очерк). На степень кандидата историч. наук. Л., 1954, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Стр. 13, 14: фольклор народа мяо.
- То же:** Краткие сообщения Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Акад. Наук СССР, т. XXIV, М., 1955, стр. 94.
23. **Стеблин-Каменский М. И.** Поэзия скальдов. Автореферат докторской диссертации Доклады и сообщения Филологич. инст. при Ленинградском Гос. унив. им. А. А. Жданова, вып. 1, 1949, стр. 204—206.
24. **Тэн А. Н.** Очерки современной корейской литературы (демократические национальные традиции и социалистический реализм в корейской литературе). На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 23 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст им. А. И. Герцена).
Стр. 3—8: фольклор Кореи и его собрание.
25. **Шандровская В. С.** Византийский басенный эпос XIV века и его значение для истории культуры Византии. На степень кандидата историч. наук. Л., 1954, 19 стр. (Гос. Эрмитаж).
26. **Шенгелия И.** Древнейшие элементы мифа о Прометее. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1950, 21 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).

2. Эпос

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

27. **Липец Р. С.** Былина у промыслового населения русского севера XIX—XX веков. На степень кандидата историч. наук. М., 1949, 32 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Отзыв:

Корбе О. Защита диссертаций в институте этнографии. Сов. этнография, 1949, № 4, стр. 205—206.

28. **Митропольская Н. К.** Былины об Илье Муромце и Калине-царе. (Борьба за национальную независимость в русском эпосе). На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 20 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
29. **Ухов П. Д.** Былины об Илье Муромце. (Опыт литературоведческого анализа). На степень кандидата филол. наук. М., 1950, 12 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

См. также №№ 38, 82, 159, 341.

ЭПОС НАРОДОВ СССР

30. **Будянский М. X.** Опыт историко-литературной характеристики киргизского героического эпоса «Манас». На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1954, 23 стр. (Казахский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
31. **Дамдинсүрэн Ц.** Исторические корни Гесеиады. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
32. **Дюсенбаев И. Т.** Социально-бытовой эпос казахского народа. (Очерк). На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1955, 16 стр. (Акад. Наук Казахск. ССР, Инст. языка и литер.).
33. **Калоев Г. З.** Мотивы богоборчества в осетинском эпосе. На степень кандидата филол. наук. Дзауджикау, 1952, 20 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
34. **Кор-оглы Х. Г.** «Шасенем и Гарып» — народный дестан. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).

Отзыв:

В Институте востоковедения Академии Наук СССР. Сов. культура, 1955, № 135, 3 ноября.

35. **Павлий П. Д.** Украинские народные думы. Исследование по истории украинского народного героического эпоса. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 24 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствознания, фольклора и этнографии).
36. **Суразаков С. С.** Алтайский героический эпос. На степень кандидата филол. наук. М., 1950, 17 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина)
37. **Фахрадов Ф. К.** К изучению эпоса «Кер-Оглы». (Армянская версия эпоса). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
38. **Цапенко И. П.** Специфика и пути развития фольклора (на материале восточнославянского эпоса). На степень кандидата филол. наук. Львов, 1955, 16 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).
39. **Шаракшинова Н. О.** Героический эпос бурят-монголов Усть-Ордынского национального округа. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
40. **Эфендиев П. Ш.** «Кер-оглу» — героический эпос азербайджанского народа. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1954, 10 стр. (Азербайджанский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

См. также №№ 82, 112, 117, 152, 341, 346.

3. Сказки

РУССКИЕ СКАЗКИ

41. **Лупанова И. П.** Русская бытовая сказка. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
42. **Тарасенкова Е. Ф.** Русская народная сатирическая сказка в записи конца XIX и начала XX веков. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

См. также №№ 1, 2, 153, 157, 165, 167.

СКАЗКИ НАРОДОВ СССР

43. Бараникова Е. В. Социальная борьба в бурят-монгольской бытовой сказке. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 16 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
44. Вчерашняя И. А. Тувинские народные сказки. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
45. Ионина А. К. Отражение борьбы крепостных с феодалами в бытовых сказках литовского народа. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1954, 13 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).
46. Кабашников К. П. Белорусская антикрепостническая сказка XIX века. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
47. Каплан М. А. Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора «нингман» — сказки, «тэлунгу» — предания. На степень кандидата историч. наук. Л., 1949, 13 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Отзыв:

Корбе О. Защита диссертаций в институте этнографии. Сов. этнография, 1950, № 2, стр. 204—205.

48. Плесовский Ф. В. Сказки народа коми. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 13 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
49. Сеидов Н. Х. Мотивы борьбы против социальной несправедливости в азербайджанских сказках. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1955, 17 стр. (Акад. Наук Азербайдж. ССР, Инст. литер. и языка им. Низами).

См. также №№ 116, 154.

4. Песни

РУССКИЕ ПЕСНИ

50. Бершадская Т. С. Основные композиционные закономерности многоголосия русской народной (крестьянской) песни. На степень кандидата искусствоведения. Л., 1954, 28 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).
51. Ровда В. Русская народная песня в исполнении академического хора. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 16 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
52. Сидельников В. М. Развитие русской лирической народной песни. На степень доктора филол. наук. М., 1949, 30 стр.
53. Янкина Л. И. Русские исторические песни XVI века. На степень кандидата филол. наук. Куйбышев, 1955, 17 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).

См. также №№ 1, 2, 98, 124, 129, 139, 141, 148.

ПЕСНИ НАРОДОВ СССР

54. Агаян М. Музыкальное искусство армянских тагов. На степень кандидата искусствоведения. Ереван, 1953, 17 стр. (Акад. Наук Арм. ССР, Сектор истории и теории искусств).
55. Брутян М. А. Композиционные особенности армянской народной (крестьянской) песни. (На основе анализа этнографических сборников Комитаса). На степень кандидата искусствоведения. Ереван, 1955, 16 стр. (Ереванская Гос. консерватория им. Комитаса).
56. Гаршник А. И. Народные песни сету. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 12 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
57. Гольдин М. Латвийские народные песни. На степень кандидата искусствоведения. Рига, 1950, 38 л. (Литограф. изд.). (Латвийская Гос. консерватория).
58. Гребле В. О. Жизнь и труд детей в латвийских народных песнях досоветского периода. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1955, 19 стр. (Латвийский Гос. унив.).
59. Ермакович Б. Г. Казахское народное песенное творчество дооктябрьского периода. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. истории искусств).
60. Кавтаскин А. С. Мордовская народная песня. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).

61. Каландадзе Г. А. Грузинская народная баллада. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 16 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
62. Касымов Г. Место баяты в азербайджанской народной литературе. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1954, 16 стр. (Азербайджанский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
63. Пино В. Социальные противоречия в эстонском сельском обществе по данным народных песен. На степень кандидата филол. наук. Тарту, 1954, 20 стр. (Тартуский Гос. унив.).
64. Покровская Л. А. Песенное творчество гагаузов. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 18 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
65. Слиянова-Мизандари Д. Грузинская народная одноголосная песня. На степень кандидата искусствоведения. [М.], 1950, 34 стр. Напеч. на ротапринте. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
66. Тедре Ю. М. Отражение классовой борьбы в эстонских рифмованных народных песнях XIX века. На степень кандидата филол. наук. Таллин, 1955, 19 стр. (Акад. Наук ЭССР).

См. также №№ 105, 141, 142, 151, 158.

ПЕСНИ НАРОДОВ МИРА

67. Балакин А. М. Сербская народная лирика. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
68. Петров С. В. Очерки по истории музыкальной культуры Болгарии. На степень кандидата искусствоведения. М., 1953, 21 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 4—10, 15, 17, 20: обзор народных и авторских песен.

5. Народный театр

69. Авдеев А. Д. Происхождение театра. (Элементы театрального искусства в первобытно-общинном строе). На степень кандидата историч. наук. Л., 1954, 19 стр. (Гос. Эрмитаж).
 70. Асеев Б. Н. История русского драматического театра XVII—XVIII веков. На степень доктора искусствоведения. М., 1955, 31 стр. (Гос. инст. театрального искусства им. А. В. Луначарского).
- Стр. 1, 6—8: народные истоки русского драматического театра.
71. Логунова В. В. Персонажи японских кёгэнов в свете эпохи (антифеодалный и антибуддийский фарс XIV и XV веков). На степень кандидата филол. наук. М., 1951, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
 72. Нурджанов Н. Истоки народного театра у таджиков. (По материалам Кулябской области). На степень кандидата историч. наук. М.—Л., 1951, 17 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Отзыв:

Корбе О. Защита диссертаций в институте этнографии АН СССР. Сов. этнография, 1952, № 3, стр. 212.

73. Черкасова М. Развитие новой китайской музыкальной драмы «гэцзюй» на основе народных янгэ. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 17 стр. (Московский инст. востоковедения).

6. Пословицы

- 73-а. Ибрагимов И. Азербайджанские пословицы и поговорки. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1949, 10 стр. (Акад. Наук Азербайдж. ССР, Инст. литер. им. Низами).
74. Чернов В. И. О стихийном материализме русских народных масс докапиталистической эпохи по материалам устного народного творчества (пословицы и поговорки). На степень кандидата философск. наук. Л., 1953, 22 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).

См. также №№ 156, 160—162.

7. Частушки

75. Орлов О. В. Русская частушка дооктябрьского периода (второй половины XIX—начала XX века). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).

8. Рабочий фольклор

76. **Кубилюс В.** Литовская революционная поэзия в 1890—1907 годы. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1955, 15 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).

Стр. 5, 9—13: значение русских революционных песен для развития литовской поэзии; связь литовской революционной поэзии с народным творчеством.

77. **Шалабеков Д.** Песни рабочих-казахов Караганды. (Дюктябрьский период). На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1954, 15 стр. (Акад. Наук Казахск. ССР, Инст. языка и литер.).

См. также №№ 98, 138, 395.

9. Мастера народного творчества

78. **Аманалиев Б.** Общественно-политические и философские взгляды Токтогула Сатылганова (дюктябрьский период). На степень кандидата философск. наук. М., 1954, 12 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

79. **Гукасян А. С.** Нагапет Кучак (XVI век). На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1954, 19 стр. (Ереванский Гос. унив. им. В. М. Молотова).

80. **Сендов М. А.** Творчество Саят-Новы. На степень кандидата филол. наук. Баку, 1952, 24 стр. (Акад. Наук Азербайдж. ССР, Инст. литер. и языка им. Низами).

81. **Чистов К. В.** Народная поэтесса И. А. Федосова. На степень кандидата филол. наук. Петрозаводск, 1950, 13 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. М. Н. Покровского).

82. **Шуст Я. И.** Кобзари и лирники Украины на фоне славянского эпоса. (Связь кобзарей и лирников Украины с русскими и другими славянскими народными певцами). На степень кандидата филол. наук. Львов, 1953, 17 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).

См. также №№ 7, 8, 318.

II. НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

1. Общие обзоры

83. **Ерофеева Л. В.** Народное поэтическое творчество передовых колхозов. (По материалам Калининской области). На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 14 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

84. **Порошкова И. Л.** Победа колхозного строя и ее отражение в белорусском народно-поэтическом творчестве. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1953, 16 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).

85. **Синченко Г. И.** Народнопоэтическое творчество Северной Буковины за годы советской власти. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1954, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

86. **Фролова Г. Г.** Народное поэтическое творчество послевоенного колхозного Ставрополя. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).

87. **Шестопап М. М.** Дружба народов СССР в украинском народно-поэтическом творчестве. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

См. также №№ 6, 35.

2. Народная поэзия эпохи гражданской и Великой Отечественной войны

88. **Гречина О. Н.** Партизанские песни Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 18 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

89. **Гудошников Я. И.** Вопросы поэтики песен Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Воронеж, 1955, 19 стр. (Воронежский Гос. унив.).

90. **Кан-Шаргородская Х. А.** Геронка Советской армии в народном поэтическом творчестве. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1950, 15 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

91. **Кирдан Б. П.** О значении народно-поэтического творчества в общественной жизни советского народа в годы Великой Отечественной войны. (Советский тыл и фронт). На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
92. **Лукаш Н. Ф.** Героика партизанской борьбы в произведениях народных мстителей Украины. (Поэтическое творчество партизан Великой Отечественной войны). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1951, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).
93. **Маркушевский П. Т.** Украинские советские поэты — участники партизанской борьбы периода Великой Отечественной войны Советского Союза. На степень кандидата филол. наук. Житомир, 1952, 18 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).

Стр. 15—18: массовое партизанское поэтическое творчество.

94. **Назаров Р.** Туркменское народное поэтическое творчество в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 18 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
95. **Репухова Н. В.** Фронтные и партизанские песни Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
96. **Тарасов В. Т.** Массовая партизанская поэзия Белоруссии периода Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1951, 16 стр. (Акад. Наук БССР, Инст. языка, литер. и искусства).
97. **Элиасов Л. Е.** Народная поэзия восточной Сибири эпохи гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. Иркутск, 1952, 22 стр. (Иркутский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

См. также №№ 2, 41, 99, 106, 107, 113, 305, 393, 395.

3. Песни

98. **Аракчеева А. В.** Развитие народнопесенной культуры в Ржевском районе. (К вопросу районного изучения фольклора). На степень кандидата филол. наук. Калинин, 1949, 15 стр. (Московский обл. пед. инст.).
99. **Асроров В. М.** Советские четверостишия в таджикском фольклоре. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 26 стр. (Сталинабадский Гос. пед. инст. им. Т. Г. Шевченко).
100. **Березовский И. П.** Советский патриотизм в украинском народнопесенном творчестве периода завершения строительства социализма (предвоенные годы). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 15 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).
101. **Гуменюк А. И.** Танцевальная музыка украинского советского народа. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1953, 15 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

Стр. 6, 7: хороводные песни украинского народа.

102. **Данилко К. Е.** Труд в песенном творчестве украинского советского народа. На степень кандидата филол. наук. Одесса, 1950, 16 стр. (Одесский Гос. унив. им. И. И. Мечникова).
103. **Кароматов Ф.** Советская узбекская народная песня. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 18 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
104. **Кувенева А. Ф.** Праздник колхозного урожая на Украине. На степень кандидата историч. наук. Киев, 1954, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

Обзор песенного репертуара.

105. **Микушев А. К.** Песенное творчество народа коми в советскую эпоху. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 17 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

См. также №№ 88, 89, 93, 95, 96, 124.

4. Частушки

106. **Хоменко В. Г.** Частушки и коломийки на Украине в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1952, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

5. Рабочий фольклор

107. **Гончарук Ф. М.** Массовая рабочая поэзия Донбасса периода гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 16 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
108. **Яловой Ф. М.** Советское поэтическое творчество рабочих Криворожья (1917—1950 годы). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

См. также № 126, 138.

6. Мастера народного творчества

109. **Базарбаев М.** Тема труда в казахской советской поэзии. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС).
- Стр. 9, 10: анализ творчества Джамбула.
110. **Байтанаев А.** Идейно-художественные особенности лирики Джамбула (тридцатые годы). На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1955, 16 стр. (Казахский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
111. **Бейсембиев К.** Отражение идей советского патриотизма в творчестве Джамбула. На степень кандидата философск. наук. Алма-Ата, 1952, 22 стр. (Казахский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
112. **Газыбаев Т.** Творчество Фазыла Юлдаш-оглы в советскую эпоху. На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1954, 11 стр. (Акад. Наук Узб. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
113. **Ишанов Х.** Песни народных акынов о борьбе за установление советской власти в Казахстане. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1954, 13 стр. (Казахский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
114. **Каррыев С. А.** Народный шахир Туркменистана Ата Салих. На степень кандидата филол. наук. Ашхабад, 1950, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Туркменский филиал, Инст. истории, языка и литер. — Ашхабадский Гос. пед. инст. им. М. Горького).
115. **Ландау Е. И.** Русские переводы песен Джамбула. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1953, 16 стр. (Алма-Атинский пед. инст. им. Абая).
116. **Линтур П. В.** Закарпатский сказочник Андрей Калин. Проблема традиций и личного начала в творчестве сказочника. На степень кандидата филол. наук. Ужгород, 1953, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
117. **Нудель Я.** (Нальский Я.). Жизнь и творчество хафиза Бобо Юнуса Худойдод-Зода. На степень кандидата филол. наук. Сталинабад, 1955, 15 стр. (Таджикский Гос. унив.).
118. **Нурмагамбетова О.** Нурпеис Байганин — певец [советской] эпохи. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1953, 16 стр. (Акад. Наук Казахск. ССР, Инст. языка и литер.).
119. **Сабиров А.** Творчество Ислам Шаира Назар-оглы в советскую эпоху. На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1954, 14 стр. (Акад. Наук Узб. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
120. **Таштемиров Дж.** Творческий путь киргизского народного акына Тоголок Молдо. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 14 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

Отзыв:

Даронян С. Молодые исследователи киргизской литературы. Сов. Киргизия, Фрунзе, 1954, № 20, 24 января.

121. **Хасенов М.** Жизнь и творчество Исы Байзакова. На степень кандидата филол. наук. Алма-Ата, тип. Изд. Акад. Наук Казахск. ССР, 1950, 12 стр.
122. **Черапкин Н.** Мордовская литература в послевоенный период. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 24 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького)

Стр. 21: творчество сказительницы Ф. И. Беззубовой.

123. **Щеголь Н. Т.** Кобзаря Советской Украины и их творчество. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1953, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

7. Художественная самодеятельность

124. **Калугина Н.** Омский русский народный хор (из опыта работы с коллективом). На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 15 стр. (Гос. музык.-пед. инст. им. Гнесиных).
- Использование местных народно-песенных традиций в Омском народном хоре; связь работы хора с художественной самодеятельностью области.
125. **Попов С. В.** Организационные и методические основы работы самодеятельного хора. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 24 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
126. **Сергиевская А. В.** Художественная самодеятельность рабочих и служащих в четвертой пятилетке. (По материалам профсоюза рабочих транспортного машиностроения). На степень кандидата историч. наук. М., 1955, 19 стр. (Московская высшая школа профдвижения ВЦСПС).

III. ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

127. **Бобкова В. С. А. А.** Потебня как фольклорист. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1949, 19 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).
128. **Богомолов Б. И. В. Г.** Белинский и вопросы народного творчества. На степень кандидата филол. наук. М., 1949, 21 стр. (стеклогр. изд.). (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б)).
129. **Вольман Б. Л.** Русские нотные издания XVIII века. На степень доктора искусствоведения. [М.], 1955, 29 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. истории искусств).

Народные песни в изданиях XVIII века.

130. **Грушкин В. М.** Журнал «Жите і слово» в украинском литературном процессе 90-х годов XIX века. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 18 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. украинской литер. им. Т. Г. Шевченко).

Стр. 5, 14, 15: фольклористика в журнале.

131. **Гусев В. Е.** Очерки по истории революционно-демократической фольклористики. На степень кандидата историч. наук. Челябинск, 1952, 20 стр. (Челябинский Гос. пед. инст.).
132. **Дмитраков И. П.** Проблема народного творчества в наследстве М. Горького. На степень кандидата филол. наук. М., 1949, 16 стр. (стеклогр. изд.). (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б)).
133. **Егоров Б. Ф. Н. А.** Добролюбов и проблемы фольклористики. На степень кандидата филол. наук. Тарту, 1952, 20 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. М. Н. Покровского).
134. **Землянова Л. М. Н. Г.** Чернышевский о народном творчестве. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 19 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
135. **Зыкин В. Н.** Вук Караджич и русская наука. Страница из истории русско-славянских отношений. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 12, 14: Караджич как собиратель сербского фольклора.

136. **Инфантьев Б. Ф.** Связи латышских и русских фольклористов в период латышского буржуазно-национального движения. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1951, 15 стр. (Латвийский Гос. унив.).
137. **Кавкава М. В. В. И.** Даль как лексикограф. На степень доктора филол. наук. Тбилиси, 1952, 65 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. языкознания).

Стр. 28—30, 35, 59: фольклор в «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля.

138. **Лосберг М. Я.** Революционная художественная литература в латышских рабочих изданиях с 1898 по 1907 год. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1953, 16 стр. (Латвийский Гос. унив.).

Стр. 9, 11—14: публикация революционных песен, популярных в рабочей среде.

139. **Никольский С. В. Фр. Л.** Челаковский и русское песенное народное творчество. (К вопросу о русско-чешских литературных связях). На степень кандидата фи-

лол. наук. М., 1949, 11 стр. (стеклогр. изд.). (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

То же: Краткие сообщения Инст. славяноведения Акад. Наук СССР, 1951, № 3, стр. 45—50.

140. **Никулина Н. И. Н. А. Львов** — прогрессивный деятель русской культуры конца XVIII—начала XIX века. На степень кандидата историч. наук. Л., 1952, 17 стр. (Гос. Эрмитаж).

Стр. 8, 9: Львов и фольклор.

141. **Новиков Н. В. П. В. Шейн** как собиратель и издатель русских и белорусских народных песен. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 24 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

142. **Озол А. Я.** Методы фольклористической работы в области латышских народных песен во второй половине XIX века. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1950, 14 стр. (Латвийский Гос. унив.).

143. **Пехтелев И. Г.** Белинский как историк русской литературы. На степень доктора филол. наук. М., 1955, 31 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

Стр. 16—18: взгляды Белинского на фольклор.

144. **Потявин В. М.** Белинский и русское народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 24 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

145. **Радек Л. С.** Вопросы истории русской литературы в работах А. И. Герцена. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 14 стр. (Ленинградск. Гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 7: взгляды Герцена на фольклор.

146. **Разумова А. П.** Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 60-х годов. (П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко). На степень кандидата филол. наук. Петрозаводск, 1951, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

147. **Рейсер С. А. Н. А. Добролюбов** в 1836—1857 годы. (Подготовка и становление литературной и общественно-политической деятельности). На степень доктора филол. наук. Л., 1955, 45 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 14—16, 27, 28: взгляды Добролюбова на фольклор.

148. **Сельванюк Р. М.** «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова. (Первый в России печатный сборник народных и литературных песен). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

149. **Титова З. Д.** Этнография в деятельности Русского географического общества 1845—1917 годов. (Из истории этнографии в России). На степень кандидата историч. наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 5, 9—12: фольклорная деятельность Географического общества.

150. **Черных Л. В.** Литературная экспедиция 1855 г. На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 13 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

151. **Чумбалова Г. А.** Очерки по истории записи и изучения казахской музыки досоветского периода. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 19 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Собрание и изучение казахских народных песен.

152. **Янсен Э. А.** Общественно-политические и философские взгляды Ф. Р. Крейцвальда. На степень кандидата историч. наук. Таллин, 1954, 18 стр. (Акад. Наук ЭССР).

См. также №№ 24, 323, 376.

IV. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

153. **Гузунова Е. А.** Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 21 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. языкознания).

154. **Днепровская Н. Я.** Синтаксис союзного предложения украинской народной сказки (на материалах сказок, помещенных в сборниках Ив. Рудченко и П. Чубинского). На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1955, 15 стр. (Харьковский Гос. унив. им. А. М. Горького).

155. **Евгеньева А. П.** Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX веков. На степень доктора филол. наук. Л., 1950, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русского языка. Ленинградское отделение).
156. **Лежава Л. Г.** Язык грузинских пословиц. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 17 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. языкознания).
157. **Петрикина Н. С.** Предложные конструкции в северо-восточнорусских сказках. (На материале сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»). На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 11 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. языкознания).
158. **Пеэгел Ю. М.** Морфология языка старых эстонских народных песен. На степень кандидата филол. наук. Тарту, 1954, 15 стр. (Тартуский Гос. унив.).
159. **Тихомирова В. А.** Сложные предложения в «Онежских былинах», записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 21 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. языкознания).
160. **Фелицина В. П.** Лексика русских пословиц XVII века. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 16 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
161. **Филипповская И. А.** О синтаксическом строе русских пословиц. На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 14 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
162. **Шрамм А. Н.** Наблюдения над синтаксическим строем русских пословиц. (Простое предложение). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. языкознания).

V. ПРЕПОДАВАНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

163. **Бессонов Л. П.** Вопросы изучения народного творчества в средней школе. На степень кандидата педагог. наук. Л., 1951, 13 стр. (стеклогр. изд.). (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
164. **Карабаглы А.** Место азербайджанского фольклора в курсе литературы и методика его преподавания в средней школе. На степень кандидата педагог. наук (по специальности — методика литературы). Баку, 1949, 31 стр. (Азербайджанский Гос. научно-исслед. инст. педагогики).
165. **Найденев Б. С.** Значение русской народной сказки для воспитания и образования детей школьного возраста. На степень кандидата педагог. наук. М., 1954, 14 стр. (Акад. пед. наук РСФСР, научно-исслед. инст. методов обучения).
166. **Ухова-Соломина Л. А.** Русская устная народная поэзия в курсе литературного чтения. На степень кандидата педагог. наук. М., 1955, 16 стр. (Акад. пед. наук РСФСР, Научно-исслед. инст. методов обучения).
167. **Циванюк Н. А.** Особенности понимания сказки у детей от 3 до 5 лет. На степень кандидата педагог. наук. М., 1953, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

VI. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ

1. Фольклор и литература

ФОЛЬКЛОР И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

168. **Дмитриев Л. А.** Сказание о мамаевом побоище. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 19 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 18, 19: взаимоотношение сказания с фольклором.
169. **Моисеева Г. Н.** «Казанская история» — новый этап в развитии исторического повествования древней Руси. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 5, 6, 9, 10: фольклор в «Казанской истории».

ФОЛЬКЛОР И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

170. **Гиголов Г. М. В. И.** Лукин и его роль в становлении русской национальной комедии. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1950, 20 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
Стр. 12, 13: пословицы, поговорки и образная народная речь в комедиях Лукина.

171. Глушков С. И. Язык од М. В. Ломоносова. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1954, 15 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).

Стр. 12: синтаксические конструкции русского народнопоэтического творчества в одах Ломоносова.

172. Данкова М. А. Роль русской народной поэзии в творчестве А. Н. Радищева. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

173. Ковалева К. В. Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1955, 21 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).

Стр. 4, 18—20: пословицы, поговорки и сказочные формулы в баснях Сумарокова.

174. Кралина Н. П. Проблема народности в творчестве Г. Р. Державина. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 17 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. М. Н. Покровского).

175. Месяцева Г. И. Сатирические журналы М. Д. Чулкова и Ф. А. Эмина. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).

Стр. 6—11: фольклор в творчестве Чулкова.

ФОЛЬКЛОР И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

176. Апаньева Е. Н. Н. А. Некрасов — создатель народной героической поэмы. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

Стр. 11, 12, 15, 16: фольклор в поэмах Некрасова.

177. Антонец И. И. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». На степень кандидата филол. наук. Киев, 1954, 14 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).

Стр. 9—11: «Тарас Бульба» и устное народное творчество.

178. Барская С. С. Историко-патриотическая поэма А. С. Пушкина «Полтава». На степень кандидата филол. наук. Самарканд, 1955, 13 стр. (Узбекский Гос. унив. им. А. Навои).

Стр. 10, 11: украинский фольклор в поэме.

179. Беседина Т. А. «Кому на Руси жить хорошо» — революционно-демократическая поэма о народе. На степень кандидата филол. наук. [Л.], 1953, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

Стр. 6, 14—18: фольклор в поэме.

180. Бондаренко Г. К. Южные поэмы А. С. Пушкина как этап в становлении его реализма. На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1955, 20 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).

Стр. 10, 13, 14: фольклор в поэмах.

181. Бутусов В. И. Народное творчество в художественной практике А. С. Пушкина. (Опыт исследования). На степень кандидата филол. наук. М., 1949, 12 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

182. Бушканец Е. Г. Борьба журнала «Современник» за политическое воспитание писателей-демократов (1859—1861 годы). На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 16 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).

Стр. 12, 13: роль журнала «Современник» в создании агитационных песен для народа.

183. Виноградов Б. С. Л. Н. Толстой в общественно-политической и литературной борьбе 50-х и начала 60-х годов. (Повесть «Казачи»). На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 11 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).

Стр. 4—6, 9, 10: фольклор в повести «Казачи».

184. Волков А. Р. Сказки А. С. Пушкина в польских переработках А. Ю. Глинского. (Из истории русско-польских литературных взаимоотношений). На степень канди-

- дата филол. наук. Черновицы, 1953, 19 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
- Стр. 8—18: фольклорные основы сказок Пушкина.
185. **Вомперский В. П.** Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов. (О роли просторечия в языке сатиры). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
- Стр. 7: народнопоэтическая фразеология в произведениях Салтыкова-Щедрина.
186. **Вострышев И. В.** Революционная сатира Салтыкова-Щедрина (по «Сказкам»). На степень кандидата филол. наук. М., 1949, 18 стр. (стеклогр. изд.). (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б)).
- Стр. 3, 11, 14—16: фольклорные истоки сказок Салтыкова-Щедрина.
187. **Голи Л. В.** Народ в стихотворениях Н. А. Некрасова 60-х годов. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
- Стр. 11—13: устная поэзия в стихотворениях Некрасова.
188. **Голяк А. И.** Сатирические комедии И. А. Крылова. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 20 стр. (Московский обл. пед. инст.).
- Стр. 11: создание образа царя Вакулы по образу царя народных сказок.
189. **Деркач Б. А.** Драматургия И. А. Крылова. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Отделение обществ. наук).
- Стр. 5, 13, 14: фольклор в пьесах Крылова.
190. **Дряхлушин А. М.** Лексика «Сказок» М. Е. Салтыкова-Щедрина. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 21 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
- Стр. 15—17: лексика и фразеология фольклора в «Сказках» Салтыкова-Щедрина.
191. **Жуковская Н. Г.** Язык и стиль басен И. А. Крылова. (Особенности синтаксиса). На степень кандидата филол. наук. Баку, 1954, 20 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
- Стр. 13, 14, 16—19: пословичные и фольклорные обороты в баснях Крылова.
192. **Изергина Н. П.** Литературно-эстетические взгляды Н. В. Гоголя. На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 18 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
- Стр. 14—17: Гоголь о народности и фольклорности литературы.
193. **Ильинская Т. Г.** Лексика «Истории Петра» Пушкина. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 17 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
- Стр. 4, 5: образная народная речь в «Капитанской дочке» и «Истории Петра».
194. **Ищенко И. Т.** Сказки Салтыкова-Щедрина. На степень кандидата филол. наук. Львов, 1953, 16 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).
- Стр. 5, 11—16: народнопоэтические истоки сказок Салтыкова-Щедрина.
195. **Клюев С. М.** Творческий путь А. В. Кольцова. На степень кандидата филол. наук. М., 1951, 19 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
- Стр. 10—13, 16—19: связь поэзии Кольцова с фольклором.
196. **Кожевников Е. И.** А. В. Кольцов в печати и критике. (1830—1950). На степень кандидата педагог. наук по специальности «библиография». Л., 1953, 20 стр. (Ленинградский Гос. библ. инст. им. Н. К. Крупской).
- Стр. 4, 5, 18—20: песни Кольцова в фольклоре.

197. Колосова Т. С. Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 13—16: народное творчество в поэме.
198. Кудряшов С. А. Лексика и фразеология poem И. С. Никитина. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 13, 14: пословицы и поговорки в поэмах Никитина.
199. Куканов А. М. Пушкин и Радищев. (Постановка общей проблемы и радищевские традиции в раннем творчестве Пушкина. 1813—1820 годы). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 6, 7: народнопоэтические основы сказки-поэмы «Бова» А. Н. Радищева и А. С. Пушкина.
200. Левина А. А. Лексика и фразеология поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 20 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
Стр. 3, 12—20: фольклорная поэтика в поэме.
201. Лобикова Н. М. Романтические поэмы Пушкина. «Бахчисарайский фонтан». На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 15 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 8—10: использование Пушкиным крымской легенды об одном из Гиреев и его жене христианке.
202. Луконин А. Ф. А. Н. Островский и устное народное творчество. На степень кандидата филол. наук. [Сызрань], 1951, 16 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
203. Марканова Ф. А. Диалектные и просторечно-разговорные элементы в языке художественных произведений И. С. Тургенева. На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1955, 24 стр. (Акад. Наук Узб. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
Стр. 23: пословицы и поговорки, народная фразеология в стиле Тургенева.
204. Мельникова Е. А. Литературно-критические взгляды Г. И. Успенского. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 13, 14: взгляды Успенского на фольклор.
205. Миксон Е. К. Короленко и народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1954, 16 стр. (Харьковский Гос. унив. им. А. М. Горького).
206. Моисеева А. А. Жизнь и творчество А. В. Кольцова. На степень кандидата филол. наук. М., 1951, 15 стр. (стеклогр. изд.) (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 7, 11, 13—15: фольклорные основы поэзии Кольцова.
207. Мухина С. Л. Народы России в русской литературе 20-х—30-х годов XIX века (Сибирь). На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 9, 10, 13—15: фольклор народов России в русской литературе 20—30-х годов XIX века.
208. Напольский С. И. Творчество С. П. Подъячева. На степень кандидата филол. наук. Томск, 1955, 15 стр. (Томский Гос. унив. им. В. В. Куйбышева).
Стр. 13, 14: пословицы и народнопоэтические обороты в стиле Подъячева.
209. Николаева Н. В. Проблема народа в раннем творчестве Л. Н. Толстого (50-е—начало 60-х годов XIX века). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 16: народное творчество — один из источников ранних произведений Толстого.

210. Новикова А. М. Стихотворения русских поэтов XIX века в устном народном творчестве. На степень доктора филол. наук. М., 1954, 26 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
211. Петухова Т. Н. Изучение Некрасова в средней школе. На степень кандидата педагог. наук. Л., 1950, 14 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 7, 8, 13: фольклор в творчестве Некрасова и его изучение.
212. Пронь Н. А. Синтаксис повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1953, 22 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 5, 6: использование Пушкиным приемов связи предложений, свойственных фольклору.
213. Скробова А. М. Раннее творчество В. И. Даля (30—40-е годы XIX века). На степень кандидата филол. наук. М., 1950, 20 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 4—6, 8—13, 16, 17: знакомство Даля с народным творчеством.
214. Тиханчева Е. П. Дореволюционное творчество С. П. Подъячева. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1954, 28 стр. (Ереванский Гос. унив. им. В. М. Молотова).
Стр. 17, 18, 27: народная поэзия в творчестве Подъячева.
215. Федорова Г. Л. Н. А. Некрасов и народнопоэтическое творчество (60-е годы). На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
216. Филиппов В. С. «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. На степень кандидата филол. наук. М., 1950, 19 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 10—15, 19: связь сказочного творчества Салтыкова-Щедрина с фольклором.
217. Фокин Н. И. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 17 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 13: фольклор в обрисовке образа Пугачева.
218. Чавгараева У. Б. Фольклор и этнография кавказских горцев в повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат». На степень кандидата филол. наук. М., 1949, 12 стр. (стеклогр. изд.). (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
219. Чернова Л. П. Устная народная поэзия в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина (по материалам сказок). На степень кандидата филол. наук. Минск, 1953, 16 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
220. Чхеизде А. И. «История Пугачева» А. С. Пушкина. На степень доктора филол. наук. Тбилиси, 1950, 42 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
Стр. 35, 36: фольклор в «Истории Пугачева».
221. Швец А. В. Синтаксические особенности произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка (на материале повестей 80—90-х годов). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 17 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 6: пословицы и поговорки в произведениях Мамина-Сибиряка.
222. Шешин М. В. Литературные взгляды Н. В. Гоголя. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 4—6: Гоголь о народности литературы.
223. Шляонский Л. И. «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 13—17: фольклор в поэме.
См. также №№ 278, 298.
- ФОЛЬКЛОР И РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
224. Альбина З. Н. Публицистика А. Н. Толстого. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 13: связь языка публицистики А. Толстого с устной поэзией.

225. **Аникин В. П.** Значение народной поэзии в творческом развитии Алексея Николаевича Толстого. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 15 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
226. **Артюхов П. Л.** Творчество А. П. Чапыгина. На степень кандидата филол. наук. Архангельск, 1952, 20 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 8, 10, 12, 15, 18: народная поэзия в творчестве Чапыгина.
227. **Архангельская В. К.** «Повесть о детстве» Ф. В. Гладкова. На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1952, 19 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 14—18: фольклорные мотивы в «Повести о детстве».
228. **Батин М. А.** Народность сказов П. П. Бажова. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 15 стр. (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б)).
229. **Бесчеревных Б. С.** Басенное творчество Демьяна Бедного (1912—1917). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 8—10, 13, 14: фольклорные основы басен Д. Бедного.
230. **Боголюбова Н. Н.** Из истории советского исторического романа 20-х годов (роман А. П. Чапыгина «Разин Степан»). На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 4, 9, 10, 14: фольклор в романе Чапыгина.
231. **Бороздина П. А.** Драматическая повесть А. Н. Толстого «Иван Грозный». (Творческая история). На степень кандидата филол. наук. Воронеж, 1955, 19 стр. (Воронежский Гос. унив.).
Стр. 4, 10, 16: фольклорные мотивы и образы в повести.
232. **Вайсерберг М. Я.** Ранние поэмы А. Твардовского и «Страна Муравия». (Этап борьбы за овладение методом социалистического реализма. Проблемы художественного мастерства). На степень кандидата филол. наук. Самарканд, 1954, 16 стр. (Узбекский Гос. унив. им. А. Навои).
Стр. 10—12, 16: связь творчества Твардовского с устной поэзией.
233. **Васильев Л. М.** Просторечная, диалектная и народнопоэтическая лексика в повести М. Горького «Детство». На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 15 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
Стр. 8, 9, 12: образная народная речь в повести «Детство».
234. **Вилор Н. А.** Автобиографические повести Ф. Гладкова. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 14 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 13: народнопоэтические образы и сюжеты в повестях Гладкова.
235. **Владимиров С. В.** Литературно-эстетические взгляды В. Маяковского. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 14 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 9: место устной поэзии в системе литературно-эстетических взглядов Маяковского.
236. **Высоцкая Л. М.** Поэтическая деятельность Демьяна Бедного в предреволюционный период и в годы гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 6, 9—13, 15: фольклор в творчестве Д. Бедного.
237. **Выходцев П. С.** Поэмы А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 23 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 7, 11, 12, 18: фольклор в поэмах Твардовского.
238. **Выходцева Л. С.** Поэзия Алексея Суркова. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 17 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 1, 2, 8, 9, 11: отношение Суркова к фольклору.

239. **Галимов Ш. Э.** Поэзия Демьяна Бедного периода гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 14 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 8, 10, 11: фольклор в поэзии Д. Бедного.
240. **Гринфельд Г. Я.** Роман В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. Рига, 1954, 20 стр. (Латвийский Гос. унив.).
Стр. 5: обзор фольклора о Пугачеве; стр. 17—18: устная поэзия в речи героев романа Шишкова.
241. **Гура В. В.** Творческая история романа М. Шолохова «Тихий Дон». На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1953, 24 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 11—13, 18, 20: фольклор в романе.
242. **Доронина Р. И.** Идеологическая работа партии в области литературы и искусства в годы четвертой пятилетки. На степень кандидата историч. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский Гос. экономич. инст.).
Стр. 12: призыв партии широко использовать фольклор в литературе и искусстве.
243. **Дубовицкий И. А.** «Тихий Дон» М. А. Шолохова. (Трагедия Григория Мелехова). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 14 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 3, 4, 13: народная поэзия в романе «Тихий Дон».
244. **Евстафьев В. А.** Поэзия Алексея Суркова. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 16 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
Стр. 7—9, 11, 12: фольклорные образы в поэзии Суркова.
245. **Ефремов И. В.** Послевоенная «Правда» в борьбе за народность советской литературы (1945—1953). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 7, 8, 12, 13: связь советской литературы с фольклором. Ошибки А. Прокофьева в использовании народной поэзии.
246. **Жаляев Г. Е.** Историческое повествование В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 13, 14: образы устной поэзии в повествовании.
247. **Жовтис А. Л.** «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова. (Отбор и творческое использование исторического материала). На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1954, 20 стр. (Ереванский Гос. унив. им. В. М. Молотова).
Стр. 4, 14, 16: использование Шишковым фольклорного материала.
248. **Захарова В. А.** Народная поэзия в автобиографических произведениях А. М. Горького 1912—1917 годов. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1953, 20 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
249. **Земских А. В.** Проблема народа и героя в историческом повествовании В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. М., 1951, 16 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 16: народнопоэтические традиции в обрисовке взаимоотношения народа и героя.
250. **Ильинков В. Г.** Своеобразие пореволюционных поэм Маяковского. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 16 стр. (Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б)).
Стр. 5, 7, 16: фольклор в поэмах Маяковского.
251. **Касаткина В. Н.** Вопросы мастерства и стиля в драматической повести А. Н. Толстого «Иван Грозный». На степень кандидата филол. наук. Томск, 1955, 16 стр. (Томский Гос. унив. им. В. В. Куйбышева).
Стр. 7, 8, 14: фольклор в повести.

252. **Кастелли Н. Н.** Роль А. М. Горького в осуществлении политики партии в области литературы (1928—1935 годы). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 20 стр. (Акад. Наук УССР, Отделение обществ. наук).
- Стр. 17, 18: Горький о связи литературного языка с образной народной речью.
253. **Ковалев В. А.** Творчество Леонида Леонова (1915—1937 годы). На степень доктора филол. наук. Л., 1951, 31 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
- Стр. 7, 8, 12: знакомство Леонова с фольклором и образной народной речью.
254. **Коваленко С. А.** Колхозная деревня в поэзии М. Исаковского и А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
- Стр. 7, 10—12, 15: отношение Исаковского и Твардовского к фольклору.
255. **Кон Л. Ф.** Развитие поэзии для детей в годы восстановительного периода (1921—1925) в свете задач коммунистического воспитания. На степень кандидата педагог. наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. библиотечный инст. им. Н. К. Крупской).
- Стр. 13, 14: традиции народной сказки в произведениях В. Маяковского для детей.
256. **Кондюрина Э. Ф.** Творческая история романа В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. ун-в. им. М. В. Ломоносова).
- Стр. 13—15: народнопоэтические основы языка Шишкова; фольклорные элементы в речи героев романа.
257. **Кохно И. П.** Творчество А. Твардовского (1925—1940). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 8 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
- Стр. 4, 6, 7: фольклор в творчестве Твардовского.
258. **Красильников Н. В.** Народная песня в творчестве М. Горького. На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1952, 15 стр. (Харьковский Гос. ун-в. им. А. М. Горького).
259. **Кудряшова Е. И.** Роман С. П. Злобина «Степан Разин». На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 16 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
- Стр. 15: место и роль фольклорных элементов в романе «Степан Разин».
260. **Кузнецов И. Ф.** Демьян Бедный — баснописец. На степень кандидата филол. наук. Томск, 1954, 16 стр. (Томский Гос. ун-в. им. В. В. Куйбышева).
- Стр. 3, 13—15: народнопоэтические мотивы и сюжеты в баснях Д. Бедного.
261. **Куликова Э. Ф.** Историческое повествование В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. Казань, 1954, 20 стр. (Казанский Гос. ун-в. им. В. И. Ульянова-Ленина).
- Стр. 13, 15, 19: фольклор в повествовании.
262. **Кулинич А. В.** Творческий путь Алексея Суркова. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1952, 15 стр. (Киевский Гос. ун-в. им. Т. Г. Шевченко).
- Стр. 1, 4, 7, 8, 12, 13: фольклор в творчестве Суркова.
263. **Куприянова В. Н.** Творчество А. Л. Коптелова. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
- Стр. 9, 12—14: алтайский фольклор в творчестве Коптелова.
264. **Латухина Н. А.** Народно-героическая эпопея В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1954, 17 стр. (Саратовский Гос. ун-в. им. Н. Г. Чернышевского).
- Стр. 10, 12, 15: связь эпопеи с фольклором.

265. Лукьянов П. Х. Ранние сказки М. Горького. На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1951, 15 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 7, 9, 14, 15: связь сказок М. Горького с русским народным творчеством.
266. Макаровская Г. В. Роман А. Н. Толстого «Петр Первый» (проблема народа и Петра в творчестве Толстого). На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1955, 18 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 8, 11, 14—18: фольклор в романе.
267. Макина М. А. Творчество А. Н. Толстого 20-х годов (1922—1928). На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 14: образная народная речь в творчестве Толстого.
268. Малинова К. В. «Повесть о детстве» Ф. В. Гладкова. На степень кандидата филол. наук. Казань, 1954, 19 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
Стр. 10: фольклорные традиции в «Повести о детстве».
269. Метченко А. И. Творчество Маяковского в первые годы советской власти (1917—1924). На степень доктора филол. наук. М., 1951, 25 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 7, 12, 24: связь творчества Маяковского с народной традицией.
270. Молдавский Д. М. Маяковский и русское устно-поэтическое творчество (в первые послереволюционные годы). На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 14 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
271. Мордвинов А. А. Русская народная поэзия в творчестве В. В. Маяковского. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствознания, фольклора и этнографии).
272. Морозов П. М. «Чапаев» Д. А. Фурманова. На степень кандидата филол. наук. Иркутск, 1954, 15 стр. (Иркутский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 4: образная народная речь в обрисовке Чапаева; стр. 15: приемы устного народного рассказа в авторском повествовании.
273. Мохирев И. А. Русские поэмы эпохи Великой Отечественной войны (1941—1945). (О специфике типизации действительности в советской героической поэме). На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 16 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
Стр. 10, 13, 14: фольклор в поэме П. Антакольского «Сын» и в поэме А. Твардовского «Василий Теркин».
274. Нечаева О. А. Разговорно-просторечные элементы современного русского языка. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 11: пословицы в баснях С. Михалкова.
275. Охитин В. Г. Проблема народа и вождя в историческом повествовании В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. Саратов, 1952, 22 стр. (Саратовский Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского).
Стр. 11, 15, 16: творческое отношение писателя к пугачевскому циклу устной поэзии.
276. Пароникян Э. М. Поэзия Демьяна Бедного периода гражданской войны. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 7, 11—15: фольклорные основы поэзии Д. Бедного.
277. Петровская Н. И. «Повесть о детстве» и ее место в творчестве Ф. В. Гладкова. На степень кандидата филол. наук. Ижевск, 1953, 18 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст.).
Стр. 7, 16: обращение Гладкова к народной поэзии.

278. Пискунов В. М. Повести и романы о Великой Отечественной войне (1945—1950). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 11, 15: фольклор в творчестве Э. Г. Казакевича; народнопоэтические образы в повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя.
279. Поздняева З. М. Автобиографическая трилогия Ф. В. Гладкова. (О мастерстве писателя). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 14 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 12—14: образная народная речь в трилогии.
280. Полотай А. М. Образ Степана Разина в советской литературе. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 14 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 3: обзор разинского цикла фольклора; стр. 6—8: фольклор в романе А. П. Чапыгина «Разин Степан»; стр. 13, 14: фольклор в романе С. П. Злобина «Степан Разин».
281. Поляков А. Ф. Проблема изображения народа и героя в романе С. П. Злобина «Степан Разин». На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский обл. пед. инст.).
Стр. 11, 13: народная поэзия в романе.
282. Попов В. А. Становление и развитие темы народа в творчестве В. В. Маяковского 1912—1924 годов. На степень кандидата филол. наук. Сталинабад, 1955, 16 стр. (Туркменский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 6—12, 15, 16: фольклорные истоки творчества Маяковского.
283. Потапов В. С. Стиль исторического повествования В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 16 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 10, 12, 13: образная народная речь в романе.
284. Правдина И. С. Маяковский и русское народно-поэтическое творчество. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
285. Прокудин С. Б. Творчество Л. М. Леонова периода Великой Отечественной войны (пьеса «Нашествие», повесть «Взятие Великошумска», «Статьи военных лет»). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 13 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 13: связь статей Леонова периода Великой Отечественной войны с фольклором.
286. Русакова А. Я. Вячеслав Шишков и его историческое повествование «Емельян Пугачев». На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 20 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 10: пугачевская тема в русском фольклоре и творчестве Шишкова.
287. Семенова В. И. Литературно-эстетические взгляды А. Н. Толстого. На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 17 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
Стр. 14, 16: место устной поэзии в эстетических взглядах Толстого.
288. Симоненко Л. Н. А. Н. Толстой как детский писатель. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 8, 10, 11: обработка сказок Толстым.
289. Сокольская А. Л. Историческая драматургия А. Н. Толстого. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. истории искусств.—Гос. научно-исслед. инст. театра и музыки).
Стр. 15, 16: фольклорные истоки драматической повести «Иван Грозный».

290. **Спивак И. А.** «Василий Теркин» А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1954, 15 стр. (Харьковский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 5, 9, 10, 13, 14: фольклор в поэме.
291. **Степанов П. И.** Романы Д. А. Фурманова. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 22 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 9: фольклор в романе «Чапаев».
292. **Степунин И. Г.** Советский исторический роман о начальном периоде борьбы за объединение Руси (роман С. Бородина «Дмитрий Донской»). На степень кандидата филол. наук. Минск, 1955, 18 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 8—11, 17: фольклор в романе «Дмитрий Донской».
293. **Сухарев А. А.** Жанр поэмы в послевоенной русской советской литературе (1946—1950 годы). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский обл. пед. инст.).
Стр. 13, 14: образная народная речь в поэмах.
294. **Толмачев М. П.** Художественное мастерство А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 14 стр. (Литературный инст. им. А. М. Горького).
Стр. 6, 9, 11, 12: связь творчества Твардовского с устной поэзией.
295. **Хвьяля Л. К.** Лексико-фразеологический состав поэтического языка А. Твардовского. На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1955. 16 стр. (Харьковский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 9—12: фольклор и образная народная речь в творчестве Твардовского.
296. **Черторижская Т. К.** Особенности языка и стиля трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». На степень кандидата филол. наук. Киев, 1953, 19 стр. (Акад. Наук УССР, Отделение обществ. наук).
Стр. 17, 18: образная народная речь в трилогии.
297. **Чижик-Полейко А. И.** Дialeктная лексика сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка». На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 14 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 2—4, 7, 9: образная народная речь в сказах Бажова.
298. **Швецова Л. К.** Традиции Некрасова в советской поэзии (в творчестве В. Маяковского, М. Исаковского, А. Твардовского). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 17 стр. (Литературный инст. им. А. М. Горького).
Стр. 13—17: преемственность фольклорных традиций Некрасова.
299. **Шнейерсон М. А.** Фольклор в творчестве А. М. Горького. 1892—1917 годы. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
300. **Шохин К. В.** О народности советской литературы и искусства. На степень кандидата философск. наук. М., 1952, 19 стр. (стеклогр. изд.). (Акад. Наук СССР, Инст. философии).
Стр. 1, 4, 5, 14, 15: значение фольклора для советской литературы.
301. **Якименко Л. Г.** «Тихий Дон» М. Шолохова. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 14 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 14: фольклорный принцип эпического параллелизма в романе «Тихий Дон».
См. также №№ 132, 338, 385—387, 389, 392, 394, 396.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

302. **Абола М.** Жизнь и творчество народного поэта Я. Судрабална в советский период (1940—1955 годы). На степень кандидата филол. наук. Рига, 1955, 16 стр. (Латвийский Гос. унив.).
Стр. 11: фольклор в творчестве Судрабална.

303. **Алиев Р.** Жизнь и творчество Кемине. На степень кандидата филол. наук. Ашхабад, 1955, 20 стр. (Туркменский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 8, 9, 12, 17—19: образ Кемине в туркменском фольклоре; народная поэзия в творчестве Кемине.
304. **Амашукели Е. В.** Миф об аргонавтах в грузинской литературе. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 16 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
305. **Багрова А. П.** Белорусская сатирическая литература периода Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1954, 21 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 10—12: связь литературы с фольклором.
306. **Байда Ю. В.** Жизненный и творческий путь Петра Козланюка. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 15 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 13—15: фольклор в творчестве Козланюка.
307. **Бикмухаметов Р. Г.** Творческий путь Мусы Джалиля. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 17 стр. (Литературный инст. им. А. М. Горького).
Стр. 8, 9, 12—14: фольклор в творчестве Джалиля.
308. **Бойко В. Г.** Вопросы сатиры в литературно-эстетических взглядах Ивана Франко. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1955, 18 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 6, 7: Франко о народной сатире.
309. **Брагинский И. С.** Опыт исследования элементов народного поэтического творчества в памятниках древней и средневековой таджикской письменности. На степень доктора филол. наук. М., 1954, 59 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
310. **Гурвич С. А.** Эмитрок Бядуля и фольклор. На степень кандидата филол. наук. Минск, 1955, 15 стр. (Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
311. **Дей А. И.** Значение народного творчества в формировании критического реализма Ивана Франко. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1950, 17 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).
312. **Денисенко М. С.** Общественно-политические взгляды Марка Вовчка. На степень кандидата философск. наук. Киев, 1955, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Отделение обществ. наук).
Стр. 12: высокая оценка украинских песен М. Вовчком.
313. **Джибладзе Т. Г.** К истории грузинской детской литературы XIX века. (Грузинская детская литература второй половины XIX века и Я. С. Гогешавили). На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1955, 16 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
Стр. 4, 11—13: фольклор в творчестве Гогешавили.
314. **Довейка К.** Литовская советская литература периода Великой Отечественной войны. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1955, 16 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 15: связь литовской советской литературы с фольклором.
315. **Жекайте Я.** Творчество А. Венуолиса до 1917 года. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1955, 12 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 5, 11: фольклор в творчестве Венуолиса.
316. **Занючковский Ю. П.** Основные этапы творческого пути поэта Георге Кошбука. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 5, 6—9, 15: румынский фольклор в творчестве Кошбука.
317. **Зейле П. Я.** Художественный образ как особая форма отражения объективной действительности. На степень кандидата философск. наук. (по эстетике). Рига, 1955, 24 стр. (Латвийский Гос. унив.).
Стр. 20: фольклор как стилистическое выражение национальной формы в творчестве латышских писателей.

318. **Касумзаде (Касимов) Фейзулла.** История развития реалистическо-демократического направления в азербайджанской литературе XIX века. На степень доктора филол. наук. Баку, 1955, 43 стр. (Азербайджанский Гос. унив. им. С. М. Кирова).
Стр. 12—16: народно-ашугская поэзия и ее влияние на письменную литературу.
319. **Комаринец Ф. И.** Поэзия Т. Г. Шевченко 1837—1847 годов и народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1954, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. украинской литер. им. Т. Г. Шевченко).
320. **Котетишвили П. А.** Творчество Георгия Леонидзе. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 16 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
Стр. 13, 14: фольклор в поэзии Леонидзе.
321. **Курдадзе Ш. И.** Изучение творчества Г. Леонидзе в VIII и XI классах. На степень кандидата педагог. наук по методике литературы. Тбилиси, 1955, 17 стр. (Мин. просвещения Груз. ССР, Научно-исслед. инст. пед. наук).
Стр. 7, 14, 15: изучение фольклоризма творчества Леонидзе.
322. **Ларченко М. Г.** Становление и развитие реализма в белорусской литературе XIX века. На степень доктора филол. наук. М.—Минск, 1955, 32 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького.—Белорусский Гос. унив. им. В. И. Ленина).
Стр. 4, 6, 7, 9—13, 16, 19, 21—23, 25—30: фольклор в белорусской литературе.
323. **Лебедис Ю.** Симонас Станевичя. (Монография). На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1953, 18 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 10—12, 15, 16: фольклор в творчестве Станевичя; Станевичя как собиратель и исследователь литовского фольклора.
324. **Лебенка Ю.** Художественное творчество Винцаса Кудирки. На степень кандидата филол. наук. Вильнюс, 1955, 16 стр. (Вильнюсский Гос. унив. им. В. Капсукаса).
Стр. 8, 9, 14: связь творчества Кудирки с фольклором.
325. **Лесь-Стеценко Л.** Поэтика Т. Г. Шевченко. (Творчество 1838—1843 гг.). На степень кандидата филол. наук. Киев, 1949, 8 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. украинской литер. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 2—4, 6, 7: связь поэмы «Кобзарь» с народной поэзией.
326. **Лорткванидзе Л. Г.** Жизнь и творчество Шию Мгвимели. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1954, 16 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
Стр. 7, 9, 15: фольклорные основы творчества Мгвимели.
327. **Мамыров М. Ч.** Отражение коллективизации в киргизской советской прозе. На степень кандидата филол. наук. Фрунзе, 1955, 15 стр. (Акад. Наук Киргиз. ССР).
Стр. 3, 4, 11, 12: роль устной поэзии в развитии киргизской советской прозы.
328. **Мелконян С. А.** Язык и стиль поэм Ов. Туманяна. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1955, 29 стр. (Ереванский Гос. унив. им. В. М. Молотова).
Стр. 11—14, 17, 21, 23—28: образная народная речь в поэмах Туманяна.
329. **Назинян А. М.** Армянская советская литература и устное народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1953, 32 стр. (Акад. Наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Абегамяна).
330. **Недилько Г. Я.** Литературно-эстетические взгляды Тараса Григорьевича Шевченко. На степень кандидата филол. наук. Киев, 1954, 16 стр. (Киевский Гос. унив. им. Т. Г. Шевченко).
Стр. 13—15: «Мысли Шевченко о народности литературы».

331. **Нечитайлюк М. Ф.** Драматургия Ивана Франко и народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Львов, 1951, 17 стр. (Львовск. филиал Акад. Наук УССР, Инст. обществ. наук).
332. **Никитина В. Б.** Некоторые особенности лирики Насир- и Хосрова. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 4, 5, 11—13: фольклор в творчестве Хосрова.
333. **Полянская Е. С.** Лирика Леси Украинки. На степень кандидата филол. наук. Харьков, 1954, 15 стр. (Харьковский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 9—12, 14: связь лирики Л. Украинки с народной поэзией.
334. **Рахимов Н.** Идеино-художественные особенности романа Садридина Айни «Дохунда». На степень кандидата филол. наук. Ташкент, 1954, 16 стр. (Акад. Наук Узб. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
Стр. 15, 16: фольклорные образы в романе.
335. **Руденко М. Б.** Поэма курдского поэта XVII века Ахмеда Хани «Мам и Зин». На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
Стр. 4—6, 10—13, 16: народнопоэтические истоки поэмы.
336. **Салагаева З. М.** Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 13 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
337. **Свимпул-Сокол Э. П.** Жизнь и творчество Я. Райниса. На степень кандидата филол. наук. Рига, 1954, 25 стр. (Латвийский Гос. унив.).
Стр. 8, 15, 18—20: фольклор в творчестве Райниса.
338. **Семенов В. А.** Развитие якутской советской поэзии и традиции Маяковского (1926—1941). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 4—8: фольклор в творчестве С. Р. Кулачикова-Элляя.
339. **Сироткин М. Я.** Чувашская советская литература. На степень доктора филол. наук. М., 1954, 42 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 8—10, 16, 17, 23, 24, 32, 41: взаимоотношения чувашской литературы и фольклора.
340. **Тресков И. В.** Шора Ногмов — писатель и деятель просвещения кабардинцев. (Из истории русско-кабардинских литературных и культурных связей первой половины XIX века). На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 10—14: значение устной поэзии для деятельности Ногмова.
341. **Туманян Н. О.** Связи Ов. Туманяна с русской литературой. На степень кандидата филол. наук. Ереван, 1954, 24 стр. (Акад. Наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Абеяна).
Стр. 16—18: взгляды Туманяна на эпос (в том числе на русские былины); стр. 7—9, 12, 23: фольклор в творчестве Туманяна.
342. **Уметалнев Ш.** Поэзия Аалы Токомбаева (Балка). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 5, 6: связь творчества Токомбаева с фольклором.
343. **Френкель С. М.** «Баллады и идиалли» (1883—1890) Георге Кошбук. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 5, 6, 9, 10: фольклор в творчестве Кошбука.
344. **Хамдамов Ж.** Словарный состав сочинений поэта-демократа Мукими. На степень кандидата филол. наук. Самарканд, 1955, 20 стр. (Узбекский Гос. унив. им. А. Навои).
Стр. 7, 8: фольклор в творчестве М. А. Мукими.

345. **Хинтибидзе А. Г.** Поэзия Иосифа Гришашвили. На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1953, 19 стр. (Акад. Наук Груз. ССР, Инст. истории грузинской литер. им. Ш. Руставели).
Стр. 4, 5: фольклор в дореволюционном творчестве Гришашвили.
346. **Хурмеваара А. Г.** Творчество Ю. Х. Эркко и «Калевала». (По драмам «Айно» и «Куллерво»). На степень кандидата филол. наук. Петрозаводск, 1955, 21 стр. (Карело-Финский филиал Акад. Наук СССР. — Тартуский Гос. унив.).
347. **Черных С. Я.** Художественная проза основоположника марийской советской литературы М. Шкетана. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 17 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 11—13: фольклор в творчестве Шкетана (Я. П. Майорова).
348. **Чунгаев Я.** Язык рассказов Агахана Дурдыева. На степень кандидата филол. наук. Ашхабад, 1955, 16 стр. (Туркменский Гос. унив. им. А. М. Горького).
Стр. 7, 15: пословицы и поговорки в рассказах Дурдыева.
349. **Шарафутдинов О.** Узбекская советская поэма (1946—1953 годы). На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 13, 14: роль устного народного творчества в эволюции поэмы.
350. **Щурат С. В.** Раннее творчество Ивана Франко (1871—1877 годы). На степень кандидата филол. наук. Львов, 1954, 15 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).
Стр. 5, 9: народнопоэтические мотивы в творчестве Франко.
351. **Юсупов З. Г.** Зарождение и становление башкирской советской литературы (1917—1929 годы). На степень кандидата филол. наук. Уфа, 1955, 18 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького. — Башкирский филиал Акад. Наук СССР, Инст. истории, языка и литер.).
Стр. 2, 3, 6: фольклор в башкирской литературе.
См. также №№ 5, 7, 8, 76.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

352. **Герасимович Л. К.** Творчество современного монгольского писателя Цэндийн Дамдинсурэна. На степень кандидата филол. наук. Л., 1953, 18 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 5, 12, 16, 17: фольклорные истоки творчества Дамдинсурэна.
353. **Доватур А. И.** Научный и фольклорный стиль у Геродота. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
354. **Зайцев В. К.** Поэма Ивана Гундулича «Осман». На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 11—14: «Поэма „Осман“ и народное творчество».
355. **Камешков Б. Н.** Очерки современной литературы Монгольской Народной Республики (1921—1948). На степень кандидата филол. наук. Л., 1950, 14 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 13: фольклорное наследие в современной литературе МНР.
356. **Кацнельсон Д. Б.** Адам Мицкевич и народное творчество. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 26 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
357. **Копыстянская Н. Ф.** Закарпатская Украина в творчестве Ивана Ольбрахта. На степень кандидата филол. наук. Львов, 1955, 16 стр. (Львовский Гос. унив. им. И. Франко).
Стр. 12—13: фольклорные мотивы в романе «Никола Шугай разбойник».
358. **Кюссе Р. Ф.** Сербский поэт-реалист Йован Йованович-Змай. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 6, 10, 13, 16: устная поэзия в творчестве Йовановича-Змая.

359. **Ланда Е. В.** Роман Гриммельсгауэна «Приключения Симплициса Симплиссимуса» и немецкий народный реализм XVI—XVII веков. На степень кандидата филол. наук. Л., 1951, 18 стр. (стеклогр. изд.). (Ленинградский Гос. пед. инст. им. М. Н. Покровского).
Стр. 10, 18: связь романа с немецким фольклором и немецкими народными книгами.
360. **Меньшиков Л. Н.** Современная реформа китайской классической драмы. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
Народные основы китайской драматургии.
361. **Миминошвили Р. С.** Истоки греческой поэзии. (Следы догреческого населения в греческом эпосе). На степень кандидата филол. наук. Тбилиси, 1955, 22 стр. (Тбилисский Гос. унив. им. И. В. Сталина).
Использование греческой литературой фольклора догреческих племен.
362. **Михайлов Г. И.** Возникновение и развитие современной монгольской литературы. На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 22 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. востоковедения).
Стр. 7—9, 17, 21: значение фольклора для развития монгольской литературы.
363. **Можяева В. О.** Йован Йованович-Змай и сербское народное творчество. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 15 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
364. **Моричева М. Д.** Творческий путь Нурдаля Грига. На степень кандидата филол. наук. Л., 1954, 15 стр. (Ленинградский Гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 7: норвежский фольклор в творчестве Грига.
365. **Погодин А. С.** Ханс Кристиан Андерсен — новеллист. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Народный характер сказок Андерсена.
366. **Пузей К. С.** Елин-Пелин — классик болгарской литературы. На степень кандидата филол. наук. Л., 1955, 18 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 13—15, 17: фольклор в творчестве Елина-Пелина (Димитра Иванова)
367. **Ремизов А.** Творчество Эжена Потье. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 12 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 11: французский фольклор в творчестве Потье.
368. **Севрюгина Л. В.** Роберт Бёрнс — великий шотландский поэт. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 16 стр. (Московский обл. пед. инст.).
Стр. 6, 9, 10, 15, 16: фольклор в творчестве Бёрнса.
369. **Суворова Д. М.** Общественно-политическая сатира Франсиско Кеведо. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 15 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 13, 14: испанский фольклор в творчестве Кеведо.
370. **Шейнман-Топштейн С. Я.** Фольклорные истоки древнеаттической комедии. Роль парабазы в развитии жанра. На степень кандидата филол. наук. М., 1955, 17 стр. (Московск. Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

2. Народная песня и творчество композиторов

371. **Барсамян А. А.** Спендиаров и его творчество. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 15 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 4, 7, 9, 11—13: народная песня в творчестве Спендиарова.

372. **Брутян Ц. Г.** Комитас и армянская народная музыка. На степень кандидата искусствоведения. М., 1952, 21 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
373. **Герасимова-Персидская Н. А.** Народно-песенные основы украинского советского симфонизма. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1954, 15 стр. (Киевская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
374. **Григорян К. Александр** Спендиарян. (Опыт характеристики жизни и творчества). На степень кандидата искусствоведения, Ереван, 1955, 23 стр. (Акад. Наук Арм. ССР, Сектор истории и теории искусств).

Стр. 8—14, 16, 17, 19, 20, 22: народно-песенные мотивы в творчестве Спендиаряна.

- 374-а **Гудзенко А. В.** Народно-песенные основы оперного творчества Н. В. Лысенко. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1955, 14 стр. (Киевская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
375. **Еолян И. Р.** Комитас. Опыт характеристики творческой личности. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 21 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 7—9, 11—18: интерес Комитаса к народной песне.

376. **Загайкевич М. П.** Творчество С. Ф. Людкевича. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1954, 16 стр. (Акад. Наук УССР, Инст. искусствоведения, фольклора и этнографии).

Стр. 5: Людкевич как фольклорист; стр. 8—12, 14, 15: песенные истоки творчества Людкевича.

377. **Карагюлян Э. Г.** Арам Хачатурян и армянская народная музыка. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 20 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. истории искусств).
378. **Кирейко В. Д.** Обработки украинских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано советских композиторов. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1953, 16 стр. (Киевская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
379. **Красинская Л. Э.** Основоположники латышского романса. (Романсовое творчество Э. Дарзиня, Я. Витола и А. Калныня). На степень кандидата искусствоведения. Л., 1955, 18 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

Народно-песенные основы творчества Дарзиня, Витола и Калныня.

380. **Ладыгина А. Б.** О народности советского искусства (музыки). На степень кандидата философск. наук (по эстетике). М., 1955, 16 стр. (Гос. инст. театрального искусства им. А. В. Луначарского. — Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 12—14: народное творчество в профессиональном искусстве.

381. **Михайлов М. К.** А. К. Лядов. (Жизнь и творчество). На степень кандидата искусствоведения. Л., 1954, 18 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

Стр. 4—6, 9, 10, 13—15, 17: народно-песенные истоки творчества Лядова.

382. **Михайлова Т. Н.** Романсы и песни Я. С. Степового и их вокально-педагогическое значение. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1952, 16 стр. (Киевская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 4, 6, 9—11, 14—16: связь творчества Я. С. Степового (Я. С. Акименко) с народной песней.

383. **Павлашин С.** Творчество композитора Д. В. Сичинского. На степень кандидата искусствоведения. Киев, 1955, 15 стр. (Киевская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Стр. 7—13: народная украинская песня в творчестве Сичинского.

384. **Юзелинас Ю. А.** Литовская народная песня в симфоническом творчестве некоторых литовских советских композиторов. Теоретическая часть исполнительской диссертации. На степень кандидата искусствоведения. Л., 1953, 18 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

3. Массовая советская песня

385. **Бочаров А. Г.** Русская советская массовая песня 1934—1952 годов. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 2—4, 6, 8, 11, 14, 15: фольклорные традиции в песнях М. И. Исаковского, В. И. Лебедева-Кумача, А. А. Суркова, А. И. Фатьянова.
386. **Дронов В. С.** Творческий путь Василия Ивановича Лебедева-Кумача. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Московский Гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
Стр. 12, 13: анализ песенного творчества Лебедева-Кумача (1934—1939).
387. **Ильин Д. Д.** Лексический состав произведений М. В. Исаковского. На степень кандидата филол. наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 12, 13: образная народная речь в песнях Исаковского.
388. **Левит С. И.** Советская музыкальная культура в борьбе за мир. На степень кандидата искусствоведения. М., 1955, 22 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. истории искусств).
Массовая песня в борьбе за мир.
389. **Мартынова В. В.** Поэзия М. В. Исаковского. На степень кандидата филол. наук. Л., 1952, 25 стр. (Ленинградский Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 14, 16, 17: устная традиция в песнях Исаковского.
390. **Петрова И. Ф.** Песенное творчество В. Г. Захарова. На степень кандидата искусствоведения. М., 1954, 16 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
391. **Питина С.** Песенное творчество Валентина Макарова. На степень кандидата искусствоведения. М., 1953, 16 стр. (Московская Гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
392. **Поликанов А. А.** М. В. Исаковский. (К вопросу о творческой эволюции). На степень кандидата филол. наук. М., 1952, 19 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
Стр. 2, 3, 5, 10—13, 16—18: значение устной поэзии для эволюции творчества Исаковского в области создания массовых песен.
393. **Сохор А. Н.** Массовая песня в период Великой Отечественной войны. (На материале творчества русских советских композиторов). На степень кандидата искусствоведения. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).
394. **Фешин И. Н.** Творчество В. И. Лебедева-Кумача. На степень кандидата филол. наук. М., 1953, 16 стр. (Акад. Наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 3, 6, 7, 11, 15: связь песенного творчества поэта с фольклором.
395. **Юденич Н. Н.** Русская героическая революционная песня и ее значение для творчества советских композиторов. (На материале героической песни пролетарского периода освободительного движения, боевых песен гражданской войны, песенных и хоровых произведений русских советских композиторов 20-х—начала 30-х годов). На степень кандидата искусствоведения. Л., 1953, 15 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).
396. **Юдкевич Л. Г.** Творчество М. Исаковского. На степень кандидата филол. наук. Казань, 1955, 18 стр. (Казанский Гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
Стр. 12, 13, 15: проблемы песенного жанра в творчестве Исаковского. См. также №№ 68, 89, 298.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абола М. 302
 Авдеев А. Д. 69
 Агаян М. 54
 Айни С. 334
 Алиев Р. 303
 Алиева Д. А. 5
 Альбина Э. Н. 224
 Аманалиев Б. 78
 Амашукели Е. В. 304
 Амонов Р. 6
 Ананьева Е. Н. 176
 Андерсен Х. К. 365
 Аникин В. П. 225
 Антокольский П. Г. 273
 Антонец И. И. 177
 Антонян Г. Г. 7
 Аракчеева А. В. 98
 Араслы Г. Т. 8
 Арсен 10
 Артюхов П. Л. 226
 Архангельская В. К. 227
 Асеев Б. Н. 70
 Асроров В. М. 99
- Багрова А. П. 305
 Бажов П. П. 228, 297
 Базарбаев М. 109
 Байганин Н. 118
 Байда Ю. В. 306
 Байзаков И. 121
 Байтанаев А. 110
 Балакин А. М. 67
 Баранникова Е. В. 43
 Барсамян А. 371
 Барская С. С. 178
 Батин М. А. 228
 Бедный Д. 229, 236, 239, 260, 276
 Беззубова Ф. И. 122
 Бейсембиев К. 111
 Белинский В. Г. 128, 143, 144
 Березовский И. П. 100
 Бёрнс Р. 368
 Бершадская Т. С. 50
 Беседина Т. А. 179
 Бессонов Л. П. 163
 Бесчеревных Б. С. 229
 Бикбухаметов Р. Г. 307
 Бобкова В. С. 127
 Боголюбова Н. Н. 230
 Богомоллов Б. И. 128
 Бойко В. Г. 308
 Бондаренко Г. К. 180
 Бородин С. П. 292
 Бороздина П. А. 231
 Бочаров А. Г. 385
 Брагинский И. С. 309
 Брутян М. А. 55
 Брутян Ц. Г. 372
 Будянский М. Х. 30
 Бутусов В. И. 181
 Бушканец Е. Г. 182
 Былов В. М. 1
 Бядуля Э. 310
- Вайсерберг М. Я. 232
 Васильев Л. М. 233
 Велегкая Н. Н. 2
 Вемуолис А. 315
 Вилор Н. А. 234
 Виноградов Б. С. 183
 Витол Я. 379
 Владимиров С. В. 235
 Вовчок М. 312
 Волков А. Р. 184
 Вольман Б. Л. 129
 Вомперский В. П. 185
 Вострышев И. В. 186
 Вчерашняя И. А. 44
 Высоцкая Л. М. 236
 Выходцев П. С. 237
 Выходцева Л. С. 238
- Газыбаев Т. 112
 Галимов Ш. Э. 239
 Гаршнек А. И. 56
 Герасимова-Персидская Н. А. 373
 Герасимович Л. К. 352
 Геродот 353
 Герцен А. И. 145
 Гиголов Г. М. 170
 Гильфердинг А. Ф. 159
 Гирс Г. Ф. 21
 Гладков Ф. В. 227, 234, 268, 277, 279
 Глинский А. Ю. 184
 Глушков С. И. 171
 Гогешавили Я. С. 313
 Гоголь Н. В. 177, 192, 222, 278
 Голи Л. В. 187
 Гольдин М. 57
 Голяк А. И. 188
 Гончарук Ф. М. 107
 Горький А. М. 132, 233, 248, 252, 258, 265, 299
 Гребле В. О. 58
 Гречина О. Н. 88
 Григ Н. 364
 Григорян К. 374
 Гриммельсгаузен Г. Я. 359
 Гринфельд Г. Я. 240
 Гришашвили И. 345
 Грушкин В. М. 130
 Гудзенко А. В. 374а
 Гудошников Я. И. 89
 Гузунова Е. А. 153
 Гукасян А. С. 79
 Гуменюк А. И. 101
 Гундулич И. 354
 Гура В. В. 241
 Гурвич С. А. 310
 Гусев В. Е. 131
- Давкараев Н. 9
 Даль В. И. 137, 213
 Дамдинсурэн Ц. 31
 Дамдинсурэн Цен. 35₂
 Дангалко К. Е. 102
 Данкова М. А. 172
 Дарзинь Э. 379

- Даронян С. 120
 Дей А. И. 311
 Денисенко М. С. 312
 Державин Г. Р. 174
 Деркач Б. А. 189
 Джалиль М. 307
 Джамбул Джабаев 109—111, 115
 Джибладзе Т. Г. 313
 Дмитраков И. П. 132
 Дмитриев Л. А. 168
 Днепровская Н. Я. 154
 Добролюбов Н. А. 133, 147
 Доватур А. И. 353
 Довейка К. 314
 Домановский Л. В. 3
 Доронина Р. И. 242
 Дронов В. С. 386
 Дряхлушин А. М. 190
 Дубовицкий И. А. 243
 Дурдыев А. 348
 Дюсенбаев И. Т. 32
 Евгеньева А. П. 155
 Евстафьев В. А. 244
 Егоров Б. Ф. 133
 Елин-Пелин 366
 Еолян И. Р. 375
 Ерзакович Б. Г. 59
 Ерофеева Л. В. 83
 Ефименко П. С. 146
 Ефремов И. В. 245
 Жекайте Я. 315
 Жиляев Г. Е. 246
 Жовтис А. Л. 247
 Жуковская Н. Г. 191
 Загайкевич М. П. 376
 Зайцев В. К. 354
 Захаров В. Г. 390
 Захарова В. А. 248
 Заюнчковский Ю. П. 316
 Зейле П. Я. 317
 Землянова Л. М. 134
 Земских А. В. 249
 Злобин С. П. 259, 280, 281
 Зыкин В. Н. 135
 Ибрагимов И. 73а
 Иван Грозный 4, 53
 Изергина Н. П. 192
 Ильин Д. Д. 387
 Ильинков В. Г. 250
 Ильянская Т. Г. 193
 Инфантьев Б. Ф. 136
 Иоанинас А. К. 45
 Исаковский М. В. 254, 298, 385, 387,
 389, 392, 396
 Итс Р. Ф. 22
 Ишанов Х. 113
 Ищенко И. Т. 194
 Йованович-Змай Й. 358, 363
 Кабашников К. П. 46
 Кавтаськин Л. С. 60
 Казакевич Э. Г. 278
 Какиашвили Г. А. 10
 Каландадзе Г. А. 61
 Калинин А. 116
 Калнынь А. 379
 Калоев Г. Э. 33
 Калугина Н. 124
 Камалов С. 11
 Камешков Б. Н. 355
 Кан-Шаргородская Х. А. 90
 Канкава М. В. 137
 Каплан М. А. 47
 Карабаглы А. 164
 Карагюлян Э. Г. 377
 Караджич В. 135
 Карелина Т. С. 4
 Кароматов Ф. 103
 Каррыев С. А. 114
 Касаткина В. Н. 251
 Каstellи Н. Н. 252
 Касымзаде (Касимов) Ф. 318
 Касымов Г. 62
 Кацнельсон Д. Б. 356
 Кеведо Ф. 369
 Кемине 303
 Кирдан Б. П. 91
 Киреев А. Н. 12
 Кирейко В. Д. 378
 Ключев С. М. 195
 Ковалев В. А. 253
 Ковалева К. В. 173
 Коваленко С. А. 254
 Кожевников Е. И. 196
 Козланик П. 306
 Колосова Т. С. 197
 Кольцов А. В. 195, 196, 206
 Комаринец Ф. И. 319
 Комитас 55, 372, 375
 Кон Л. Ф. 255
 Кондюрина Э. Ф. 256
 Коптелов А. Л. 263
 Копыстьянская Н. Ф. 357
 Кор-оглы Х. Г. 34
 Корбе О. А. 2, 27, 47, 72
 Короленко В. Г. 205
 Котетишвили П. А. 320
 Котляров Б. Я. 13
 Кохно И. П. 257
 Кошбук Г. 316, 343
 Кралина Н. П. 174
 Красильников Н. В. 258
 Красинская Л. Э. 379
 Крейгвальд Ф. Р. 152
 Крылов И. А. 188, 189, 191
 Кубилюс В. 76
 Кувенева А. Ф. 104
 Кудирка В. 324
 Кудряшов С. А. 198
 Кудряшова Е. И. 259
 Кузнецов И. Ф. 260
 Куканов А. М. 199
 Кулачиков-Элляй С. Р. 338
 Куликова Э. Ф. 261
 Кулинич А. В. 262
 Купреянова В. Н. 263
 Курдадзе Ш. И. 321
 Кучак Н. 79
 Кюссе Р. Ф. 358
 Ладыгина А. Б. 380
 Ланда Е. В. 359

- Ландау Е. И. 115
 Ларченко М. Г. 322
 Латухина Н. А. 264
 Лебедев-Кумач В. И. 385, 386, 394
 Лебедис Ю. 323
 Лебенка Ю. 324
 Левина А. А. 200
 Левит С. И. 388
 Лежава Л. Г. 156
 Леонидзе Г. 320, 321
 Леонов Л. М. 253, 285
 Лесь-Стеценко Л. 325
 Линтур П. В. 116
 Липец Р. С. 27
 Лобикова Н. М. 201
 Логунова В. В. 71
 Ломоносов М. В. 171
 Лорткпанидзе А. Г. 326
 Лосберг М. Я. 138
 Лукаш Н. Ф. 92
 Лукин В. И. 170
 Луконин А. Ф. 202
 Лукьянов П. Х. 265
 Лупанова И. П. 41
 Львов Н. А. 140
 Лысенко Н. В. 374а
 Людкевич С. Ф. 376
 Лядов А. К. 381
 Макаров В. А. 391
 Макаровская Г. В. 266
 Макина М. А. 267
 Малинова К. В. 268
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 221
 Мамыров М. Ч. 327
 Марканова Ф. А. 203
 Маркушевский П. Т. 93
 Мартынова В. В. 389
 Маяковский В. В. 235, 250, 255, 269—
 271, 282, 284, 298, 338
 Мгвимели Ш. 326
 Мелконян С. А. 328
 Мельникова Е. А. 204
 Меньшиков Л. Н. 360
 Месяцева Г. И. 175
 Метченко А. И. 269
 Миксон Е. К. 205
 Микушев А. К. 105
 Миминошвили Р. С. 361
 Митропольская Н. К. 28
 Михайлов Г. И. 362
 Михайлов М. К. 381
 Михайлова Т. Н. 382
 Михалков С. В. 274
 Мицкевич А. 356
 Можасва В. О. 363
 Моисеева А. А. 206
 Моисеева Г. Н. 169
 Молдавский Д. М. 270
 Молдо Т. 120
 Мордвинцев А. А. 271
 Моричева М. Д. 364
 Моролев П. М. 272
 Мохирев И. А. 273
 Мукими М. А. 344
 Мухина С. Л. 207
 Назар-оглы И. Ш. 119
 Назаров Р. 94
 Назинян А. М. 329
 Найденов Б. С. 165
 Напольский С. И. 208
 Недилько Г. Я. 330
 Некрасов Н. А. 176, 179, 187, 197, 200,
 211, 215, 298
 Нечаева О. А. 274
 Нечитайюк М. Ф. 331
 Никитин И. С. 198
 Никитина В. Б. 332
 Николаева Н. В. 209
 Никольский С. В. 139
 Никулина Н. И. 140
 Новиков Н. В. 141
 Новикова А. М. 210
 Ногмов Ш. 340
 Нудель Я. (Нальский Я.) 117
 Нурджанов Н. 72
 Нурмагамбетова О. А. 118
 Озол А. Я. 142
 Окрошидзе Т. Д. 14
 Ольбрахт И. 357
 Ончуков Н. Е. 157
 Орлов О. В. 75
 Островский А. Н. 202
 Охитин В. Г. 275
 Павлий П. Д. 35
 Павлишин С. 383
 Пароникян Э. М. 276
 Петр Первый 1
 Петрикина Н. С. 157
 Петров С. В. 68
 Петрова И. Ф. 390
 Петровская Н. И. 277
 Петрухин А. И. 15
 Петухова Т. Н. 211
 Пехтелев И. Г. 143
 Пеэгел Ю. М. 158
 Пино В. 63
 Пинчук С. П. 16
 Пискунов В. М. 278
 Питина С. 391
 Плесовский Ф. В. 48
 Погодин А. С. 365
 Подъячев С. П. 208, 214
 Поздняева Э. М. 279
 Покровская Л. А. 64
 Поликанов А. А. 392
 Полотай А. М. 280
 Поляков А. Ф. 281
 Полянская Е. С. 333
 Попов В. А. 282
 Попов С. В. 125
 Порошкова И. Л. 84
 Потапов В. С. 283
 Потенба А. А. 127
 Потье Э. 367
 Потявин В. М. 144
 Правдина И. С. 284
 Прокофьев А. А. 245
 Прокудин С. Б. 285
 Пронь Н. А. 212
 Пугачев Емельян 240, 286
 Пузей К. С. 366
 Пушкин А. С. 178, 180, 181, 184, 193,
 199, 201, 212, 217, 220, 223

- Радек Л. С. 145
 Радищев А. Н. 172, 199
 Разин Степан 280
 Разумова А. П. 146
 Райнис Я. 337
 Рахимов Н. 334
 Рейсер С. А. 147
 Ремизов А. 367
 Репухова Н. В. 95
 Ровда В. 51
 Руденко М. В. 335
 Рудченко И. Я. 154
 Русакова А. Я. 286
 Рыбников П. Н. 146
- Сабиров А. 119
 Салагаева Э. М. 336
 Салих А. 114
 Салтыков-Щедрин М. Е. 185, 186, 190, 194, 216, 219
 Сатылганов Т. 78
 Саят-Нова 7, 80
 Свимпул-Сокол Э. П. 337
 Севрюгина Л. В. 368
 Сейдов М. А. 80
 Сейдов Н. Х. 49
 Сейдов Ф. 17
 Сельванюк Р. М. 148
 Семенов В. А. 338
 Семенова В. И. 287
 Сергиевская А. В. 126
 Сидельников В. М. 52
 Симоненко Л. Н. 288
 Синченко Г. И. 85
 Сироткин М. Я. 339
 Сичинский Д. В. 383
 Скрובה А. М. 213
 Смианова-Мизандари Д. 65
 Смирнова Н. С. 18
 Сокольская А. Л. 289
 Сохор А. Н. 393
 Спендиаров А. 371, 374
 Спивак И. А. 290
 Станевича С. 323
 Стеблин-Каменский М. И. 22
 Степанов П. И. 291
 Степовой Я. С. 382
 Степунин И. Г. 292
 Суворова Д. М. 369
 Судрабкал Я. 302
 Сумароков А. П. 173
 Суразаков С. С. 36
 Сурков А. А. 238, 244, 262, 385
 Сухарев А. А. 293
- Тарасенкова Е. Ф. 42
 Тарасов В. Т. 96
 Таштемиров Д. 120
 Твардовский А. Т. 232, 237, 254, 257, 273, 290, 294, 295, 298
 Тедре Ю. М. 66
 Титова Э. Д. 149
 Тиханчева Е. П. 214
 Тихомирова В. А. 159
 Токомбаев А. 342
 Толмачев М. П. 294
- Толстой А. Н. 224, 225, 231, 251, 266, 267, 287—289, 296
 Толстой Л. Н. 183, 209, 218
 Тресков И. В. 340
 Туманян Н. О. 341
 Туманян О. 328, 341
 Тургенев И. С. 203
 Тэн А. Н. 24
- Украинка Л. 333
 Уметалиев Ш. 342
 Унгвицкая М. А. 19
 Успенский Г. И. 204
 Ухов П. Д. 29
 Ухова-Соломина Л. А. 166
- Фатьянов А. И. 385
 Фахрадов Ф. К. 37
 Федорова Г. Л. 215
 Федосова И. А. 81
 Фелицина В. П. 160
 Фешин И. Н. 394
 Филиппов В. С. 216
 Филипповская И. А. 161
 Фокин Н. И. 217
 Франко И. 308, 311, 331, 350
 Френкель С. М. 343
 Фролова Г. Г. 86
 Фурманов Д. А. 272, 291
- Хамдамов Ж. 344
 Хани А. 335
 Хасенов М. 121
 Хачатурян А. И. 377
 Хвыла Л. К. 295
 Хетагуров К. 336
 Хинтибидзе А. Г. 345
 Хмельницкий Богдан 16
 Хоменко В. Г. 106
 Хосров Н. 332
 Худойдод-Зода Б. Ю. 117
 Хурмеваара А. Г. 346
- Цанава А. В. 20
 Цапенко И. П. 38
 Циванюк Н. А. 167
- Чавтараяева У. Б. 218
 Чапыгин А. П. 226, 230, 280
 Челаковский Ф. Л. 139
 Черапкин Н. И. 122
 Черкасова М. 73
 Чернов В. И. 74
 Чернова Л. П. 219
 Черных Л. В. 150
 Черных С. Я. 347
 Чернышевский Н. Г. 134
 Черторижская Т. К. 296
 Чижик-Полейко А. И. 297
 Числов К. В. 81
 Чубинский П. П. 154
 Чулков М. Д. 148, 175
 Чумбалова Г. А. 151
 Чунгаев Я. 348
 Чхеидзе А. И. 220
- Шалабеков Д. 77
 Шандровская В. С. 25

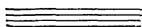
- Шаракшинова Н. О. 39
 Шарафутдинов О. 349
 Шахматов А. А. 153
 Швец А. В. 221
 Шевцов Л. К. 298
 Шевченко Т. Г. 319, 325, 330
 Шейн П. В. 141
 Шейнман-Топштейн С. Я. 370
 Шенгелия И. 26
 Шестопал М. М. 87
 Шешин М. В. 222
 Шишков В. Я. 240, 246, 247, 249, 256,
 261, 264, 275, 283, 286
 Шкетан М. 347
 Шлионский Л. И. 223
 Шнеерсон М. А. 299
 Шолохов М. А. 241, 243, 301
 Шохин К. В. 300
 Шрамм А. Н. 162
 Шуст Я. И. 82
- Шеголь Н. Т. 123
 Шурат С. В. 350
- Элиасов Л. Е. 97
 Эмин Ф. А. 175
 Эрко Ю. Х. 346
 Эфендиев П. Ш. 40
- Юденич Н. Н. 395
 Юджевич Л. Г. 396
 Юзелинас В. Л. 384
 Юлдаш-оглы Ф. 112
 Юсупов Э. Г. 351
- Якименко Л. Г. 301
 Яловой Ф. М. 108
 Янкина Л. И. 53
 Янсен Э. А. 152

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ

- Азербайджанцы 5, 7, 8, 17, 40, 49, 62,
 73а, 80, 164, 318,
 Алтайцы 36, 263
 Армяне 7, 37, 54, 55, 79, 328, 329, 341,
 371, 372, 374, 375, 377
 Афганцы 21
- Башкиры 351
 Белоруссы 46, 84, 96, 141, 305, 310, 322
 Болгары 68, 366
 Бурят-монголы 31, 39, 43
- Гагаузы 64
 Греки 25, 26, 304, 353, 361, 370
 Грузины 5, 10, 14, 20, 61, 65, 156, 304,
 313, 320, 321, 326, 345
- Датчане 365
- Исландцы 23
 Испанцы 369
- Кабардинцы 340
 Казахи 18, 32, 59, 77, 109—111, 113,
 115, 118, 121, 151
 Каракалпаки 9, 11
 Киргизы 30, 78, 120, 327, 342
 Китайцы 73, 360
 Коми 48, 105
 Корейцы 24
 Курды 335
- Латыши 57, 58, 136, 138, 142, 302, 317,
 337, 379
 Литовцы 45, 76, 314, 315, 323, 324, 384
- Марийцы 347
 Молдаване 13, 316, 343
 Монголы 31, 352, 355, 362
 Мордва 60, 122
 Мьяо 22
- Нанайцы (гольды) 47
 Немцы 359
- Норвежцы 364
- Осетины 33, 336
- Поляки 356
- Румыны 316
 Русские 1—4, 27—29, 38, 41, 42, 50—53,
 70, 74—76, 81—83, 86, 88—91, 95, 97,
 98, 124, 126, 128, 129, 131—134,
 136, 137, 139—141, 143—150, 153,
 155, 157, 159—163, 165—301, 341,
 381, 385—396
- Сербы 67, 135, 354, 358, 363
 Сету (сетукезы) 56
- Таджики 6, 72, 99, 117, 309, 332
 Татары 201, 307
 Тувинцы 44
 Туркмены 34, 94, 114, 303, 348
- Узбеки 103, 112, 119, 334, 344, 349
 Украинцы 16, 35, 38, 82, 85, 87, 92, 93,
 100—102, 104, 106—108, 116, 123,
 127, 130, 154, 306, 308, 311, 312,
 319, 325, 330, 331, 333, 350, 357,
 373, 374а, 376, 378, 382, 383
- Финны 346
 Французы 367
- Хакасы 19
- Чехи 139, 357
 Чуваши 15, 339
- Шотландцы 368
- Эстонцы 63, 66, 152, 158
- Якуты 338
 Японцы 71

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Статьи и исследования	
<i>Н. Ф. Бабушкин.</i> Фразеологические обороты в сочинениях В. И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова)	5
<i>М. О. Скрипиль.</i> Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII веков)	22
<i>А. Н. Лозанова.</i> Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества (от XVIII века до кануна Великого Октября)	39
<i>А. Д. Соймонов.</i> К вопросу о периодизации народного поэтического творчества советской эпохи	49
<i>Б. Н. Путилов.</i> О некоторых проблемах изучения исторической песни	63
<i>А. В. Позднеев.</i> Лирические песни XVII века. (К вопросу о репертуаре)	78
<i>П. Д. Ухов.</i> Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова	97
<i>В. Е. Гусев.</i> К спору об авторе песни «Славное море...»	116
<i>Э. С. Лигвин.</i> Фольклорные источники «Сказа о тульском Косом Левше и о стальной блохе» Н. С. Лескова	125
<i>Н. Ф. Матвейчук.</i> Пословицы и поговорки в повести Горького «Фома Гордеев»	135
Материалы и публикации	
<i>В. Г. Базанов.</i> И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский. (К истории русской фольклористики)	155
<i>В. Я. Пропп.</i> Текстологическое редактирование записей фольклора	196
<i>Т. А. Шуб.</i> Былины русских старожиллов низовьев реки Индигирки	207
Хроника	
<i>А. М. Астахова.</i> Совещание по вопросам изучения русского народного поэтического творчества	239
Научная жизнь	
<i>Н. В. Новиков, О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов.</i> Сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1954—1955 годах (282). <i>И. М. Шотт.</i> Сектор народного творчества народов СССР Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР (289). <i>Э. В. Померанцева.</i> Кафедра фольклора Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова (292). <i>С. И. Минц.</i> Сектор фольклора Государственного Литературного музея (294). <i>Ф. И. Лавров.</i> Институт искусствоведения, фольклора и этнографии Академии Наук УССР (296). <i>А. И. Мискаев.</i> Собрание и изучение фольклора в Мордовии за 1954—1955 годы (298). <i>А. Микушев.</i> Изучение фольклора в Крми АССР (300). <i>А. М. Астахова</i> (к 70-летию со дня рождения) (303). <i>Список работ А. М. Астаховой</i> (305).	
Библиография	
<i>М. Я. Мельу.</i> Библиография авторефератов диссертаций по проблемам народного поэтического творчества	313

*Утверждено к печати
Институтом литературы (Пушкинский Дом)
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Г. И. Зиксес*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректоры *Н. Г. Гилинская и Т. М. Юдина*

*

РИСО АН СССР № 476—99В. М-43213.
Подписано к печати 5 ноября 1956 г. Бу-
мага 70×108¹/₁₆. Бум. л. 213/4. Печ. л. 29,79.
Уч.-изд. л. 30,03. Тираж 4000. Зак. 810.
Цена 19 руб.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
41	18 сверху	собирательский	собирательный
46	21 „	планет	плане
181	13 снизу	Некто иной,	Не кто иной,
223	22 сверху	повиперёдал,	повиперёдал,
261	2 снизу	А. Татариновой	Н. Татариновой